

**Российская академия наук
Сибирское отделение
ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ В СИБИРИ**

№ 2, 2010 г.

СОДЕРЖАНИЕ

К 65-ЛЕТИЮ ПОБЕДЫ В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

<i>Исупов В.А.</i> Людские ресурсы Западной Сибири в годы Второй мировой войны	3
<i>Щербин Н.М.</i> Военно-воздушные силы Красной Армии накануне Великой Отечественной войны (1939–1941 гг.)	7
<i>Романов Р.Е.</i> Трудовая деятельность рабочей молодежи в отраслях оборонного комплекса Западной Сибири в военные годы (1941–1945)	11
<i>Букин С.С.</i> Промышленный комплекс по производству боеприпасов на станции Заводской	15
<i>Шалак А.В.</i> Особенности и формы мотивации труда в индустриальном секторе народного хозяйства Восточной Сибири (1941–1945 гг.)	19
<i>Иванов С.Н.</i> Материально-техническое обеспечение военных училищ Наркомата обороны СССР на территории Сибирского военного округа в годы Великой Отечественной войны	23
<i>Снегирева Л.И.</i> Эвакуация детей в Западную Сибирь (1941–1945 гг.)	28

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

<i>Каменецкий И.П., Резун Д.Я.</i> Озеро Ямыш как зона политического и хозяйственного взаимодействия народов в XVII в.	32
<i>Лысенко В.Я.</i> Православное и исламское миссионерство в казахской степи: сравнительный анализ организации и методов деятельности (конец XIX – начало XX вв.)	36
<i>Тункина И.В.</i> Неосуществленные проекты Г.В. Вернадского 1915–1917 гг. по истории России XVIII в.	40
<i>Петин Д.И.</i> Денежное обращение и финансовая политика советской власти в Сибири в 1919–1920 гг.	44
<i>Тимошенко А.И.</i> Советские инициативы в Арктике в 1920-е гг. (К вопросу о стратегической преемственности.)	48
<i>Ильиных В.А.</i> Поездка Л.М. Кагановича в Сибирь в апреле 1930 г.: санация «головокружения»	52
<i>Есиков С.А.</i> Крестьянское движение в Центральном Черноземье в период массовой коллективизации	65
<i>Кондрашин В.В.</i> Документы российских архивов о голоде 1932–1933 гг. в СССР	60
<i>Корнилов Г.Е.</i> Голод 1932–1933 гг. на Урале: факторы и масштабы	65
<i>Kigotiya N.</i> Stalin and the soviet narod	70
<i>Долголюк А.А., Цыкунов Г.А.</i> Территориально-производственные комплексы: прошлое и настоящее	76

СООБЩЕНИЯ, НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>Казакова-Анкаримова Е.Ю.</i> Благородные собрания Перми и Екатеринбурга в XIX – начале XX в.	81
<i>Ерохин В.В.</i> Становление Православной Церкви в Приморье во второй половине XIX в.	84
<i>Шевцов В.В.</i> «Томские губернские ведомости» в деле «сибирских сепаратистов» (1863–1865 гг.)	88
<i>Вивдыч М.А.</i> Экспансия иностранного капитала в железнодорожное строительство на Дальнем Востоке России (1902–1907 гг.)	91
<i>Лыскова В.Ц.</i> Из истории архивного дела в Байкальском регионе (1917–1922 гг.)	95
<i>Есикова М.М.</i> Колхозная жизнь в Центральном Черноземье начале 1930-х гг.	99
<i>Орлов Д.С.</i> Специализация и межхозяйственная кооперация в животноводстве Алтайского края в середине 1960-х – первой половине 1980-х гг.	101
<i>Адамова О.А., Чернов Д.В.</i> Исследования молодежи в России в XX в.	104
<i>Катионов О.Н.</i> Рец на кн.: Миронов Б.Н. Благополучие населения и революция в имперской России: XVIII– начало XX века. М.: Новый хронограф, 2010. –911 с.: ил., табл.	107
<i>Рынков В.М.</i> Рец на кн.: Шацилло М.К. Российская буржуазия в период Гражданской войны и первые годы эмиграции (1917 – начало 1920-х гг. / отв. ред. И.М. Пушкарева. – М.: Наука, 2008. – 342 с.	109
<i>Туманик Е.Н.</i> Рец на кн.: Сибирь и декабристы. Вып. 6. – Иркутск: Иркутский музей декабристов, 2009. – 344 с.: ил.	111
VII Всероссийская научная конференция «Культура и интеллигенция России: инновационные практики, образы города. Юбилейные события. Историческая память», посвященная 35-летию Омского государственного университета имени Ф.М. Достоевского (Омск, 20–22 октября 2009 г.) (Томилини Н.А., Рыженко В.Г.)	112
Поздравляем юбиляра. К 80-летию Н.Н. Покровского	115
Summary	119

**ВСЕРОССИЙСКИЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
«ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ В СИБИРИ»**

Издается с января 1994 г.
Выходит четыре раза в год

У ч р е д и т е л и: **Сибирское отделение РАН;
Институт истории СО РАН**

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Чл.-кор. РАН *В.А. Ламин* (председатель совета, Новосибирск), академик РАН *В.В. Алексеев* (Екатеринбург), чл.-кор. РАН *Б.В. Базаров* (Улан-Удэ), доктор *Ч. Дашидаваа* (Улан-Батор, Монголия), д-р ист. наук *Н.И. Дроздов* (Красноярск), д-р ист. наук *В.П. Зиновьев* (Томск), д-р ист. наук *В.А. Ильиных* (Новосибирск), д-р ист. наук *О.Н. Катионов* (Новосибирск), д-р ист. наук *Ю.Ф. Кирюшин* (Барнаул), академик РАН *В.И. Молодин* (Новосибирск), академик РАН *Н.Н. Покровский* (Новосибирск), чл.-кор. РАН *Е.К. Ромодановская* (Новосибирск), д-р ист. наук *Н.А. Томлюв* (Омск), доктор *Е.Б. Сыдыков* (г. Семей, Республика Казахстан), д-р ист. наук *М.В. Шилловский* (Новосибирск), д-р ист. наук *А.Х. Элерт* (Новосибирск)

РЕДКОЛЛЕГИЯ

Главный редактор д-р ист. наук *В.А. Ильиных*
Ответственный секретарь канд. ист. наук *Д.А. Ананьев*

Д-р ист. наук *Н.Н. Аблажей* (зам. гл. редактора), канд. ист. наук *С.Н. Андреенков*, д-р ист. наук *С.С. Букин*, д-р ист. наук *Н.С. Гурьянова*, д-р ист. наук *В.И. Исаев*, д-р ист. наук *В.А. Исупов*, д-р ист. наук *С.А. Красильников*, д-р ист. наук *Л.В. Курас*, д-р ист. наук *В.Е. Ларичев*, д-р ист. наук *С.Н. Лютов*, д-р ист. наук *Н.П. Матханова*, д-р ист. наук *С.П. Нестеров*, д-р ист. наук *А.Л. Посадсков*, канд. ист. наук *В.М. Рынков* (зам. гл. редактора)

А д р е с р е д а к ц и и: 630090 Новосибирск, ул. Николаева, 8,
Институт истории СО РАН, к. 301, тел. 330–24–31.
<http://www-psyb.ad-sbras.nsc.ru>
agro@history.nsc.ru
З а в р е д а к ц и е й *Смирнова Вера Ивановна*

Журнал зарегистрирован в Министерстве печати и информации РФ 17.06.93 г. № 0110807

Редактор *В.И. Смирнова*
Компьютерная верстка и макет *Е.Н. Зимица*

Подписано к печати 22.03.10. Формат 60×84 1/8. Офсетная печать.
Усл. печ. л. 16,0. Уч.-изд. л. 16,0. Тираж 500 экз. Заказ № 108.

Издательство СО РАН, 630090 Новосибирск, Морской проспект, 2

К 65-ЛЕТИЮ ПОБЕДЫ В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

В.А. ИСУПОВ

ЛЮДСКИЕ РЕСУРСЫ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В ГОДЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Институт истории СО РАН, Новосибирск
e-mail: Vladimir_2004_@mail.ru

В статье подведены итоги многолетнего исследования людских ресурсов Западной Сибири в годы Второй мировой войны. Показана военно-мобилизационная работа государства, вскрыты последствия масштабных воинских призывов, выявлены основные принципы привлечения населения к труду. Значительное внимание уделено людским потерям, которые понесло население Западной Сибири в 1939–1945 гг.

Ключевые слова: население, война, людские потери, людские ресурсы, людской потенциал, рабочая сила.

Людские ресурсы, использованные Советским Союзом в войне 1939–1945 гг., накапливались на протяжении длительного времени – с конца XIX в. до конца 30-х гг. XX в. Это был сложный и противоречивый период демографической истории России, наполненный событиями, негативно отражавшимися на развитии населения. В 1914–1921 гг., а также в первой половине 1930-х гг. демографическую подсистему страны поразили крупные катастрофы. В эти годы ухудшились все показатели демографического развития. Но в целом уровень рождаемости на протяжении данного периода, трактуемого в статье как этап накопления людских ресурсов, необходимых для ведения «большой войны», оставался достаточно внушительным. В данном случае сказывалась инерция демографического роста, полученная Советским Союзом в наследство от Российской империи. Генеральным вектором смертности (несмотря на резкие подъемы в отдельные годы) было медленное, но все же снижение ее показателей. Советские люди демонстрировали поразительную жизнестойкость и приспособляемость к любым, самым тяжелым условиям существования. В итоге темпы роста численности населения страны были очень высокими.

Перед началом Второй мировой войны Советский Союз обладал самыми крупными в Европе людскими ресурсами. Перепись 1939 г. показала, что в СССР (в границах до 17 сентября 1939 г.) проживало 170,6 млн чел.¹ Население вероятного противника – нацистской Германии (включая Австрию и протекто-

рат Богемию и Моравию) в 1939 г. насчитывало 80,6 млн чел. [1, с. 700]. Совокупная численность населения европейских стран, чьи армии сражались на стороне Германии (Венгрия, Италия, Румыния, Финляндия), составляла накануне войны 77 млн чел. [2, с. 594]. Таким образом, Советский Союз превосходил Третий рейх и его сателлитов по численности населения, а следовательно, по возможностям развертывания вооруженных сил и обеспечения военной экономики рабочей силой.

Людской потенциал Западной Сибири перед началом Второй мировой войны обладал совокупностью позитивных и негативных качеств. Здесь на начало 1939 г. насчитывалось 8,9 млн чел.², причем население было очень молодым. Удельный вес возрастных групп старше 60 лет в населении Западной Сибири не превышал 6,5 %. Вместе с тем, доля мужчин составляла всего 47,3 %. Прослойка мужчин в составе населения Советского Союза была немногим выше – 47,9 % [3, с. 52, 363]. Перекосы в соотношении полов сужали военно-мобилизационные и экономические возможности советского людского потенциала. Однако и в Германии, которая понесла огромные людские потери в годы Первой мировой войны, удельный вес мужской части населения в 1939 г. не превышал 48,3 % [1, с. 700].

Конец 1920-х и особенно 1930-е гг. характеризовались аномально интенсивными процессами урбанизации СССР. И все же уровень урбанизированности

¹ Население СССР. 1987: Стат. сб. М., 1988. С. 8.

² Население России за 100 лет (1897–1997): Стат. сб. М., 1998. С. 52.

как страны в целом, так и Западной Сибири был невысоким. На долю горожан, по данным переписи 1939 г., приходилось: в СССР – 33 %, в западносибирском регионе – менее 30 %³. В стране преобладало сельское население с его патриархальной ментальностью, низким уровнем образования, отсутствием навыков индустриального труда. Это создавало серьезные напряжения при формировании кадров для промышленности, транспорта, новостроек. Экономика испытывала дефицит инженеров, техников и квалифицированных рабочих. Военные сталкивались с трудностями при укомплектовании родов войск, насыщенных техникой. Вместе с тем, эти же факторы в совокупности с повышенной прослойкой молодежи упрощали проблему формирования стрелковых войск. Советская пехота, укомплектованная не очень грамотными, но смекалистыми, неприхотливыми и выносливыми сельскими жителями, в жестоких сражениях Второй мировой войны показала себя с самой лучшей стороны.

С началом войны трансформации людских ресурсов обуславливались возросшей ролью пертурбационных факторов военно-политического характера. Их воздействие определяло аномальные изменения в населении. В Западной Сибири из 8,9 млн мужчин и женщин, бывших живыми на момент переписи 1939 г., до первой послевоенной переписи (январь 1959 г.) не дожили 2,2 млн чел. Мужчины потеряли 32 % от своей довоенной численности, женщины – почти 18 %. Убыль поколения мужчин 1926–1924 гг. рождения достигла в Западной Сибири почти 36 % от их предвоенной численности. Когорта мужчин 1923–1919 гг. рождения потеряла свыше 42 %, 1918–1909 гг. рождения – более 35 % [3, с. 366–367]. Далеко не все из них погибли в ходе боевых действий или скончались из-за ухудшения условий существования в военные годы. Но элиминировать влияние миграций и естественную (если бы не было войны, люди все равно умирали бы) смертность не представляется возможным. Трудная демографическая «судьба» сложилась у детей, рожденных в годы Великой Отечественной войны. В течение 1941–1945 гг. в Западной Сибири на свет появилось 830 тыс. младенцев. Из них 164 тыс. (19,8 %) скончались сразу же после рождения, не прожив и одного года. Дети, родившиеся в военные годы, погибали и в других возрастах. В итоге из всей совокупности поколений, родившихся в 1941–1945 гг., до момента переписи 1959 г. не дожили 32 %, что сопоставимо с потерями фронтовиков [3, с. 366–367]. Эти цифры демонстрируют основную тенденцию динамики демографической сферы Западной Сибири: в военные годы было потеряно особенно много жизней самых маленьких детей и мужчин активных возрастов.

В целом совокупные потери населения Западной Сибири в 1939–1945 гг. превысили 2 млн чел. Из них около 1 млн чел. приходится на боевые потери, при-

мерно 100 тыс. чел. – на косвенные (сверхсмертность гражданского населения в тылу) и чуть более 1 млн – на демографические потери (дефицит рождений).

Важнейшим аспектом использования людских ресурсов в годы войны являлось пополнение армии и флота живой силой. С этой целью в СССР был создан вполне работоспособный механизм, который обеспечивал мобилизацию военнообязанных. Всего за 1941–1945 гг. в Сибирском военном округе было мобилизовано 2,6 млн чел. [4, с. 33]. Алтайский край за 3 года и 4 месяца Великой Отечественной войны отдал фронту почти 500 тыс. чел.⁴ Новосибирская область с июня 1941 г. и до конца 1943 г. выделила для РККА 742 тыс. бойцов⁵. Из Омской области к лету 1944 г. в Красную армию было направлено 476 тыс. чел.⁶ В результате массовых воинских мобилизаций людской потенциал Западной Сибири оказался на грани истощения. Особенно сложной была ситуация в сельской местности, где бронирование военнообязанных использовалось в ограниченном масштабе. Западносибирская деревня отдала армии и флоту большинство мужчин, годных к военной службе.

На фронте советские генералы безжалостно губили одетых в шинели крестьян, рабочих и интеллигентов в огромных котлах и бессмысленных лобовых атаках. Но командование Красной Армии было убеждено в неисчерпаемости людских ресурсов страны и пребывало в уверенности, что тыл пришлет столько живой силы, сколько потребуется. Эта уверенность исходила из заявления Сталина на параде Красной армии 7 ноября 1941 г.: «Наши людские резервы неисчерпаемы» [5, с. 39]. Между тем военкоматы глубокого тыла добывали остатки мужчин, годных к службе в армии. Поиск людей стал одной из важнейших задач военных и гражданских властей. На местах проводились лихорадочные кампании по бронированию рабочих и служащих, по замене на производстве ушедших на фронт мужчин женщинами, подростками, стариками и инвалидами. С целью выявления людских ресурсов, необходимых фронту, организовывались перерегистрации военнообязанных, повторные медицинские освидетельствования, облавы, внезапные ночные проверки документов. Были понижены требования к состоянию здоровья резервистов. Дефицит людских ресурсов вынудил партийных ортодоксов, настаивавших на политическом целомудрии Красной армии, сдавать позиции и значительно сузить границы применения принципа политического и национального отсева. На фронт направлялись заключенные, бойцы рабочих колонн и спецпоселенцы.

Воинские мобилизации на фоне интенсивного наращивания объемов производства способствовали образованию острейшего дефицита рабочей силы. В

⁴ ЦХАФАК. Ф. 1. Оп. 18. Д. 152. Л. 76; Д. 286. Л. 22; Д. 614. Л. 1.

⁵ ГАНО. Ф. П-4. Оп. 7. Д. 40. Л. 26–27.

⁶ ЦДНПО. Ф. 17. Оп. 1. Д. 3913. Л. 22.

³ Население России за 100 лет... С. 52.

экономике Западной Сибири широко использовался принудительный труд бойцов рабочих колонн, заключенных и спецпоселенцев, а в конце войны – военнопленных. Но главным источником, откуда черпалась рабочая сила, являлось гражданское население. В условиях перманентного кризиса военных лет перед государством стояла сложнейшая задача быстрого вовлечения в производство сотен тысяч ранее не занятых женщин, подростков, инвалидов и лиц старших возрастов.

Основным инструментом решения этой задачи сталинский режим избрал тотальный контроль в области использования рабочей силы. Власти акцентировали внимание исключительно на мобилизационной стратегии, развивая тем самым сложившийся еще задолго до войны феномен принудительного труда. Никто не мог уволиться без разрешения руководства. Несанкционированный уход с предприятия расценивался как дезертирство и карался лишением свободы на срок до 8 лет. В соответствии с указом Президиума Верховного Совета СССР от 13 февраля 1942 г. на постоянную работу в промышленность, строительство и транспорт, на сезонные и временные работы, на учебу в школах ФЗО, ремесленных и железнодорожных училищах призывали как на службу в армию. С этой целью в СССР был создан специальный орган – Комитет по учету и распределению рабочей силы, который привлек к трудовой повинности в масштабах СССР – 12 млн чел., в том числе в Западной Сибири свыше 0,5 млн чел. [3, с. 328]. Колхозники, прикрепленные к земле необходимостью получать специальное разрешение на выход из колхоза и под страхом уголовного преследования обязанные отрабатывать минимум трудодней, тоже оказались на положении мобилизованных. Индивидуальный наем рабочей силы на основе свободного решения работника и материальное стимулирование привлечения к труду оказались отодвинутыми на далекую периферию регулирования трудовых отношений.

В этой связи возникает вполне правомерный вопрос: был ли у властей в экстремальных условиях военного времени иной способ привлечения населения к труду помимо принудительно-мобилизационного? Советская историография «по умолчанию» имела в виду, что трудовая повинность являлась результатом чрезвычайщины военного времени. Сегодня ни один серьезный историк не возьмет на себя смелость вынести окончательный вердикт. Но утверждение мобилизационного принципа как основы отношений между монопольным работодателем – государством и бесправными наемными работниками нельзя объяснить только суровыми условиями войны. Несомненно, в военные годы имелись объективные предпосылки, активизирующие тоталитарную конверсию, в том числе и в сфере трудовых отношений. Во-первых, проблему рабочей силы необходимо было решать очень быстро. Фактор времени, острая необходимость максимального ускорить производство вооружения и снаряжения,

стремительно восстановить и запустить эвакуированные предприятия, играли очень большую роль. Во-вторых, государство испытывало нехватку материальных ресурсов, необходимых для обеспечения стратегии не прямых действий по вовлечению людей в производство. Иными словами, ресурсы для материального стимулирования труда были крайне ограничены. В конце концов, элементы тоталитарной конверсии, в том числе и в области трудовых отношений, в период Второй мировой войны мы наблюдаем и в Великобритании, и в США.

Вместе с тем, возразим – вопрос состоит в мере, а она в СССР не была соблюдена. Установки на принудительный труд и мобилизационные формы привлечения к труду были своеобразной советской обыденностью. Они возникли в нашей стране задолго до начала формирования критической ситуации периода Великой Отечественной войны. Еще в 1940 г. феномен принудительного привлечения к труду охватил промышленность, строительство, транспорт, а также сферу профессиональной подготовки рабочих. Государство присвоило себе полномочия прикреплять работников к рабочим местам, перебрасывать их с одного предприятия на другое без их согласия, карать нарушителей трудовой дисциплины не только в административном, но и в уголовном порядке. Не лишним, в данном контексте, будет и упоминание о принудительном труде заключенных и трудпоселенцев. По сути, задолго до вступления нашей страны в «большую» войну, принудительный труд превратился в принцип советского хозяйствования.

Становится очевидным, что феномен принудительного труда в СССР был порождением не столько суровых условий военных лет, сколько результатом действия всей системы сталинского политического режима. Война послужила лишь катализатором. Эта мысль находит свое подтверждение в том факте, что еще долгое время после завершения войны большинство элементов мобилизационной стратегии в основном сохранялись.

Мобилизационный принцип привлечения к труду породил множество проблем, главной из которых была его неэффективность. Руководители крупных оборонных предприятий хорошо усвоили, что ответственные за реализацию трудовой повинности органы мобилизуют столько работников, сколько запросят в своих, часто необоснованных заявках. Производственные задачи в большинстве своем решались не за счет эффективного использования рабочей силы, рационализации производственных процессов и повышения производительности труда, а за счет увеличения числа работников и удлинения рабочего дня. Дополнительно руководители предприятий могли почти неограниченно использовать труд заключенных, бойцов рабочих колонн, а в конце войны и военнопленных. В оборонную промышленность было вовлечено значительно больше людей, чем это требовалось объективно. В таких условиях не только ликвидиро-

вать, но даже существенно ослабить дефицит рабочей силы было невозможно. При этом важно иметь в виду, что он обострялся искусственно, поскольку хозяйственники использовали больше рабочих, а военные – больше солдат, чем объективно требовалось.

Мобилизационная стратегия постоянно генерировала многочисленные социальные напряжения. Руководители предприятий отодвигали на второй план заботы о материально-бытовом устройстве рабочих, о технике безопасности. Невыходы на работу по причинам отсутствия одежды, обуви, заболеваний, а также опоздания, простой из-за отсутствия сырья и энергии, аварии и брак были явным следствием той позиции, которую занимали «красные» директора.

Широкое распространение на предприятиях Западной Сибири получил феномен трудового дезертирства. Люди бежали не от работы, но от невыносимых условий труда и полуголодного существования в промозглых бараках с клопами. Никакие карательные меры вплоть до лишения свободы на длительные сроки не могли остановить поток дезертиров производства. Суды и трибуналы работали с полной нагрузкой, но побег продолжались. Трудовое дезертирство превратилось в самое массовое преступление военных лет. Вследствие повышенной текучести кадров результативность деятельности работников мобилизационных органов была крайне незначительна.

Парадокс военных лет состоял в том, что государству, несмотря на все его усилия и огромный аппарат принуждения, так и не удалось взять под полный контроль сферу трудовых отношений. Стихийный наем рабочих «от ворот», хотя и сократился, но составлял все же значительный сегмент рынка труда. Часть населения вообще сумела избежать как воинской, так и трудовой мобилизации и остаться вне всякого контроля. Эти люди фактически выпадали из социальной структуры советского общества и существовали за счет нелегальных источников дохода.

Стремление директоров получить как можно больше рабочей силы, а военных – как можно больше солдат, породило конфликтный треугольник, в котором участвовали производственники, военные и партийные работники. В начале Великой Отечественной войны власти допустили серьезную ошибку: в ходе двух первых волн мобилизации в армии оказались высококвалифицированные рабочие, инженеры и техники. Теперь хозяйственники всеми законными и незаконными способами скрывали свои кадры от мобилизации. Конкурентная борьба за людские ресурсы между военными и производственниками усиливалась по мере истощения людских ресурсов. Партийные чиновники, к которым участники конфликта обращались как к третейским судьям, занимали паллиативную позицию. В конфликт помимо провинциальных властных структур были втянуты наркоматы и ЦК ВКП(б). Человек – работник и солдат, превратился в объект беспринцип-

ного и циничного торга. Достижение целей войны в СССР обеспечивалось за счет крайнего обесценивания человеческой жизни, колоссального перенапряжения людского потенциала и расточительного, а в сущности преступного, перерасходования людских ресурсов. Экономическая и военная деятельность сталинского режима была сориентирована исключительно на количественные показатели, достигаемые с помощью инструментов мобилизационного характера. Это вело к обострению и без того значительного дефицита людских ресурсов.

Но даже в таких чрезвычайных условиях власти не пытались изменить подход к рядовому человеку. Для понимания сути сталинской политики в сфере использования людских ресурсов принципиально иметь в виду, что все, сделанное в военные годы для сбережения человека – развитие здравоохранения, борьба с эпидемиями, строительство бараков, установление относительно справедливого распределения продуктов питания по карточкам – было сделано вынужденно. Государство преследовало исключительно прагматичные цели. Принимаемые меры, по сути, не были заботой о человеке, а представляли собой технологию поддержки человеческого ресурса как объективно необходимого элемента войны. Человек сам по себе никакой самостоятельной ценности не представлял. Он был всего лишь деталью тяжелой государственной машины, которая время от времени требует смазки. Без минимальной заботы о живой силе промышленность тыла развалилась бы, а армия не была бы укомплектована личным составом. Но политика «технического обслуживания» государственной машины на поверхности явления выступала как «сталинская забота» о людях. Это способствовало формированию многочисленных идеологических мифов, а на бытовом уровне – политических иллюзий у простых людей. Но объективно, и это нельзя не признать, такого рода прагматизм режима немало способствовал сдерживанию темпов падения мощности людского потенциала. Но этот же прагматизм привел к тому, что именно люди стали той жертвой, которую советское государство, без колебаний, не сомневаясь в своем праве, возложило на алтарь Победы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мюллер-Гиллебранд Б. Сухопутная армия Германии 1933–1945 гг. М., 2002.
2. Арнтц Г. Людские потери во Второй мировой войне // Итоги Второй мировой войны. Выводы побежденных. СПб; М., 2002.
3. Исупов В.А. Главный ресурс Победы. Людской потенциал Западной Сибири в годы Второй мировой войны (1939–1945 гг.). Новосибирск, 2008.
4. Население России в XX веке: Исторические очерки. М., 2001. Т. 2.
5. Сталин И.В. О Великой Отечественной войне Советского Союза. М., 1946.

Н.М. ЩЕРБИН

**ВОЕННО-ВОЗДУШНЫЕ СИЛЫ КРАСНОЙ АРМИИ
НАКАНУНЕ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (1939–1941 гг.)**Музей СО РАН,
Институт истории СО РАН
e-mail: museum@sbras.nsc.ru

В статье анализируются мероприятия советского правительства по укреплению Военно-воздушных сил Красной Армии в 1939–1941 гг. На основе изучения состояния подготовки летного состава, работы авиационной промышленности и дислокации авиационных соединений, изменения организационно-штатной структуры Военно-воздушных сил автор делает вывод, что подготовка авиационных частей к боевым действиям велась некачественно и с большим опозданием. Эти негативные факторы отрицательно сказались в первые же дни боевых действий.

Ключевые слова: подготовка летного состава, организационно-штатная структура авиации, авиационный парк Военно-воздушных сил.

Начиная с лета 1940 г., фашистская Германия планомерно готовилась к войне с СССР. Гитлер, выступая перед высшим генералитетом вермахта в ставке, в Бергхофе, 31 июля 1940 г., заявил: «Россия должна быть ликвидирована. Срок – весна 1941 года...». Не зная тогда об этом, обсуждались возможные варианты войны с Германией и в Генеральном штабе Красной Армии. Особый вклад в их определение внесло совещание высшего командования Красной Армии, проведенное в конце декабря 1940 – начале января 1941 г. маршалом Советского Союза С.К. Тимошенко. На нем обсуждались вопросы использования всех видов Вооруженных сил в войне, в том числе и Военно-воздушных сил. Особый интерес у собравшихся вызвал доклад генерала Г.К. Жукова «Характер современных наступательных операций», в котором он, отдавая приоритет танковым и механизированным войскам, не только торопил Наркомат обороны с формированием 20 механизированных корпусов к имеющимся уже в строю 9, но и предъявлял претензии к авиационной промышленности, касавшиеся выпуска новых типов самолетов [1, с. 89, 91–93, 96–97]. Был заслушан доклад начальника Главного управления ВВС генерала П.В. Рычагова «Военно-воздушные силы в наступательной операции в борьбе за господство в воздухе». Выступили и другие известные военачальники. Однако единой точки зрения по ряду вопросов оперативного применения ВВС в войне, особенно по вопросам борьбы за господство в воздухе, среди руководящего состава на тот момент еще не было. Некоторые участники совещания, преувеличивая весьма ограниченный боевой опыт войны в Испании и свой личный опыт, недооценивали действия ВВС фашистской Германии по быстрому разгрому

польской и французской авиации, что было достигнуто главным образом благодаря внезапным массированным ударам по аэродромам. Подводя итоги совещания, С.К. Тимошенко одобрил основные положения представленных докладов, а по некоторым из них сделал замечания. В частности, касаясь авиации, он сказал, что в использовании ВВС в операциях имеется большой накопленный опыт, но он не обобщен и не изучен, и у руководящего состава ВВС нет единства взглядов на такие вопросы, как построение и планирование операций, оценка противника, методика ведения воздушной войны и т.д. [2, с. 32, 33].

Осознавая, что у немцев неплохая авиация, Сталин и его окружение после некоторых колебаний и промедлений пересмотрели ранее принятый план развития ВВС на третью пятилетку в сторону сокращения сроков его исполнения и увеличения общего количества боевых самолетов. Планировалось сформировать в 1941 г. более 100 авиационных полков. Намечалось это сделать к концу 1941 г. и частично – в начале 1942 г. [3, с. 19]. В связи с этим в декабре 1940 г. был установлен новый принцип набора курсантов – из очередных призывов в Красную Армию, а с 25 февраля 1941 г. вводилась новая система подготовки кадров на период мирного и военного времени. Подготовку летчиков предусматривалось осуществлять в трех типах школ: в военных авиашколах первоначального обучения со сроком обучения в мирное время – четыре и в военное время – три месяца; в военных школах пилотов, где продолжительность учебы намечалась в мирное время – девять и в военное время – шесть месяцев; в авиационных училищах со сроком обучения в мирное время – два и в во-

енное время – один год. Штурманский состав предполагалось готовить в авиационных школах стрелков-бомбардиров и в авиационных училищах. Были организованы учебные заведения для повышения квалификации летного состава: курсы командиров эскадрилий, высшие школы авиационных штурманов [4, с. 111], и, кроме уже функционирующих Военно-воздушной академии им. профессора Н.Е. Жуковского и авиационного отделения Военной академии им. М.В. Фрунзе, в марте 1940 г. на базе командного и штурманского факультетов академии им. Н.Е. Жуковского была создана Академия командного и штурманского состава ВВС. Весной 1941 г. в Ленинграде открылась Военно-воздушная инженерная академия, были организованы курсы усовершенствования инженерного состава, Высшие тактические курсы по подготовке офицеров штабов. Политработники обучались в Военно-политической академии им. В.И. Ленина [3, с. 17,18]. Кадры готовились также в 78 летных и 18 технических авиационных школах и училищах [5, с. 204].

Центральный Комитет ВКП (б) и Советское правительство, признавая возрастающую роль авиации в вооруженной борьбе, а также реально оценивая низкие возможности производственной базы, в начале 1939 г. создали самостоятельный Наркомат авиационной промышленности, в состав которого вошли 86 заводов, 9 научно-исследовательских институтов и конструкторских бюро, 5 строительных трестов, 7 вузов и 15 техникумов с 272,2 тыс. работающими [6, с. 10]. В июне 1939 г. была принята программа реконструкции моторных заводов, в сентябре – новые планы строительства и реконструкции самолетостроительных заводов¹. Эти меры увеличили число выпускаемых самолетов. Если в 1939–1940 гг. в стране производилось в среднем по 20 машин в сутки, то к началу войны – уже 50 [7, с. 119].

В истребительной авиации к числу устаревших самолетов относились И-15 бис, И-16, И-153, в бомбардировочной – ТБ-3, ДБ-3ф, СБ. Они уступали немецким истребителям по скорости полета и вертикальному маневру. Эти самолеты вначале не вызвали беспокойства у руководства страны, но когда оно осознало, чем это чревато, приступили к производству новых самолетов, но время было упущено. В столь короткий срок перестроиться на массовый выпуск новых машин авиапромышленность не успела. В 1940 г. заводы произвели всего 86 истребителей, новых два пикирующих бомбардировщика Пе-2 и не отправили в авиационные части ни одного штурмовика Ил-2. Поэтому на начало войны в составе ВВС западных приграничных военных округов еще находилось много устаревших самолетов, например, истребителей И-16 – 1762, истребителей И-153 – 1549 шт. [2, с. 16]. Авиационной промышленности

необходимо было выйти на новый уровень, совершить качественный скачок, чтобы не только не уступать самолетам фашистской Германии, но и превзойти их. И такая работа велась, но медленно. Это обстоятельство и сложная обстановка на западных границах страны побудили ЦК партии и СНК в апреле 1941 г. принять меры для резкого увеличения темпов выпуска новой продукции. Благодаря этому в первой половине 1941 г. ВВС получили 1946 скоростных истребителей (Як-1, МиГ-3, ЛаГГ-3), 458 Пе-2 и 249 Ил-2 [8, с. 58–59] и сформировали к началу боевых действий 19 авиаполков, вооруженных новыми типами самолетов.

Накануне войны Военно-воздушные силы были переведены с бригадной организации на полковую и дивизионную, имели в своем составе к середине 1941 г. 53,4 % истребителей, 41,4 % бомбардировщиков и штурмовиков, 3,2 % самолетов-разведчиков, 2 % самолетов вспомогательной авиации строились как самостоятельный вид Красной Армии. 13,5 % самолетов принадлежали авиации Главного командования; 40,5 % – фронтовой; 43,7 % – армейской; 2,3 % – войсковой [2, с. 18, 23]. Но, к сожалению, не была ликвидирована двойственность в управлении авиацией, что очень мешало концентрации ее усилий и снижало ударную мощь ВВС и мобильность [8, с. 57–59]. На 1 мая 1941 г. из 106 авиационных полков успели перевооружиться на новые типы самолетов только восемь (пять – на МиГ-3, один – на ЛаГГ-3, два – на Як-1). Основным типом фронтового бомбардировщика являлся принятый на вооружение в 1934–1935 гг. самолет «СБ», уступавший немецкому бомбардировщику Ю-88 и Хе-111 в максимальной скорости полета примерно на 50 км в час, а в бомбовой нагрузке и дальности полета – в 2 раза [3, с. 9–10]. К 22 июня 1941 г. в ВВС было сформировано 79 авиационных дивизий и пять авиационных бригад. Основным тактическим соединением стала авиационная дивизия преимущественно смешанного состава. Число авиационных полков увеличилось к июню 1941 г., по сравнению с началом 1939 г., более чем на 80 % [9, с. 10].

В ноябре 1940 г. произошли изменения в трех армиях особого назначения (АОН) Главного командования. Они были переформированы в пять бомбардировочных авиационных корпусов, в состав каждого из которых вошли по две авиационные дивизии с двумя полками в каждой, и три отдельные авиационные дивизии, а вскоре было начато и формирование по одной истребительной авиационной дивизии дальнего сопровождения в каждом из корпусов. На вооружении дальнебомбардировочной авиации, предназначавшейся для решения самостоятельных оперативно-стратегических задач, имелись самолеты: ДБ-3 – до 86 %, ТБ-3 – 14 %. Новейших самолетов ТБ-7 (Пе-8) в строевых частях было всего 11.

Из 82 полков ближнебомбардировочной авиации по состоянию на 1 июня 1941 г. (кроме того, было 29

¹ ГАНО. Ф. П-4. Оп. 5. Д. 1. Л. 22.

Состав ВВС западных приграничных военных округов на 22 июня 1941 г. [2]

Военный округ	Авиадивизии				Авиаполки*					КА
	БАД	ИАД	САД	Всего	БАП	ИАП	ШАП	Развед.	Всего	
ЛенВО	1	3**	4	8	9/1	13/4	1	1	24/5	4
ПриОВО	–	1	4	5	8/1	8/3	2/1	1	19/5	9
ЗапОВО	2	1***	3	6	13/2	12/5	2/1	2	29/8	8
КОВО на 1.06.1941	3	2	5	10	11/4	17/5	2/1	2	32/10	11
ОдВО на 1.06.1941	–	–****	3	3	7/2	7/4	–	1	15/6	4

*В числителе показано всего авиационных полков, в знаменателе – перечислялись на самолетах новых типов.

**В том числе две ИАД ПВО.

***Формировались две ИАД и одна БАД.

****Формировались две ИАД.

полков АДД) только один полк был полностью укомплектован новыми самолетами Пе-2, два полка находились в стадии перевооружения на этот тип самолета, восемь полков были вооружены самолетами Су-2, а 71 полк – устаревшими самолетами СБ.

Як-1 поступил на вооружение в 1941 г. Он имел мощность в 1050 л.с. Дальность полета – 1000 км. Развивал скорость до 620 км/час. Поднимался на высоту до 9600 м. Он был вооружен одной двадцатимиллиметровой пушкой и двумя 7,62-миллиметровыми пулеметами.

В 1941 г. на вооружение в Красную Армию поступил самолет «ЛАГГ-3». Он имел мотор мощностью в 1050 л.с., мог набирать высоту не более 9600 м, развивать скорость до 549 км/час, преодолевать 556 км без дозаправки, нести боевую нагрузку не более 200 кг. На его вооружении имелись одна 20 мм пушка, два пулемета, один из которых – калибра 12,7 мм, другой – 7,62 мм.

Миг-3 поступил в войска в 1941 г. Этот одномоторный истребитель, на котором был установлен мотор мощностью 1200 л.с., мог развивать скорость до 620 км / час, набирать высоту до 12000 м и пролетать без дозаправки 1000 км. На его вооружении имелись один 12,7 мм пулемет и два пулемета калибра 7,6 мм. Бомбовая нагрузка составляла 200 кг [10, с. 17, 113, 344].

В 1941 г. авиационный парк боевых машин пополнился одномоторными штурмовиками Ил-2. Исключительные боевые качества самолета, его надежность, безотказность, бронированная защита летчика, мотора, непоражаемость наземными средствами вызывали у противника ужас и панику [7, с. 61–62, 268].

ВВС Ленинградского, Прибалтийского особого, Западного особого, Киевского особого и Одесского приграничных военных округов возглавляли соответственно генерал-майор авиации А.А. Новиков, гене-

рал-майор авиации А.П. Ионов, генерал-майор авиации И.И. Конец, генерал-лейтенант авиации Е.С. Птухин, генерал-майор авиации Ф.Г. Мичугин. О том, сколько авиационных дивизий и полков имелось в каждом из округов, дает представление таблица.

В боевом составе ВВС этих округов истребители составляли 59 %, бомбардировщики – 31, штурмовики – 4,5, разведчики – 5,5 %.

ВВС Московского, Орловского, Харьковского, Северо-Кавказского, Закавказского внутренних военных округов возглавляли соответственно полковник Н.А. Сбытов; полковник Н.Ф. Науменко; генерал-майор авиации С. К. Горюнов; генерал-майор авиации Е.М. Николаенко; генерал-лейтенант авиации С.П. Денисов [2, с. 23–25].

К началу войны с Германией в ВВС западных приграничных округов было около 5 тыс. самолетов, из них только 22 % новых боевых машин, причем значительное их число находилось в стадии сборки и облетов и не могло быть сразу привлечено к боевым действиям, но гитлеровцы, уступая в численности самолетного парка, имели втрое больше самолетов новых конструкций [11, с. 21].

Борьбу с авиацией противника рекомендовалось вести двумя способами: уничтожением авиации противника на аэродромах с одновременным ударом по его тылам – фронтовым базам, ремонтным службам, складам горючего и боеприпасов – и уничтожением вражеской авиации в воздушных боях. При этом командование ВВС чрезмерно преувеличивало опыт, полученный при ведении боевых действий советскими летчиками в Испании, на Халхин-Голе, в войне с Финляндией и недооценивало возможностей немецкой авиации. Меньше внимания уделяло штурмовой и бомбардировочной авиации, чем истребительной. Правда, к весне 1941 г. оно довело долю бомбардировочной авиации до 41,2% и приняло меры к созданию

штурмовой авиации, но полностью осуществить намеченные планы по укреплению бомбардировочной авиации не удалось.

Весной 1941 г. были развернуты работы по строительству, расширению и реконструкции взлетно-посадочных полос более чем на 250 аэродромах. В период с 8 апреля по 15 июля 1941 г. было построено 164 аэродрома, проводились работы в западных приграничных округах, на действовавших аэродромах, где должны были разместиться новые самолеты.

Авиационный тыл ВВС выводился из непосредственного подчинения авиационных соединений и организовывался по территориальному признаку. Район авиационного базирования становился основным тыловым органом военно-воздушных сил общевойсковой армии, военного округа (фронта) и предназначался для материально-технического, аэродромного, медицинского обеспечения трех-четырех авиадивизий. В состав каждого района входили авиационные базы из расчета по одной на дивизию, они подчинялись непосредственно начальнику района, а в оперативном отношении – командиру авиадивизии и имели по три-четыре батальона аэродромного обслуживания, каждый из которых являлся отдельной тыловой частью и предназначался для непосредственного обеспечения одного авиационного полка двухмоторных или двух авиapolков одномоторных самолетов. Предполагалось перестройку авиационного тыла на всей территории приграничных военных округов, разделенного на 36 районов авиационного базирования, завершить к 1 августа 1941 г. [2, с. 21–23, 30, 55, 57].

В атмосфере массовых арестов командного и политического состава Красной Армии, не прекращавшихся вплоть до вторжения фашистских войск на территорию СССР, хотя и не в масштабах 1937 г., Советский Союз шел навстречу войне. В конце 1940 и начале 1941 г. были арестованы и погибли заместитель наркома обороны, начальник ВВС Красной Армии генерал-полковник 48-летний А. Д. Локтионов; его преемник Герой Советского Союза 30-летний генерал-лейтенант П. В. Рычагов; генеральный инспектор ВВС дважды Герой Советского Союза генерал-лейтенант 39-летний Я. В. Смушкевич; начальник Управления ПВО Герой Советского Союза 40-летний генерал-полковник Г. М. Штерн [2, с. 91].

За три предвоенных года у руководства Военно-воздушными силами находилось пять начальников Главного управления ВВС. К этому следует добавить, что перед войной из всех командующих ВВС военных

округов лишь 13 % исполняли эту должность свыше одного года [12, с. 65].

Вероломное нападение фашистской Германии нарушило проведение большинства осуществляемых мероприятий по коренной реорганизации и перевооружению советских Военно-воздушных сил. Соотношение старых и новых типов самолетов на 22 июня 1941 г. было соответственно 89 и 11 %. Авиационный тыл не успел полностью перейти на новую систему обслуживания. Строительство аэродромов было прервано.

Таким образом, мероприятия по укреплению ВВС начались поздно, проводились низкими темпами, с существенными недостатками, в условиях кадровой перетряски; все это отрицательно сказалось на боевых действиях авиации в начальный период войны.

ЛИТЕРАТУРА

1. Яковлев Н. Н. Жуков. М., 1992.
2. Кожевников М. Н. Командование и штаб ВВС Советской Армии в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. М., 1977.
3. Советские Военно-воздушные силы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. М., 1968.
4. Щербин Н. М. Адаптация профессиональной подготовки летного состава ВВС в условиях Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) // Адаптационные механизмы и практики в традиционных и формирующихся обществах: опыт освоения Азиатской России: Материалы Всерос. науч.-практ. конф. Новосибирск, 2008.
5. Советская военная энциклопедия. М., 1976. Т. 2.
6. Оборонная промышленность Новосибирской области в годы Великой Отечественной войны: Сборник документов. Новосибирск, 2005.
7. Шахурин А. И. Крылья Победы. М., 1990.
8. Новиков А. А. В небе Ленинграда: Записки командующего авиацией. М., 1970.
9. Ефимов А. Н. Роль Советских Военно-воздушных сил // Роль Военно-воздушных сил в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. (По материалам IX военно-научной конференции ВВС). М., 1986.
10. Гриф секретности снят: Потери Вооруженных Сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах: Стат. исследование. М., 1993.
11. Военно-исторический журнал. 1965. № 11.
12. Скоморохов Н. М. Развитие оперативного искусства в годы Великой Отечественной войны и значение опыта войны для современности // Роль Военно-воздушных сил в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. (По материалам IX военно-научной конференции ВВС). М., 1986.

Р.Е. РОМАНОВ

**ТРУДОВАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РАБОЧЕЙ МОЛОДЕЖИ
В ОТРАСЛЯХ ОБОРОННОГО КОМПЛЕКСА ЗАПАДНОЙ СИБИРИ
В ВОЕННЫЕ ГОДЫ (1941–1945)***Институт истории СО РАН, г. Новосибирск
e-mail: rromanov1981@mail.ru

В статье разрабатывается проблема производственной деятельности молодых рабочих в возрасте до 25 лет на военных заводах западносибирского тыла. На основе документов предприятий Новосибирска, Томска и Кузбасса показано массовое участие юношей и девушек, впервые пришедших на производство, в развитии стахановского движения и комсомольско-молодежных бригад. Автор делает вывод о том, что эффективное использование трудового потенциала молодежи в отраслях оборонной промышленности стало возможным благодаря ее массовой адаптации к традиционным и новым формам социалистического соревнования.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Западная Сибирь, оборонный комплекс, рабочая молодежь, трудовая деятельность.

В годы Великой Отечественной войны одной из важнейших задач хозяйственного развития неоккупированных районов СССР являлось использование трудового потенциала неработающего населения в производстве вооружения и боеприпасов. Ее эффективное решение во многом зависело от вовлечения значительных людских ресурсов восточной части страны в процесс создания и развития оборонной промышленности Урало-Сибирского региона. Неотъемлемой частью данной стратегии государственной экономической политики стала мобилизация крупных контингентов подростков и молодых людей в ведущие отрасли военной экономики Западной Сибири. Молодежь в возрасте до 25 лет служила одним из основных источников комплектования рабочих кадров оборонных заводов. Ее самоотверженный труд оказывал значительное влияние на динамичный рост массового выпуска продукции для фронта на предприятиях западносибирского тыла.

Объектом изучения в статье является трудовая деятельность рабочей молодежи в сфере оборонного комплекса Западной Сибири в годы войны. Под оборонным комплексом понимается исторически сложившаяся в определенных территориальных рамках специфическая совокупность промышленных отраслей, выпускавших продукцию для армии и Военно-Морского флота. В данном случае исследуется проблема использования молодежного труда на военных заводах Новосибирской, Кемеровской и Томской областей.

Основным фактором развертывания оборонного производства в районах западносибирского тыла стала массовая эвакуация промышленных предприятий.

В июле–ноябре 1941 г. в Западную Сибирь прибыло 244 завода, в том числе 79 военных. Более половины из них было размещено в Новосибирской области, включая Кузбасс и Томск. К концу 1942 г. регион принял свыше 170 предприятий, в частности 50 оборонных [1, с. 174, 178]. На базе эвакуированного оборудования в области возникло 27 предприятий, в том числе 4 завода – Наркомата авиационной промышленности, 8 – вооружения, 2 – минометного вооружения, 13 – боеприпасов [2, с. 193]. К сфере военного производства следует также отнести 14 заводов электропромышленности. Размещение и введение в строй десятков предприятий в Новосибирске, Томске и городах Кузбасса способствовало формированию многоотраслевого оборонного комплекса в пределах Новосибирской области, а также впоследствии выделенных из нее Кемеровской и Томской областей¹.

Создание и развитие новых отраслей тяжелой промышленности в народном хозяйстве Западно-Сибирского региона в годы войны происходило в условиях острой нехватки производственных кадров. Их дефицит был вызван массовым уходом мужчин в возрасте от 18 лет и старше на фронт и малочисленностью квалифицированных рабочих, прибывших с эвакуированными заводами. Трудовые коллективы предприятий формировались преимущественно за счет женщин, подростков и молодежи, не имевших профессионального опыта. Основная масса юношей и девушек, поступавших непосредственно на производство, в ремесленные училища и школы ФЗО, получала навыки выполнения несложных технических операций, что обуславливало низкий уровень квалификации молодых рабочих.

*Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 10-01-00296а.

¹ Кемеровская область была образована 26 января 1943 г., Томская область – 13 августа 1944 г.

Одним из важнейших факторов повышения производительности труда рабочей молодежи оборонных заводов стало социалистическое соревнование. В начальный период войны трудящиеся, в том числе юноши и девушки, брали соцобязательства по перевыполнению производственных заданий. Этот почин, поддержанный партийными и комсомольскими организациями, способствовал развитию стахановского движения. 5 августа 1941 г. Новосибирский обком ВЛКСМ издал постановление «О распространении движения двухсотников среди комсомольцев и молодежи, не состоящей в комсомоле», согласно которому на заводах стали проводиться агитационные мероприятия по распространению инициативы молодых рабочих, выполняющих в смену норму на 200 % и выше². Активная пропаганда достижений стахановцев обусловила высокую трудовую активность юношей и девушек, впервые пришедших на производство. В ходе предмайского соревнования 1942 г. на заводе им. Чкалова токарь 3-го разряда Борис Янкович в среднем выполнял нормы на 214 %, столяр 3-го разряда Алексей Тетрашков – на 301 % [3, с. 407, 420].

Весной 1942 г. на предприятиях Западной Сибири зародилось движение тысячников. В Новосибирской области его инициатором являлся токарь высокой квалификации Павел Ширшов, трудившийся на комбинате № 179 («Сибметаллстрой»). 15 марта 1942 г. он впервые выполнил более 10 норм. Среди рабочей молодежи предприятия первым тысячником стал комсомолец Владимир Лопатько, выполнивший задание на 1809 %. К 1 мая 1942 г. на комбинате № 179 насчитывалось уже более 40 тысячников. На кемеровском заводе № 606 звание «тысячника» было присвоено молодым стахановцам Дружинину, Сопову, Денецоу, Кукшенову, Зимину, Установу [4, с. 279].

Одной из распространенных форм индивидуального соревнования труженников военных заводов являлось движение двадцатников. Его инициаторами выступали рабочие, бравшие обязательства по выполнению ежемесячного плана за 20 дней. Значительную часть контингента двадцатников составляли юноши и девушки. В 1942 г. на заводе № 606 к данной категории стахановцев относилось 253 молодых рабочих³.

Наряду с перевыполнением норм выработки и сокращением графика работы, повышению производительности труда рабочей молодежи способствовало многостаночное обслуживание. В 1942 г. на комбинате № 179 инициатором движения многостаночников стала стахановка Т. Тершина. В конце 1942 г. на предприятии по два станка и более обслуживали 322 молодых рабочих [4, с. 421].

Стахановцы оборонных предприятий активно участвовали в соревновании по совмещению профессий, за звание «Лучшего рабочего по профессии». В 1942 г. на заводе № 677 («Луч») дополнитель-

ные специальности освоили 376 чел., значительную их часть составляли юноши и девушки. На заводе № 617 (электровакуумный) работница Альбова освоила две профессии и выполняла нормы на 180–200 % [4, с. 296].

Звание лучшего рабочего по профессии присваивалось стахановцам, которые выполняли задание не менее чем на 300 %, снижали трудоемкость изделия на 5 %, подготавливали в течение месяца ученика, выпускали продукцию высокого качества. Победителям вручались премии. Рабочий, удерживавший 1-е место в соревновании в течение трех месяцев, получал дополнительную премию, в течение шести месяцев – повышенную премию и Почетную грамоту [4, с. 283].

В 1943 – первом полугодии 1945 г. в условиях интенсивного развития военно-промышленного производства индивидуальное соревнование трудящихся получило дополнительный импульс. Наряду с постоянным повышением норм выработки в соцобязательства рабочих включались новые требования – рационализация труда, совершенствование технологий, экономия энергии, сырья, материалов, сокращение брака и т.д. В начале 1943 г. в Новосибирске комсомольцы завода № 153 обязались досрочно выполнить производственную программу марта и апреля, увеличить производительность труда на 5 % по сравнению с февралем, уменьшить брак на 15 %. Иван Стифулин взял обязательство выработать не менее 200 %, перейти с 3-го на 5-й разряд, содержать в порядке рабочее место, соблюдать трудовую дисциплину. Анна Библева обязалась выполнить задание на 200 % и подготовить ученика⁴.

Существенное влияние на рост рядов двухсотников и многосотников оказывали стахановские и фронтовые вахты. В июле–августе 1943 г. в Новосибирске на заводе им. Воскова были организованы вахты в честь освобождения Таганрога, Харькова, Сталино. В ходе их проведения многие молодые рабочие показывали образцы высокой производительности труда. Лучшими стахановцами предприятия являлись работницы Петрова, Тругובהва, Головки, Пискарева, Обухова, Александрова, выполнявшие нормы на 230–502 %⁵.

Подъем соцсоревнования стимулировал дальнейшее развитие движения тысячников. В ходе предмайского соревнования 1943 г. на томском заводе «Манометр» молодой рабочий Соколов, выполнявший задания на 250–300 %, добился значительного повышения норм выработки. 4 апреля он впервые выполнил план на 1000 %, в конце месяца – на 1238 % [5, с. 241–242]. Осенью 1943 г. в Новосибирске победителями соревнования стали тысячницы завода № 590 («Электросигнал») Анна Чекулаева и Таисия Митерева. Девушки внесли рационализаторские предло-

² ГАНО. Ф. П-22. Оп. 3. Д. 1570. Л. 42.

³ ГАКО. Ф. 126. Оп. 1. Д. 15. Л. 50.

⁴ ГАНО. Ф. П-190. Оп. 2. Д. 711. Л. 7.

⁵ Там же. Д. 812. Л. 535.

жения, позволившие увеличить нормы выработки до 1000 % [3, с. 613].

Рационализация труда служила одним из основных факторов, обуславливавших высокую эффективность производственной деятельности стахановцев. В 1944 г. молодой рабочий завода им. Чкалова Михаил Кобец заменил сверловку деталей расточкой на токарном станке с помощью изготовленных им переходного кольца и метчика-развертки. Благодаря техническому новаторству молодой рабочий добился выполнения норм на 1100 %.

Во второй половине войны на крупных оборонных предприятиях интенсивно развивалось движение многостаночников. В начале 1945 г. на заводе им. Чкалова насчитывалось 124 многостаночника. Молодые рабочие Тростин, Казаков, Садыков, каждый из которых выполнял производственные операции на пяти станках, являлись почетными многостаночниками [3, с. 221].

Широкое распространение на военном производстве получило также соревнование за звание лучшего молодого рабочего по профессии. В частности, на Томском электроламповом заводе впервые звания «Лучший молодой рабочий» была удостоена 14-летняя работница В.П. Мосейко. Победителям повышали квалификацию на один разряд, вручали талоны на бесплатное питание, ордера на промтовары. Их имена заносились в заводскую Книгу почета⁶.

Интенсивное развитие различных форм индивидуального соревнования трудящихся стимулировало количественный рост молодых стахановцев и ударников на предприятиях западносибирского тыла. В годы войны их численность на заводах Новосибирской области составляла более 30 тыс. чел. (70–80 % молодых рабочих). Количество двухсотников и многостаночников достигло 13 тыс., двестиотников – 6,1, многостаночников – 1,1 тыс., рабочих, овладевших двумя смежными профессиями, – 6,8 тыс.⁷

Наряду со стахановцами в социалистическом соревновании участвовали комсомольско-молодежные бригады. Во втором полугодии 1941 г. численность данных коллективов молодых рабочих в оборонной промышленности Западной Сибири была невелика. Лишь после введения в строй эвакуированных предприятий на военно-промышленном производстве региона началось массовое создание комсомольско-молодежных бригад. В ходе предмайского соревнования 1942 г. на заводе № 635 была организована первая бригада под руководством Свиридовой. В июне она выполнила план на 112 %. К концу года на предприятии насчитывалось 24 бригады, в составе которых трудилось 700 чел.⁸

В начальный период войны были определены условия соревнования комсомольско-молодежных бри-

гад. Их участники брали обязательства по перевыполнению норм выработки, повышению своей квалификации, обучению новых кадров, переходу на многостаночное обслуживание. На участке цеха, где трудилась бригада, имелось панно с ее названием, вывешивалась доска показателей производственной деятельности каждого рабочего и всего коллектива за сутки. На проходной отмечались итоги смены для всех коллективов рабочей молодежи. Выполнение обязательств отражалось в «боевых листках», «молниях», обсуждалось на собраниях членов бригад [6, с. 38].

Наиболее эффективной формой организации коллективного соревнования молодых рабочих стали фронтовые и гвардейские бригады. В начале 1942 г. в оборонной промышленности Новосибирской области впервые звание «фронтовой» было присвоено бригадам Евдокимова и Кондакова⁹. Весной 1942 г. на комбинате № 179 это звание получили 37 бригад. Бригада Фролова выполняла нормы на 369 %, Аболонского – на 261, Березюка – на 380, Куколева – на 233 % [3, с. 354].

Во втором полугодии 1941 – 1942 г. основным критерием оценки работы комсомольско-молодежных бригад служило регулярное перевыполнение их членами норм выработки. В мае 1942 г. на томском заводе № 765 бригада Алабиной, выполнявшая нормы в среднем на 170 %, завоевала звание фронтовой. В июне она выполнила задание на 180 %, в июле – на 190, в августе – на 197 %¹⁰. Эта бригада была признана лучшей среди производственных коллективов молодых рабочих предприятия.

В 1943 – первом полугодии 1945 г. дальнейший подъем движения комсомольско-молодежных бригад был связан с интенсификацией военного производства, что усложнило порядок присвоения коллективам молодых рабочих звания фронтовых и гвардейских. В 1943 г. на заводе № 644 звание фронтовой присваивалось бригаде, выполнившей нормы от 102 до 200 %, гвардейской – от 105 до 300 %. Ее члены обязались содержать рабочие места в образцовом порядке, не допускать брака в работе, обеспечивать повседневное выполнение графика выпуска продукции. Выполняя данные сообязательства, коллективы рабочей молодежи добивались высоких производственных достижений. На заводе № 188 (завод низковольтной аппаратуры) бригада Матросова была образцовой по выполнению норм выработки, Голубинского – по сокращению брака, Макареши – по содержанию рабочего места, Смирнова – по экономии электроэнергии и материалов¹¹.

С 1943 г. одним из новых условий соревнования фронтовых бригад являлось сокращение в их составе числа рабочих при сохранении высокой произво-

⁶ Там же. Д. 912. Л. 35.

⁷ Там же. Д. 764. Л. 72.

⁸ Там же. Ф. Р-1117. Оп. 1. Д. 10. Л. 204.

⁹ Там же. Ф. П-190. Оп. 2. Д. 672. Л. 23.

¹⁰ Там же. Д. 812. Л. 59.

¹¹ Там же. Д. 946. Л. 76.

длительности труда. Данный почин, предложенный москвичкой Е. Барышниковой, внедрялся и на оборонных предприятиях западносибирского тыла. За 1943 г. на заводах Новосибирска 267 бригад освободили 643 рабочих, которые были переданы на другие участки производства. На заводе им. Чкалова фронтальная бригада Карленкова, сократив состав с 6 до 4 чел., продолжала выполнять нормы на 290 % [7, с. 119–120].

Широкое распространение на производстве получил также почин «Все операции – в одной бригаде», в соответствии с которым в отдельных коллективах осуществлялся полный цикл работ по изготовлению продукции. В июле 1944 г. на бердском заводе № 296 бригада Зыряновой освоила все операции по выпуску деталей и выполняла задание на 500 %. За трудовые достижения бригаде было присвоено звание гвардейской¹².

В конце войны значительное перевыполнение норм стало визитной карточкой абсолютного большинства коллективов молодых рабочих. На 1 января 1945 г. в Новосибирской области 1957 бригад выполняли задания на 100–150 %, 859 бригад – на 150–200, 538 бригад – на 200–300, 148 бригад – свыше 300 %¹³. Одним из факторов повышения производительности труда членов бригад служило совершенствование ими производственных технологий.

Подъем соцсоревнования в военные годы способствовал росту численности комсомольско-молодежных бригад на предприятиях Западной Сибири. С 1943 по 1 января 1945 г. количество данных производственных коллективов на оборонных заводах Новосибирска выросло с 297 до 1986, их численный состав – с 1152 до 12 966 чел. В 1944 – первом полугодии 1945 г. более 1 тыс. бригад, работавших на военно-промышленном производстве, носили звание «фронтальной»¹⁴. Лучшими комсомольско-молодежными бригадами Новосибирска являлись коллективы Ф. Немировского, Л. Виноградова, О. Власюк, В. Великого, П. Свириденко, Л. Голендаева, Л. Соломатина, В. Макарова и др.¹⁵

Негативное воздействие на трудовую активность подростков и молодых людей оказывали условия производственной деятельности, тяготы и лишения повседневной жизни. Длительный рабочий день, выполнение монотонных технических операций, отсутствие выходных и отпусков, суровый быт заводских общежитий влияли на снижение производственной дисциплины рабочей молодежи. На предприятиях были широко распространены опоздания, прогулы, самовольный уход юношей и девушек с предприятий. По отношению к нарушителям дисциплины применялись административные и уголовные наказания, включая тюремное заключение.

В целом производственная деятельность рабочей молодежи в отраслях оборонного комплекса западносибирского региона в годы войны была тесно связана с динамичным развитием соцсоревнования. Юноши и девушки усваивали его передовой опыт, воплощенный в движениях двухсотников, многосотников, тысячников, двадцатников, многостаночников, комсомольско-молодежных бригад. Подростки и молодые люди играли значительную роль в распространении на производстве специфических форм организации индивидуального и коллективного соревнования, характерных лишь для военного времени: фронтных вахт, фронтных и гвардейских бригад и т.д. Стахановское движение и достижения передовых коллективов молодых рабочих создавали среду по внедрению починов, рационализаторских предложений, подготовке новых кадров, интенсификации труда юношей и девушек. Высокая результативность работы стахановцев и комсомольско-молодежных бригад стимулировала быстрый рост их численности на предприятиях военной промышленности.

Таким образом, эффективное использование трудового потенциала молодежи, не имевшей высокой квалификации, в сфере оборонного производства западносибирского тыла было обусловлено ее массовой адаптацией к традиционным и новым формам социалистического соревнования. В условиях военного времени позитивное влияние мобилизационного потенциала соревнования на производительность труда молодых рабочих в значительной степени ослаблялось их низкой производственной дисциплиной.

ЛИТЕРАТУРА

1. Акулов М.П. Промышленное развитие Сибири в годы Великой Отечественной войны. Ставрополь, 1967.
2. Шуранов Н.П. Создание оборонной промышленности Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны. Новосибирск, 2005.
3. Оборонная промышленность Новосибирской области в годы Великой Отечественной войны (1941–1945): Сб. документов. Новосибирск, 2005.
4. Савицкий И.М. Важнейший арсенал Сибири: Развитие оборонной промышленности Новосибирской области в годы Великой Отечественной войны. Новосибирск, 2005.
5. Томская комсомольская организация в годы Великой Отечественной войны: Сб. документов. Томск, 1958.
6. Романов Р.Е. Рабочая молодежь завода № 635 в военные годы // Гуманитарные науки в Сибири. 2005. № 2.
7. Доблестный труд рабочих, крестьян, интеллигенции Новосибирской области в годы Великой Отечественной войны: Сб. документов. Новосибирск, 1964.

¹² Там же. Ф. П-198. Оп. 1. Д. 959. Л. 78.

¹³ Там же. Ф. П-190. Оп. 2. Д. 946. Л. 76.

¹⁴ Там же. Ф. П-22. Оп. 3. Д. 1570. Л. 22.

¹⁵ Там же.

С.С. БУКИН

**ПРОМЫШЛЕННЫЙ КОМПЛЕКС ПО ПРОИЗВОДСТВУ БОЕПРИПАСОВ
НА СТАНЦИИ ЗАВОДСКОЙ***Институт истории СО РАН, Новосибирск
e-mail: serbukin@mail.ru

В статье раскрывается формирование двух крупных оборонных заводов, их роль в производстве боеприпасов в годы Великой Отечественной войны. Показано комплектование кадров и их трудовая деятельность, создание нового рабочего поселка в необжитой местности.

Ключевые слова: война, сибирский тыл, боеприпасы, трудовые коллективы.

К началу Великой Отечественной войны эта станция, еще не имевшая наименования, являлась конечным пунктом на железнодорожной ветке к секретному военному объекту – обширному артиллерийскому складу № 727, расположенному среди березовых перелесков в 20 км севернее г. Новосибирска. Уже в первые военные месяцы складские помещения – полуземляные бараки опустели, хранившиеся в них боеприпасы были отправлены на фронт.

Для города, превратившегося в один из основных центров размещения эвакуированных предприятий, эта площадка представляла большой интерес: здесь имелись помещения, пригодные для организации промышленного производства, а также железнодорожная линия до пригородной станции Ельцовка (ныне Иня-Восточная) на Транссибирской магистрали.

30 сентября 1941 г. Народный комиссариат боеприпасов СССР издал приказ № 0105 о перемещении на территорию артиллерийского склада двух эвакуированных заводов – № 55 из украинского города Павлограда и № 12 из подмосковного города Электростали. Оба предприятия пиротехнического профиля к этому времени уже прибыли в Новосибирск и разгрузили оборудование в районе комбината 179 (завод «Сибсельмаш»).

Государственная директива, принятая 30 сентября, имела не только важное экономическое, но и большое социально-демографическое значение, ибо определила, наряду с формированием мощного промышленного узла, появление в необжитой местности нового крупного поселения, первоначально названного станцией Заводской, а позднее, уже после войны, переименованного в рабочий поселок Пашино. Эта дата с полным основанием может считаться днем его рождения.

Дальнейшие события в экстремальной обстановке военной поры развивались стремительно. Уже 1 ок-

тября сюда прибыли первые составы с механизмами, станками, рабочими и инженерно-техническими кадрами. И в тот же день развернулись строительные работы.

Оба эвакуированных завода объединялись в единое предприятие, получившее номер 635. Всего поступило оборудования на сумму 5910 тыс. руб., в том числе от завода из Павлограда – 86,5 %, а из Электростали – 13,5 %. Следовательно, основным «прародителем» нового предприятия стал павлоградский завод из индустриального Донбасса.

Для обустройства цехов и мастерских предприятию № 635 были выделены 50 помещений артиллерийского склада. Кроме того, ему передавались красноармейская казарма с кухней и столовой, санчасть, баня с котельной, девять барачных сооружений, караульное помещение, дизельная электростанция, три скважины для забора воды и резервуары для ее хранения¹.

Костяк трудового коллектива составили эвакуированные специалисты. Из Украины и Подмосковья на завод прибыл 741 чел., в том числе 388 рабочих, 353 ИТР и служащих. Это были опытные кадры, хорошо знавшие пиротехническое производство².

Одновременно на части территории того же артиллерийского склада начались подготовительные работы по строительству нового пиротехнического завода № 386 (сегодня НМЗ «Искра»), получившего 20 складских помещений. По сути, оба предприятия росли как братья-погодки. Они помогали друг другу строительными материалами, оборудованием, технической документацией, кадрами. Первоначально оба заводоуправления размещались в одном бараке, да и сама территория была общей. Поскольку площадка артиллерийского склада оказалась явно недостаточной для строительства предприятий, Новосибирский об-

* Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект № 10-01-00296а.

¹ ГАНО.Ф. Р-1117. Оп. 1. Д. 3. Л. 11.

² Там же. Д. 16. Л. 51.

лисполком принял решение о прирезке к ней земельных угодий. Всего оба завода получили дополнительно 803,2 га земли [1, с. 7].

Подлинный трудовой героизм был проявлен при строительстве первого общего объекта – водопровода протяженностью свыше 6 км от р. Оби. Его сооружение началось зимой 1941 г. и продолжалось до лета 1942 г. Вручную, лопатами было выброшено на поверхность 48 тыс. куб. м грунта. Зимой при трескучем морозе проламывали лед и опускали в Обь бетонные кольца водоприемного колодца и насосной станции. Люди работали в воде, отогревались у костров и снова приступали к труду.

Главной задачей являлось обустройство производственных помещений. Неотапливаемые бараки бывшего артиллерийского склада необходимо было превратить в цеха и мастерские, провести к ним свет и воду, построить объекты, крайне необходимые для налаживания заводской жизни. Основные работы выполняли эвакуированные рабочие и инженеры, военные строители, а также большие партии заключенных. На станцию Заводская был направлен строительный батальон, состоявший из мобилизованных казахов. Плохо приспособленные к сибирским условиям, страдая от голода и холода, они самоотверженно трудились на стройках оборонных предприятий.

На заводе № 635 в октябре–декабре 1941 г. – первой половине 1942 г. удалось ввести в эксплуатацию две электрические подстанции мощностью 35 кВт каждая, шестикиловольтные линии передач и низковольтную распределительную сеть для обеспечения цехов электроэнергией, 4 котельные, имевшие 8 паровозных котлов, тепловые сети. Существенную помощь строящемуся предприятию оказали органы власти г. Новосибирска. Бюро обкома ВКП(б) 23 октября 1941 г. приняло специальное постановление, в соответствии с которым заводу № 635 выделялось большое количество остродефицитных материалов – кирпича, извести, цемента, гвоздей, организовывались изготовление шлакоблоков и заготовка древесины на Ломовской лесной даче³.

Параллельно со строительными работами наращивался производственный потенциал. К концу 1941 г. в цехах и мастерских завода № 635 было установлено 270 единиц оборудования, а к январю 1943 г. – 4164. В основных цехах производственные мощности удалось освоить практически полностью, главное внимание уделялось организации поточного производства, внедрению достижений научно-технического прогресса в сфере выпуска боеприпасов. С 1 октября 1941 г. по 1 октября 1943 г. ввели в эксплуатацию 24 347 кв. м производственных площадей, 20 362 кв. м вспомогательных и складских помещений. Кроме того, построили 14 268 кв. м жилья, школу, детсад, хлебозавод, столовые, радиотрансляционную установку и сеть на 600 точек. В 1944 г. вошли в строй клуб, ночной

санаторий, больница и роддом, открылись детские ясли, пионерский лагерь, баня, парикмахерская и бытовые мастерские⁴.

На заводе 386 первой была сдана в эксплуатацию мастерская № 121. К апрелю 1943 г. здесь уже действовали 10 полноценных цехов, в том числе 6 основных и 4 вспомогательных. В военное время построили 19 барачных жилплощадью 14 247 кв. м. Еще 10 барачных строений передал завод 635. Строились также небольшие бревенчатые домики для ИТР и многодетных рабочих. Появились первые социально-культурные учреждения⁵.

В чрезвычайно сложных условиях происходило формирование трудовых коллективов. Основным источником их пополнения стала сельская молодежь. Новосибирский облисполком систематически принимал постановления о ее мобилизации на оборонные предприятия города, в том числе на заводы № 635 и 386. Прибывали 14–17-летние подростки из различных районов области, часто из далекой сельской глубинки. Многие из них никогда не видели паровоз, трамвай, многоэтажные дома, однако уже имели трудовую закалку, полученную в ходе изнурительных работ на колхозных полях. Обучение молодежи проводилось в основном методами индивидуального и бригадного ученичества: кадровые рабочие непосредственно в трудовом процессе передавали своим подопечным необходимые знания. Многие девчонки и мальчишки уже в самом начале трудовой биографии превращались в подлинных мастеров своего дела. Существенным источником пополнения кадров стали также выпускники школ ФЗО. Только в 1943 г. из этой системы завод № 635 получил 812 молодых рабочих⁶.

На заводе № 386 школа ФЗО открылась 27 апреля 1944 г. Уже в этом году она дала предприятию 243 подготовленных рабочих, в 1943 г. – 315. Поскольку вновь создаваемый завод не мог опереться на эвакуированные кадры, то его руководство приняло стратегически верное решение: сформировать из наиболее образованных девушек и юношей две группы и направить их для обучения в г. Чапаевск Куйбышевской области на близкий по своему производственному профилю завод № 309. В апреле 1942 г. первая группа из 32 чел. отправилась в путь, затем выехали еще 28 молодых заводчан. В июле 1942 г. все они вернулись на станцию Заводская. Но теперь это были уже подготовленные специалисты, способные возглавить производственные участки, бригады, исполнять обязанности мастеров.

Волей судьбы источником комплектования рабочих кадров обоих заводов стали эвакуированные жители из Ленинградской и Новгородской областей. В конце декабря 1942 г. в Новосибирск прибыл большой эшелон с изможденными людьми, в основном женщинами, подростками и детьми. Их стали распределять по районам города, при этом три вагона отцепили и

³ Там же. Ф. П-4. Оп. 1. Д. 503. Л. 45–46; Ф. Р-1117. Оп. 1. Д. 3. Л. 49.

⁴ Там же. Ф. Р-11796. Оп. 1. Д. 48. Л. 21, 22.

⁵ Материалы музея НМЗ «Искра».

⁶ ГАНО. Ф. Р-1117. Оп. 1. Д. 31. Л. 78.

29 декабря перевезли на станцию Заводская. Разместили эвакуированных в бараке, мансарда которого еще достраивалась. Растопили печи – поднялся пар, выступила сырость. Некоторые женщины заплакали. Но постепенно согрелись, успокоились, смирились со своей участью и на следующий день отправились устраиваться на работу.

Появлялись и специфические возможности получения рабочей силы. В начале 1943 г. на завод 386 привезли более 200 подростков из трудовых колоний. Однако справиться с этим контингентом оказалось не просто. Их разместили на мансардах барakov, прикрепили к столовой. Но выходить на работу прибывшие отказались, в поселке сразу же возникла острая криминальная ситуация. Комсомольцы завода индивидуально работали с каждым колонистом. Далеко не все из них пробыли здесь долгое время, многие просто сбежали. Но те, кто остался, впоследствии трудились добросовестно.

Общая численность работавших на заводе № 386 составляла в 1942 г. всего 88 чел., в 1943 г. – 652, в 1944 г. – 692, в 1945 г. – 923 чел. Особенно заметный рост наблюдался в 1943 г., обеспеченность кадрами к концу этого года составляла 74 %, а в 1945 г. она достигла 90 %⁷.

Гораздо крупнее был трудовой коллектив завода № 635. В 1942 г. здесь работал 1941 чел., в 1943 г. – 2834 и в 1944 г. – 2897 чел. Примерно такой же оставалась среднесписочная численность работающих в начале 1945 г. Всего на обоих предприятиях было занято свыше 3800 чел., что являлось высоким показателем для промышленного комплекса пиротехнического профиля.

Исключительно тяжелыми на протяжении всей войны оставались условия труда, ибо приходилось иметь дело с взрывоопасными ядовитыми веществами. Лица и руки работающих в основных цехах приобрели несмываемый желтый оттенок. Только в 1942 г. на заводе № 635 произошло свыше 100 несчастных случаев. Три работницы погибли, отравившись парами химических соединений⁸. Поэтому большое значение имело укрепление техники безопасности и строгое выполнение правил спецрежима.

Однако и эти меры не гарантировали от трагических случайностей. В апреле 1945 г. в 3-м цехе завода № 386 произошел взрыв, погибли две девушки. Начался пожар, возникла угроза подрыва складированных тут же ящиков с готовой продукцией, что могло привести к катастрофе на всем предприятии. С неимоверным напряжением сил пожар удалось локализовать, а затем потушить. В определенном смысле линия фронта проходила и по станции Заводской. Трудники оборонных заводов ежедневно рисковали жизнью, принося на алтарь победы частицы своего здоровья.

⁷ Там же. Ф. Р-813. Оп. 1 Д. 4. Л. 2.

⁸ Там же. Ф. Р-1117. Оп. 1. Д. 16. Л. 65; Д. 30. Л. 8, 9; Д. 45. Л. 37.

Принимались активные меры по материальному и моральному стимулированию труда. Лучшие работники премировались дополнительным пайком, талонами на приобретение отреза материи, одежды и обуви. Организовывалось социалистическое соревнование, которое в те годы обладало действенной силой. Если в конце 1941 г. на заводе № 635 число ударников и стахановцев составило 120 чел., то в июле 1942 г. – 793, а в январе 1943 г. – 1844 чел. Развернулось движение комсомольско-молодежных фронтовых бригад. Первой в него включилась комсомольская группа под руководством передовой работницы Свиридовой из цеха № 1. Сформированная в мае 1942 г. эта бригада, состоявшая из 16–17-летних девчат, уже в июне перевыполнила плановое задание более чем в 2 раза. Молодежному коллективу было присвоено звание комсомольской фронтовой бригады им. Зои Космодемьянской.

Самоотверженно трудились молодежные коллективы под руководством Безугловой, Курбатовой, Малаховой. В 1943 г. на заводе имелось 30 комсомольско-молодежных фронтовых бригад, в которых работали 567 девушек и юношей, в 1944 г. – 81 из 848 чел., а в апреле 1945 г. – 95, насчитывавших 931 рабочего⁹.

Подлинно массовым стало соревнование на заводе № 386. Стахановским движением и ударничеством в 1944 г. было охвачено 60 % тружеников предприятия. Комсомольско-молодежные бригады соревновались за право называться фронтовыми. Сначала участвовали 38, а затем 50 молодежных коллективов. Добиться почетного звания было не просто. Оно присваивалось тем, кто из месяца в месяц выполнял производственный план не менее чем на 150 %. Первой удостоилась чести именоваться фронтовой комсомольско-молодежная бригада Марии Кобзевой, состоявшая из 15 чел., они работали на снаряжении гранат Ф-1.

По-ударному трудились также комсомольско-молодежные фронтовые бригады Галины Мирошниченко, Анны Некрасовой, Марии Путовой и др. Создание молодежных трудовых коллективов и их включение в соревнование принесло ощутимые практические результаты. Только за первое полугодие 1944 г. молодые рабочие завода № 386 дали фронту в 2,3 раза больше боеприпасов, чем за тот же период 1943 г., производительность их труда за это время выросла на 62 %. В условиях кадрового голода, когда каждый специалист ценился на вес золота, молодежные коллективы высвободили 32 чел. и направили их на другие производственные участки. Из числа молодых рабочих, в совершенстве овладевших своими профессиями, 29 стали руководителями бригад, а 7 бригадиров были выдвинуты на должности мастеров. В августе 1944 г. почетное звание фронтовых носили 15 молодежных трудовых коллективов, а к концу войны – 26. Все они показывали высокие образцы стахановского труда¹⁰.

⁹ Там же. Д. 10. Л. 203, 208; Д. 16. Л. 59.

¹⁰ Материалы музея НМЗ «Искра».

В напряженной обстановке военных лет перестепенное внимание уделялось внедрению новых технологических процессов, экономии сырья и материалов. Большим достижением на заводе № 635 стало освоение технологии механического наполнения крупнокалиберных снарядов с использованием глубоких суррогатов (взрывчатые вещества), что позволило резко повысить производительность труда и получить экономию до 90 т тротила в месяц. Такой технологический процесс был внедрен впервые в СССР и позднее широко использовался на других оборонных предприятиях страны. Удалось коренным образом модернизировать конструкцию армейских ядовито-дымных шашек, что дало возможность использовать считавшиеся бросовыми материалы на миллионы рублей и дополнительно выпустить сотни тысяч таких изделий. Только за два квартала 1943 г. внедрение малой механизации и поточных методов производства позволило высвободить 290 рабочих¹¹.

Проводились общественные смотры организации труда, в ходе которых выявлялись резервы производства. В 1944 г. рационализаторы завода № 386 подали 101 предложение, из которых внедрили 72. Экономический эффект к концу года достиг 635 тыс. руб. Некоторые идеи местных новаторов «перешагнули» границы станции Заводской и стали использоваться на других предприятиях. Так, замечательное предложение, давшее экономию фольги на 12 %, было рекомендовано Наркоматом боеприпасов к внедрению на всех заводах отрасли. Новаторы цеха № 4 разработали новые виды инструмента. Их применение позволило повысить производительность труда в этом заводском подразделении на 30 %, что в значительной степени обеспечило выполнение плана предприятием в целом¹².

Оба завода по своему производственному профилю являлись снаряжательными, т.е. выполняли заключительную фазу производства так называемого «готового выстрела». Благодаря развертыванию деятельности завода № 635 уже в 1943 г. на нем снаряжались взрывчатыми веществами 100 % выпущенных в Новосибирской области снарядов калибра 76 мм и 122 мм, 60 % – калибра 152 мм. Заполнялись взрывчаткой корпуса мин калибра 82 и 120 мм, произведенные в других регионах страны¹³.

Свою первую продукцию для фронта завод № 635 выпустил 16 декабря 1941 г., т.е. через два с половиной месяца после прибытия на станцию Заводская. Это были изделия М 8 – снаряды для реактивных установок «Катюша». Затем последовательно, из месяца в месяц, наращивалось производство и расширялась номенклатура его изделий.

В декабре 1941 г. было освоено серийное производство 76-мм зенитных снарядов, в январе 1942 г. – 82-мм реактивных снарядов, 152-мм артиллерийских снарядов, в феврале – 122-мм снарядов и 50-мм оско-

лочных мин, в марте – 76-мм осколочно-фугасных снарядов и 120-мм мин из сталистого чугуна, в апреле – 122-мм и 152-мм цельнокорпусных снарядов, в мае – 82-мм осколочных мин из сталистого чугуна и 120-мм стальных мин, в августе – патронов особого назначения (ПОН), в сентябре – 76-мм бронебойно-зажигательных снарядов и морских ядовито-дымных шашек (МЯДШ), в декабре – ящичных противотанковых мин (ЯМ-5М) и 122-мм осколочно-фугасных снарядов с отвинчивающейся головкой. В январе 1943 г. приступили к выпуску армейских ядовито-дымных шашек (ЯФУ-21) и 76-мм осколочно-химических снарядов, в марте – нового вида ядовито-дымных шашек (ЯМ-21), в апреле – 122-мм цельнокорпусных снарядов со шнекованием тротиловой пробки, в сентябре – 57-мм осколочных снарядов, в октябре – 50-кг фугасных авиационных бомб. Кроме того, завод организовал в широких масштабах собственное производство взрывчатых веществ: амматола 80/20 и 90/10, шнейдера 88/12, смесей ТД, А1Х-2, КИН-2 и других веществ для снаряжения снарядов, мин и бомб.

Всего за годы Великой Отечественной войны предприятие произвело 36,4 млн шт. различных видов боеприпасов. Это был существенный вклад в укрепление боевой мощи Красной Армии. Значительно улучшились технико-экономические показатели производственной деятельности. Производительность труда в первом полугодии 1945 г. выросла почти в 5 раз по сравнению с первым полугодием 1942 г. В 3 раза снизилась себестоимость снаряжения важнейших видов боеприпасов, повысилось их качество и резко снизилось число рекламаций.

Деятельность трудового коллектива получила высокую государственную оценку. В августе 1943 г. завод № 635 занял третье место во Всесоюзном соревновании среди предприятий Наркомата боеприпасов, в декабре – второе, а с февраля 1944 г. в течение 14 месяцев беспрерывно завоевывал первое место и удерживал переходящее Красное знамя ЦК ВКП(б). В мае 1944 г. предприятие было награждено орденом Трудового Красного Знамени и, безусловно, являлось одним из лидеров советской промышленности боеприпасов¹⁴.

Вновь строящемуся заводу № 386 устанавливался срок выпуска изделий с октября 1942 г. Полностью выдержать график, однако, не удалось. Помешали сбои в поставках корпусов для гранат и взрывчатых веществ, хотя производственные площади были уже полностью оборудованы. Первая партия заводской продукции ушла на фронт в ноябре 1942 г., когда готовилось наступление Красной Армии под Сталинградом. Это были осколочные гранаты Ф-1, изготовленные ручным способом. Всего в 1942 г. удалось произвести 157 тыс. шт. Ф-1 и, кроме того, 20 тыс. ручных гранат РГ-42.

В 1943 г. началось массовое освоение производственных мощностей и новых номенклатур изделий. В течение этого года завод выпустил 993 тыс. шт. гра-

¹¹ ГАНО. Ф. Р-11796. Оп. 1. Д. 48. Л. 5–9.

¹² Материалы музея НМЗ «Искра».

¹⁴ Там же. Ф. П-22. Оп. 3. Д. 1772. Л. 37–39.

нат Ф-1, 925 тыс. РГ-42, 6540 тыс. тротильных шашек для мин, 2780 тыс. тетриловых детонаторов.

В 1944 г. заработали две поточные механизированные линии, в результате выпуск боеприпасов увеличился более чем в 2 раза. Завод выполнил государственный план на 110 %. По сравнению с 1943 г. производство оборонной продукции составило 148 %, а ее себестоимость снизилась на 22 %. Счет выпущенным изделиям пошел на миллионы.

В 1944 г. завод № 386 произвел гранат Ф-1 и РГ-42 более 3 млн, капсулей-воспламенителей к 7,62-мм патронам – 552 млн, капсулей-воспламенителей к 12,7-мм патронам – 37,5 млн, шашек тротильных для мин – 8,4 млн, тетриловых детонаторов – 5,6 млн, капсулей детонаторов № 8 – 4,3 млн.

За три года войны объем заводской продукции вырос почти в 10 раз. Она использовалась во всех крупных наступательных операциях против фашистской Германии и ее сателлитов, в разгроме милитаристской Японии [2, с. 89].

Таким образом, в практически необжитой местности, по существу в районе пионерного освоения, был создан крупный производственный комплекс по выпуску боеприпасов. Со станции Заводской литерными эшелонами они отправлялись прямо на фронт. Люди, прибывшие сюда, являлись подлинными первопроходцами, а их труд был не только самоотверженным, но и высокопроизводительным, опиравшимся на достижения технического прогресса. Построенные рядом с заводами № 635 и № 386 жилье и объекты социально-бытовой инфраструктуры, имевшие барачный облик военной поры, образовали новый рабочий поселок, который, несмотря на удаленность, с самого начала стал составной частью г. Новосибирска.

ЛИТЕРАТУРА

1. Букин С.С. Завод «Искра» в годы Великой Отечественной войны. Новосибирск, 2001.

2. Букин С.С. Оборонный завод 386 в годы Великой Отечественной войны // Гуманитарные науки в Сибири. 2001. № 2.

А.В. ШАЛАК

ОСОБЕННОСТИ И ФОРМЫ МОТИВАЦИИ ТРУДА В ИНДУСТРИАЛЬНОМ СЕКТОРЕ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ (1941–1945 гг.)

Байкальский государственный университет экономики и права, Иркутск
e-mail: shalak-av@isea.ru

На примере Восточной Сибири исследуются особенности и формы мотивации труда в индустриальном секторе народного хозяйства Восточной Сибири. К основным формам мотивации труда относятся дифференциация заработной платы, применение премиальной и аккордно-премиальной системы, перераспределение товарных потоков под стратегические задачи, решаемые властью. В этих целях применялась закрытая торговля на предприятиях, стимулирование труда осуществлялось через дифференциацию питания в системе общественного питания, снабжение продуктами. Стимулирующим фактором являлась и сама карточная система. Делается вывод, что материальная мотивация труда в годы Великой Отечественной войны играла весьма важную роль.

Ключевые слова: мотивация труда, дифференциация заработной платы, премиальная система, стимулирование продуктами питания, закрытая торговля, карточная система, покупательная способность.

В годы Великой Отечественной войны огромное мобилизующее значение в процессе труда имели административные факторы, а также моральное и идеологическое воздействие. Одновременно с этим в целях стимулирования производительности труда и перераспределения трудовых ресурсов региона в соответствии с решаемыми задачами применялись весьма разнообразные меры материального воздействия.

Несмотря на переход к нормированному снабжению по карточкам, в вопросах стимулирования труда по-прежнему важную роль играла заработная плата. В условиях карточной системы заработная плата оставалась основной формой оплаты по труду для тружеников промышленных предприятий, а также различных учреждений. Более того, ее роль с 1944 г., когда с

централизованного снабжения начинают снимать различные категории рабочих и служащих, вновь возрастает. Отметим также, что в апреле 1944 г. вводится государственная коммерческая торговля. Она позволяла населению по ценам более высоким, чем в системе нормированного снабжения, но без карточек приобретать продовольственные, а со второй половины года и промышленные товары, что также способствовало повышению стимулирующей роли заработной платы.

Сравнительный анализ заработной платы по Читинской области показывает, что в конце войны заработная плата только у тружеников совхозов, лесного хозяйства, торговли, общественного питания, кредитных и страховых учреждений была несколько ниже

уровня 1944 г. В целом же по отраслям народного хозяйства области она выросла с 378 руб. в месяц до 465 руб. Это было значительно ниже средних показателей по стране, где заработная плата у рабочих увеличилась с 375 руб. в 1940 г. до 573 в 1944 г. [1, с. 65–66; 2, с. 117]. Однако уровень заработной платы рабочих Восточной Сибири уступал средним показателям по стране и до 1940-х гг. Причина такого положения заключалась в дифференциации заработной платы рабочих в зависимости от сложности и квалификации труда. Причем этот разрыв был весьма существенным. Доля же квалифицированных рабочих в регионе оставалась незначительной. Кроме того, заработная плата тружеников совхозов, которых относили к сельскому отряду рабочего класса, заметно уступала заработной плате рабочих промышленных предприятий, а их доля в структуре рабочих региона превосходила общесоюзные показатели. И наконец, в добывающих отраслях Восточной Сибири высоким был удельный вес мало-квалифицированных рабочих, занятых на сезонной работе, труд которых оплачивался по низким ставкам. На заводе им. Сталина в г. Иркутске в середине войны заработная плата даже у рабочих пятого разряда не превышала 300–350 руб.¹

Более высокой была заработная плата в угольной промышленности. После решения СНК СССР весной 1943 г. о перестройке заработной платы в промышленности по тресту «Востсибуголь» средняя заработная плата забойщика повысилась с 670 до 1160 руб.² Существовали и различные виды доплат к заработной плате. В Читинской области рабочие получали надбавку в размере 30 % от заработной платы в качестве поощрения за обучение молодежи³.

Планирование заработной платы распространялось также на местную и кооперативную промышленность. Устанавливались дифференцированные ставки в зависимости от уровня образования и совмещения должностей для специалистов подсобных хозяйств. При переводе на работу в подсобное хозяйство оклады, если они по старому месту работы были выше, сохранялись и на новом месте⁴.

Кроме этого, широко применялось денежное стимулирование в виде премиальных (от 0,5 до 2 окладов) для инженерно-технических работников. Поэтому не таким уж и редким было получение ими премий, значительно превышающих месячные оклады. Например, на заводе № 39 в г. Иркутске за май 1942 г. начальнику отделения Кордюмову при месячном окладе 1100 руб. была начислена премия в 1400 руб., мастерам Ивахно, Хмель, Донцову, Островскому при месячных окладах от 800 до 950 руб. начислено премии от 1200 до 1325 руб. каждому⁵.

Денежное стимулирование для рабочих существовало в форме аккордно-откупной, сдельной (по повышенной тарификации) оплаты труда. При организации соревнования за его агитационной ширмой действовали финансовые рычаги стимулирования. На фоне обычной тарификации труда (по ней рабочий средней квалификации получал от 82 до 96 коп. за час работы по ставкам первой половины 1942 г.) аккордные и сдельно-премиальные выплаты казались эффективнее. По сути, это было внутриведомственным перераспределением фонда заработной платы путем искусственного занижения либо сдерживания ставок у одних рабочих и повышения у других или путем отпуска средств, полученных от экономии.

Увеличение денежной массы на зарплату стахановцев требовало увеличения товарной массы в специализированной и закрытой торговле. Но в этом плане возможности местных органов власти являлись предельно ограниченными, поэтому государственные органы вынуждены были изымать излишнюю денежную массу из оборота. Наиболее эффективной формой изъятия денежной массы были государственные займы на оборону, а в последующем на восстановление и развитие народного хозяйства. Они своей долговременной оплатой делали вознаграждение частично условным.

При этом следует отметить, что стимулирующая роль заработной платы сдерживалась значительным снижением покупательной способности рубля, которая накануне отмены карточной системы составляла только 29 % от уровня 1940 г. [3, с. 151, 155]. Основная причина этого – острый дефицит продуктов и товаров первой необходимости и, как следствие этого, карточная система распределения. В итоге сложилось три вида цен на одни и те же товары: государственные в сфере действия карточной системы распределения, коммерческие и рыночные. Соответственно, на одну и ту же сумму денег по карточкам, в коммерческих магазинах и на рынках можно было приобрести совершенно разное количество товаров. Пайковые цены в среднем были ниже рыночных в 20–25 раз и коммерческих – в 10 раз. В течение всех военных лет цены на продовольственные товары оставались стабильными. Низкие цены в карточной системе на продовольственные товары обеспечивались за счет продразверстки в деревне и за счет исключения сельского населения из системы государственного обеспечения, но на промышленные товары они неоднократно повышались. В апреле 1942 г. правительство страны в 2 раза повысило цены на водку, вино и пиво, табачные изделия первого сорта, хозяйственное мыло, парфюмерию, в 2,5 раза – на табак второго и третьего сорта, махорку, в 3 раза – на соль и т.д. С 1 февраля были повышены цены на валяную и фетровую обувь. Чтобы компенсировать потери городскому населению, правительство действовало в двух направлениях: во-первых, повышало заработную плату рабочим и служащим, вводило новые пособия, и, во-вторых, не толь-

¹ ГАНИИО. Ф. 127. Оп. 1. Д. 684. Л. 20.

² Там же. Д. 692. Л. 13, 31.

³ РГАСПИ. Ф. 27. Оп. 88. Д. 158. Л. 30.

⁴ ГАНИИО. Ф. 159. Оп. 6. Д. 373. Л. 20.

⁵ Там же.

ко сохраняло, но и снижало цены на основные продукты питания.

Вместе с тем, еще раз обратим внимание на то, что усредненные данные не раскрывают реальной картины социального положения тружеников промышленности. Различия в заработной плате среди рабочих одной и той же отрасли, а также внутриотраслевые различия являлись весьма существенными. На это накладывали свой отпечаток и стратегические интересы власти. Расчеты, проведенные на основе межотраслевых показателей по заработной плате в Иркутской области, показывают, что средний рост заработной платы обеспечивался главным образом за счет ее роста в отраслях тяжелой промышленности (черная и цветная металлургия, химическая, угольная и авиационная отрасли промышленности), а также на транспорте. Здесь же имела и значительная прослойка работающих, получающих заработную плату свыше 1000 руб. Но при этом следует иметь в виду, что статистика включает сюда же и заработную плату инженерно-технических специалистов, которая была значительно выше, чем у рабочих. Поэтому удельный вес рядовых рабочих в группе тружеников, получающих заработную плату от 1000 до 2000 и более 2000 руб., был на самом деле значительно меньше.

Кроме заработной платы важную роль в стимулировании труда имело перераспределение товарных потоков под стратегические задачи, решаемые властью. В годы войны имела место закрытая торговля на угольных шахтах, торфоразработках, нефтепромыслах, медных рудниках, медеплавильных заводах, т.е. в отраслях, связанных с добычей стратегического сырья, а также на железнодорожном транспорте и на военно-промышленных предприятиях и стройках. Она обслуживала не только рабочих и служащих самих предприятий, но и работников подведомственных им школ, детских садов, больниц. Единственным ограничением, как и в открытой торговле, были установленные СНК СССР и существовавшие на всем протяжении второй половины 1930-х гг. нормы отпуска товаров в одни руки. Этим она отличалась от карточной системы.

Особое место в поощрении труда занимали продукты питания. На основе постановления СНК СССР «О порядке снабжения продовольственными и промышленными товарами рабочих промышленных предприятий» от 18 октября 1942 г. руководители получили право отдавать предпочтение в снабжении рабочим, выполнившим и перевыполнившим нормы выработки. В этом случае они могли получать дополнительное горячее питание, дополнительно к основной норме продукты из подсобного хозяйства, имели первоочередное право на приобретение по карточкам промышленных товаров и т.д. Рабочим, совершившим прогул, нормы хлеба снижались на 100–200 г. При последующем добросовестном труде они восстанавливались администрацией предприятий по истечении месяца. В основном же высокопроизводительный труд стимулировался через систему общепита. Картина здесь по разным предприятиям была пестрой и на про-

тяжении войны менялась. Партийно-хозяйственный актив Иркутской области в ноябре 1942 г. даже осудил практику чрезмерного усложнения и дифференциации питания в системе общепита. Отмечалось, что на некоторых заводах существует по семь-восемь разновидностей обедов: повышенные, общие, для инженерно-технических работников, стахановские, комсостава высшего, среднего и т.п. В столовых Черембасса в этот период питание делилось на пять категорий, отдельные блюда полагались за перевыполнение плана⁶. Однако уже в июле 1944 г. отмечалось, что подземное питание для шахтеров свелось к двум ложкам моркови⁷.

В этом отношении в гораздо лучшем положении оказались рабочие хлебозаводов, мясокомбинатов и ряда других предприятий, где на дополнительное питание использовались отходы основного производства. На хлебокомбинатах вообще нормой являлось то, что работник, взяв 200–300 г хлеба, шел затем с ним в столовую⁸.

Стимулирование труда товарами и продуктами отчасти распространялось и на часть сельского населения, мобилизованного на лесозаготовки, строительство, ремонт железнодорожных путей. Мобилизованный на лесозаготовки рабочий при условии выполненной месячной нормы получал право приобрести до 5 кв. м хлопчатобумажной ткани, кусок хозяйственного мыла, 100 г табака или махорки, 3 коробка спичек, 1 кг соли, 2 л керосина. Суточные задания составляли 2,5 куб. м при рубке, 3,5 куб. м при разделке, 5 куб. м при погрузке дров⁹.

Существовал еще один специфический вид стимулирования труда тружеников промышленных предприятий. С 1943 г. ГКО активизировал курс на искусственный товарный дефицит и строжайшую монополизацию винно-водочной торговли. О них шла речь в постановлении ГКО № 856 от 30 октября 1941 г.: «1. Продажу водки и вина в Москве формально не воспрещать, а на деле прекратить. 2. Коммерческую торговлю по продовольственным и промтоварам в Москве прекратить на деле, не отменяя формально, а коммерческие магазины использовать для торговли по карточкам». Это решение затем повсеместно дублировалось местными партийными и исполнительными органами. Поэтому дефицит алкогольной продукции в годы войны был даже более острым, чем продуктов питания. В соответствии со спросом устанавливалась и цена. Литр спирта, продаваемый спекулянтами на рынках Иркутска в 1944 г., стоил 1100 руб., водки – 800 руб., пива – 25–30 руб.¹⁰ [4, с. 75]. Но это вовсе не означало введения «сухого закона». Создав дефицит винно-водочных изделий, ГКО приступил к массовому использованию продажи алкогольной продукции в

⁶ Там же. Ф. 127. Оп. 14. Д. 692. Л. 13, 31.

⁷ Там же. Д. 34. Л. 131.

⁸ Там же. Ф. 159. Оп. 6. Д. 432. Л. 28; Оп. 7а. Д. 268. Л. 11.

⁹ РГАСПИ. Ф. 664. Оп. 1. Д. 128. Л. 46; Д. 356. Л. 59; Д. 38. Л. 174; Д. 46. Л. 57, 59.

¹⁰ ГАНИИО. Ф. 127. Оп. 14. Д. 17. Л. 9.

интересах стимулирования труда. На январь–март 1945 г. 19 основным наркоматам (без Наркомата обороны) и ведомствам на поощрительные цели было отпущено 1300 тыс. декалитров водки и спирта в переводе на водочный эквивалент [5, с. 64].

Наконец, нужно отметить, что определенным стимулирующим фактором являлась и сама карточная система. В исторической литературе упор делается, как правило, на нивелирующей роли карточной системы распределения. Она действительно способствовала выравниванию заработка на предприятиях и нивелировке покупок независимо от размеров заработной платы. В силу этого реальный жизненный уровень во многом регулировался не размером заработной платы, а нормой снабжения по карточкам. С одной стороны, это вело к потере стимулов к труду, инертности, иждивенчеству. Но с другой стороны, именно из-за своей важной роли карточное снабжение становилось важным стимулирующим фактором высокопроизводительного труда.

По снабжению городское население делилось на четыре категории: рабочие, служащие, иждивенцы, дети до 12 лет. К категории рабочих относились также ИТР, работники общепита, персонал госпиталей, руководящий состав партийных, советских и общественных организаций. Позднее к ним причислили и работников науки, искусства, литературы, студентов, старых большевиков – персональных пенсионеров.

Установленные месячные нормы снабжения для рабочих, инженерно-технических работников были по хлебу в 2, мясу в 2,5, жирам, крупе и макаронам в 4 и по сахару в 1,5 раза выше норм для иждивенцев. Одновременно дифференцированно осуществлялось снабжение рабочих и ИТР. По карточному снабжению рабочие делились на два списка. К первому относились рабочие таких приоритетных отраслей, как оборонная, угольная, нефтяная, химическая, цементная, электротехническая промышленность, черная и цветная металлургия, электроэнергетика, машиностроение, железнодорожный и морской транспорт. По второму списку снабжались рабочие всех остальных отраслей хозяйства. В Иркутске, например, по первой категории снабжались рабочие заводов № 125, 394, 540, им. Куйбышева, городской ЦЭС, железнодорожных узлов Иркутск-1 и Иркутск-2, Управления дороги «Востсибстройпуть», а также работники УНКВД и военные всех частей на территории города, не состоявшие на котловом довольствии. По второй категории снабжались рабочие остальных предприятий.

По этой системе снабжались также ИТР, служащие и их иждивенцы¹¹. Все это решалось в соответствии с постановлениями ГКО по жестким лимитам. Помимо этого постановлением правительства отдельные предприятия могли быть отнесены к нормам снабжения по повышенным и особо повышенным спискам. Нормы второго списка и особо повышенные соотносились как 1 : 2,5. Всего на централизованное снаб-

жение к началу 1942 г. по Восточной Сибири было принято 1956,6 тыс. чел. [6, с. 137], или около 40 % общей численности населения региона. По карточкам снабжения рабочих первой и второй категории снабжаемый контингент делился примерно поровну.

Помимо этих норм карточного питания имелись и другие: особого списка, торфопредприятий, усиленного диетического питания, отдельного питания для туберкулезных больных, холодных завтраков, бескарточных хлебных довесок. Часть рабочих и служащих Наркомата путей сообщения обеспечивались по тыловым нормам Наркомата обороны.

На протяжении существования карточной системы распределение по ней усложнялось. Накануне ее отмены, например, только карточки на хлеб дифференцировались по 11 категориям с максимальной нормой выдачи 1200 г и минимальной 300 г. Ведомствами были введены еще и дополнительные виды питания, среди которых наиболее распространенными являлись второе горячее питание и специальное питание для рабочих вредных цехов¹².

Вместе с тем следует отметить, что, несмотря на явную попытку повысить стимулирующую роль карточного снабжения, о чем свидетельствует серьезная дифференциация в распределительных отношениях, ожидаемых результатов это не дало. В реальной жизни установленные нормы как по продовольствию, так и промышленным товарам не выдерживались. Снабжение продовольствием для большинства населения городов сводилось в основном к отовариванию хлебом, да и тот можно было приобрести с трудом. Еще хуже обстояло дело с промышленными товарами, главным образом потому, что выделенные по централизованному снабжению областям региона фонды никогда полностью не отоваривались.

Таким образом, заработная плата, премиальная система и другие виды доплат, а также перераспределение товарных потоков играли гораздо более важную роль в стимулировании высокопроизводительного труда рабочих и служащих, нежели карточная система снабжения. Вместе с тем свертывание товарно-денежных отношений, переход к жестокому директивному распределению имеющихся товарных ресурсов среди населения в условиях существования карточной системы обусловили значительное снижение заработной платы как основной формы оплаты по труду. Огромные масштабы получило теневое перераспределение товаров, продуктов и услуг. При острейшем дефиците товаров и продуктов в наиболее выгодном положении оказались те группы населения, которые находились в непосредственной близости от каналов распределения товаров и продуктов (работники торговли, общепита, карточных бюро), а также те, кто был задействован непосредственно на их производстве (работники хлебозаводов, мясокомбинатов и др.). Ситуация не изменилась в лучшую сторону и после отмены кар-

¹¹ Там же. Ф. 159. Оп. 6. Д. 297. Л. 2.

¹² Там же. Ф. 127. Оп. 14. Д. 272. Л. 149, 155; Ф. 29. Оп. 1. Д. 1337. Л. 31.

точной системы, поскольку острее необходимость в товарах повседневного спроса продолжала сохраняться. Все это оказывало реальное влияние на социальное расслоение среди самих работников различных отраслей хозяйства. Близость к каналам распределения в условиях полуголодного и откровенно голодного существования в годы войны существенно повышала социальный статус этих групп населения, одновременно снижалась мотивация к высокопроизводительному труду, что неизбежно усиливало административные и идеологические факторы в сфере производства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Попов В.П. Региональные особенности демографического положения РСФСР в 40-е годы // Социологические исследования. 1996. № 4.
2. Вознесенский Н. Военная экономика СССР в период Отечественной войны. М., 1947.
3. Фигурнов С.П. Реальная заработная плата и подъем материального благосостояния в СССР. М., 1960.
4. Опаленные годы. Черемхово, 1995.
5. Книшевский П.Н. ГКО: методы мобилизации трудовых ресурсов // Вопр. истории. 1994. № 2.
6. Рабочий класс Сибири в период упрочения и развития социализма. Новосибирск, 1984.

С.Н. ИВАНОВ

МАТЕРИАЛЬНО-ТЕХНИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ВОЕННЫХ УЧИЛИЩ НАРКОМАТА ОБОРОНЫ СССР НА ТЕРРИТОРИИ СИБИРСКОГО ВОЕННОГО ОКРУГА В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Новосибирское высшее военное командное училище (военный институт)

В статье раскрывается материально-техническое обеспечение военных училищ и школ Наркомата обороны в СибВО и его влияние на результаты учебно-боевой подготовки. Трудности в обеспеченности техникой и вооружением, продовольствием и вещевым имуществом, особенно в 1941–1942 гг., позволяют реально оценить деятельность командно-преподавательского состава училищ, стойкость курсантского состава в преодолении тягот и лишений военной службы.

Ключевые слова: учебно-материальная база, военные училища и школы, питание, размещение, вооружение, техника.

На территории СибВО в период Великой Отечественной войны дислоцировалось с разной продолжительностью более 50 военных училищ. На эффективность их деятельности огромное влияние оказывало материально-техническое обеспечение, т.е. комплекс мероприятий, которые проводились с целью удовлетворения потребностей военных училищ в материальных средствах, необходимых для их повседневной жизни и учебно-боевой деятельности.

Училища, сформированные в довоенный период, имели возможность создания разносторонней учебно-материальной базы, но абсолютное большинство училищ было организовано накануне и в начале войны или передислоцировано. Ситуация во многих случаях была критической. О специализированных классах, их оборудовании в большинстве училищ говорить не приходится. Первостепенным вопросом было размещение курсантского и командно-преподавательского состава. Часто казармы являлись учебными классами, и наоборот, классы становились местом проживания курсантов. Практическая направленность занятий нередко превращала полигоны, стрельбища, парки, аэродромы, окопы в учебные классы. В качестве примера материальной обеспеченности училищ приведем выписку из

акта инспектирования Орджоникидзеградского военного автомобильного мотоциклетного училища (ВАМУ)¹ комиссией УВУЗ ГАБТУ от 25 марта 1942 г.: «...училище в г. Минусинске Красноярского края расквартировано в 30 отдельных зданиях по всему городу. Часть зданий требует текущего и капитального ремонта. Денежных средств на ремонт с момента передислокации не перечислялось. Курсанты проживали в основном на 3-ярусных кроватях. 30 % командного и начальствующего состава проживают на частных квартирах. Кухня и столовая размещены в бывшем гараже, вместимостью 500 чел., питание в три очереди»².

2-е Ленинградское авиационное техническое училище (КВАТУ) в г. Ишиме занимало здания в военном городке. Многие помещения были не пригодны для эксплуатации. Занятия проводились в бараках птичника, городском театре, сараях, конюшне, под открытым

¹ Приказ заместителя НКО № 337 от 3 сентября 1941 г. предписывал сохранять за передислоцированными военными училищами прежние наименования.

² ЦАМО РФ. Ф. 160. Оп. 13273. Д. 2. Л. 138.

³ Там же. Ф. 60359. Оп. 35787. Д. 38. Л. 6.

небом³. Катастрофическим было положение учебной базы Новосибирской военной авиационной школы пилотов (ВАШП). Из требующихся 52 классов имелось только 12, т.е. 23 %. Все классы располагались на аэродроме авиаэскадрильи в Бердске, здесь же размещался и запасной батальон школы. Три авиаэскадрильи размещались на аэродромах-площадках, где учебные классы вообще отсутствовали. Учебные занятия велись в казармах, землянках, а чаще всего на открытом воздухе⁴. В аналогичном положении находились и многие другие училища.

Трудности обустройства военного времени решались командованием военно-учебных заведений в первую очередь за счет опыта и предприимчивости командиров, использования труда курсантов. Строительство, ремонт, поддержание порядка на закрепленных территориях и объектах традиционно являлись обязанностью дислоцирующихся училищ. Лишь к концу 1942 г. начинает налаживаться структура материально-технического обеспечения вузов, планируются и выделяются средства на развитие учебно-материальной базы. Впечатляет объем работ, проведенных в военных училищах. За 18 месяцев – с апреля 1943 г. по октябрь 1944 г. – для Новосибирской ВАШП был построен самолетный цех объемом 6500 куб. м и площадью 1650 кв. м, проложено 2 км дороги (шириной 10 м) от железнодорожного вокзала до аэродрома, проведена ЛЭП протяженностью 2300 м, капитально отремонтировано 5 км дороги с асфальтовым покрытием, установлены два трансформатора мощностью 75 и 100 кВт, кроме того, сооружен новый склад-ангар, построены клуб-землянка на аэродроме Бердск-Южный на 200 чел., жилая землянка на 130 чел., гараж-землянка на 20 машин, конюшня на 24 лошади, сарай на 20 ставков с погребями, баня, прачечная на аэродроме Бердск-Южный. Там же построены электростанция, рубленое здание на 12 комнат, класс учебно-летнего отдела⁵.

В годы войны имели место трудности с обеспечением курсантов сезонной формой. Наркомат обороны, при всей сложности обстановки на фронтах, держал на контроле вещевое снабжение военнослужащих. За необеспечение положенными видами обмундирования или непринятие мер к военнослужащим, имеющим неряшливый внешний вид, порванную одежду и обувь, одетым не по сезону, командный и интендантский состав частей и учреждений наказывался вплоть до снятия с должности (приказ НКО от 30 августа 1942 г.) [1, с. 287].

Питание военнослужащих в военный период осуществлялось в соответствии с приказом Наркомата обороны от 22 сентября 1941 г. [1, с. 95–102]. Курсанты всех военных училищ сухопутных и воздушных сил РККА, рядовой и младший начальствующий состав авиадесантных войск обеспечивались по нор-

ме № 9 этого приказа. Курсанты летных училищ в дни полетов получали дополнительное довольствие по норме № 8 [2, с. 147–154]. Бывшие курсанты вспоминают: «Постоянное ощущение голода. Скучный паек военного времени – капустный суп, мороженая картошка. Попасть в наряд на конюшню считалось за счастье, там можно было жмыха поесть!» [3, с. 160].

Училища получали продовольствие через продовольствующую службу округа. Отпуск продовольствия и фуража производился по списочной численности училищ. К 2-му числу каждого месяца интендантская служба представляла в СибВО отчет о расходе продовольствия и очередную заявку на него, согласно списку личного состава. Училища прикреплялись к продфуражным складам продовольственными аттестатами, получая со складов все необходимое по чековым требованиям [1, с. 102–103]. Кроме того, практически каждое училище имело подсобное хозяйство.

Трудности с питанием курсантов иногда возникали и по вине руководства СибВО. Так, в январе–феврале 1942 г. ухудшилось питание переменного состава 2-го Ленинградского КВАТУ в связи с тем, что с 15 декабря 1941 г. не были распределены 866 выпускников. Несмотря на переписку с продотделом СибВО, училище в течение 2 месяцев недополучило 1720 месячных пайков⁶.

При проверке бригадой Главупродснаба РККА работы Упродснаба СибВО (по приказу Наркомата обороны от 12 января 1943 г.) был выявлен перерасход продпайков, и в то же время невыбор сотен тонн мяса, рыбы, жиров, сахара из назначенных округу продовольственных фондов, т.е. недодача в войска (в училища) продовольствия. Военным советом округа в воинские части было дано распоряжение, впоследствии признанное ошибочным (телеграмма от 22 октября 1942 г.), согласно которому чистку картофеля и овощей в целях экономии необходимо было прекратить и во все блюда закладывать овощи нечищенные, ограничиваясь только промывкой. Это привело к порче пищи и недовольству со стороны красноармейцев. В ряде частей и учреждений отмечалось нерадивое отношение к вопросам питания личного состава, имели место недодача продуктов и небрежное приготовление пищи [4, с. 24–26].

Дрова отпускались училищам по нарядам. Потребность 2-го Ленинградского КВАТУ в топливе составляла – 50 куб. м в сутки, фактически выдавалось – 20 куб. м. Подвоз за 35–45 км силами школы был невозможен, автотранспорт из-за бездорожья и снежных заносов с задачей также не справлялся. Имевшиеся после капитального ремонта два трактора решить проблему были не в состоянии. Поэтому классы совершенно не отапливались, а рогные помещения топили только

⁴ Там же. Ф. 60365. Оп. 35821. Д. 4. Л. 2.

⁵ Там же. Л. 15.

⁶ Там же. Ф. 60359. Оп. 35787. Д. 3. Л. 15; Д. 38. Л. 3.

⁷ Там же. Л. 15.

через 2–3 дня⁷. В подобной ситуации с топливом в 1941–1943 гг. находились и другие вузы. Ветеран войны М.И. Дорман вспоминает (зима с 1942 на 1943 г. – С.И.): «Каждую ночь перед сном нас заставляли бежать 8 километров в ближайший лес, брать на лесосеке бревна и тащить их в училище. Каждый был обязан принести бревно 2-метровой длины» [3, с. 160].

Неудовлетворительное размещение переменного состава в подразделениях, скученность, недостаточное снабжение вещевым имуществом, скудное продовольственное обеспечение сопровождалось эпидемиологическими заболеваниями, болезнями желудочно-кишечного тракта. Нередкими явлениями были педикулез, туберкулез, сыпной тиф. В донесении начальнику управления по укомплектованию войск ГШ РККА от начальника Сумского артиллерийского училища сообщается: «13 мая 1941 г. от туберкулеза умер курсант Б. – 1921 г.р., русский, в училище принят 26 июля 1939 г.»⁸ Согласно спецдонесению начальника особого отдела НКВД заместителю командующего войсками СибВО о состоянии карантина и заболевании сыпным тифом курсантов Лепельского пехотного училища (ПУ): «На 16 марта 1942 г. училище к приему курсантов помещений не подготовило. Из 127 чел. кандидатов из гражданской молодежи – 19 чел. отправлено в госпиталь с признаками заболевания сыпным тифом. Питание курсантов налажено неудовлетворительно, столовая содержится грязной, окна разбиты, снег попадает в помещение. Курсанты пищу принимают одетыми, на ученических партах. Помещения очень маленькие, обед принимают в четыре очереди»⁹.

В марте 1943 г. было зафиксировано три случая заболевания брюшным тифом в Воронежской школе радиоспециалистов. Причинами заболевания назывались: несоблюдение правил личной гигиены, грязь в местах общего пользования, покупка с рук семечек и продуктов неизвестного происхождения и качества, питье сырой воды, посещение родственников и продукты ненадлежащего качества, посещение города¹⁰.

В целях предупреждения заболеваний сыпным тифом личного состава начальник Новосибирского военно-политического училища в приказе по строевой части № 46 от 18 февраля 1942 г. потребовал под ответственность командиров рот проводить ежедневный гигиенический осмотр курсантов днем, после часов отдыха, для выявления вшивости. О замеченных случаях вшивости немедленно докладывалось письменно. В обязательном порядке требовалось организовать стирку обмундирования, а каждую декаду производить помывку в бане с дезсанобработкой и стрижкой волос. Кратковременные отпуска курсантов в город запрещались. В случае исключения –

курсанты после отпуска обязаны были проходить дезсанобработку в санчасти. Категорически запрещалось вешать на вешалку курсантов верхнюю одежду вольнонаемных и наоборот¹¹. Введение таких ограничений имело основания, так как инфекционная заболеваемость в Сибири в связи с процессом эвакуации населения из европейской части страны возросла многократно.

Огромную потребность военные училища испытывали в вооружении и военной технике, требовавшихся для процесса обучения. Главной причиной неукомплектованности училищ техникой являлась необходимость ее первоочередной поставки в действующую армию, в том числе передачи в формируемые воинские части. Так, Наркомат обороны распоряжением от 11 августа 1941 г. о формировании Сибирских дивизий, приказал: «Для проведения боевой подготовки... изъять излишки оружия военно-учебных заведений, а также оружие, имеющееся у постоянного состава военных училищ, кроме командного состава строевых подразделений, которому оставить только револьверы»¹². В 1942 г. Мичуринским военно-инженерным училищем было передано в действующую армию большая часть личного оружия (пистолеты, револьверы)¹³. На вооружении у Сумского артиллерийского училища осталось только две боевые гаубицы калибром 122 мм 1938 г. и одна гаубица калибром 122 мм 1910–1930 гг. Рации и телефонный провод были переданы армии¹⁴. По актам инспекции ОВУЗ СибВО в 1-м Омском ПУ на 10–15 января 1942 г. комплект составлял: винтовок (образца 1891–1930 гг.) – 246 шт., винтовок СВТ – 1236 шт., пулеметов «Максим» – 18 шт., пулеметов «ДП» – 57 шт., лопаток малых – 885 шт., топоров малых – 187 шт., масок стрелка – 439 шт., полушубков – 496 шт., валенок – 879 пар, котелков – 1206 шт., фляг – 2076 шт., лыж – 1336 пар¹⁵.

Многое зависело от командования училищ на конкретном месте. Так, благодаря ответственности офицеров Тульского оружейно-технического училища, его боевое и учебное вооружение, оборудование учебных и производственных мастерских, транспорт и имущество были эвакуированы полностью, за исключением мебели¹⁶. Вместе с тем за халатное отношение к сохранности имущества семей офицерского состава в период перебазирования заместитель начальника Сумского артиллерийского училища по материально-техническому обеспечению и заместитель комиссара были отданы под суд военного трибунала¹⁷.

¹¹ Там же. Ф. 60243 Оп. 35681. Д. 3. Л. 48, 49, 50.

¹² Там же. Ф. 160. Оп. 13230. Д. 33. Л. 66–71.

¹³ Там же. Ф. 60150. Оп. 35452. Д. 1. Л. 21.

¹⁴ Там же. Ф. 60191. Оп. 35944. Д. 1. Л. 28.

¹⁵ Там же. Ф. 60054. Оп. 35110. Д. 1. Л. 8.

¹⁶ Там же. Ф. 333. Оп. 803376С. Д. 1. Л. 6.

¹⁷ Там же. Ф. 60191. Оп. 35944. Д. 1. Л. 26.

⁸ Там же. Ф. 60191. Оп. 35973. Д. 1. Л. 16.

⁹ Там же. Ф. 160. Оп. 13273. Д. 2. Л. 36.

¹⁰ Там же. Ф. 60867. Оп. 36164. Д. 13. Л. 42.

Аварийность в Новосибирской ВАШП*

Год, месяц	Летных происшествий	Катастроф	На кол-во часов налета	Аварий	На кол-во часов налета	Потери летного состава	Потери самолетов
1941	52	0	–	9	3423	–	9
1942	21	2	7380	5	2952	3	
1943	15	2	15240	3	10160	3	5
1944	34	1	55819	11	5074	2	10
январь–июль 1945 г.	40	2	12849	6	4283	4	8

*Составлено по: ЦАМО РФ, Ф. 60365. Оп. 35821. Д. 4. Л. 6.

Анализ данных о наличии вооружения и транспортных средств в военных училищах свидетельствует о недопустимо низком уровне их обеспеченности. Отсутствие личного оружия, пулеметов, минометов и пушек сводило учебный процесс к теоретической подготовке. Средства связи имелись в минимальном количестве, старых образцов и чаще всего в неисправном виде. И если в пехотных училищах отсутствие вооружения можно было компенсировать занятиями по тактике, топографии, инженерной подготовке, то в авиационных и авиационно-технических школах, артиллерийских училищах без вооружения и техники учебный процесс не имел смысла. Научить артиллериста стрелять без пушки, а техника обслуживать самолет без наличия самолета просто невозможно.

Пытаясь наладить обучение, преподавательский состав училищ организовывал изготовление макетов, разрезных частей и агрегатов, стендов и плакатов. Так, силами личного состава мастерских 2-го Ленинградского КВАТУ было организовано изготовление макетов приборов: 1941 г. – 193 шт.; 1942 г. – 291 шт.; 1943 г. – 671 шт.; 1944 г. – 750 шт.; 1945 г. – 500 шт. Всего – 2405 шт. Кроме того, было выпущено – 58 наименований учебников и описаний, общим объемом – 469 печатных листов¹⁸.

Образцы новой техники начали поступать в училища только в 1943 г. До этого училища получали в лучшем случае технику, выработавшую свой ресурс и не подлежащую восстановлению. Так, в Тульском оружейно-техническом училище учебный процесс сочетался с работой по ремонту техники. В 1942 г. силами его преподавательского состава и курсантов было отремонтировано: 5396 винтовок калибра 7,62 мм, 131 пистолет, 408 ручных пулеметов ДП, 243 станковых пулемета «Максим», 11 ПТР, 41 винтовка ТОЗ, 78 минометов, 4 пулемета калибра 45 мм и другие виды вооружения¹⁹.

¹⁸ Там же. Ф. 60359. Оп. 35787. Д. 38. Л. 44.

¹⁹ Там же. Ф. 333. Оп. 803376С. Д. 1. Л. 23.

Особенно напряженным было положение в авиационных школах и школах стрелков-радистов. Авиационной техники не хватало, ее летный ресурс был полностью использован. Частыми были перебои с поставкой авиационного топлива. Дальнейшая эксплуатация самолетов вела к летным происшествиям, авариям, катастрофам. В Бирмской ВАШП в 1941 г. налет составил 12 754 ч. 51 мин., при этом отмечено 33 летных происшествия, 2 катастрофы, 6 аварий. В 1942 г. при налете 14 234 ч. (на 10 % больше, чем в 1941 г.) из-за износа авиатехники аварийности возросла вдвое. Допущено 74 летных происшествия, 1 катастрофа, 6 аварий²⁰. О высокой аварийности свидетельствуют данные Новосибирской ВАШП (см. таблицу). Самым «аварийным» был 1942 г.

В Омской ВАШП наибольшей аварийностью отличался 1943 г. Так, при налете в 1942 г. 16 682 ч. и 88 233 посадках летных происшествий отмечено 43, из них: 4 катастрофы, 8 аварий, 7 вынужденных посадок, 24 поломки авиатехники²¹. В 1943 г. при налете 24 163 ч. и 128 380 посадках летных происшествий случилось 73, из них: катастроф – 10, аварий – 8, вынужденных посадок – 26, поломок – 29²².

Согласно донесению начальнику УВУЗ ВВС КА и командующему ВВС СибВО от начальника 2-го Ленинградского КВАТУ на 1 января 1942 г. требовалось самолетов: Пе-2 – 4 шт.; Ил-2 – 3 шт.; МиГ-3 – 4 шт.; ЛАГГ-3 – 3 шт.; Як-3 – 3 шт.; ДБ-7 – 2 шт.; ДВ-240 – 4 шт.²³ В Новосибирской ВАШП в конце 1942 г. и начале 1943 г. почти полностью прекратились учебные полеты из-за отсутствия авиатоплива, которое отдавалось на подготовку и формирование маршевых авиаполков.

Часто единичные экземпляры учебной техники использовались в процессе изучения практически круглосуточно. Испытывали училища недостатки в патронах и снарядах, особенно в 1941–1942 гг. Так,

²⁰ Там же. Ф. 60332. Оп. 35737. Д. 7. Л. 10.

²¹ Там же. Ф. 60368. Оп. 35867. Д. 1. Л. 8.

²² Там же. Л. 9.

²³ Там же. Ф. 60359. Оп. 35787. Д. 38. Л. 3.

расход боеприпасов на учебный процесс Мичуринского военно-инженерного училища составил: в 1941 г. – 2500 шт. выстрелов; 1942 г. – 5000 шт.; 1943 г. – 27 000 шт.; до 1 июня 1944 г. – 4000 шт.²⁴ Имевшиеся в училище две лодки А-3 использовались круглосуточно. На второе полугодие 1943 г. для практической стрельбы курсантов 2-го Гвардейского минометно-артиллерийского училища, в соответствии с нормами приказа НКО № 0605-1942 г., устанавливался лимит расходования патронов на обучаемого: 20 шт. – винтовочных, 20 шт. – пистолетных, 20 шт. – холостых, 40 шт. – малокалиберных²⁵.

В апреле–августе 1942 г. в Лепельском артиллерийско-минометном училище было проведено 9 стрельб, участвующие в них 83 курсанта получили оценки: «отлично» – 13 чел., «хорошо» – 48 чел., «посредственно» – 21 чел., «плохо» – 1 чел. Общая оценка – «хорошо». В 1943 г. проведено 13 боевых стрельб, которые прошли 234 курсанта – 12,9 % от числа выпускаемых, с результатами: «отлично» – 81 чел. (35 %); «хорошо» – 139 чел. (59 %); «посредственно» – 14 чел. (6 %). В 1944 г. и в 1945 г. было проведено по 21 боевой стрельбе²⁶. Преобладающая часть выпускников училищ шла на фронт, не сделав в училище даже единого выстрела.

В танковых училищах в связи с неукomплектованностью танками и боеприпасами обстановка была аналогичной. «На все училище у нас было два КВ и две «тридцатьчетверки», поэтому вождением мы в основном на тракторе занимались. Практики было мало, потому что не было такой возможности, за год учебы, суммарно, практики вождения у меня было не более пары часов – 120 мотоминут. Стреляли мы не боевыми снарядами, а через ствол пулями или из спаренного пулемета ДТ по пушечной шкале» [5, с. 8].

Обеспеченность военных училищ литературой, учебниками, учебными пособиями, учебными плакатами, канцелярскими принадлежностями была крайне неудовлетворительной, о чем можно судить и по документам ЦАМО РФ, которые были исполнены на технической бумаге и обратной стороне топографических карт. Отсутствовали самые необходимые для проведения занятий принадлежности, в лучшем случае имелись штучные экземпляры на все училище.

Примером может служить обеспеченность учебниками и учебными принадлежностями Камышинского танкового училища, где 41 наименование вооружения и имущества, положенные по табелю, в училище отсутствовало. Из 400 компасов в наличии было 50, из 200 полевых циркулей – 73, из 400 учебников топографии – 148²⁷. По нарядам 4-го отдела УВУЗ РККА на квартал училищу выделялось 2,5 тыс. карандашей, 200–250 порошков чернил. При норме на одного курсанта – 1 кг бумаги (30 тетрадей) училище должно было получать в год (без учета преподавательского состава) 43 500 тетрадей, а получило в 1942 г. 12 000 шт., в 1943 г. – 12 800, в 1944 г. – 22 800, в 1945 г. – 3500 шт.²⁸

Благодаря колоссальному труду командно-преподавательского состава, целеустремленности курсантов, пониманию ими, что от результатов учебы будет зависеть их жизнь и выполнение боевой задачи, в училищах постоянно укреплялась учебно-материальная база, организовывалось снабжение, обустроивался быт. 1943-й и последующие годы характеризуются как период освоения новой техники, поступающей на вооружение. Вопросы совершенствования учебно-материальной базы стали решаться в рабочем порядке. Творческий подход к использованию имевшейся базы позволил дать курсантам необходимые знания, касавшиеся материальной части оружия, навыки по эксплуатации и обслуживанию техники, руководству воинскими подразделениями.

ЛИТЕРАТУРА

1. Русский архив: Великая Отечественная: Приказы народного комиссара обороны СССР. 22 июня 1941–1942 гг. М., 1997. Т. 13 (2–2).
2. Русский архив: Великая Отечественная война: Документы и материалы тыла МВС СССР 1940–1945 гг. М., 1998. Т. 25 (14).
3. Дрaбкин А. Я дрался с Панцераффе. «Двойной оклад – тройная смерть!». М., 2007.
4. Русский архив: Великая Отечественная: Приказы народного комиссара обороны СССР. 1943–1945 гг.: Документы и материалы. М., 1997. Т. 13 (2–3).
5. Крысов В.С. «Батарея огонь!». На самоходках против «тигров». М., 2007.

²⁴ Там же. Ф. 60150. Оп. 35452. Д. 1. Л. 20.

²⁵ Там же. Ф. 50177. Оп. 35268. Д. 11. Л. 44.

²⁶ Там же. Ф. 60171. Оп. 35257. Д. 1а. Л. 4.

²⁷ Там же. Ф. 60119. Оп. 35344. Д. 4. Л. 183.

²⁸ Там же.

Л.И. СНЕГИРЕВА

ЭВАКУАЦИЯ ДЕТЕЙ В ЗАПАДНУЮ СИБИРЬ (1941–1945 гг.)Томский государственный педагогический университет
e-mail: snegireva@vtomske.ru

В статье рассматривается связь войны, массовой эвакуации населения с ростом детской беспризорности. Анализируются ее причины, даются основные направления деятельности государственных структур и общественности по сокращению и ликвидации этой социальной аномалии.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, эвакуация, беспризорность, безнадзорность.

Великая Отечественная война советского народа против фашистской Германии принесла неисчислимые бедствия, потери и великую Победу. Осмысление ее причин и цены невозможно без изучения эвакуации и проблем, ею порожденных. Одной из них была проблема детства и наиболее тяжкая ее составляющая – детская беспризорность и безнадзорность.

Это важнейшее направление социальной политики в годы войны не осталось вне поля зрения исследователей [1, с. 20–29; 2, с. 273–279]. Однако по сей день оно относится к числу слабо изученных.

Среди причин детской беспризорности и безнадзорности в 1941–1945 гг. на первом месте была война, прямыми следствиями которой стали массовая гибель и эвакуация населения.

Чтобы спасти генофонд страны, в тыл наряду с предприятиями и организациями были эвакуированы миллионы детей, подростков. В Западную Сибирь они начали прибывать в первых числах июля 1941 г., о чем свидетельствуют выявленные автором архивные документы. Так, с 3 по 16 июля 1941 г. Новосибирская область приняла из прифронтовой полосы 279 семей (614 чел.), из них 279 детей (45,5 %)¹. Осенью и зимой 1941 г. поток эвакуированных детей резко усилился. С 3 июля 1941 г. по 1 марта 1942 г. только в Новосибирскую область (по неполным данным) прибыло 146 292 эвакуированных, из них 42 992 детей (около 30 %), в том числе 24 764 чел. в возрасте до 7, а 18 128 чел. – до 14 лет². К весне поток эвакуантов начал спадать, но в мае–июне 1942 г. резко возрос и продолжался до конца 1942 г. За июнь–декабрь 1942 г. Новосибирский эвакуопункт принял 227 164 чел., в том числе 73 939 детей (24,6 %)³. С начала и до весны 1943 г. темпы детской эвакуации вновь ослабли, но она продолжалась до глубокой осени 1943 г.⁴.

В начальный период войны Западная Сибирь приняла 310 детских учреждений (34 364 детей) из 1913 (233 685 детей), размещенных тогда на территории РСФСР. Это составляло 16 и 14,7 % от общероссийских показателей. Алтайский край принял 92 детских учреждения (11 738 чел.), Новосибирская область – 48 (5 296 чел.), Омская – 170 (17 330 чел.)⁵.

В западносибирский тыл были эвакуированы Дома малютки, детские ясли, сады, детские дома, пионерские лагеря, интернаты из Черниговской, Тамбовской, Курской, Рязанской, Смоленской, Гомельской, Псковской, Сталинградской, Московской, Сталинской (Донбасс) областей, Пскова, Москвы, Киева, Ростова-на-Дону, Гомеля и других городов. Здесь находились детские учреждения для польских и испанских детей, Всесоюзный пионерский лагерь «Артек», но основную часть прибывших детских учреждений составляли детские дома и интернаты из Ленинграда⁶.

Дети прибывали не только с детскими учреждениями, но и с родителями, родственниками, самостоятельно.

По данным статистического отдела Переселенческого управления РСФСР, на 1 апреля 1943 г. в Западной Сибири числилось 934,5 тыс. эвакуограждан, в том числе 359,9 тыс. детей, (38,5 % от общего числа прибывших). В Алтайском крае проживало на этот период 148 тыс. чел., из них 56,9 тыс. детей (38,4 %). В Новосибирской области (в новых границах) находилось 301,4 тыс. эвакуированных, среди них 115,6 тыс. детей (38,3 %), в Омской – 272,6 тыс. чел., в том числе 80,5 тыс. детей (29,2 %), в Кемеровской – 212,5 тыс. чел., из них 80,5 тыс. чел. (37,9 %) составляли дети⁷.

⁵ Исчислено по: ГАРФ. Ф. А-327. Оп. 2. Д. 400. Л. 22.

⁶ ГАРФ. Ф. А-2306. Оп. 69. Д. 2876. Л. 106; Оп. 70. Д. 1427. Л. 18–25; ГАНО. Ф. Р-1030. Оп. 1. Д. 129. Л. 134, 193, 198; ЦХА-ФАК. Ф. Р-834. Оп. 1. Д. 234. Л. 181; Ф. П-482. Оп. 2. Д. 203. Л. 9, 9 об., 10–12; Д. 258. Л. 147, 173, 179, 182.

⁷ Исчислено по: ГАРФ. Ф. А-327. Оп. 2. Д. 375. Л. 37; Д. 404. Л. 5 (1, 2).

¹ Исчислено по: ГАНО. Ф. П-4. Оп. 34. Д. 114. Л. 3, 5, 7, 9.

² Исчислено по: ГАНО. Ф. Р-1030. Оп. 1. Д. 181. Л. 1–30.

³ Исчислено по: Там же. Д. 204. Л. 48–51.

⁴ ГАРФ. Ф. А-327. Оп. 2. Д. 363. Л. 74; Д. 401. Л. 54, 104, 146.

В РСФСР в это время числилось 5325,2 тыс. эвакуированных, в том числе 1911,9 тыс. детей (35,9 %)⁸. Следовательно, в Западной Сибири доля детей среди прибывшего взрослого населения была выше общероссийских показателей (38,5 и 35,9 % соответственно).

Эвакуация происходила в тяжелых условиях. Часть детей, подростков по разным причинам теряла связь с родителями, родственниками, учреждениями, с которыми они были эвакуированы. Дети отставали от эшелонов, нередко под бомбежками гибли их родители. 29 сентября 1942 г. начальник Новосибирского эвакупункта С. С. Половинкин докладывал председателю Новосибирского облисполкома Гришину и секретарю обкома ВКП(б) М.В. Кулагину о том, что ежедневно в эвакупункт обращаются до 10 и более подростков от 10 до 17 лет, отставших от эшелонов, потерявших родителей, не имевших документов и средств к существованию⁹.

Имели место случаи преступно-халатного отношения к организации эвакуации детей и подростков со стороны руководителей ряда учреждений и учебных заведений. В феврале 1942 г. в г. Сталинск Новосибирской области из Ленинграда было эвакуировано РУ № 70, руководство которого фактически бросило подростков на произвол судьбы. В Сталинск из эвакуированных 398 учащихся прибыли 240. В пути потерялось 158 чел., из которых 54 отстали от эшелона, 26 умерли, 67 попали в больницы, 11 отпущены из РУ¹⁰. И такие трагические события не были единичными¹¹.

С ростом беспризорности и безнадзорности были связаны военные и трудовые мобилизации мужского и женского населения. Гибель отцов на фронте и массовое вовлечение женщин на производство ослабляли контроль за детьми.

В связи с войной и эвакуацией сократилась численность школ, детских воспитательных учреждений. Ряд из них вынужденно заняли эвакуированные госпитали, НИИ, другие учреждения и организации. В Алтайском крае за две недели войны военному ведомству было передано 33 здания отдела народного образования, в Новосибирской области к началу учебного года – 99. Особенно тяжелая обстановка сложилась в городах. В Новосибирске в течение ноября – декабря 1941 г. из 74 школьных зданий 54 пришлось отдать под эвакуационные нужды, в Томске – 27 школ из 37¹².

Чрезвычайные меры вносили дезорганизацию в жизнь и работу школ и оказывались причиной массового отсева учащихся. До 1 декабря 1941 г. только из

школ г. Томска отселялось 1226 учащихся. Среди них были и те, кто пополнял ряды беспризорников¹³.

Отрицательно сказывалась на воспитательной работе с детьми во внеурочное время трех-, четырех-сменная занятость учителей. По состоянию на 1 февраля 1942 г. в городах Алтайского края в две–три смены обучалось 54,4 % учащихся, в Омской области 55 % городских школьников. Из 60 школ Новосибирска 37 работали в три смены, 19 – в четыре. Все школы Томска, за редким исключением, работали в три–четыре, иногда даже в пять смен¹⁴.

Война осложнила проблему педагогических кадров. В 1941/42 учеб. году в отдельных районах Новосибирской области сменилось 50 % учителей. На 5 сентября 1941 г. в Алтайском крае было утверждено лишь 99 директоров средних и семилетних школ из 948¹⁵. Влияние этого фактора было несколько ослаблено притоком эвакуированных учителей, но их пребывание на сибирской земле было временным. По сравнению с довоенным уровнем заметно уменьшилось количество проводимых для детей культурных мероприятий.

В годы войны резко ухудшилось материальное положение населения. В связи с этим возросло число потенциально возможных беспризорных, каковыми являлись дети из плохо обеспеченных семей, учащиеся, покинувшие школу по разным причинам. Абсолютное же большинство беспризорных и безнадзорных составляли дети, эвакуированные из прифронтовых областей. С начала войны до мая 1943 г. связь с родителями потеряли около 190 тыс. детей и подростков [3, с. 68]. Предоставленные самим себе подростки становились на путь беспризорности и преступности.

Определенное влияние на рост беспризорности оказывали и субъективные факторы: стремление участвовать в боях с фашистскими захватчиками, самостоятельный розыск родных и связанные с этим побег из детских учреждений.

Число беспризорных детей с начала войны особенно быстро росло в городах. В Новосибирской области за первый год войны численность их увеличилась с 2293 чел. в 1941 г. до 5672 – в 1942 г., 75,9 % из них дали Новосибирск и Томск¹⁶. То же самое происходило и в других областях Западной Сибири. Детские дома были переполнены. Борьба с беспризорностью требовала мер в государственном масштабе.

Весь комплекс вопросов, связанных с решением указанной проблемы, получил государственно-право-

⁸ ГАРФ. Ф. А-327. Оп. 2. Д. 375. Л. 37.

⁹ ГАНО. Ф. Р-1030. Оп. 1. Д. 174. Л. 90.

¹⁰ ГАНО. Ф. П-4. Оп. 6. Д. 10. Л. 209.

¹¹ ЦХАФАК. Ф. П-4. Оп. 18. Д. 58. Л. 84.

¹² Там же. Д. 459. Л. 147; ГАНО. Ф. П-4. Оп. 6. Д. 141. Л. 18; Оп. 33. Д. 519. Л. 10; Учительская газета. 1942. 7 янв.

¹³ ЦДНИТО. Ф. 80. Оп. 3. Д. 25. Л. 356. По данным Томского горсовета, в октябре 1941 г. в школах города числилось 1770 эвакуированных детей и 5634 школьника, отцы которых были призваны на фронт (Там же. Л. 357).

¹⁴ ГАРФ. Ф. А-2306. Оп. 69. Д. 2806. Л. 94; ЦДНИТО. Ф. 80. Оп. 3. Д. 25. Л. 357.

¹⁵ ГАНО. Ф. П-4. Оп. 6. Д. 224. Л. 98; ЦХАФАК. Ф. П-1. Оп. 18. Д. 75. Л. 5.

¹⁶ Там же. Оп. 33. Д. 840. Л. 199; Оп. 7. Д. 298. Л. 190, 211.

вую основу в целом ряде правительственных решений¹⁷. Постановление СНК СССР от 23 января 1943 г. «Об устройстве детей, оставшихся без родителей» устанавливало личную ответственность председателей исполкомов всех уровней за устроенность детей, оставшихся без родителей, обязывало создать при исполкомах комиссии, непосредственными задачами которых являлись помощь в охране прав несовершеннолетних подростков и их трудоустройство, помощь детям в поиске родителей, устройство сирот в детские учреждения, передача их на патронат, опеку и усыновление. Местным органам власти предоставлялось право открывать при необходимости детские дома сверх установленного плана¹⁸.

28 февраля Новосибирский, а 5 и 24 марта 1942 г. Омский обласполкомы и Алтайский крайком утвердили планы, в соответствии с которыми здесь были созданы комиссии по устройству детей, оставшихся без родителей¹⁹. Пригороно работали детские комнаты. Выявлением беспризорных и безнадзорных детей занимались органы НКВД, была расширена сеть приемников-распределителей во всех крупных городах, населенных пунктах и на железнодорожных станциях.

В детских приемниках-распределителях дети (в возрасте до 15 лет включительно) должны были находиться не более двух недель. Дети до 3-х лет включительно в случае невозможности вернуть их родным направлялись (через отделы здравоохранения) в Дома ребенка, ясли или на патронат. Дети до 14 лет (через отделы народного образования) определялись в детские дома, на патронат и опеку. Детей старше 14 лет устраивали на работу, направляли в РУ, ФЗО.

По данным 25 районов Новосибирской области в первый год войны было выявлено и передано в детприемники 2353 беспризорника, по г. Новосибирску – 5951 чел., в том числе 3400 эвакуированных детей, из которых 325 совершенно нищих. Из 1581 прошедшего через детскую комнату в Новосибирске за первые пять месяцев 1942 г. на учете по беспризорности находилось 872 подростка, из которых 374 ушли из материально необеспеченных семей, у 148 умерли родители, 118 чел. оказались под влиянием преступных элементов, 26 ушли из дома из-за скверного обращения с ними. Следует отметить, что 95 % этих детей прибыли в область по эвакуации²⁰.

В целом за годы войны только через детские комнаты г. Новосибирска прошли 18 765 чел. Большинст-

во из них составляли дети, прибывшие из прифронтовых областей [4, с. 112].

Большую помощь детским комнатам оказывали комсомольские организации. Комсомольцы активно участвовали в проведении совместных с милицией ночных рейдов по выявлению беспризорных детей, дежурили на крупных станциях. В 1942 г. Томский и Новосибирский горкомы комсомола организовали 11 рейдов, сняв с улиц 966 подростков²¹.

Однако, несмотря на все усилия, с июня 1941 г. по июнь 1943 г. в Западной Сибири, как и в стране в целом, в чрезвычайных условиях военного времени беспризорность и безнадзорность приняли массовый характер. Меры, введенные государством, оказались недостаточными.

В Кемеровской области в третьем квартале 1943 г. было задержано 4 тыс. беспризорных детей, что было в 3 раза больше, чем во втором квартале. Крайне неблагоприятными в этом отношении являлись города Сталинск, Прокопьевск, Кемерово, Ленинск-Кузнецк и Белово, где детская беспризорность, безнадзорность, преступность и хулиганство среди несовершеннолетних приняла широкие размеры. Сложная обстановка была и в ряде городов Омской, Новосибирской областей и Алтайского края²².

Чтобы изменить ситуацию, во второй половине 1943 г. был осуществлен целый комплекс организационно-правовых мероприятий, направленных на борьбу с детской беспризорностью и безнадзорностью. В составе НКВД СССР и УНКВД краев и областей, в союзных и автономных республиках Приказом НКВД СССР от 21 июня 1943 г. № 0246 были организованы отделы по борьбе с детской беспризорностью и безнадзорностью (ОБДББ), тем самым был создан специальный аппарат, призванный организовать и координировать все направления этой деятельности [5, с. 387].

Одновременно активизировалась работа других государственных структур и общественности. Распоряжением СНК СССР от 25 мая 1943 г., принятом в порядке частичного изменения постановления СНК СССР от 23 января 1942 г. «Об устройстве детей оставшихся без родителей», было разрешено повсеместно принимать в детприемники-распределители детей в возрасте до 16 лет, увеличивались финансовые расходы²³. Была проведена проверка положения дел с ликвидацией беспризорности на местах, для чего направлялись специальные комиссии, получавшие право решать все дела от имени обкомов партии. Итоги их работы были заслушаны на заседаниях бюро обкомов ВКП (б). В ходе проверки оказались выявлены серьезные недочеты в работе²⁴.

²¹ ГАТО. Ф. Р-430. Оп. 1. Д. 785. Л. 133 об.; Д. 834. Л. 40.

²² ГАКО. Ф. П-75. Оп. 1. Д. 143. Л. 27–29; ГАНО. Ф. Р-433. Оп. 1. Д. 124. Л. 15; ГАТО. Ф. Р-430. Оп. 1. Д. 830. Л. 47, 47 об.; Д. 831. Л. 53.

²³ ГАОО. Ф. 17. Оп. 18. Д. 360. Л. 52, 53; Оп. 19. Д. 268. Л. 2, 3, 173; ГАТО. Ф. Р-430. Оп. 1. Д. 830. Л. 47, 47 об.; Д. 157. Л. 47.

²⁴ ГАКО. Ф. П-75. Оп. 1. Д. 13. Л. 16, 17; Д. 21. Л. 2, 3.

¹⁷ Собрание постановлений и распоряжений правительства СССР. М., 1942. № 75; М., 1943. № 659; М., 1944. № 827; Систематизированное собрание законов РСФСР, указов Президиума Верховного Совета РСФСР и решений правительства РСФСР: В 15 т. М., 1967. Т. 13. С. 634–637.

¹⁸ Собрание постановлений и распоряжений правительства СССР. М., 1942. № 75.

¹⁹ ГАНО. Ф. Р-1020. Оп. 2. Д. 163. Л. 56; ГАТО. Ф. Р-430. Оп. 1. Д. 814. Л. 64 об.; ГАОО. Ф. Р-437. Оп. 9. Д. 977. Л. 115; ГААК. Ф. Р-312. Оп. 1 а. Д. 68. Л. 121.

²⁰ ГАНО. Ф. П-4. Оп. 6. Д. 141. Л. 303.

Органы власти Западной Сибири и общественность прилагали немалые усилия, чтобы переломить сложившееся положение. Корректировались планы работы, укреплялся кадровый состав действующих комиссий. Во многих городах и районах Западной Сибири были открыты детские комнаты в школах для дневного пребывания в них детей-школьников, преимущественно эвакуированных и фронтовиков, матери которых работали на производстве. Улучшилась работа по учету детей-сирот и детей, потерявших связь с родителями в ходе эвакуации и реэвакуации. Детским комнатам и детприемникам была оказана материальная и кадровая помощь. Во всех областях принимались меры по улучшению внешкольной работы.

Продолжались мероприятия и по «снятию» с улиц безнадзорных и беспризорных детей. 17 декабря 1944 г. в г. Томске силами работников областного, городского отделов милиции и комсомольского актива была проведена массовая операция, в которой участвовали 101 чел.: было охвачено 7 рынков, 17 магазинов, 2 кинотеатра, 17 улиц. Всего задержали 127 детей и подростков²⁵.

Большую роль в борьбе с детской беспризорностью и безнадзорностью играли детские дома. Сюда и поступала значительная часть задержанных детей. Численность детских домов в Западной Сибири в годы войны резко возросла. Если до войны на Алтае было 47 детских домов (3900 чел.), то к концу 1944 г. – 126 детских домов (13,7 тыс. детей) [6, с. 177]. В Омской области к началу войны насчитывалось 27 детских домов, к концу – 95. В Новосибирской области на 1 января 1941 г. имелось 12 детских домов (970 чел.), в 1945 – 80 (7471 чел.) [7, с. 84].

Важное значение в деятельности по ликвидации беспризорности детей придавалось устройству их на воспитание в семьях трудящихся и усыновление. В Новосибирской области на 1 октября 1944 г. на патронате находилось 1897 детей, 1581 – под опекой, 786 было усыновлено. В Алтайском крае на это время было взято на патронат и усыновлено 4780 детей, а 606 находилось под опекой. В Омской области к концу войны на патронате находилось 2800 детей, под опекой – 370 и было усыновлено 320 детей²⁶.

Важнейшим направлением борьбы с беспризорностью являлось трудоустройство подростков старше

14 лет. За 1942 г. при плане 22 290 чел. в Западной Сибири было трудоустроено 32 023 воспитанника детских домов Наркомпроса РСФСР, в том числе: направлено в ЖУ, РУ, ФЗУ – 15 953 чел., в техникумы и другие учебные заведения 593 чел., на производство – 15 477 чел., из них 13 916 чел. в промышленность и 1561 чел. в сельское хозяйство. План трудоустройства был выполнен на 190,9 %. Лучшие результаты имела Новосибирская область, где выполнение плана составляло 228,5 %, в Алтайском крае – 189,5 %, Омской области – 141,1 %. При этом доля трудоустроенных в Западной Сибири составляла более 11 % от общероссийских показателей²⁷.

Благодаря принятым мерам детская беспризорность и безнадзорность с конца 1944 г. пошла на убыль. Но до конца проблема эта не была решена. Актуальной оставалась она и в 1945 г., и в послевоенные годы.

Таким образом, в годы войны государство, при огромных военных затратах, проводило системную работу по сокращению и ликвидации детской беспризорности. Хотя это социальное зло не удавалось ликвидировать полностью, его размеры и острота были резко сокращены и ослаблены. Не было допущено такого роста беспризорности и безнадзорности детей, как в период Первой мировой войны, иностранной военной интервенции и Гражданской войны.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сидицын А.М. Забота о безнадзорных и беспризорных детях в СССР в годы Великой Отечественной войны // *Вопр. истории.* 1969. № 6.
2. Базаров Ф.Е. О предупреждении детской беспризорности и безнадзорности в годы Великой Отечественной войны (на материалах Омской области) // *В грозные годы: Тр. науч. конф. «Сибиряки – фронту».* Омск, 1973.
3. Заднепровская Л.Д. Забота партии и правительства о детях в годы Великой Отечественной войны // *Вместе с армией и народом.* Волгоград, 1970.
4. Комсомол Западной Сибири. Новосибирск, 1948.
5. Дети ГУЛАГА. 1918–1956. М., 2002.
6. Митюшкин. Развитие социалистической промышленности на Алтае. Барнаул, 1955.
7. История Сибири. В 5 т. Л., 1969. Т. 5.
8. Омская партийная организация в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Омск, 1960. Т. 1.

²⁵ ЦДНИТО. Ф. 80. Оп. 3. Д. 328. Л. 62.

²⁶ ГАТО. Ф. Р-430. Оп. 1. Д. 834. Л. 40; ГАРФ. Ф. А-2306. Оп. 69. Д. 3004. Л. 2, 3; ГАОО. Ф. Р-1272. Оп. 3. Д. 183. Л. 10–11.

²⁷ Исчислено по: ГАРФ. А-2306. Оп. 69. Д. 3006. Л. 46.

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

И.П. КАМЕНЕЦКИЙ¹, Д.Я. РЕЗУН²

ОЗЕРО ЯМЫШ КАК ЗОНА ПОЛИТИЧЕСКОГО И ХОЗЯЙСТВЕННОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ НАРОДОВ В XVII в.*

¹Омский институт (филиал) Российского государственного
торгово-экономического университета

²Институт истории СО РАН, Новосибирск

В статье выявлены истоки и формы взаимодействия русских с тюркскими и монгольскими народами в Верхнем Прииртышье в XVII в., определено хозяйственное, политическое и культурное значение Ямышевской ярмарки.

Ключевые слова: озеро Ямыш, фронтальное пространство, соляной промысел, межэтнический обмен, хозяйственное и политическое взаимодействие.

В исторической литературе и источниках, начиная с XVI в., накопилось немало сведений об озере Ямыш (Ямышево, Ямышевское), расположенном в 45 км юго-восточнее современного Павлодара: эта территория играла немалую роль в становлении политических и хозяйственных отношений между Россией и народами Средней и Центральной Азии в Новое время. В настоящей статье сделана попытка систематизировать эти данные, проследить истоки становления и формы взаимодействия западных (русскоязычных) и восточных (тюрко- и монгольскоязычных) народов в Верхнем Прииртышье в XVII в., определить значение ямышевского соляного промысла и торгового обмена для всех его участников.

По данным исследователей русско-казахских отношений, русские знали дорогу на Ямыш-озеро и имели представление о соляном месторождении задолго до основания первых сибирских городов. По мнению А.В. Панкова, уже в середине XVI в. русские торговые суда ходили вверх по Иртышу, а бухарские верблюжьи караваны направлялись через киргизские степи к Астрахани, Самаре и другим волжским городам [1, с. 95].

Первое и наиболее полное описание озера Ямыш дал Г. Миллер. В «Известии о песошном золоте Бухарии» он писал:

Сие озеро продолговато-круглое, имеет в окружности с небольшим девять верст и отстоит от реки Иртыша на шесть верст с половиною. Оно не глубоко, можно везде видеть дно, на котором множество ключей, из которых истекает вода, только много соли, в себе содержащая, что соль и при умеренном исхождении паров без огня сама собой садится и дно якобы толстым черепом покрывает. Количество соли там столь велико, что можно было достать оттуда больше, нежели бы во всей Сибири исходило. Другое преимущество состоит в белости, чистоте и в общей доброте соли, которую она самой лучшей шпанской и французской соли не уступает.

Миллер также указал на время возникновения соледобычи русскими из озера и существование там торгового обмена с народами Южной Сибири и Средней Азии:

Еще в то время, когда около лежащих местях калмыки кочевали, посланы туда были суда из Тобольска для привозу соли, и временем случались за то с калмыками немалые сшибки. Но по большей части позволяли калмыки беспорочно брать соль, потому что им от того не было убытка, а напротив того, они с россиянами, которые всякими товарами запасались, торговали [2, с. 482].

Первое известие о появлении русских у озера Ямыш относится к 1594 г. В наказе основателю Тарского острога князю А. Елецкому было предписано направить стрельцов и местных татар на Ямыш за солью. По-видимому, русские уже хорошо знали об Ямышевском месторождении и посетили его, поскольку воеводе было указано «послать из нового города та-

*Работа выполнена при поддержке интеграционного проекта СО РАН № 10 «Верхнее Прииртышье в XVII–XXI вв.: национально-государственное, этнокультурное и экологическое взаимодействие».

тар и стрельцов на озеро Ямыш и велети соли привести в стругах.» [3, с. 352].

В период Смуты поездки к озеру, очевидно, носили нерегулярный характер. В 1611 г. тобольские воеводы сообщали: «В Тобольске соли нет, а с Тары соль по два года не присылывана для того, что калмыки озера отняли» [4, с. 259]. Лишь в 1613 г. был отправлен из Тобольска «проведать» соляное озеро отряд служилых людей во главе с литовским ротмистром Бартошом Станиславовым и его помощником Яном Кучей, которые «соляное де озеро, проведав и соли в Тобольск привезли» [4, с. 295].

Вероятно, с этого времени поездки за солью в верховье Иртыша становятся постоянными, что находит косвенное подтверждение в материалах Миллера. Вместе с тем сложная обстановка в этом регионе, частые военные столкновения калмыков с Казахской Ордой делали эти поездки небезопасными. Миллер фиксирует войны кочевых правителей в 1620, 1621, 1623, 1626, 1628, 1631, 1634–1635 и другие годы [4, с. 109, 111, 118–120, 123–124, 358]. Учитывая это обстоятельство, сибирская администрация вынуждена была направлять на соляной промысел тяжелые дощаники с большим количеством служилых людей и наемных работников. Вместе с ними на государственных и частных судах плыли и торговые люди. Так, в 1626 г. из Тобольска «по соль» было отправлено 16 дощаников и 7 ладей с 604 служилыми людьми [5, с. 194]. В том же году тарский воевода Ислентьев направил экспедицию за солью под началом головы конных казаков Назария Жадовского в составе 103 стрельцов, пеших казаков и юртовских татар, которые привезли в Тару 604 пуда с полпудом [6, с. 102–103].

В результате походов за солью у озера возник стихийный торг. На нем осуществлялся обмен русских товаров на бухарские, китайские, калмыцкие, казахские и др. Особенно большим спросом среди русских пользовались «калмыцкие» лошади и скот, недостаток которых остро ощущался в ранний период освоения Сибири. Русское правительство не препятствовало возникновению взаимовыгодной торговли, а лишь требовало, чтобы служилые и работные люди, в первую очередь, добывали и грузили соль на суда, а затем уже осуществляли «повольный торг» с калмыками и другими народами.

По свидетельству Ю.Крижанича, отбывавшего ссылку в Тобольске в 1661–1676 гг., тобольские воеводы ежегодно отправляли на ямышевский промысел 40 судов и более. Он писал:

Как московитяне достигают этого места, они производят залп из пушек и снова их заряжают, затем производят огонь из пищалей; отсалютовав таким образом Тайше, московитяне дают заложников и, получив таковых же от калмыков, в тот же день воздвигают на берегу укрепление и ставят на нем пушки, чтобы иметь защиту в случае вероломства. Добыв из озера соль, они нагружают ею суда, а затем вступают в торг меновой, так как на этих ярмарках деньги не в употреблении. Московитяне привозят с собой

товары всякого рода. Калмыки же в обмен предлагают рогатый и вьючный скот, свои сласти и китайский табак; продают так же рабов и рабынь-своих свойственников, собственных детей. Наконец, по погрузке судов с солью и завершению торга, производится обмен заложников с обеих сторон [7, с. 69].

Ю. Крижанич придавал особое значение торговле с калмыками. Он предлагал правительству увеличить объемы торговли у Ямышева и наладить там первичную обработку кож, купленных у калмыков, «самородной солью» и продавать их купцам западноевропейских стран до 30–40 тыс. шт. в год [8, с. 153].

В середине 1620-х гг. в правительственных кругах созрела идея централизованного снабжения ямышевской солью всех сибирских городов и острогов и установления регулярной торговли с калмыцкими людьми. 31 марта 1626 г. Москва предписала тобольским властям осуществить осмотр местности у Ямышева для строительства острога. Эта задача была возложена на тобольского казачьего голову Грозу Иванова, Дмитрия Черкасова, а также на Третьяка Юрлова и скандально известного Савву Французенина. По возвращению в Тобольск служилые люди сообщили, что «острог поставить мочно», но выразили сомнение в получении государевой прибыли от калмыцкой торговли, потому что «с калмаки не по все годы оне ходяче к Ямышу-озеру, выдаются и торгуют. Калмацкие люди приносят к ним продавать лисиченка красные польские, и бобришка, и корсаки, и овчины, и тулупы овчинные; а больше того рухляди иные никакие не видали, а больших товаров никаких нету, только-де продают много лошадей и рогатого скота; а купя, государь, лошади и рогатый скот в города привозить страшно от них же калмыцких людей». Служилые люди доложили также, что у озера нет пашни и строительного леса, а в остроге необходимо содержать большое количество людей – «500 человек с огненным боем» [9, с. 335–343, 376–378].

Исходя из этих сведений, правительство сочло нецелесообразным строительство постоянного острога у Ямышева, но повелело и впредь присылать служилых людей за солью и разрешило вести торговлю с кочевыми народами. В начале 1630-х гг. на берегу озера и Иртыша были воздвигнуты укрепления: острог и надолбы для защиты от «воинских людей». В становлении торговых и посольских связей с русской Сибирью в значительной степени были заинтересованы ойратские, казахские, телеутские и другие правители, осуществлявшие свои кочевки в верховьях Иртыша и Оби. Налаживанию отношений между сторонами на первых порах во многом способствовал обмен подарками. Последние, по словам Ш.Б. Чимитдорджиева, представляли собой «своеобразную архаическую форму торговли» между кочевыми правителями и российскими властями. [10, с. 156]

Особенно интенсивными были отношения русских с джунгарами в период формирования их государственности. По мнению И.Я. Златкина, период

правления первого правителя Джунгарского ханства Батура-хунтайджи (1634–1654) был отмечен «мирным соседством и взаимной торговлей» [11, с. 99]. В 1630-е гг. между сибирской администрацией и джунгарскими правителями были достигнуты важные договоренности, приняты взаимные обязательства по политическим, торговым и другим вопросам. Так, осенью 1634 г. в Тобольск вернулось с озера русское посольство вместе с калмыцкими посланниками. Последние заявили, что их правитель-контайша просил прислать к нему «пансырь добрый, да пишаль ручную, да свинцу, да для плоду на завод 10 свиной, да 2 вепря, да петуха, да курицу индейских, да 10 собачек постельных малых». Он также просил об отправлении ему государева жалования и русских торговых людей к Ямышу с товарами. Взамен обещал передать русским властям перебежчиков «барабинских и чойских татар» и обеспечить перевозку соли «колмацкими людьми» от озера к русским дощаникам [4, с. 531–532]. В 1638 г. руководитель соляной экспедиции казачий голова Б. Аршинский сообщил тобольским властям о перевозке соли ойратами к русским судам и присяге отдельных калмыцких тайшей на верность русскому царю [3, с. 527–528].

Очевидно, с этого периода торговля у Ямышева приобретает характер выгодного межэтнического обмена, в который включаются народы Южной Сибири, Джунгарии, Средней Азии и Казачьей орды. Постоянными участниками ямышевского торгового обмена являлись русские служилые, торговые люди, приезжие бухарцы, калмыки (ойраты), сибирские татары и другие народы. Особенно интенсивной была торговля в пост Успения Богородицы, продолжавшаяся две–три недели. Русские торговцы привозили на ярмарку промышленные изделия, западноевропейские ткани, кожи и другие товары, а взамен получали от приезжих купцов из Джунгарии, Бухары и Китая «китайские» и «эркетские» ткани, бадьян, корицу, чай, хлопчатобумажные изделия, калмыцкий скот и пушнину, мерлушки, ясырей [12, с. 88–89].

На Ямыш-озеро нередко привозили приезжие купцы бухарские и китайские товары из Средней Азии, их приобретали юртовские бухарцы, русские и другие торговцы. Так, в 1657 г. у купца С. Бакеева было «бухарских товаров в привоз 15 пудов меду цена 30 рублей». В 1666 г. тобольский конный казак В. Кетменев «привез из калмыков китайского и бухарского товару» 50 аршин бязей, 50 китаек, 29 пестрадей, 3 пуда бумаги хлопчатой, всего на 93 руб. В 1668 г. тобольский конный казак П. Малинин привез в Тобольск 50 зенденей семенди, 70 бязей узких и 30 выбоек узких; посадский человек К. Шапошников – 75 бязей и выбоек узких, стрелец В. Притупов – 50 бязей, 50 китаек и другие товары [13, с. 45, 47]. В 1674 г. юртовские татары привезли из Тобольска ткани (среднеазиатские и бухарские) различных сортов. В 1686 г. в Тобольск «из калмыцкой земли» через Ямыш-озеро с китайскими и бухарскими товарами приехали «человек» купца Филатьева Дмитрий Константинов (Гречанин) и важный торговый человек Андриан Крюков.

На Ямышевской ярмарке бывали и сибирские татары. В 1666 г. служилый татарин А. Мамадалеев привез с Ямышевской ярмарки 70 аршин бязи узкой, 10 выбоек узких, 10 зенденей, 5 китаек, 36 мерлушек и 7 тулупов. В 1694 г. татарин Таушко из Тобольска «ходил в Бухарию с товарами своими торговать дважды» [13, с. 48].

Немаловажное значение в товарообороте занимала и торговля ясырями. В 1672 г. на озере приобрели 6 чел. (колмацких людей) тюменский посадский Леонтий Данилов и служилый Семен Бабилов, которые были проданы в Тюмени. В 1678 г. тюменский бухарец продал в городе 5 ясырей, привезенных с Ямыша, на 40 руб.

Ямышевское озеро использовалось не только для добычи соли и торговли с кочевыми народами, но и для обмена и выкупа русских и других людей, оказавшихся в плену у монгольских и других правителей. В наказе тобольскому воеводе князю Черкасскому от 1 сентября 1697 г. правительство предписывало «полоняников у колмацких людей у Ямышева-озера покупать на государевы таможенные сборные деньги и на товары менять мужеский пол и сибирцем всяких чинов людям колмацких пленников велеть покупати по-прежнему и заводу им не чинить, а воеводам и всяким приказным людям таких колмацких полонеников не покупать и к Москве не высылать» [14, с. 354].

Среди сибирских городов наиболее интенсивный обмен товарами осуществлялся в Тобольске. В течение полугодия с 30 сентября в 1672 г. по 7 марта 1673 г. с ямышевского торгового обмена вернулось в Тобольск 14 торговых людей, среди них 6 служилых, 3 юртовских бухарца и татарин, 3 торговцев из Устюга и Вологды, посадский. Они вывезли 17 наименований товаров на сумму 736,5 руб. Оценка китайских товаров составила 427,3 руб. (58 %), среднеазиатских – 98,8 руб. (13,4 %), калмыцких мехов – 94,5 руб. (12,8 %), ясыря – 93 руб. (12,6 %).

Озеро Ямыш нередко посещали промышленники и торговцы из других городов. Привоз соли и товаров оттуда и торговля ими отмечены в таможенных книгах Тары 15 сентября 1658 г., 26 августа 1655 г., 14 сентября 1675 г. и других. В июле 1678 г. из Тары было отпущено на Ямышевский торговый обмен 15 служилых и торговых людей. Нередки были поездки на озеро торговых людей из Томска, Тюмени, Кузнецка.

Нередко озеро Ямыш использовалось русскими и другими торговцами как важный транзитный пункт на пути следования в другие государства с торговыми и посольскими целями. Например, 17 июля 1666 г. служилый бухарец С. Аблин сообщил в Тобольской приказной избе о своей готовности плыть с государственной казной до Ямыш-озера, а затем на верблюдах идти в Китайское государство для продажи там казенных товаров [16, с. 137–138]. В 1668 г. через Ямыш последовали в Цинскую империю «для торгового промысла» 6 торговых людей с охраной из 26 чел. Обратный путь каравана также лежал через Ямыш [15, с. 233]. С 22 сентября 1684 г. по март 1685 г. провел в Китае «с торжишком» тобольский посадский Филипп Иванов с 7 спутниками, кото-

рые прибыли туда после торговли у Ямышева [15, с. 71–72].

С соленого озера часто направлялись посольства в Тобольск, Тару, Томск и другие сибирские города. Так, 26 сентября 1674 г. в Тобольск прибыли с Ямыша с казачьим головой Иваном Ушаковым посланцы калмыцких тайшей Летиф Чичек-бек «с товарищи». Они просили отпустить их к Москве с «листами» и подарками к царю и товарами на сумму 2449 руб. 7 алтын 2 деньги [15, с. 268–271].

Торговый обмен у Ямышева не всегда проходил бесконфликтно. Летом 1634 г. сыны боярские Михаил Ушаков и Иван Астраханцев с отрядом служилых людей встретили со стороны калмыков упорное противодействие. По их словам, они вынуждены были жить в осаде в острожке с 1 по 12 августа и лишь 13 августа начали грузить соль на суда [3, с. 123–124, 479–480]. В 1673 г. у озера произошло вооруженное столкновение между русскими, руководимыми письменным головой Федором Поленовым, и калмыцкими людьми Гагана-тайши. Последние, по свидетельству Ф. Поленова, «с озера соли не давали, просили от того на Гага-тайшу подарков больших и у служилых де русских людей и татар с теми калмыки ученилась драка», в ходе которой было убито 7 русских. Несмотря на это столкновение, служилые люди сумели не только загрузиться солью, но и купить у калмыков 700 лошадей [15, с. 318].

Зимой 1689/90 г. на русский купеческий караван, находившийся у Ямышева, было совершено нападение казахскими кочевниками. В ответ на враждебную акцию в Тобольске были задержаны послы Казачей Орды Сара и Кильдей. Их обвинили в том, что они якобы заманили русских промысловиков и торговцев в засаду на Иртыше. По этому поводу казахский хан Тауке в послании к русскому царю сообщал: «ведома от Адама и по се время такого дела не слыхивали, чтоб за воровских людей держать посланца». Как бы оправдывая нападавших, он писал, что «город без воров, а лес без волков не бывает» [1, с. 107–109].

В мае–июне 1696 г. было совершено новое нападение на соляную экспедицию людьми Казачей Орды, возникла новая угроза и в 1697 г. В связи с этим тобольскому дворянину Федору Феофилову в июне 1699 г. был дан подробный наказ о соблюдении мер предосторожностей как в пути, так и при сношении с кочевыми народами. Наказ предусматривал усилить имеющиеся на Ямышеве укрепления надолбами, вести постоянную разведку, «не чинить задоров» с калмыцкими людьми, осуществлять торговлю только после погрузки соли на суда. В наказе запрещалось вести торговлю заповедными товарами, особенно оружием, черными и черно-бурыми лисицами, «собольми добрыми» с калмыками и бухарцами. Предписывалось также у приезжих торговых людей, которые «ходили в китайское государство без ведома государя ловить», товары их брать в казну и привозить в Тобольск. При этом по пути к Ямышу и от него служилым людям было указано «не воровать», татар и ясачных людей не гра-

бить, а также, чтобы они «зерню и карты не играли и табуку и шару не пили» [16, с. 520, 524–525, 530].

Расцвет Ямышевской ярмарки приходится на начало XVIII в. По данным О.Н. Вилкова, в 1703 г. на Ямышевской ярмарке было продано различных товаров на 58–62 тыс. руб. Русские купцы выменяли там 37 746 концов китайки тюневой и селинской, 170 китайки «однопартишной», 15 648 выбоек бухарских, 24 780 зенденей и чавдаров, 1000 бязей, 150 кушаков бумажных, 20 азымов, 20 тулупов, 240 лисиц и «недоливших плохих», 470 овчинок астраханских, 4 пуда бадьяну. Ими также было куплено прочих мелких товаров на 1060 руб. В начале XVIII в. таможенные пошлины Ямышевской ярмарки составили около 3 тыс. руб. и лишь немногим уступали Ирбитской (3317 руб. 8 алтын) [17, с. 102].

Таким образом, невзирая на сложную обстановку в окрестностях Ямыш-озера, оно быстро превратилось из пункта местной соледобычи в центр оживленной международной торговли, посольских связей и транзита товаров в другие страны. По объему осуществляемых торговых операций и ассортименту товаров Ямышевский торг в начале XVIII в. почти сравнялся с Ирбитской ярмаркой.

Расположенное на стыке фронтального пространства Южной Сибири, Средней и Центральной Азии, на пересечении древних торговых путей озеро Ямыш являлось не только крупным соляным месторождением, но и важной зоной хозяйственного, политического и культурного взаимодействия различных народов – представителей разных цивилизаций.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Басин В.Я.* Россия и казахские ханства в XVI–XVIII вв. Алма-Ата, 1971.
2. *Миллер Г.Ф.* История Сибири. М., 2005. Т. 3.
3. *Миллер Г.Ф.* История Сибири. М., 1999. Т. 1.
4. *Миллер Г.Ф.* История Сибири. М., 2000. Т. 2.
5. *Вилков О.Н.* Ремесло и торговля Западной Сибири. М., 1967.
6. *Евсеев Е.Н.* Тара в свои первые два столетия // Сибирские города XVII – начала XX века. Новосибирск, 1981.
7. *Кабо Р.Г.* Города Западной Сибири (Очерки по истории экономической географии XVII–XX вв.). М., 1949.
8. *Куриц Б.Г.* Сочинения Кильбургера о русской торговле в царствование Алексея Михайловича. Киев, 1915.
9. Русская историческая библиотека. СПб., 1884. Т. 8.
10. *Чимитдоржиев Х.Б.* Из истории русско-монгольских экономических связей XVII в. // История СССР. 1964. № 2.
11. *Златкин И.Я.* История Джунгарского ханства. М., 1964.
12. *Вилков О.Н.* Ямышевская ярмарка // Краткая энциклопедия по истории коммерции и купечества Сибири. Новосибирск, 1999. Т. 4, кн. 3.
13. *Зияев Х.З.* Экономические связи Средней Азии с Сибирью в XVII в. Ташкент, 1982.
14. Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830. Т. 3: 1689–1699.
15. Русско-монгольские отношения. 1654–1685: Сб. документов. М., 1996.
16. Акты исторические, собранные и изданные Археологической комиссией. СПб., 1842. Т. 5.
17. *Вилков О.Н.* Очерки социально-экономического развития Сибири конца XVI – начала XVIII в. Новосибирск, 1999.

Ю.А. ЛЫСЕНКО

**ПРАВОСЛАВНОЕ И ИСЛАМСКОЕ МИССИОНЕРСТВО В КАЗАХСКОЙ СТЕПИ:
СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ОРГАНИЗАЦИИ И МЕТОДОВ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
(конец XIX – начало XX в.)**Алтайский государственный университет, Барнаул
e-mail: orient@hist.asu.ru

В статье предпринята попытка сравнительного анализа деятельности православных и мусульманских миссионеров в казахской степи в конце XIX – начале XX в. Подтверждаемые документально успехи исламской пропаганды объясняются автором с позиции выявления специфических особенностей ее организации и методики проведения, которые оказались оптимальными применительно к казахскому кочевому сообществу.

Ключевые слова: ислам, православие, миссионерство, церковь, империя, казахи, Киргизские миссии.

В 1880–1890-е гг. в рамках решения задач российской национальной политики, направленной на социокультурную интеграцию многочисленного «инородческого» населения империи, была организована миссионерская деятельность Русской Православной Церкви (РПЦ) в казахской степи. Пропаганда идей христианства среди местного населения Киргизскими духовными миссиями значительно осложнялась присутствием в регионе мусульманских проповедников. Православным и исламским миссионерам пришлось столкнуться в жесткой конкурентной борьбе за паству, характер и исход этой борьбы во многом должен был определиться той ролью, которую играла каждая из упомянутых религий в государственной системе Российской империи.

Как известно, РПЦ являлась частью государственного аппарата, выступая также важным средством идеологического воздействия на народные массы и управления ими. В имперской иерархии религиозных систем она занимала главенствующее положение. Одной из важнейших привилегий господствующей православной церкви в России было предоставление только ей исключительного права неограниченной миссионерской деятельности, просвещения «истинами веры язычников и других нехристиан», в том числе мусульман.

Закон всячески поддерживал «ограждение православных от иноверия». Принявшие православие инородцы получали гарантированные государством льготы. В XVIII в. они освобождались от сборов и работ, воинской повинности, для них назначалось материальное вознаграждение [1, с. 135; 2, с. 378]. На протяжении XIX в. список льгот постоянно расширялся – новообращенные получили право льготного наделения землей, право на медицинскую помощь, образование в миссионерских школах и т.д.

На законодательном уровне на РПЦ и епархиальные власти возлагались функции по организации миссионерства. В 1865 г. было создано «Православное миссионерское общество», затем, поэтапно, – его филиалы практически во всех азиатских епархиях империи. В 1913 г. для руководства всеми миссионерскими акциями был создан единый центр – Миссионерский совет при Синоде.

Мощным оружием в руках православных миссионеров являлась созданная в XIX в. обширная миссионерская литература. Исламской тематике посвящали свои страницы не только специализированные «миссионерские противомусульманские сборники», но и вся огромнейшая православно-церковная периодика: «Православный собеседник», «Труды Киевской Духовной академии», «Душеполезное чтение», «Руководство для сельских пастырей», «Православный благовестник», «Богословский вестник», «Церковно-приходская школа», «Кормчий», «Миссионерское обозрение», а также «Епархиальные ведомости».

Основной дискурс на страницах этих изданий был связан с доказательством «ложности и пустоты религии Мухаммедовой». Одновременно материалы данных изданий способствовали формированию различных фобий в отношении ислама. Периодически подчеркивался фанатизм мусульман, их «бесчеловечные войны» и тотальная экспансия как в Африке, Индии, Китае, так и в России. Критиковалась религиозная политика Российской империи в отношении ислама, характеризующаяся известным либерализмом по отношению к нему [3].

Свод учреждений и уставов управления духовных дел иностранных исповеданий христианских и иноверных, кратко именуемый Уставом духовных дел иностранных исповеданий, поставил, по сути, под контроль деятельность институтов всех религиозных систем империи, в том числе ислама [4].

Все вопросы функционирования иностранных религий, согласно Уставу, решались Министерством внутренних дел (его Департаментом духовных дел иностранных исповеданий) и местными государственными органами. В соответствии с Уставом назначение на духовные должности в Российской империи относилось к компетенции государственной власти, на местные органы возлагался административный надзор за их деятельностью, точным исполнением им законов и распоряжений правительства.

Религиозными делами мусульман Российской империи с целью пресечения их консолидации в общеимперских масштабах ведали четыре независимых друг от друга региональные управления: Таврическое магометанское духовное правление, Оренбургское магометанское духовное собрание, Шиитское духовное управление (занималось закавказскими шиитами), Суннитское закавказское духовное правление. С 1868 г. религиозные дела казахов-мусульман были изъяты из компетенции Оренбургского духовного собрания, но самостоятельного духовного управления для них создано не было. Кроме того, законодательством разрешалось иметь муллы только из представителей местной этнической среды, а также вводились ограничения на их количество – не больше одного в каждом казахском ауле.

Казалось бы, для успешной работы православных миссионеров в Степном крае были созданы все необходимые условия, прежде всего на законодательном уровне; этому способствовали охранительная политика государства в отношении господствующей религии, предоставление ей монопольного права ведения религиозной пропаганды, создание теоретической базы антиисламского миссионерства, специальных координационных и финансовых структур.

Однако анализ делопроизводственной документации православных миссий, созданных в казахской степи, позволяет нам утверждать, что в конечном итоге ни одна из поставленных перед православными миссионерами задач не была успешно реализована. Главным препятствием на их пути являлся постоянный рост популярности ислама среди казахского населения и закрепление его позиций в степи на протяжении всего периода существования Киргизских миссий, вплоть до 1917 г.

Показателями усиления влияния ислама в Степном крае стало его проникновение в семейную обрядность, формирование новой страты казахского общества – муллы и духовных наставников из местной этнической среды, интенсивное строительство на территории региона сети мусульманских культовых и религиозно-образовательных учреждений, активизация контактов с исламскими центрами Российской империи – Поволжьем, Средней Азией, Кавказом – и зарубежья. Немаловажным признаком упрочения позиций ислама в регионе являлся рост количества переходов в ислам православных жителей – крестьян-переселен-

цев, казаков, разночинцев и даже самих священнослужителей¹.

Безусловно, огромное влияние на закрепление позиций ислама в казахской степи оказал целый ряд объективных обстоятельств, связанных с природой ислама, тенденциями, охватывавшими мусульман Российской империи на рубеже XIX–XX вв., особенностями этнопсихологии казахов и их хозяйственно-культурного типа [5, с. 212–215]. Однако, на наш взгляд, большое влияние на этот процесс оказали субъективные факторы, определявшиеся особенностями организации православного и исламского миссионерства в казахской степи.

Главный из них был связан с разницей в той методике, которую использовали мусульманские и православные миссионеры в своей работе. Проводниками исламских идей в казахской степи являлись татарские и бухарские муллы. Поскольку официально миссионерская деятельность исламских проповедников находилась под запретом, им приходилось изыскивать другие возможности для ведения пропаганды. Наиболее распространенной формой стала их пропаганда в степи под видом торговли. Социальный статус купцов позволял при получении специального разрешения беспрепятственно перемещаться по казахским аулам и одновременно с торговыми сделками заниматься распространением идей ислама.

Служащие Киргизской антиисламской миссии Омской епархии констатировали, что «... татары сильно парализуют только зарождающееся еще слабое влияние миссии. Кроме того, по соседству всех миссионеров, по степи путешествуют фанатики-бухарцы и даже турки <...> эксплуатируя религиозное невежество киргиз, в то же время распространяют среди них устно и через печатания и рукописные тетради полные понятия о султанах, как о могущественнейшем во всем мире государе, при этом восхваляют турки и другие мусульманские народы, умаляется значение русского народа. Прославляется сила ислама, внушается надежда на будущее торжество магометан над “неверными”» [6, с. 26–27].

Тургайский миссионер Оренбургской епархии Ф. Соколов отмечал во время своих поездок по степи, что повсюду ему встречались татары «то с маленькими коробочками мелочного товара, то в видах портных, то под видом собирания долгов с киргизов. Словом, татары, как несносные клопы, назойливо наводняют собою степь под разными законными предлогами, разливая свой яд фанатизма мусульманского и неприязни ко всему вообще русскому между про-

¹ О многочисленных фактах закрепления ислама среди казахского населения см.: «Отчеты о деятельности» Киргизских миссий, например: Алтайская и Киргизская миссии Томской епархии в 1892 г. Бийск, 1893. С. 26–27; Омские епархиальные ведомости. 1900. 15 сент.; 1910. 1 мая; Оренбургские епархиальные ведомости. 1910. 15 окт.

стыми не фанатичными еще кочевниками-киргизами»².

Особенность организации работы исламских проповедников состояла в том, что они стремились полностью заимствовать бытовые условия, образ жизни кочевников, постоянно перемещаясь с ними, тем самым интегрируясь в пастбищные общины и становясь «своими» среди казахов³. Смешанные татарско-казахские браки были не редкостью. Принадлежность казахов и татар к тюркской этносреде снимала и языковую проблему. Таким образом, исламские миссионеры могли постоянно и интенсивно воздействовать на религиозное сознание казахов-кочевников⁴.

Служащие православных миссий, напротив, не имели возможности более или менее длительное время «действовать на киргиз убеждением», что значительно снижало эффективность их пропаганды. Объяснялось данное обстоятельство опасениями епархиальных властей вызвать недовольство среди населения степи и нежеланием самих казахов принимать у себя миссионеров. «Можно, – писали служащие Киргизских миссий, – и остаться в ауле на день или больше, но на это сейчас же обратят внимание муллы, и тогда, в следующие поездки миссионер уже наверняка не будет принят в этом ауле, да и в соседних его встретят не очень приветливо, – так сильно еще влияние всяких хазретов на киргиз»⁵. Кроме того, сама православная миссионерская традиция не предполагала заимствование бытовой обрядности инородцев, православный миссионер не имел права вести религиозную пропаганду без соответствующего облачения – рясы.

Единственным методом ведения религиозной пропаганды для православных миссионеров оставались так называемые разъезды по степи. Под видом совершающих путешествия они посещали казахские аулы и при удобном случае заводили беседы с казахами на религиозные темы, распространяли среди них литературу и т.д. Количество таких разъездов определялось конкретными обстоятельствами, но не должно было составлять менее шести в год. Однако учитывая огромные по площади территории, которые должны были охватить своей деятельностью миссионеры, становится очевидно, что посетить несколько раз в год один и тот же аул они не имели возможности. Таким образом, эффективность их работы оставляла желать лучшего.

Другим важным обстоятельством, обеспечившим успех исламской пропаганды в казахской степи, являлось хорошо организованное финансирование деятельности исламских проповедников религиозными кругами исламского мира и мусульманскими купцами, вносившими добровольные пожертвования. Ма-

териальная поддержка частных лиц направлялась на организацию работы религиозных учреждений, медресе и мектебов при мечетях, издательское дело и благотворительность. Интересные сведения в этой связи приводили в своих «отчетах о деятельности» православные миссионеры Оренбургской епархии, сообщая, например, о том, что в 1907 г. оренбургские купцы-татары каждую пятницу приезжали в поселки, населенные нагайбаками (крещеными татарами. – Ю.Л.), которых на протяжении уже более ста лет РПЦ пыталась закрепить в православии. Купцы привозили с собой богатые подарки и угощения, на собственные средства организовывали постройку мечетей в районах проживания «нагайбаков», содержали за свой счет школы при мечетях, оказывали финансовую поддержку отпавшим из православия «нагайбакам»⁶.

Недалеко от Требиатского поселка Верхнеуральского уезда Оренбургской губернии, на границе с казахской степью, располагались золотые прииски купца-татарина Рамеева, где работало около 3000 чел., в том числе казахи, исповедовавшие преимущественно ислам. По свидетельству тех же миссионеров, всем желающим перейти из православия в ислам Рамеев предоставлял более «высокую зарплату и отводил лучшие делянки, где можно добыть больше золота», выдавал зарплату рабочим прииска по воскресеньям «...именно в то время, когда в храме совершается богослужение». В 1903 г. с разрешения администрации уезда Рамеев открыл на руднике при медресе русский класс, в котором обучались грамоте дети русских рабочих учителем-мусульманином⁷.

В 1890-е гг. на средства «обществ и зажиточных татар» в г. Петропавловске было построено шесть мечетей⁸, в г. Кустанае Тургайской области – две [7, с. 349–350]. На средства татарских предпринимателей в Казани содержались типографии, издававшие не только официально разрешенные труды по исламоведению, но и религиозную исламскую литературу.

Для православных миссионеров, особенно в казахской степи, проблема финансирования всегда являлась актуальной. Финансирование осуществлялось из нескольких источников. Основные суммы поступали из бюджетных средств – касс епархиальных советов. Кроме того, деньги направлялись из епархиальных комитетов Православного миссионерского общества, бюджет которых формировался из выплат членских взносов. В итоге годовой бюджет, например, Киргизской миссии Омской епархии составлял от 22 000 руб., но не превышал за весь период ее существования 27 000 руб.

Поскольку миссионеры, в отличие от мусульманских проповедников, не имели возможности постоянно проживать в казахских аулах и получать плату за исполнение треб, как приходские священники, они полно-

² Центральный Государственный архив Республики Казахстан (ЦГА РК). Ф. 25. Оп. 1. Кн. I. Д. 1426. Л. 52об.

³ Государственный архив Оренбургской области (ГАОрО). Ф. 175. Оп. 1. Д. 5. Л. 21об.–22.

⁴ Там же. Д. 5. Л. 2об.–22.

⁵ ГАОрО. Ф. 175. Оп. 1. Д. 26а. Л. 8.

⁶ Оренбургские епархиальные ведомости. 1907. 25 окт.

⁷ Там же.

⁸ ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 5089. Л. 15.

стью поступали на государственное обеспечение. Поэтому выделяемые бюджетные средства для деятельности миссии расходовались, как правило, на выплату миссионерам заработной платы, аренду для них квартир и оплату поездок миссионеров по казахской степи⁹.

В среднем заработная плата миссионера-священника составляла 550 руб. в год, псаломщика, учителя не превышала 350 руб. в год, что считалось крайне малой суммой. На благотворительные нужды и помощь новокрещенным казахам денежные средства у миссий были крайне ограничены. Попытки привлечь к благотворительности православное население степи – крестьян-переселенцев, казачество и русских купцов большого успеха не имели.

Отрицательным моментом в организации православного миссионерства в казахской степи явилось слабое развитие церковно-приходской системы в регионе. Количество православных храмов было незначительным, а имеющиеся находились, по свидетельствам современников, в плачевном состоянии, в некоторых из них иконостасы были сделаны из бумаги и картона. После Первой русской революции и без того скромные поступления на нужды миссий стали неизбежно сокращаться, а с началом Первой мировой войны практически прекратились¹⁰.

Недостаточное финансирование Киргизских миссий ограничивало штат миссий, что являлось еще одной причиной малоуспешности православной пропаганды в казахской степи. Например, Киргизская миссия Омской епархии в период своего расцвета имела 9 священников-миссионеров, а общий штат миссии не превышал 26 чел. В Киргизской миссии Оренбургской епархии количество служащих составляло более 80 чел. – за счет привлечения к работе в миссии приходских священников. Но в связи с тем, что последним приходилось совмещать приходские обязанности с миссионерскими, резко снижалась эффективность их работы. Проектируемое руководством миссий открытие новых станом, особенно в начале XX в., очень редко находило поддержку и понимание у вышестоящих инстанций.

Учитывая, что практически в каждом казахском ауле был мулла, миссионеры Киргизских миссий констатировали, что противостоять такой сплоченной массе мусульманских проповедников с хорошо организованным финансированием столь незначительной по численности группе православных миссионеров практически невозможно¹¹.

В обстоятельствах, складывавшихся не в пользу православных миссионеров, последние пытались ис-

пользовать доступный арсенал средств, направленных на устранение своих исламских конкурентов. Главным становился поиск поддержки у местных властей. Например, в начальный период деятельности Киргизской миссии на территории Алтайского горного округа в 1880-е гг. было предложено выселить с территории Томской епархии «персидских и турецких подданных», занимавшихся пропагандой ислама. В рамках проведения этой акции администрации Алтайского горного округа предлагалось насильственно выдворить с его территории и казахов, отказывающихся принимать православие.

Но, судя по архивным данным, данный процесс был весьма болезненным, администрации приходилось действовать очень осторожно. Миссионер Черно-Ануйского отделения Ф. Синьковский в этой связи писал: «...нам приходилось читать не одно предписание полицейский чиновников сельскому старосте о немедленном выдворении не крещенных киргиз с угрозой строгой ответственности, но через несколько дней от тех же чиновников следовали предписания «не трогать киргиз» под различными благовидными предложениями» [8].

Предпринимались попытки ограничить въезд на территорию Степного края «неблагонадежных лиц». Показательно в этой связи обращение генерал-губернатора Западной Сибири к генерал-губернатору Туркестана от 27 августа 1872 г., в котором сообщалось, что в Семиреченской области участились случаи появления «проповедников магометанского учения». Учитывая, что «пропаганда эта вредно влияет как на спокойствие среди столь суеверного народа (казахов. – Ю.Л.), так и на их благосостояние», западносибирский генерал-губернатор отдал распоряжение, запрещающее въезд на территорию вверенных ему Акмолинской и Семипалатинской областей «проживающему в г. Сузак Чимкентского уезда, Мирзе Мурзабетову, считающемуся проповедником какого-то Сузакского святого»¹².

Одним из методов борьбы против усиления мусульманского влияния в казахской степи, по мнению миссионеров, должно было стать проведение «полемических бесед» между православными и мусульманскими проповедниками. Опыт проведения таких бесед был разработан и широко применялся в борьбе со старообрядчеством и сектантством. В 1909 г. такие «частные беседы» состоялись, например, в Актюбинском миссионерском стане. Они проводились с муллами в присутствии казахов-кочевников около мечети. Обсуждались вопросы религиозного характера, в частности, о необходимости чтения Евангелия казахами, ведь «...говорится и в Коране, что “Евангелие” есть свет» и «дано для руководства людям». Муллы, не отрицая данных слов, настаивали на том, что настоящее Евангелие «испорчено христианами и искажено и что подлинное Евангелие имеется только в Мекке; по возможности была доказана киргизам вся неосновательность этого голословного, ничем недо-

⁹ Рассмотрим для примера расходование средств Киргизской миссии Омской епархии в 1901 г.: жалование и пособия членам миссии – 11 386 р. 90 к.; устройство домов при станах и наем квартир – 1745 р. 24 к.; вещи при крещении и пособия бедным и больным новокрещенным – 1621 р. 15 к.; содержание школ, приютов и учащихся-миссионеров – 1363 р. 99 к.; разъезды миссионеров – 1177 р. 36 к.; канцелярские расходы – 566 руб.

¹⁰ ГАОрО. Ф. 175. Оп. 1. Д. 153а. Л. 14.

¹¹ Омские епархиальные ведомости. 1900. 15 июля.

¹² Центральный государственный архив Республики Узбекистан. Ф. И-1. Оп. 20. Д. 6493. Л. 26.

казанного, обвинения христиан муллами». Кроме того, в ходе «частных бесед» обсуждались личности Иисуса и Магомета, православными миссионерами доказывалась несостоятельность Магомета как проповедника, указывалось на его «естественные и нравственные недостатки», упомянутые в Коране¹³.

Но, в конечном итоге, имея в виду «татарский мухаммеданский крайний фанатизм» и порожденные им неприятности и осложнения во взаимоотношениях русских с татарами, было принято решение о целесообразности проведения таких бесед.

Таким образом, для успешного решения задач православного миссионерства в казахской степи государством были приняты определенные меры: организация работы Киргизских миссий в 80–90-е гг. XIX в. совпала с завершением формирования законодательной базы православного миссионерства, его основных институтов и т.д. Однако анализ делопроизводственной документации Киргизских миссий позволяет утверждать, что их деятельность оказалась низкоэффективной. Одной из причин этого явилась жесткая конкуренция со стороны мусульманских мис-

сионеров, которые лучше финансировались, а в выработке стратегии и тактики ведения религиозной пропаганды продемонстрировали большую жизнеспособность и приспособляемость к конкретным условиям и специфическим особенностям хозяйственно-культурного типа казахов-кочевников.

ЛИТЕРАТУРА

1. Полное собрание законов Российской империи. 1-е изд. СПб., 1830. Т. VIII, № 5737.
2. Полное собрание законов Российской империи. 1-е изд. СПб., 1830. Т. XI, № 8236.
3. Батунский М.А. Россия и ислам. М., 2003. Т. II.
4. Свод законов Российской империи. СПб., 1912. Т. 1, ч. 1.
5. Лысенко Ю.А. О причинах неэффективности православного миссионерства в Степном крае (конец XIX – начало XX вв.) // Актуальные вопросы истории Сибири: Седьмые науч. чтения памяти проф. А.П. Бородавкина. Барнаул, 2009.
6. Алтайская и Киргизская миссии Томской епархии в 1892 г. Бийск, 1893.
7. Костанайская область: прошлое и настоящее. Костанай, 2006.
8. Записки Алтайского миссионера Черно-Ануйского отделения священника Филарета Синьковского за 1876–1881 гг. М., 1883.

И.В. ТУНКИНА

НЕОСУЩЕСТВЛЕННЫЕ ПРОЕКТЫ Г.В. ВЕРНАДСКОГО 1915–1917 гг. ПО ИСТОРИИ РОССИИ XVIII в.*

Санкт-Петербургский филиал Архива РАН
e-mail: archive@spbrc.nw.ru

Статья посвящена таким неосуществленным проектам Г.В. Вернадского по истории России XVIII в., как каталог имен всех русских масонов XVIII – первой четверти XIX в., указатель чиновных особ Российской империи по месяцесловам времени Екатерины Второй (1765–1796) и издание книги «Инструкция Г.Ф. Миллера для собирания историко-географических сведений по Сибири, данная И.Э. Фишеру в 1740 г.». Последние две работы должны были быть опубликованы Академией наук, но после Октябрьской революции они остались неизданными. В российских архивах (ГАРФ, СПФ АРАН) сохранились лишь документы о подготовке этих трудов к изданию. Возможно, некоторые материалы хранятся в Бахметьевском архиве русской и восточноевропейской культуры в Нью-Йорке в фонде Г.В. Вернадского.

Ключевые слова: проекты Г.В. Вернадского, русские масоны XVIII – первой четверти XIX в., чиновники России XVIII в., этнографическая программа Г.Ф. Миллера.

Имя профессора русской истории Йельского университета в Нью-Хейвене (США) Георгия Владимировича Вернадского (1887–1973) хорошо известно специалистам по истории России и русской эмиграции как одного из основателей движения евразийства

(см. о нем: [1, с. 266–270; 2, с. 55–94, 188–194; 3; 4, с. 322–331; 5, с. 624–631; 6]). Сын одного из крупнейших деятелей естествознания академика В.И. Вернадского (1863–1945), Георгий закончил историко-филологический факультет Московского университета, где учился у профессоров М.М. Богословского и А.А. Кизеветтера. На четвертом курсе университета (1909–1910) он избрал темой научных занятий историю Сибири, в частности, историю освоения русскими Якутского края в XVII в. «Громадный, тогда еще сравнительно мало разработанный материал, находившийся в московском архиве Министерства юстиции...», – вспоминал Г.В. Вернадский. – В этот материал я с увлечением

¹³ Оренбургские епархиальные ведомости. 1910. 1 нояб.

*Статья выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 09-06-00103 и РГНФ, проект № 08-01-91113а/У, а также программ фундаментальных исследований Президиума РАН «Историко-культурное наследие и духовные ценности России» и Отделения историко-филологических наук РАН «Генезис и взаимодействие социальных, культурных и языковых общностей».

ем и погрузился» [7, с. 135]. Итогом архивных изысканий стали три работы: «О движении русских на восток», «Против солнца. Распространение русского государства к востоку», «Государевы служилые и промышленные люди в Восточной Сибири XVII века» [8, с. 52–61; 9, с. 56–79; 10, с. 332–354].

В 1912 г. видный деятель кадетской партии В.И. Вернадский, годом ранее оставивший место ординарного профессора Московского университета в знак протеста против репрессивных действий министра народного просвещения Л.А. Кассо, был избран ординарным академиком и согласно Уставу Петербургской АН должен был переехать в столицу. В том же году Вернадский-младший обратился к профессору Петербургского университета С.Ф. Платонову с просьбой принять руководство над его магистерской диссертацией, на что получил согласие. Сдав магистерские экзамены, Г.В. Вернадский 1 июля 1913 г. [11, с. 10–11] был избран на должность приват-доцента по кафедре русской истории историко-филологического факультета Петербургского/Петроградского университета и стал читать спецкурс по истории Сибири XVII в., а также вести просеминарии о масонстве XVIII в. и «Русской историографии XVIII – первой четверти XIX вв.» (подробнее см.: [12]).

Другим петербургским историком, оказавшим значительное влияние на молодого ученого, стал академик А.С. Лаппо-Данилевский, советовавший Г.В. Вернадскому в качестве магистерской диссертации написать биографию «видного елизаветинского сановника и дельца Петра Ивановича Шувалова на фоне его правительственной и коммерческой деятельности». Однако Г.В. Вернадский остановил свой выбор на истории масонства XVIII в. и в 1917 г. издал книгу «Русское масонство в царствование Екатерины II» (Пг., 1917), защищенную в качестве магистерской диссертации в Петроградском университете 22 октября 1917 г.

Именно А.С. Лаппо-Данилевский привлек Г.В. Вернадского к деятельности Исторического общества при Петербургском университете. Здесь Г.В. Вернадский сделал ряд докладов: на LX заседании секции русской истории 26 февраля 1914 г. «Государевы служилые и промышленные люди в Сибири XVIII века», на LXIV заседании 10 декабря 1914 г. – «Дневник А.Я. Ильина (1775–1776 гг.)», на LXXI заседании 27 января 1916 г. – «Инструкция Г.Ф. Миллера для собирания исторических сведений по Сибири»¹.

Занятия Г.В. Вернадским русской историей XVIII – начала XIX в. под руководством А.С. Лаппо-Данилевского вылились также в составление двух каталогов-картотек: 1) имен всех русских масонов XVIII – первой четверти XIX в., которую ученый передал на хранение в Рукописный отдел Библиотеки АН [7, с. 140]; 2) указатель чиновных особ Российской империи XVIII в. по месяцесловам времени Екатерины Второй (1765–1796).

¹ СПФ АРАН. Ф. 113. Оп. 2. Д. 76. Л. 34, 35, 54, 88.

Составление картотеки чиновных особ было начато Г.В. Вернадским зимой 1915–1916 гг. и, судя по протоколам заседаний Отделения исторических наук и филологии АН, в январе 1916 г. ему за это было выплачено 720 руб.² Спустя 11 месяцев, 7 декабря 1916 г. академик А.С. Лаппо-Данилевский представил Отделению исторических наук и филологии АН предварительный отчет Г.В. Вернадского о составлении указателя чиновных особ XVIII в., согласно которому для завершения работы (обработка более 60 тыс. карточек) ему требовалось не менее трех месяцев и дополнительное финансирование. А.С. Лаппо-Данилевский ходатайствовал об ассигновании Г.В. Вернадскому еще 300 руб. на покрытие ближайших расходов по планируемому изданию, и Отделение постановило выдать эти средства «из сумм по русской истории», о чем сообщило в Правление АН «для исполнения»³.

К сожалению, в настоящее время судьба этих картотек неизвестна. Вероятно, после архивной реформы в АН СССР, последовавшей сразу за «академическим делом», картотеки, хранившиеся в БАН и Архиве АН, были переданы в Центрархив.

К этим штудиям Г.В. Вернадского по истории XVIII – начала XIX вв. примыкает неосуществленное издание его книги «Инструкция Г.Ф. Миллера для собирания историко-географических сведений по Сибири, данная И.Э. Фишеру в 1740 г.». Еще 27 января 1916 г. на 71-м заседании секции русской истории Исторического общества при Петроградском университете Г.В. Вернадский прочел доклад «Инструкция Г.Ф. Миллера для собирания исторических сведений по Сибири»⁴, текст которого сохранился в личном фонде историка в ГАРФ⁵. Этот доклад стал основой для книги, которую планировала издать Академия наук. В протоколе Отделения исторических наук и филологии АН от 24 февраля 1916 г. зафиксировано представление этого проекта в речи А.С. Лаппо-Данилевского:

Несмотря на труд П.П. Пекарского (имеется в виду [13, с. 308–430]), научная деятельность Г.Ф. Миллера, особенно в качестве участника «Великой Сибирской экспедиции 1733–1743 гг.» еще недостаточно обследована; в частности, одна из его работ, составленная им уже на обратном пути из Сибири, в 1740 году, а именно «Инструкция касательно того, что требуется для географического и исторического описания Сибири» («Instruction was zu geographischer und historischer Beschreibung von Sibirien erfordert wird»), предназначенная для И.Э. Фишера, хотя и была известна П.П. Пекарскому, но до сих пор остается в полном ее составе неизданной; лишь часть ее (VI) вместе с приложениями была напечатана Ф.К. Руссовым по списку в «Сборнике музея по

² Там же. Ф. 1. Оп. 1а-1916. Д. 163. Л. 380 об.: Протокол 2 заседания ОИНФ от 27 января 1916 г., § 58.

³ Там же. Л. 489 об.–490: Протокол 15 заседания ОИНФ от 7 декабря 1916 г., § 377.

⁴ Там же. Ф. 113. Оп. 2. Д. 76. Л. 34.

⁵ ГАРФ. Ф. 1137. Оп. 1. Д. 52. Инструкция Миллера для собирания историко-географических сведений по Сибири. 58 л.

антропологии и этнографии»⁶. В настоящее время приват-доцент Петроградского университета Г.В. Вернадский представил на мое рассмотрение копию с подлинного текста вышеозначенной инструкции Г.Ф. Миллера, находящейся в делах Камчатской экспедиции, с предисловием к ней; желательным было бы, в виду любопытного его содержания, напечатать ее в одном из академических изданий в 400 экз., в формате «Известий», причем акад. В.В. Радлов и К.Г. Залеман любезно выразили готовность наблюдать за ходом издания».

Положено напечатать отдельным изданием в 400 экз. под наблюдением акад. В.В. Радлова и К.Г. Залемана, о чем сообщить в Типографию и акад. А.С. Лаппо-Данилевскому⁷.

Несмотря на положительное решение Академии наук о публикации, этот проект из-за революционных потрясений 1917 г., Гражданской войны, смерти академиков К.Г. Залемана (1916), В.В. Радлова (1918), А.С. Лаппо-Данилевского (1919) и вынужденной эмиграции Г.В. Вернадского (1920) остался не реализован. Книга тиражом 415 экз. стояла в плане изданий академической типографии вплоть до 1919 г.⁸ и, по некоторым сведениям, там успели набрать 6 п.л. корректуры [14, с. 32, сн. 41]. Поиски ее следов в различных фондах Санкт-Петербургского филиала Архива РАН пока безрезультатны.

В Государственном архиве Российской Федерации в Москве в составе личного фонда Г.В. Вернадского удалось обнаружить два дела: исследование о жизни и деятельности Г.Ф. Миллера⁹ и уже упомянутый доклад с материалами к нему «Инструкция Миллера для собирания историко-географических сведений по Сибири»¹⁰. В первом деле сохранился черновой текст неизданной статьи Г.В. Вернадского о Г.Ф. Миллере для «Русского биографического словаря».

Как известно, инструкция была составлена Г.Ф. Миллером в Сибири в конце 1740 г. для адъюнкта И.Э. Фишера, который приехал ему на смену. Однако академик не успел ее приготовить ко дню их встречи. Подлинник, написанный рукой Г.Ф. Миллера и скрепленный им, был отправлен в Академию наук¹¹, куда он

⁶ Речь идет о публикации на немецком языке этнографической части инструкции (6-й части) и четырех приложений к ней, с предисловием Д.А. Клеменца. – См.: Сборник Музея по антропологии и этнографии при Императорской Академии наук. СПб., 1900. Т. 1. С. 37–109 (Клеменц Д.А. Предисловие. С. VII–X; Объяснение встречающихся в инструкции Миллера слов. С. XI–XX; Einleitung. S. 1–5; Ethnographischer Theil. S. 7–109).

⁷ СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а–1916. Д. 163. Л. 389об.: Протокол 4-го заседания ОИНФ АН 24 февраля 1916, § 83.

⁸ Отчет о деятельности Императорской Академии наук по Отделению физико-математических наук и исторических наук и филологии за 1916 г., составленный непреходящим секретарем академиком С.Ф. Ольденбургем. Пг., 1916. С. 422; Отчет... за 1917 г. Пг., 1917. С. 357 № 44; Отчет... за 1919 г. Пг., 1920. С. 346. № 45.

⁹ ГАРФ. Ф. 1137. Оп. 1. Д. 51. 141 л.

¹⁰ Там же. Д. 52. 58 л.

¹¹ Протоколы заседаний Конференции Императорской Академии наук с 1725 по 1803 год: В 4 т. СПб., 1897. Т. 1. С. 668 (21 марта 1741 г.).

поступил в начале 1741 г. и хранился в Архиве Конференции АН¹².

Инструкция на 110 листах состоит из 6 глав, разбитых на 1347 параграфов, к которым добавлены «приложения» – о собирании географических карт, всякого рода рисунков и чертежей и «разных вещей» (Antiquitäten, Kleidungen etc.) для Императорской Кунсткамеры.

Обязанности историка в отношении описания географии и истории Сибири, согласно инструкции, могут быть распределены на шесть главных отделов:

1. «Вести обязательный журнал всего путешествия», не пропуская ни одного дня пути, чтобы не оказалось, не внесенным в журнал ни одно «дорожное наблюдение». От времени до времени следует переписывать журнал начисто и отдавать его в переплет, чтобы быть спокойным, что «ничто из него не потеряется».

2. «Замечать все относящиеся до географии» – положения острогов и слобод, формы поверхности, реки, их старые русла, заливы, очертания берегов, шивера, пороги, щеки, становища инородцев, зимовья промышленников и пр.

3. «Описывать современное состояние городов и принадлежащих к ним крепостей, острогов, слобод, уездов, волостей» – расположение города, укрепления его, общественные здания, церкви и монастыри, рынки, школы, таможенные заставы, промышленность, администрацию, состав населения и пр.

4. «Просматривать архивы и сочинить подробную историю Сибири».

5. «Собирать и описывать здесь и там попадающиеся древности». – В этом отделе Миллер указывает на необходимость внесения в журнал «природного положения» найденного памятника, точных его размеров (высоты вала, глубины могилы и пр.). Затем им приводится краткий обзор древностей, которые находятся по Оби, Иртышу, Енисею, за Байкалом и в других местах Сибири.

6. «Узнавать о нравах и обычаях языческих и прочих нерусских народов и составить особое подробное их описание». – Этот отдел инструкции поясняется благодаря приложенному к нему словарю для собирания языков и диалектов нерусских народов¹³.

И.Э. Фишер остался недоволен инструкцией, найдя ее слишком краткой, с чем Г.В. Вернадский-историк был категорически не согласен. На его взгляд, в инструкции нет ничего лишнего – она представляет собой «широкую и обоснованную программу научной деятельности», причем, в отличие от инструкций

¹² СПФ АРАН. Ф. 21. Оп. 2. Д. 8 (на нем. яз.); Оп. 5. Д. 36, 89; Ф. 934. Оп. 1. Д. 74; Р. 1. Оп. 26. Д. 4; РГАДА. Ф. 199. Оп. 2 (Портфели). Д. 526. Ч. 1: Инструкция г-ну адъютанту Фишеру, когда он был послан в Сибирь на мое место. 107 л. (на нем. яз.). Перевод этнографической части на рус. яз. академического переводчика И. Голубцова. – См.: РГАДА. Ф. 199. Портф. 508. Д. 1. Л. 1–129. Причины разрозненности подавляющего большинства документов Г.Ф. Миллера между РГАДА (Москва) и СПФ АРАН (Петербург) проанализированы в статье: [15, с. 3–11].

¹³ ГАРФ. Ф. 1137. Оп. 1. Д. 52. Л. 33а–33д.

Г.Ф. Миллера участникам Второй Камчатской экспедиции естествоиспытателям Г.В. Стеллеру и С.П. Крашенинникову, наставление историку и филологу И.Э. Фишеру особенно отличается сведениями об архивах. Присутствие специальной исторической главы отличает ее и от ценнейших «Предложений» В.Н. Татищева (1739), в которой преобладают естественно-исторические сведения. На взгляд Г.В. Вернадского, программа Г.Ф. Миллера *уже и систематичнее*, чем у В.Н. Татищева. Она имеет два отдела — исторический и этнографический, к которым как бы добавлен географический отдел. Инструкция Г.Ф. Миллера вполне самостоятельна и «представляет плод его собственной собирательной деятельности» благодаря восьмилетнему опыту путешествия по Сибири. Вопросов у Г.Ф. Миллера гораздо больше, чем у В.Н. Татищева, и они систематизированы иначе, причем очень многие вопросы задаются им применительно к *конкретным условиям данной местности и конкретного народа*, в частности, из области археологии и этнографии. Поэтому они не носят отвлеченного характера. Они представляют собой не только *программу* дальнейшей деятельности, но и *обозрение* тех результатов изучения, которые были достигнуты самим Г.Ф. Миллером¹⁴.

Собственно историческая часть, по мнению Г.В. Вернадского, занимает в инструкции сравнительно малое место, но она имеет существенное значение. Если в этнографическом и географическом отделах Г.Ф. Миллер развивал мысли, которые «входили уже в ученое сознание» (в России — через Петербургскую академию наук и В.Н. Татищева), то в главе об описании архивов, по мнению Г.В. Вернадского, Г.Ф. Миллер предшественников не имел, так как выдвигал здесь совершенно новые пути исторического изыскания. Эти идеи нашли свое проявление в неосуществленном проекте создания в Академии наук Исторического департамента, составленного Г.Ф. Миллером в 1746 г.¹⁵

По вопросам ученого можно судить не только о том, чего он *добивался* в исследовании, но и что он *узнал* во время экспедиции: это концентрированное отражение всего опыта, приобретенного академиком во время путешествия по Сибири. Таким образом, это «не только программа, но и сжатое обозрение всего, им сделанного» в Сибири. Таким образом, инструкция представляет полное и точное руководство для историка и этнографа — путешественника по Сибири. По убеждению Г.В. Вернадского, это «основной памятник методики русских исторических исследований» той эпохи, заслуживающий скорейшей публикации на русском языке¹⁶.

Парадокс состоит в том, что инструкция Г.Ф. Миллера И.Э. Фишеру как на немецком языке, так и в русском переводе в полном виде до сих пор не издана ни в России, ни за рубежом¹⁷.

¹⁴ Там же. Л. 1–4.

¹⁵ Там же. Л. 32, 52.

¹⁶ Там же. Л. 4, 9, 31–32.

¹⁷ В русских переводах опубликованы лишь археологическая и этнографическая части программы Г.Ф. Миллера: [16] (рус-

Обстоятельства жизни Г.В. Вернадского сделали невозможным публикацию планируемой книги в постреволюционной России. Летом 1917 г. он был избран профессором русской истории Омского политехнического института, осенью отправился в Сибирь, но доехал лишь до Перми, где принял должность лектора новой русской истории в Пермском университете. В августе 1918 г., опасаясь ареста ЧК, историк уехал сначала в Киев, затем в Симферополь, где стал профессором Таврического университета (Симферопольского филиала Киевского университета). В 1920 г. в правительстве генерала Врангеля кадет Г.В. Вернадский занимал пост начальника Главного управления по делам печати и покинул Крым вместе с остатками Белой армии в октябре того же года — через Константинополь он уехал в Афины, где работал библиотекарем в Русском студенческом союзе. В 1921 г. ученый переехал в Прагу и стал профессором истории русского права Русского юридического факультета (1922–1927), слушателем и учеником академика Н.П. Кондакова, затем одним из создателей и директором (1925–1927) Семинария им. Н.П. Кондакова. Впоследствии он был председателем правления Археологического института им. Н.П. Кондакова (февраль–июль 1935 г.), являлся членом Русского исторического общества и Славянского института. В Праге он сблизился с евразийцами, испытал влияние П.Н. Савицкого, что нашло отражение в ряде его исторических трудов. По моему убеждению, формированию «евразийских» взглядов Г.В. Вернадского во многом способствовали его занятия историей Сибири XVII–XVIII вв.

В 1927 г. Г.В. Вернадский с помощью академика М.И. Ростовцева, знавшего его с магистрантских времен, секретаря русского посла в Америке С.М. Бахметьева (друга юности с 1917 г.) и профессора Гарвардского университета М.М. Карповича переехал в США, где стал преподавателем (1927–1947), затем профессором русской истории (1946–1956), с 1956 г. — заслуженным профессором (*emeritus professor*) в Йельском университете. В Нью-Хейвене русский историк-эмигрант закончил свой жизненный путь.

Г.В. Вернадский также читал лекции в Гарвардском (1931–1932) и Колумбийском (1949) университетах, был членом Американской ассоциации для продвижения славистических исследований (почетный президент с 1965 г.), Американской исторической ассоциации, Американской средневековой академии и пр. Возможно, неизданная рукопись русского перевода инструкции Г.Ф. Миллера адъютанту И.Э. Фишеру, выполненного Г.В. Вернадским, пока безуспешно разыскиваемая в архивах России, хранится в составе личного фонда ученого (*George Vernadsky Papers*) в Бахметьевском архиве Колумбийского университета в Нью-Йорке (США).

ский перевод 5-й (археологической) части инструкции); [17] (публикация русского перевода академического переводчика И. Голубцова). В ближайшее время В. Хинцше (ФРГ) планирует немецкое издание ее текста в многотомной серии «Источники по истории Сибири и Аляски из российских архивов».

ЛИТЕРАТУРА

1. Пушкарев С. [Г. Вернадский] // Новый журнал. 1973. № 113.
2. Halperin Ch.Y. Russia and Stepp: George Vernadsky and Eurasianism // Forschungen zur osteuropaischen Geschichte. Wiesbaden, 1985. Bd 36.
3. Пауто В.Т. Русские историки-эмигранты в Европе. М., 1992.
4. Дуровцев В.И., Соничева Н.Е. Георгий Владимирович Вернадский (1887–1973) // Портреты историков: Время и судьбы. М.; Иерусалим, 2000. Т. 1.
5. Соничева Н.Е. Вернадский Георгий Владимирович // Историки России. М., 2001.
6. Болховитинов Н.Н. Жизнь и деятельность Г.В. Вернадского (1887–1973) и его архив. Сарго, 2002.
7. Вернадский Г.В. Из воспоминаний // Вопр. истории. 1995. № 1.
8. Вернадский Г.В. О движении русских на восток // Научно-исторический журнал. 1914. Т. 1. Вып. 2.
9. Вернадский Г.В. Против солнца. Распространение Русского государства к востоку // Русская мысль. 1914. № 1.
10. Вернадский Г.В. Государевы служилые и промышленные люди в Восточной Сибири XVII века // ЖМНП. 1915. Т. 55, № 4.
11. Список профессоров и преподавателей историко-филологического факультета Императорского, бывшего Петербургского, ныне Петроградского университета с 1819 г. Пг., 1916.
12. Брачев В.С., Дворниченко А.Ю. Кафедра русской истории Санкт-Петербургского университета (1834–2004). СПб., 2004.
13. Пекарский П.П. История Имп. Академии наук в Петербурге. СПб., 1870. Т. 1.
14. Тункина И.В. Русская наука о классических древностях юга России (XVIII – середина XIX в.). СПб., 2002.
15. Тункина И.В. О судьбе рукописного наследия Г.Ф. Миллера // Вопр. истории естествознания и техники. 2008. № 2.
16. Радлов В.В. Сибирские древности. СПб., 1894. Т. 1, вып. 3. Приложение. С. 106–114.
17. Элерт А.Х. Народы Сибири в трудах Г.Ф. Миллера. Новосибирск, 1999. Прилож. 1: Этнографическая программа Г.Ф. Миллера. С. 181–226.

Д.И. ПЕТИН

ДЕНЕЖНОЕ ОБРАЩЕНИЕ И ФИНАНСОВАЯ ПОЛИТИКА СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ В СИБИРИ В 1919–1920 гг.

Омский государственный технический университет
e-mail: dimario86@rambler.ru

В статье описывается переход Сибири на советскую денежную систему в период восстановления советской власти в 1919–1920 гг. Рассматриваются особенности денежного обращения и такие мероприятия советской финансовой политики в Сибири в указанный период, как аннулирование белогвардейских денег, обеспечение вновь присоединенных территорий советским денежным подкреплением. Указываются причины появления в данный период денежных суррогатов, выпущенных для локального обращения местной властью.

Ключевые слова: Гражданская война в Сибири, история денежного обращения России, бонистика, бумажные денежные знаки, денежные суррогаты.

Политика советской власти в области денежного обращения в Сибири в 1919–1920 гг. является одним из малоизученных аспектов истории Гражданской войны в России. Данная проблема привлекала внимание ряда исследователей [1–4; 5, с. 271–279]. По мнению В.М. Рынкова, денежное обращение Сибири после ухода с политической арены правительства Колчака представляет собой «исторический сюжет, который имеет самостоятельное научное значение» [3, с. 127].

Ключевыми направлениями начавшегося с сентября 1919 г. перехода Сибири на советскую денежную систему становятся аннулирование денег сибирской контрреволюции и обеспечение вновь присоединенных территорий деньгами РСФСР.

В период войны с армиями правительства Колчака и после разгрома белого движения в Сибири восстановлением советских порядков и ликвидацией последствий здесь Гражданской войны руководили Си-

бирское бюро ЦК РКП(б) и Сибирский революционный комитет (Сибревком). Последний функционировал с 27 августа 1919 г. по 2 декабря 1925 г. на правах областного органа, будучи наделен чрезвычайными полномочиями представителя центральной власти в сибирском регионе. Ему подчинялись Омская, Томская, Алтайская, Енисейская, Семипалатинская, Иркутская губернии и Якутская область. Резиденциями Сибревкома были Челябинск (до осени 1919 г.), Омск (до лета 1921 г.) и Новониколаевск (Новосибирск) (до конца 1925 г.). Управление Сибирью в годы Гражданской войны и ликвидации ее последствий сталкивалось с постоянными трудностями: огромные пространства представляли значительное препятствие для взаимодействия между отделами Сибревкома и местными властями.

Положение об организации финансовых отделов губернских и уездных исполнительных комитетов, принятое 1 ноября 1918 г., возлагало непосредствен-

ное руководство денежно-финансовой сферой в соответствии с декретами СНК РСФСР, инструкциями и распоряжениями НКФ РСФСР в пределах каждой губернии на финансовые отделы губернских исполнительных комитетов Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов (губфинотделы)¹. В занятых большевиками городах приостанавливалась деятельность финансовых учреждений правительства Колчака. Взамен создавалась расчетно-расходная касса, существовавшая до момента образования финотдела (губернии, уезда)².

С октября 1919 г. в Сибирь начали централизованно поступать общегосударственные советские денежные знаки – кредитные билеты образца 1918 г. (так называемые пятаковки) и расчетные знаки РСФСР (так называемые совзнаки)³. В 1919–1920 гг. в Сибирь поступило денег (млн руб.) [5]:

октябрь– декабрь 1919 г.	январь– март 1920 г.	апрель– июнь 1920 г.	июль– сентябрь 1920 г.	октябрь– декабрь 1920 г.
1,7	4965,8	9211,2	15408,8	11084,0

Как и во всей России, на территориях, подконтрольных Сибревкому, картина денежного обращения была на рубеже 1919–1920 гг. разнородной. Платежную силу здесь имели дореволюционные денежные знаки (так называемые царские, думские, керенки), упомянутые выше общегосударственные советские денежные знаки, и кредитные билеты Уральского областного совета («уралки»). Кроме того, по нарицательной стоимости в качестве денег имели хождение государственные ценные бумаги, выпущенные царским и Временным правительствами (краткосрочные обязательства Государственного казначейства, облигации и купоны Займа Свободы, Государственной ренты, военных займов и др.)⁴.

Советская власть для нормализации денежного обращения на сибирских территориях должна была решить две основные задачи. Поскольку наличие в обращении денег правительства Колчака⁵ на терри-

ториях Сибири, занятых большевиками, создавало угрозу усугубления хаоса денежной сферы, развития товарно-денежной спекуляции и т.д., постольку первой задачей являлось аннулирование и изъятие «сибирских» денег. Но их аннулирование при отсутствии подкрепления советскими денежными знаками провоцировало нехватку денег в обращении. Видовое разнообразие денег не решало проблему «денежного голода», вызывая лишь недоразумения со стороны как местных властей, так и населения⁶. Поэтому второй задачей было обеспечение Сибири необходимым количеством денежных знаков, имеющих платежную силу в РСФСР.

С сентября 1919 г. по мере продвижения на восток соединений и частей РККА большевиками в Сибирь аннулировались «омские» деньги. Сибревком официально заявил: «Деньги, выпущенные... верховным правителем Колчаком, признаются не имеющими хождения во всей Сибири. Население должно отказываться от их приема. Во всей Сибири восстанавливается хождение советских денег...»⁷. Губфинотделам Сибири НКФ РСФСР предписал организовать срочное изъятие «сибирских» денег, отказывая в их обмене⁸. Пролетариат, беднейшее и среднее крестьянство при сдаче «омских» денег могли удовлетворяться единовременными денежными выплатами. Сибревком 24 ноября 1919 г. постановил бедным и средним крестьянам выдавать пособие не более 3600 руб.; горожанам – 1200 руб., производя выплату пособий в два этапа: первая выдача – 600 руб., вторая выдача – продуктами на 600 руб. через кооперативные лавки⁹. Выплата пособий производилась до 7 мая 1920 г., пока Финансовое управление Сибревкома не предписало «...прекратить прием прошений о возмещении убытков от аннулирования»¹⁰.

Вопрос о «сибирских» деньгах с присоединением к Советской России новых территорий Сибири поднимался вновь, что заставило Сибревком в ноябре 1919 г. повторно объявить «сибирские» деньги вне закона: «Сибревком, подтверждая свое постановление об отмене хождения в Советской Сибири колчаковских денежных знаков, доводит до всеобщего сведения: «1. Что колчаковские денежные знаки обмену не подлежат. 2. Что с 28 ноября сего года продажа продуктов на колчаковские денежные знаки прекращается»¹¹. Слуха об аннулировании «сибирских» денег было достаточно, чтобы население начало спешно сбывать их, скупая без разбора все подряд, у граждан, еще не знавших об отмене»¹².

¹ Исторический архив Омской области (ИА ОО). Ф. Р-238. Оп. 1. Д. 1. Л. 5.

² Там же. Д. 2. Л. 60.

³ ГАНО. Ф. Р-1137. Оп. 1. Д. 3. Л. 4.

⁴ Там же. Д. 17. Л. 65, 70; Д. 25. Л. 52.

⁵ Придя к власти, правительство Колчака признало деньги Временного Сибирского правительства и по их образцу выпускало свои казначейские знаки и краткосрочные обязательства; осенью 1919 г. осуществлялся выпуск денег американского производства – 50 коп. бон, и денежных суррогатов (облигаций и купонов I, II и III разрядов Внутреннего 4,5% выигрышного займа 1917 г.). В обиходе денежные знаки Временного Сибирского правительства и правительства Колчака назывались «сибирские» или «омские». После падения власти Колчака эмиссию «омских» денег в Сибири в 1920 г. для пополнения наличности касс осуществлял Иркутский Политцентр (5–25 января) и сменивший его Иркутский военно-революционный комитет (26 января – 17 февраля).

⁶ ГАНО. Ф. Р-1137. Оп. 1. Д. 25. Л. 69–69об.

⁷ Собрание постановлений и распоряжений Сибирского революционного комитета. № 1. Омск, 1919. С. 16.

⁸ ИА ОО. Ф. Р-238. Оп. 1. Д. 10. Л. 1, 14.

⁹ ГАНО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 88, Л. 159.

¹⁰ ИА ОО. Ф. Р-238. Оп. 1. Д. 7. Л. 216, 226.

¹¹ Собрание постановлений и распоряжений... С. 24.

¹² ИА ОО. Ф. Р-238. Оп. 1. Д. 9. Л. 8.

Проводимое большевиками аннулирование «омских» денег застало кассы сибирских финансовых учреждений совершенно не готовыми к удовлетворению потребностей в советских деньгах, так как обеспечение вновь присоединенных территорий Сибири денежными знаками, имеющими платежную силу в Советской России, не было налажено. После процедуры изъятия «керенок», проведенной правительством Колчака¹³, у населения Сибири оставалось из имеющихся хождение в РСФСР лишь некоторое количество «керенок» (номиналами 20 и 40 руб.) и «думских» (номиналами 250 и 1000 руб.) Отсутствовали мелкие денежные знаки¹⁴.

Аннулирование «омских» денежных знаков Советской властью провоцировало нехватку денег в обращении. Местные власти для стабилизации положения иногда вынужденно шли на крайние меры. Так, Тюменский ВРК, будучи в тупиковом положении из-за отсутствия денег, 22 сентября 1919 г. временно и ограниченно продлил хождение «сибирских» денег, предписав гражданам, имеющим на руках «сибирские» денежные знаки номиналом до 500 руб. включительно, внести их в трехдневный срок для штемпелевания в Тюменское отделение Народного банка. Денежные знаки номиналом выше 500 руб., а также знаки без штемпеля платежной силы в пределах власти ВРК не имели [1, с. 30–31]. Но Сибревком 23 сентября 1919 г. постановил аннулировать все без исключения «сибирские» денежные знаки¹⁵, а 30 сентября 1919 г. распорядился «оплату сибирских денег, штемпелеванных Тюменским ревкомом утвердить, отнеся означенную выплату за счет Государственного банка»¹⁶.

Енисейский губернский ВРК, аннулировав 11 января 1920 г. «сибирские» деньги, распорядился в качестве временной меры до получения советских денежных знаков выдавать населению специальные долговые обязательства с указанием денежной суммы для получения продовольствия и фуража. Обязательства эти могли использоваться населением при расчетах¹⁷.

К концу ноября 1919 г. в Западной Сибири нехватка денег из-за изъятия «сибирок» привела к выбросу в обращение денежных суррогатов (облигаций, купонов и т.д.), находившихся на руках у населения, что вызывало недоразумение и недовольство со стороны торговли¹⁸. Отсутствие денежных знаков для самых необходимых текущих расходов и платежей, вследствие

изъятия «омских» денег угрожало деятельности ряда организаций, в том числе обеспечивающих РККА и население продовольствием¹⁹. На Омской железной дороге в конце 1919 г. из-за отсутствия денежных знаков, признанных советской властью, была приостановлена выдача заработной платы²⁰. В телеграмме из Щегловска (ныне – Кемерово) от 27 января 1920 г. сообщалось: «По случаю аннулирования колчаковских денежных знаков... многие крестьяне Щегловского уезда страшно бедствуют...»²¹. Из-за срочного аннулирования «омских» денег и отсутствия поставки денежных знаков, имеющих хождение в РСФСР, Томск к февралю 1920 г. был на грани полной парализации жизни города. Неполучение денег приостановило выплату зарплаты городским служащим, остановило заготовку продовольствия и предметов снабжения. В городе начался голод²².

В губфинотделы и Сибревком в тот период поступала масса писем от различных организаций и учреждений с просьбой «...разъяснить, какие деньги имеют хождение в пределах Советской России...», «...дать точные инструкции о хождении денег...»²³. Некоторыми специалистами НКФ РСФСР предлагалось временно легализовать денежные знаки контрреволюционных правительств во избежание образования дефицита денег в обращении, но советским руководством такого рода идеи категорично отвергались [6, с. 70]. А население Сибири, и без того пострадавшее от боевых действий в годы Гражданской войны, сполна ощущало на себе все последствия разбалансированного денежного обращения. Последним об аннулировании «омских» денег на территориях, подконтрольных Сибревкому, 18 февраля 1920 г. доложил Иркутский губревком²⁴.

Почти одновременное освобождение нескольких регионов (Урала, Сибири, Дона, Украины, Кавказа и севера России) в 1919–1920 гг. потребовало увеличения эмиссии советских денежных знаков. Неудовлетворительное состояние транспортных связей вызывало проблемы с обеспечением вновь присоединенных регионов деньгами Советской России. Поэтому для обеспечения Сибири денежными знаками Сибревком с санкции НКФ РСФСР при содействии Иркутского губфинотдела и Иркутской экспедиции заготовления государственных бумаг с 26 февраля по 6 июня 1920 г. организовал для Сибири специальную эмиссию местных суррогатных денег. Для этих целей использовался находившийся в Иркутске запас облигаций и купонов Внутреннего 4,5%-го Выигрышного займа 1917 г.,

¹³ Процедура изъятия «керенок», начавшаяся 15 мая 1919 г., была частью мероприятий Минфина правительства Колчака по унификации денежного обращения (см. подробно [3, с. 143–167] и [4, с. 188–206]).

¹⁴ Известия НКФ. 1921. 1 сент.

¹⁵ Собрание постановлений и распоряжений... С. 17.

¹⁶ Там же. С. 17.

¹⁷ ЦДНИИО. Ф. 300. Оп. 1. Д. 732. Л. 11.

¹⁸ ИА ОО. Ф. Р-238. Оп. 1. Д. 10. Л. 3.

¹⁹ Там же. Д. 9. Л. 5, 8.

²⁰ Там же. Л. 1.

²¹ ГАНО. Ф. Р-1137. Оп. 1. Д. 17. Л. 9.

²² Там же. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 303. Л. 90; Ф. Р-1137. Оп. 1. Д. 25. Л. 87.

²³ ИА ОО. Ф. Р-238. Оп. 1. Д. 1. Л. 3; Д. 7. Л. 12, Д. 9. Л. 4; Д. 10. Л. 3.

изготовленных в США для правительства Колчака. Сибревком пустил в обращение облигации IV и V разрядов номиналом 200 руб. В качестве разменных денег к ним листами по 20 шт. выпускали купоны тех же разрядов номиналом 4 р. 50 к. Для отличия от аннулированных колчаковских облигаций и купонов денежные суррогаты Сибревкома имели специальные грифы-печати: красного цвета – для IV разряда; синего – для V разряда. Сибревком объявил, что «...облигации и купоны IV и V разрядов обязательны к приему во все платежи... наравне с денежными знаками Советской республики... подделка, а также отказ от приема облигаций и купонов, имеющих отличительный знак Советской власти, будет преследоваться со всей строгостью революционных законов». Объем эмиссии суррогатов Сибревкома предполагался в 1,16 млрд руб.²⁵ Выпуск в обращение составил 1 158 799 200 руб. [5, с. 272].

Денежные знаки Сибревкома успешно ходили по всей Сибири, смягчая «денежный голод». Некоторые трудности с их приемом возникали только западнее Омска²⁶. НКФ РСФСР 3 сентября 1920 г. циркулярно предписал губфинотделам вне Сибири беспрепятственно обменивать денежные суррогаты Сибревкома на общегосударственные советские денежные знаки²⁷. Но эмиссия Сибревкома способствовала искусственному повышению цен на продовольственные и промышленные товары. «Деньги-купоны» иногда становились своеобразной «денежной единицей»: из-за небольшого номинала их использовали вместо отсутствовавших в обращении рублевых купюр²⁸.

Но проблема нехватки денег в Сибири оставалась нерешенной. К лету 1920 г. в Сибири стал наблюдаться «разменный голод». Одной из причин его возникновения было плохо отлаженное сметно-кассовое дело советских учреждений²⁹. Ситуацию усугубляло и то, что разменные денежные знаки стали предметом спекуляции и тезаврации, наряду с деньгами дореволюционных образцов, золотом и серебром³⁰. Товары на рынке старались продавать лишь на мелкие деньги. Кассы для сохранения разменного фонда не производили размен денег³¹. Денежная наличность в кассах сибирских советских учреждений была представлена преимущественно знаками крупных номиналов. Зачастую при выдаче денег из касс финотделов половина суммы выдавалась крупными знаками, а другая половина – мелкими³². В целях повышения притока в кас-

сы необходимых средств 24 мая 1920 г. Сибревком предписал местным органам продовольствия и снабжения ежедневно сдавать в губфинотделы все поступающие к ним суммы³³.

С осени 1920 г. для унификации денежного обращения и борьбы с денежной спекуляцией по секретному указанию НКФ РСФСР в Сибири началось постепенное изъятие из обращения общегосударственных денежных знаков и суррогатов дореволюционных образцов (краткосрочных обязательств, облигаций и купонов, находившихся в обращении по нарицательной стоимости)³⁴. Лишь к концу 1920 г. поставка денежных знаков в Сибирь стала относительно стабильной. Но до осени 1921 г. в кассах сибирских финансовых учреждений существовал особый фонд – разменный (запасный) капитал³⁵.

В силу военно-политических обстоятельств полный переход на советскую денежную систему к концу 1920 г. смогла осуществить лишь Западная Сибирь. Забайкалье до осени 1920 г. было последним оплотом сибирской контрреволюции. После падения правительства атамана Семенова юг Восточной Сибири вошел в состав Дальневосточной республики – политического «буфера», имевшего свою денежную систему, что затянуло процесс унификации денежного обращения Сибири. Деньги ДВР на территории РСФСР не признавались в качестве платежных средств, но в пределах Сибири они могли обмениваться на денежные знаки, имевшие хождение в Советской России (исключением были американские боны 50 коп.)³⁶. Хождение денежных суррогатов Сибревкома продолжилось до реформы Сокольникова (1922–1924) гг. К началу 1925 г. реформа позволила стабилизировать денежное обращение СССР, наладить усиление денежной наличности окраинных территорий общегосударственными денежными знаками.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Роцевский П.И.* Ликвидация финансовых затруднений в Западной Сибири после изгнания колчаковцев в 1919 г. // Уч. зап. Тюменск. ГПИ. 1969. Т. 91. Исторический сборник. Вып. 2 (7).
2. *Вожегов Г.Н.* Безмолвные проповедники: Очерки по истории денег. Омск, 1992.
3. *Рынков В.М.* Финансовая политика антибольшевистских правительств востока России (вторая половина 1918 – начало 1920 г.). Новосибирск, 2006.
4. *Алямкин А.В., Баранов А.Г.* История денежного обращения в 1914–1924 гг. (по материалам Зауралья). Екатеринбург, 2005.
5. *Наше денежное обращение: Сб. материалов по истории денежного обращения в 1914–1925 гг.* М., 1926.
6. *Атлас З.В.* Очерки по истории денежного обращения в СССР (1917–1925). М., 1940.

²⁴ ГАИО. Ф. Р-1800. Оп. 1. Д. 2. Л. 1 об.

²⁵ Там же. Ф. Р-260. Оп. 1. Д. 159. Л. 2, 25, 26.

²⁶ Там же. Л. 55.

²⁷ Известия НКФ. 1920. 20 нояб.

²⁸ Там же. 1921. 1 сент.

²⁹ ГАТО. Ф. Р-175. Оп. 1. Д. 5. Л. 24.

³⁰ Там же. Д. 1. Л. 75.

³¹ Алтайский коммунист. 1920. 8 июля.

³² ГАНУ. Ф. Р-1137. Оп. 1. Д. 25. Л. 162–163об.

³³ ИА ОО. Ф. Р-238. Оп. 1. Д. 7. Л. 242–242об.

³⁴ ГАНУ. Ф. Р-1137. Оп. 1. Д. 15. Л. 170–170об.

³⁵ ГАТО. Ф. Р-175. Оп. 1. Д. 4. Л. 112.

³⁶ ГАЗК. Ф. Р-624. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–2.

А.И. ТИМОШЕНКО

**СОВЕТСКИЕ ИНИЦИАТИВЫ В АРКТИКЕ В 1920-е гг.
(К ВОПРОСУ О СТРАТЕГИЧЕСКОЙ ПРЕЕМСТВЕННОСТИ)***Институт истории СО РАН, г. Новосибирск
e-mail: vika@itp.nsc.ru

В статье рассматриваются проблемы преемственности в государственной политике России по отношению к Арктике и Северному морскому пути. Прослеживаются основные стратегические направления государственных интересов на северных территориях в начале XX в.

Ключевые слова: Россия, Арктика, стратегия, государственные интересы.

После распада Советского Союза Россия еще в большей степени стала северной страной. По разным подсчетам, зона Арктики, включая континентальный шельф, составляет не менее 5 млн кв. км. Протяженность арктических пространств по широте Северного Полярного круга измеряется в 7250 км, протяженность побережья окраинных морей российского сектора Ледовитого океана и Берингова моря составляет 10 400 км, или 68 % протяженности всех окраинных морей России. Территориальное богатство дополняется обилием других природных ресурсов – водных, энергетических, минерально-сырьевых. Благодаря изысканиям геологов за последнее столетие в Арктике были обнаружены практически все элементы из таблицы Менделеева, а на месторождения нефти и газа только северных районов Западной Сибири приходится значительная часть мировых запасов углеводородов. Арктические районы России, несмотря на суровые природно-климатические условия для жизни людей, веками обживались россиянами и отличались особой значимостью для Российского государства.

В XIX в. с расширением научных и технических возможностей многие страны, и не только приарктические, стали активно претендовать на северные пространства. Они в условиях дежа мира на зоны влияния рассматривали континентальную часть Арктики и моря Северного Ледовитого океана как важные в военно-стратегическом и транспортном отношении объекты. Иностранные торговцы и предприниматели, пользуясь недостаточно четко обозначенными границами на севере, постоянно вторгались на российскую территорию, занимались несанкционированной вырубкой лесов, добычей морского зверя и рыбы, торговали с местным населением. На Кольском полуострове и в Архангельской губернии наиболее частыми го-

стями были шведы, англичане, норвежцы, на восточных рубежах – американцы и японцы.

Во второй половине XIX в. правительства и бизнес вкладывали средства в изучение транспортных возможностей Северного морского пути, который мореплаватели пытались освоить еще с древнейших времен. Нередкими стали путешествия английских, датских, шведских, норвежских исследователей по северным морям, в том числе и к российским берегам. В 1870-е гг. норвежские промышленники-охотники за тюленями спонсировали несколько экспедиционных плаваний на северо-восток от берегов Норвегии. В конце июля 1870 г. капитан Э. Иоганнесен пересек Карское море от Маточкина Шара до Ямала и прошел на север до 75° с.ш.

Наиболее известными были плавания норвежского полярного исследователя А.Э. Норденшельда, который в 1875 г. на средства купца Оскара Диксона прошел по Карскому морю на небольшой зверобойной шхуне «Превен» в устье Енисея. В 1876 г. он повторил плавание на грузовом пароходе «Имер». Более десяти раз ходил на торговых судах в устья западносибирских рек английский капитан И. Виггинс. В 1874 г. он первым достиг с моря устья Енисея и получил премию в 2000 фунтов стерлингов, учрежденную русским купцом и промышленником М.К. Сидоровым – энтузиастом проведения морского пути к устьям сибирских рек. 1870-е гг. стали началом торгового плавания через Карское море в Сибирь.

Природно-климатические условия и ледовая обстановка в морях Северного Ледовитого океана в тот период, по-видимому, способствовали успешному плаванию. В 1878–1879 гг. А.Э. Норденшельд совершил на китобойном корабле «Вега», отличающимся укрепленным от соприкосновения со льдами корпусом, первое сквозное плавание по Северному морскому пути с запада на восток до Берингова пролива. Однако по окончании экспедиции он сообщил, что в большей степени преследовал научно-исследовательские цели в

*Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект № 09-01-00550а/р.

своем путешествии, чем торгово-коммерческие. Не желая обидеть своих спонсоров, рассчитывавших в первую очередь на предпринимательский успех путешествия, он писал, что, в принципе, морской путь из Атлантического океана в Тихий вдоль северных берегов Сибири может быть пройден на приспособленном для этого пароходе с экипажем из опытных моряков. Но в целом этот путь, «насколько нам сейчас известен режим льдов у берегов Сибири, едва ли будет иметь действительное значение для торговли» [1, с. 40].

Построенный к тому времени Суэцкий канал, по видимому, повлиял на ослабление коммерческих интересов многих европейских торговцев и предпринимателей к Северному морскому пути. Не проявило к данному событию большого внимания и российское правительство, хотя крупные торгово-промышленные предприниматели в России готовы были поддерживать своими капиталами изыскания для организации плавания по северным морям. В 1904 г. при Обществе судоходства была организована Комиссия по вопросу о морском сибирском пути на Дальний Восток, председателем которой избрали известного гидрографа А.П. Вилькицкого. На добровольные пожертвования заинтересованных людей Комиссия планировала «произвести всесторонние систематические исследования, каковых до сих пор по отношению ко всему протяжению пути не производилось» [2, с. 23].

Российское правительство тогда еще не планировало значительных вложений в организацию исследований Северного морского пути – в основном по объективным причинам. В развитии транспорта приоритет отдавался железнодорожному строительству. Вместе с тем беспокоил интерес к российской Арктике со стороны других государств. Поэтому вопросы, связанные с изучением навигации в северных морях, созданием кораблей, способных преодолевать ледовые пространства, периодически ставились и обсуждались. Инициатором их часто выступал Д.И. Менделеев, который в правительстве С.Ю. Витте был сотрудником Министерства финансов и являлся консультантом и экспертом по многим научным и технико-экономическим вопросам. Он убедил правительство выделить средства на строительство в 1897–1899 гг. первого российского ледокола «Ермак» по проекту адмирала С.О. Макарова, на котором планировалось осуществлять плавание в высоких широтах. Д.И. Менделеев и сам готовил экспедицию через Северный полюс в Берингов пролив [3, с. 209–219].

Вопросы плавания через северные моря для Российского государства стали жизненной необходимостью после Русско-японской войны 1904–1905 гг. Адмирал В.П. Верховский, рассуждая о причинах поражения русского флота на восточных рубежах, писал в докладной записке морскому министру, что необходимо предпринять конкретные меры к проведению большой исследовательской экспедиции по Северному морскому пути. «Можно утверждать с вероятностью почти в 100 %, что через два года от снаряжения экспедиции русские отряды и эскадры боевых судов бу-

дут ежегодно делать переходы Ледовитым океаном во Владивосток» [1, с. 43].

В 1908 г. на средства российского правительства на верфи Невского судостроительного завода было начато строительство двух мощных по тому времени ледоколов «Таймыр» и «Вайгач», которые в 1910–1912 гг. уже курсировали между Беринговым проливом, Колымой и устьем Лены, изучали гидрографию морей Северного Ледовитого океана, пытаясь найти оптимальный путь до Мурманска. Однако сквозной проход от Кольского полуострова до Владивостока и обратно за одну навигацию оставался проблемой. Плавание по Северному морскому пути осуществлялось лишь на отдельных участках. В западном направлении от устьев Оби и Енисея через Карское море за 1876–1919 гг. было выполнено 122 плавания, из которых 86 (71 %) оказались успешными. На востоке с 1911 г. рейсы из Владивостока в устье Колымы через Берингов пролив стали ежегодными. Пароход «Колыма» за одну навигацию доставлял на Колымские прииски товары и продовольствие [1, с. 46–47].

С началом Первой мировой войны, усилившей значение регулярного плавания по северным морям, в российском правительстве утвердилось осознание того, что Арктику необходимо изучать и осваивать. Эту эстафету приняло советское правительство. В числе важнейших интересов СССР в Арктике были как внешнеполитические, определяющие границы государства и положение на международной арене, так и внутренние, связанные с научными изысканиями и технико-экономическим обеспечением решения арктических проблем. В 1920-е гг. советское правительство своими инициативами смогло защитить российские интересы в Арктике и добиться заметных успехов в последующий период.

Внимание советского правительства сосредоточилось вокруг решения трех основных проблем: транспортной, ресурсно-сырьевой и связанной с обустройством жизни коренного населения северных районов. Первые две начали решаться еще при жизни В.И. Ленина. В 1918 г. на заседаниях СНК был поставлен вопрос об организации Карских экспедиций, в задачу которых должен был входить главным образом вывоз хлеба из Сибири и другого продовольствия, а также важных экспортных товаров – пушнины, леса и пр. Однако в условиях военной интервенции и захвата Архангельска – порта, из которого намечалось отправление экспедиции, а затем начавшейся Гражданской войны намеченные планы реализовать не удалось.

Первая советская Карская экспедиция в устье Оби и Енисея с выходом из Архангельска состоялась в августе–октябре 1920 г. Она включала два отряда, располагавших 18 судами, многие из которых были крайне изношены и не приспособлены к плаванью во льдах. Но условия навигации этого года способствовали успеху. Из Сибири было вывезено в европейскую часть страны около 1000 т хлеба, примерно 1500 т жиров, большое количество пушнины, льна, шерсти, конского волоса и др.

Советское правительство высоко оценило этот сложный поход, опыт его был рекомендован для распространения. В последующие годы так называемые Карские экспедиции стали регулярными. Под контролем Совета народных комиссаров Наркомвнешторг и Наркомпути закупали, насколько позволяли государственные финансы, за границей новые суда, ледокольное оборудование, новые сигнальные и навигационные приборы, моторные лодки и другое оборудование, необходимое для плавания по северным морям. Вывозом грузов из Сибири (продовольствия, пушнины, рыбы, леса, различного сырья) и их доставкой в порты на арктическом побережье по сибирским рекам занимались соответствующие отделы Сибирского революционного комитета (Сибревкома). В 1920 г. в его составе был создан Комитет Северного морского пути с представительством в Архангельске, которое в свою очередь контролировало поставки в Сибирь машин, инструментов, охотничьего снаряжения, химических и других товаров, в которых нуждался регион.

В 1922 г. была введена должность оперуполномоченного Совета Труда и Оборона по Северному морскому пути, который от имени правительства руководил подготовкой и организацией Карских экспедиций, поддерживал связь с Сибревкомом, организовывавшим встречные перевозки грузов из Сибири. В январе 1922 г. в Новониколаевск (с 1925 г. Новосибирск) прибыл Ф.Э. Дзержинский – нарком путей сообщения советского правительства. Он на месте попытался решить многие организационные проблемы деятельности государственных предприятий, участвовавших в подготовке и проведении Карских операций, принял меры по организации ремонта судов Енисейской флотилии, по постройке портов в устьях Оби и Енисея. По его распоряжению Енисейскому пароходству уже в 1922 г. было срочно передано несколько судов Беломорского флота [3, с. 20].

Государственный интерес к развитию перевозок по Северному морскому пути объяснялся их большой экономической эффективностью. Они позволяли перемещать на значительные расстояния объемные сырьевые грузы, которые шли на экспорт. Ими не загружался более дорогой железнодорожный транспорт. Развитие перевозок стимулировало хозяйственную жизнь в северных районах – разработку месторождений курейского графита, производство лесоматериалов. На Енисее было построено три лесопильных завода. В 1924–1926 гг. вывоз леса являлся главной и самой прибыльной частью сибирского экспорта. Уже в 1925 г. Северный морской путь занимал первое место в снабжении товарами промышленного производства всей Западной Сибири и Якутии. Поступая в конце лета на склады морских портов, они затем по речным путям и по зимнику гужевым транспортом доставлялись в самые глухие сибирские уголки. С 1920 по 1933 г. среднегодовой объем перевозок по Северному морскому пути возрос в 6 раз, период навигации увеличился с 23–32 сут. до 2–2,5 мес. Карские экспедиции показали, что Северный Ледови-

тый океан может быть освоен в транспортном отношении.

Менее активно развивалось восточное направление перевозок, где были более сложные природные условия для навигации. Кроме того, на северо-востоке страны грузооборот в силу слабого хозяйственного развития этой территории не мог быть значительным в начале 1920-х гг. Удовлетворялись потребности в перевозках лишь небольших промысловых компаний, и по заданиям правительства организовывались ежегодные коммерческие рейсы из Владивостока на Колыму для снабжения золотых приисков и полярных станций.

Как один из важнейших аспектов государственной деятельности на Севере в 1920-е гг. оценивалось продолжение различных научно-исследовательских изысканий, начатых в предшествующее время. Они были необходимы как для развития транспорта и принятия для его поддержки стратегических решений, так и для общего хозяйственного роста страны, нуждающейся в минерально-сырьевых и других природных ресурсах. Уже в 1918–1919 гг. советское правительство приняло меры по продолжению изучения Печорского угольного бассейна и Ухтинского месторождения нефти на Европейском Севере. 24 июня 1919 г. было принято постановление СНК об отпуске 5 млн руб. на постройку грунтовой дороги Половинка–Ухта длиной более 180 верст, соединяющей Ухту с судоходной рекой Вычегдой, что имело бы важнейшее значение для подготовки освоения нефтяных месторождений. В плане ГОЭЛРО намечался целый комплекс изыскательских работ на Севере, которые, хотя и касались в основном поиска местных топливных и энергетических ресурсов, но проводились по всем правилам геологической разведки и давали новые знания, как в плане геологического изучения северных территорий, так и обнаружения там полезных ископаемых [4, с. 220–242].

Для изучения акватории Арктики и ее природно-климатических особенностей важное значение имел декрет СНК, подписанный В.И. Лениным 10 марта 1921 г., «О создании плавучего морского научно-исследовательского института» (Плавморнина), в обязанности которого входило проведение целого комплекса исследований в северных морях и на их побережье. Так создавалась особая арктическая наука, которая должна была освещать закономерности и особенности всего северного развития. Через год было пушено на воду специальное научно-исследовательское судно «Персей», построенное в Архангельске. За пять лет Плавморнином был изучен огромный район Арктики от меридиана о. Медвежьего до меридиана о. Белого. Везде находились научно-исследовательские станции института. Была выполнена детальная океанографическая съемка Печорского и Канинского промысловых районов, изучено распространение и примерный объем рыбных запасов, установлены пути миграции морского зверя и т.д.

За двадцать лет «Персей» (в 1941 г. он затонул в результате бомбардировки немецкими самолетами)

совершил 84 плавания в водах Северного Ледовитого океана, прошел около 200 тыс. км (примерно 5 раз обогнул экватор). Была выполнена огромная работа по исследованию Баренцева, Карского, Белого и Гренландского морей. Девять раз судно побывало в водах Шпицбергена, пять раз «Персей» подходил к Земле Франца Иосифа, двенадцать раз – к побережью Новой Земли. С помощью «Персея» было организовано 5525 научно-исследовательских океанографических станций.

Параллельно с работами по изучению морского пространства разворачивалась исследовательская деятельность в Арктике на суше Северной научно-промышленной экспедиции. В 1922–1923 гг. она организовывала геологические изыскания в бассейне Печоры, в Вологодской и Олонецкой губерниях, на Кольском полуострове. В 1926 г. на Хибинах в ходе экспедиции А.Е. Ферсмана было открыто крупнейшее в мире месторождение апатитов. Северная научно-промышленная экспедиция в 1925 г. была преобразована в Институт по изучению Севера при ВСНХ СССР, впоследствии – Арктический научно-исследовательский институт.

Для решения проблем обустройства жизни коренного населения в арктических районах советское правительство 24 июня 1924 г. образовало Комитет содействия народностям Севера, имевший отделения на местах. Председателем был назначен старый большевик П.Г. Смилович, который откровенно заявлял, что видит задачу Комитета в проведении советизации малых народностей, в том, чтобы каждый кочевой народ дожил до «самостоятельного бытия в виде самоуправляющейся хозяйственно-политической единицы. День завершения советизации северных туземных районов будет последним днем существования Комитета Севера» [5, с. 14].

Можно критически оценивать такое отношение к северным коренным народам, обвинять советскую власть в потребительстве. Но ясно и другое: наряду с политическими устремлениями присутствовало и искреннее желание как со стороны центральной власти, так и тех руководителей, кто претворял политические решения, стремился по возможности приобщить северные народы к современной цивилизации, ее достижениям. На том историческом этапе они ассоциировались с распространением элементарных социокультурных навыков, приобщением к грамоте и образованию, медицине и другим ценностям цивилизации. Именно для этого, на наш взгляд, и велся длительный поиск моделей управления северными территориями.

Для установления государственных границ СССР в Арктике потребовалось почти десятилетие. В 1920 г., когда военные действия на Севере практически прекратились, страны-победители в Первой мировой войне в обход России начали раздел Арктики. Архипелаг Шпицберген отдали под протекторат Норвегии. Другим странам не возбранялось плавать и охотиться в водах Северного Ледовитого океана, в том числе и у самых берегов советской России. Пришлось СССР в

основном дипломатическим путем доказывать свое право на акваторию океана и побережье Арктики. В результате многолетней борьбы советское правительство убедилось: чтобы иметь право на Арктику, нужно там быть – иметь военный флот, авиацию, пограничные посты, оснащенные по всем современным требованиям, поселения полярников и научно-исследовательские станции, портовые города и т.д. Если ранее Россия с севера была надежно защищена льдами Северного Ледовитого океана и ей практически никто не угрожал, то теперь на Арктику претендовали очень многие государства. Соответственно, требовалась совершенно иная государственная политика, адекватная вызовам времени.

Вначале советское правительство в определении государственных границ на севере страны руководствовалось нотой Министерства иностранных дел Российской империи от 20 сентября 1916 г., затем меморандумом Народного комиссариата иностранных дел от 4 сентября 1924 г. 15 апреля 1926 г. было принято постановление Президиума ЦИК СССР «Об объявлении территорией Союза ССР земель и островов, расположенных в Северном Ледовитом океане», в котором обозначалось, что все земли и острова, открытые и не открытые в секторе, прилегающем к северному побережью до Северного полюса, принадлежат СССР. С запада и востока границами являются меридиальные линии, проведенные к точке Северного полюса от крайней северо-западной точки тогдашней материковой территории СССР (полуостров Рыбачий) и от линии разграничения между Россией и США в Беринговом проливе. В бытность СССР так называемый «русский треугольник» в Арктике занимал 1 млн 200 тыс кв. км.

До сих пор указанные принципы практически никем не оспариваются. Вместе с тем многие государства мира пытаются претендовать на Арктику и даже те, которые находятся далеко от ее границ. В XXI в. значительно усилилось военно-стратегическое и геополитическое значение арктического региона. В то же время в международном праве окончательно не установлены правила в определении северных владений приарктических государств. Поэтому существуют претензии стран друг к другу, делаются попытки изменить сложившиеся границы, скорректировать право на плавание в Северном Ледовитом океане и разработку природных ресурсов Арктики.

В 2000 г. Германия и Япония заявили о необходимости применения к Северному Ледовитому океану общих принципов конвенции по морскому праву. Норвегия проводит целенаправленную политику ущемления хозяйственных и военно-стратегических интересов России на Шпицбергене. Постоянно в разных ракурсах обсуждаются проблемы принадлежности России островов и архипелагов в Арктике и особенно континентального шельфа, где, как предполагается, находятся значительные месторождения углеводородов и других полезных ископаемых. Все эти тенденции усилились в последние десятилетия на

фоне ослабления позиций России в Арктике. По сравнению с советским периодом активность государства в данном регионе заметно снизилась. И как закономерный итог этого явления – рост интереса со стороны других государств, которые хотели бы получить для себя хотя бы часть арктических богатств.

Все вышесказанное как нельзя лучше подчеркивает актуальность изучения деятельности государственных организаций по освоению арктических пространств, в том числе и исторического опыта, который, без сомнения, может быть полезен современным политикам и хозяйственным руководителям.

От их решений и деятельности во многом зависит судьба страны и россиян, в том числе будущих поколений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Визе В.Ю. Северный морской путь. М.; Л., 1940.
2. Брейтфус Л. Морской сибирский путь на Дальний Восток. СПб., 1904.
3. Летопись Севера. М.; Л., 1949. Т. 1.
4. План ГОЭЛРО. М., 1955.
5. Смидович П. Советизация Севера // Советский Север. 1930. № 1.

В.А. ИЛЬНЫХ

ПОЕЗДКА Л.М. КАГАНОВИЧА В СИБИРЬ В АПРЕЛЕ 1930 г.: САНАЦИЯ «ГОЛОВОКРУЖЕНИЯ»*

Институт истории СО РАН, г. Новосибирск
e-mail: agro_iwa@mail.ru

В статье описывается ранее не известная исследователям поездка в Сибирь в апреле 1930 г. секретаря ЦК ВКП(б) Л.М. Кагановича, которому было поручено решить задачи, поставленные И.В. Сталиным в статье «Головокружение от успехов», преодолеть сопротивление местной элиты курсу на временное свертывание коллективизации. Особое внимание уделено изменению политических установок секретаря ЦК: от прозвучавших в начале поездки требований применения жестких репрессий в отношении функционеров, допустивших «перегибы», до сформулированного перед отъездом из региона призыва прекратить покаяние и преследование работников партийного и советского аппарата и сосредоточить усилия на подготовке к весеннему севу.

Ключевые слова: аграрная политика, коллективизация, колхозы, Сибирь, сельское хозяйство.

Пришедшие к власти в России в 1917 г. большевики рассматривали коллективизацию в качестве неременного условия построения социализма в стране. Однако до конца 1920-х гг. решение данной задачи отодвигалось на отдаленную перспективу. Считалось, что «мелкое» крестьянское хозяйство «еще долго» будет оставаться основной организационно-производственной структурой сельского хозяйства страны. Но, поскольку мелкотоварное аграрное производство перестало отвечать задачам ускоренной модернизации, эта точка зрения была пересмотрена. XV съезд ВКП(б) поставил задачу расширения масштабов колхозного строительства. На 1 октября 1927 г. в Сибирском крае в колхозах состояло 0,7 %, на 1 июня 1929 г. – 4,5 % крестьянских дворов [1, с. 281].

Начиная с сентября 1929 г. темпы коллективизации стали все более и более подстегиваться сверху. 3 декабря 1929 г. бюро Сибкрайкома ВКП(б) решило довести уровень коллективизации к концу 1932/33 г. до 85 % (в том числе за 1929/30 г. – «не менее, чем до 22 %»)¹. В принятом 5 января 1930 г. постановлении

ЦК ВКП(б) «О темпе коллективизации и мерах помощи государства колхозному строительству» планировалось завершить ее в основном в главных зерновых районах «осенью 1930 г. или во всяком случае весной 1931 г.», а в других зерновых районах (в том числе в Сибири) – «осенью 1931 или во всяком случае весной 1932 г.»².

В регионах данный процесс решили еще более ускорить. В резолюции состоявшегося 30–31 января в Новосибирске совещания секретарей окружкомов и обкомов ВКП(б), которая затем была утверждена как постановление Сибкрайкома, была поставлена задача вовлечения в колхозы «основных масс батрачества, бедноты и середняков уже в течение весенней [сельско]х[озяйственной] кампании» [2, с. 201].

В условиях повышения плановых темпов коллективизации местные власти усилили нажим на деревню. На 20 января 1930 г. в Сибирском крае в колхозах числилось 11 % крестьянских хозяйств, на 10 февраля – 32, на 1 марта – 49 %. В отдельных округах уровень коллективизации значительно превосходил средние показатели: в Ойротии он вырос до 85,9 %, в Ба-

* Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект № 10-01-00246а.

¹ ГАНО. Ф. П-2. Оп. 4. Д. 39. Л. 78–79.

² КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 9-е изд. М., 1984. Т. 5. С. 72.

рабинском округе – до 75,5, Бийском – до 71,9 % [1, с. 291]. Составной частью коллективизации и одним из основных средств ее осуществления являлась насильственная экспроприация хозяйств, отнесенных к кулацким, – раскулачивание.

Форсировались не только темпы колхозного строительства, но и степень «обобществления» крестьянского имущества. «Высшей» формой коллективного хозяйства провозглашались коммуны, куда крестьяне должны были сдавать все средства производства и труда вплоть до домашней птицы. На максимальное «обобществление» крестьянского имущества ориентировали не только коммуны, но и сельхозартели. Создавались колхозы-гиганты, в которые входили десятки селений, разбросанных на огромной территории, с количеством дворов, исчисляемых тысячами.

Нарастание протеста крестьянства, общее падение сельскохозяйственного производства, особенно ошутимое в животноводстве [3, с. 158–162], вынудили руководство страны скорректировать свою политику по отношению к деревне. Насильственные методы коллективизации, вина за которые возлагалась на местных функционеров, были официально дезавуированы в известной статье И.В. Сталина «Головокружение от успехов» [2, с. 446–450]³ и Постановлении ЦК ВКП(б) от 10 марта 1930 г. [4, с. 303–305].

Местные власти не сразу восприняли изменение курса и попытались административными методами воспрепятствовать начавшемуся выходу крестьян из колхозов. В ряде округов были приняты решения о привлечении таких крестьян к уголовной ответственности. 28 марта Канский окружком ВКП(б) решил «подтвердить в самой категорической форме, что основной задачей партии по-прежнему остается задача коллективизации округа к предстоящей весенней посевной кампании». 7 апреля на страницах окружной газеты «Власть Советов» секретарь Канского окружкома ВКП(б) И.К. Глухов поставил задачу «во что бы то ни стало» сохранить достигнутый в округе к 20 марта 60 %-ный уровень коллективизации. «Закрепляя эти успехи, мы тем самым остаемся округом сплошной коллективизации» [2, с. 456].

Такой подход мог сорвать усилия центрального руководства по стабилизации социально-экономической ситуации в деревне. В связи с этим в Сибирь⁴ в качестве уполномоченного Политбюро был направлен секретарь ЦК ВКП(б) Л.М. Каганович⁵, который получил задание – положить конец инакомыслию и инакодействию местных функционеров, а также организовать помощь региону в проведении весенней сельскохозяйственной кампании.

³ Правда. 1930. 2 марта.

⁴ До приезда в Сибирь Каганович был командирован в Центрально-Черноземную область, Нижне-Волжский и Средне-Волжский края.

⁵ Помимо Кагановича Сибирский край с 24 марта по 24 апреля 1930 г. инспектировал прокурор РСФСР Н.В. Крыленко [2, с. 15].

8 апреля Каганович принял участие в расширенном заседании бюро Сибкрайкома ВКП(б). На нем выступили вернувшиеся после инспекционных поездок на места ответственные партийные и советские функционеры, которые нарисовали крайне удручающую картину итогов форсированной коллективизации. У посетившего Ойротию председателя краевой контрольной комиссии ВКП(б) Ф.Ф. Лякуткина создалось впечатление, что «*область в течение кратчайшего срока была подвергнута нашествию какой-то банды, которая опустошила край*» [2, с. 288]. Ситуация в других округах была не намного лучше.

Выступивший на заседании Л.М. Каганович⁶ указал на допущенные в ходе форсированной коллективизации и раскулачивания многочисленные «искривления», «перегибы»⁷ и «безобразия», которые в регионе «*приняли очень широкие размеры*». «Явной ошибкой» он назвал постановление вышеупомянутого совещания секретарей окружкомов и обкомов ВКП(б) о завершении коллективизации в течение весны 1930 г. При этом Каганович утверждал, что данное решение было принято без согласования с ЦК ВКП(б) и даже в «нарушение» его установок.

Резкой критике подверглась ставка краевого руководства на приоритетное создание коммун. «*Я считаю, что 43 % коммун – это явное преступление*». По мнению секретаря ЦК коммуны в Сибири создавались «*главным образом по потребителскому принципу*», так как крестьяне считали, что в них они будут обеспечены стабильным и высоким заработком. Более того, Каганович увидел в ускоренном развитии коммун происки классовых противников. «*Часть крестьян, зажиточных середняков, провокаторски соглашались на коммуны. Совершенно ясно, чем хуже, тем лучше. С[ельско]х[озяйственной] артель была для них более опасной, потому что эта форма могла прижиться. А коммуны, они наверняка знают, что не удержатся, развалятся, не привьются*».

Основную ответственность за «искривления» секретарь ЦК возложил не на крайком и его руководителей, а на секретарей окружкомов и райкомов компартии. Особенно резко Каганович осудил попытки перекалывания вины за взвинчивание темпов колхозного строительства на ЦК ВКП(б) и лично И.В. Сталина. Более активным, чем в других регионах страны, Л.М. Каганович назвал «*сопротивление*» сибирских партийных функционеров линии ЦК на свертывание форсированной коллективизации. «*Недаром в Сибири партизанщина была развита. Очень сильно, по видимому, эта партизанщина в проведении партийной линии крепко сидит*».

⁶ Стенограмма выступления Кагановича на бюро крайкома 8 апреля опубликована: [2, с. 295–319].

⁷ Каганович определял «перегибы» как «*злоупотребления властью*», а «искривления» как «*более глубокое, более серьезное, принципиальное отступление*» от партийной линии (РГАСПИ. Ф. 81. Оп. 3. Д. 211. Л. 52).

В связи с этим уполномоченный Политбюро ЦК ВКП(б) призвал партийных и советских работников края публично признать свои ошибки и принять меры к их исправлению. В противном случае мог быть сорван весенний сев и возникла бы реальная угроза крестьянского восстания. *«Тот факт, что у вас в Сибири еще нет крупных выступлений, а были только кое-какие – это еще не показатель. Видимо, если мужик в Сибири решается выступать, то выступать серьезно. Он играть не любит, он привык выступать, умеет выступать. Так что доводить нам его до такого состояния – самая опасная вещь. Увлекайтесь тем, что в большинстве округов у вас не было крупных восстаний, ни в какой мере нельзя. Надо немедленно выправлять безобразия и для сева, и для того, чтобы предупредить опасность. Весна, и опасность эту надо предупредить».*

Л.М. Каганович потребовав жесткого и скорого наказания вплоть до расстрелов тех, кто допустил наиболее вопиющие «безобразия»: *«Как вы до сих пор не расстреляли того мерзавца, который буквально расстреливал Советскую власть на улицах Ойротии? Почему молчит прокурор? Почему он не потребовал расстрелять этого мерзавца в два дня?».* Призвал он также *«немедленно снять»* секретаря Канского окружкома Глухова.

Секретарь ЦК выступил против административных методов удержания крестьян в колхозах, но одновременно предостерег присутствовавших от попыток деколлективизации. *«Колхоз надо держать, мы ни в какой мере не должны давать сейчас сигнала о роспуске колхозов низовым работникам, ибо они могут шарахнуться в другую сторону, в другую крайность – колхоз надо держать, но насильственными мерами держать колхоз ни в какой степени нельзя. Не хочешь быть в колхозе – выходи».* Он также не счел целесообразным перевод сельхозартелей на устав ТОЗов.

Критика со стороны секретаря ЦК была услышана. 9 апреля *«за безобразные перегибы и извращения в отношении середняков, допущенные в Канском округе, и за неприятие, несмотря на предупреждение крайкома, решительных мер к прекращению их»* был отстранен от должности И.К. Глухов. 10 апреля бюро крайкома признало ошибочным и отменило решение о завершении коллективизации региона в основном *«в текущую весеннюю [сельско]х[озяйственную] кампанию».* Неверным признавался и курс *«на коммуны как массовую форму колхозного движения»* [2, с. 321, 325–326].

В направленном вскоре после заседания бюро Сибкрайкома в адрес И.В. Сталина письме⁸ Каганович констатировал, что *«в отношении исправления ошибок О[круг]К[омов] известный перелом»* в Сибири произошел. *«Выражается он в том, что значительная часть работников арестована и привлекается к ответственности за искривления».* В то же время *«настроение низовых коммунистов неважное. Наряду с состоянием пассивности и упадка, имеются явно партизанско-левацкие заскоки на линию партии, выраженные в последних директивах ЦК и Ваших статьях»*⁹. *«Крайне неблагоприятно»* в регионе обстояло дело и с подготовкой к посевной кампании. К этому приводит игнорирование местными властями интересов составляющих *«основную массу посевициков»* единоличников, а также продолжающиеся *«отлив и текучесть колхозов»*, которые препятствуют стабилизации землепользования.

Л.М. Каганович пробыл в Сибири около трех недель. За это время он принял участие в «межкруговых» совещаниях секретарей окружкомов и райкомов ВКП(б) в Барнауле (12 апреля), Омске (16 апреля), Красноярске (20 апреля), заседаниях бюро Рубцовского (11 апреля) и Барнаульского (12 апреля) окружкомов¹⁰, выезжал в Черепановский район Новосибирского округа, Боготольский район Ачинского округа, посетил ряд деревень, колхозов, коммун, где беседовал с сельскими функционерами и крестьянами. Помимо политических задач секретарь ЦК постоянно занимался решением практических вопросов подготовки к весеннему севу. С его помощью Сибирь получила дополнительные материальные ресурсы: семена, фураж, технику.

Свои выступления на заседаниях бюро окружкомов и «межкруговых» совещаниях в Рубцовске и Барнауле Л.М. Каганович посвятил осуждению «искривлений» партийной линии в колхозном строительстве. Резкой критике им был подвергнут, в частности, утвержденный пленумом Барнаульского окружкома план весенней сельскохозяйственной кампании, в соответствии с которым удельный вес коммун в округе следовало довести до 77 % от общего числа колхозов. Вместе с тем предполагаемая доля сельхозартелей должна была составить всего лишь 4 % (ТОЗов – 19 %) ¹¹. Вслед за критикой последовали организационные выводы. 12 апреля 1930 г. бюро Барнаульского окружкома ВКП(б), в заседании которого участвовал секретарь ЦК, приняло решение о снятии со своих должностей секретаря окружкома Резницына, заведу-

⁸ Речь идет о упомянутых выше статье И.В. Сталина «Головокружение от успехов» и постановлении ЦК ВКП(б) от 10 марта 1930 г., а также об опубликованной 3 апреля в «Правде» статье Сталина «Ответ товарищам колхозникам» [2, с. 450–454] и закрытом письме ЦК ВКП(б) от 2 апреля 1930 г. «О задачах колхозного движения в связи с борьбой с искривлениями партийной линии» [4, с. С. 365–370].

⁹ Нами выявлены стенограммы выступлений Кагановича на «межкруговых совещаниях» в Барнауле (РГАСПИ. Ф. 81. Оп. 3. Д. 211. Л. 101–112), Омске (там же. Л. 38–69), протокол совещания в Омске (ГАНО. Ф. П-19. Оп. 1. Д. 393. Л. 1–2), протоколы заседаний бюро Рубцовского и Барнаульского окружкомов с его участием (ГАНО. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 4201. Л. 159–160; Д. 4197. Л. 185). Сообщение о «совещании руководящих работников партийных и советских организаций восточных округов Сибирского края» в Красноярске и его резолюция опубликованы в «Советской Сибири» (1930. 22 апр.).

¹⁰ Сов. Сибирь. 1930. 15 апр.

⁸ РГАСПИ. Ф. 81, Оп. 3. Д. 211. Л. 114–115.

¹¹ Сов. Сибирь. 1930. 15 апр.

ющего организационно-инструкторским отделом Баданова и заведующего отделом агитации и массовых кампаний Верходубова¹².

В Омске Л.М. Каганович продолжил разговор о допущенных «перегибах». Им в частности было указано на высокую долю «незаконно» раскулаченных крестьян в ряде районов края: в Любинском и Калачинском районах Омского округа – 16 и 25 % от общего числа экспроприированных хозяйств, в Рыбинском районе Канского округа – 35, в Большереченском районе Бийского округа – 44 %.

Весьма своеобразной похвалы секретаря ЦК удостоились руководители Славгородского округа, в котором был отмечен один из самых низких показателей уровня коллективизации в Юго-Западной Сибири. *«Здесь, вероятно, произошло потому, что был слабый актив, который не читал постановления Сибкрайкома, <...> Иногда, товарищи, ум за разум заходит от большого ума, а иногда средний человек в состоянии делать хорошие дела».*

Однако большую часть своей речи на Омском «межокружном» совещании Л.М. Каганович уделил подготовке и проведению посевной кампании как центральной задаче партийных организаций, *«от которой зависит ближайшее будущее нашей экономики, а следовательно и политическое состояние нашей страны».* В связи с этим он призвал к рациональному использованию кормов для рабочего скота, помощи со стороны колхозов единоличным хозяйствам в ремонте инвентаря, обеспечении их семенами, завершению землеустроительных работ. Каганович нацеливал сибиряков на расширение посевной площади. *«Ведь не можем же мы, товарищи, превратить Сибирь из хлебной в страну потребляющую, это будет величайшим позором, величайшим ударом для нашей партии. <...> Надо понять, что каждая десятая засеянная в Сибири есть уже маленькая гиря на весах линии партии, на весах социалистического строительства».*

Наметившееся в Омске изменение направленности усилий уполномоченного Политбюро в полной мере проявилось в его речи на заседании бюро Сибкрайкома ВКП(б) 21 апреля¹³. На сей раз он предостерег от «увлечения репрессиями» в отношении партийных и советских функционеров, допустивших «перегибы», которые *«есть обратная сторона тех же самых ошибок, перегибов, типичного администрирования»*, и призвал к осторожности в использовании по отношению к ним высшей меры наказания. *«Все-таки мы расстреливали не кулаков, а дело идет о расстреле людей, которые проводили дело вместе с нами. <...> мы должны к каждому такому расстрелу подходить с величайшей бдительностью, с величайшим вниманием, каждую мелочь разобрать, каждую деталь рассмотреть. Обвиняют в изнасиловании – проверить надо, может быть враг специально подговаривает».*

¹² ГАНО. Ф. П-2. Оп. 2. Д. 4197. Л. 185.

¹³ Стенограмма выступления Кагановича на бюро крайкома 21 апреля опубликована: [2, с. 358–379].

Л.М. Каганович указал на необходимость снижения накала критики руководителей округов (*«нечего лупить без конца, дискредитировать организацию»*), осудил их попытки возложить вину за допущенные «искривления» на крайком, а также призвал прекратить каяться в совершенных ошибках и сосредоточить усилия на подготовке к весеннему севу. *«Если мы займем кающийся тон и будем с ним ходить в течение ближайшего месяца, то мы останемся кающимися Магдалинами, и ничего у нас с севом не выйдет <...> Я думаю, что и печать должна взять соответствующий тон. <...> Необходимо влить бодрость в организацию, в актив, влить смелость».*

Несмотря на резкое снижение уровня коллективизации в течение марта–апреля 1930 г.¹⁴, секретарь ЦК в целом положительно оценил политические и экономические итоги кампании, главными из которых стали ликвидация кулачества и замещение «кулацкой площади колхозным посевом». При этом процент коллективизации превысил ранее запланированный. *«Как же можно после этого говорить о поражении? Вы поймите: часть армии забежала вперед, хотела захватить больше. Командование таких распоряжений не давало. Так ведь? Таких планов не намечалось. План командования был другой: захватить такой-то пункт. Армия забежала вперед, но удержаться не могла. Армия отступила на законно занятые позиции. Можно это считать поражением? Можно это считать отступлением? Ничего подобного. Мы сейчас закрепляемся на тех позициях, на которые рассчитывала партия, ее Центральный комитет. Мы сумеем закрепиться даже на больше, чем рассчитывали».*

В заключение своего выступления на заседании бюро крайкома Л.М. Каганович выразил уверенность, что сибирская парторганизация сможет обеспечить успешное и своевременное проведение весенней посевной кампании. 24 апреля он посетил коммуны им. Ворошилова в Омском районе, где принял участие в митинге по случаю «пробного выезда» в поле, после чего отбыл в Москву¹⁵.

Несмотря на усилия центральных, региональных и местных властей, в полной мере преодолеть последствия форсирования процесса коллективизации в Сибири не удалось. Несвоевременная доставка семян, так и не преодоленная их нехватка, истощенность лошадей, слабая организация труда в колхозах, отсутствие стимулов для сохранения прежнего уровня производства у единоличников привели к беспрецедентному затягиванию сроков сева и сокращению посевных площадей. Общая площадь посевов по сравнению с 1929 г. в регионе, по данным Крайстатуправления, уменьшились на 19 %¹⁶. Уже зимой 1930 г. в юго-западных округах Сибирского края, переживших в предыдущем году недород, возникли продовольственные

¹⁴ На 20 апреля 1930 г. уровень коллективизации в Сибирском крае составлял 28,1 %, на 1 июня – 19,8 % [1, с. 299].

¹⁵ Сов. Сибирь. 1930. 25 апр.

¹⁶ ГАНО. Ф. Р-12. Оп. 1. Д. 1853. Л. 76, 78.

затруднения, переросшие весной и в начале лета в ряде районов в голод [2, с. 10].

Отступление режима весной 1930 г. носило тактический характер. Отказавшись от одномоментного штурма, власти приступили к планомерной, но относительно скоротечной осаде единоличной деревни. Усиление налогообложения, ограничение землепользования, политическое и административное давление, постоянная угроза экспроприации вынуждали крестьян-единоличников либо вступать в колхозы, либо бежать из деревни. Продолжалась и практика высылки нелояльных жителей деревни вместе с их семьями на сибирский север. На 1 июня 1930 г. уровень коллективизации в Западной Сибири составлял 21,8 %, в Восточной Сибири – 16,3 %, на 1 июня 1931 г. – соответственно 46,4 и 43,6, на 1 июля 1935 г. – 82,9 и 78,9 %. В 1938 г. в различных районах Сибири в колхозах состояло от 90,8 до 95,9 % крестьянских хозяйств, в 1940 г. – от 96,3 до 98,7 % [1, с. 306, 308, 361; 5, с. 27, 28].

Массовая коллективизация привела к радикальному преобразованию аграрного строя. В ходе ее осуществления произошла быстрая ликвидация индивидуального крестьянского хозяйства как организационно-производственной основы аграрного сектора экономики. Возникшая колхозная система выполни-

ла поставленные перед ней задачи тотальной мобилизации ресурсов для решения стоявших перед советским государством геостратегических задач, но в то же время отличалась низким уровнем развития производительных сил. Отрицательные социальные и экономические последствия начавшегося во время коллективизации «социалистического» раскрестьянивания деревни сказывались на протяжении всей последующей советской истории, сказываются они и в постсоветский период.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гуцин Н.Я. Сибирская деревня на пути к социализму. (Социально-экономическое развитие сибирской деревни в годы социалистической реконструкции народного хозяйства. 1926–1937 гг.). Новосибирск, 1973.
2. Коллективизация сибирской деревни. Январь–май 1930 г. Новосибирск, 2009.
3. См.: Аграрные преобразования и сельское хозяйство Сибири в XX веке: Очерки истории. Новосибирск, 2008.
4. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939: Документы и материалы. М., 2000. Т. 2: Ноябрь 1929 – декабрь 1930.
5. Крестьянство Сибири в период упрочения и развития социализма. Новосибирск, 1985.

С.А. ЕСИКОВ

КРЕСТЬЯНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В ЦЕНТРАЛЬНОМ ЧЕРНОЗЕМЬЕ В ПЕРИОД МАССОВОЙ КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ

Тамбовский государственный технический университет
e-mail: milana.61@mail.ru

В статье на основе новых архивных документов рассматриваются динамика, масштабы и формы крестьянского движения в Центрально-Черноземной области в 1930–1931 гг., а также приемы, применяемые властями для подавления сопротивления сельского населения насильственной коллективизации и раскулачиванию. Автор доказывает, что снижение интенсивности крестьянского движения в 1931 г. связано с проведением силами ОГПУ серии превентивных спецопераций, направленных на «изъятие» из деревни крестьян, потенциально опасных для властей и способных возглавить протестные действия односельчан.

Ключевые слова: крестьянство, коллективизация, раскулачивание, крестьянское движение, репрессии, спецоперации ОГПУ.

Насильственная коллективизация и раскулачивание натолкнулись на сопротивление широких масс крестьянства, принимавшее различные формы – как активные, так и пассивные. По сообщению первого секретаря обкома Центрально-Черноземной области (ЦЧО) И.М. Варейкиса, в регионе с 17 декабря 1929 г. по 14 февраля 1930 г. произошло 38 крестьянских выступлений, в которых приняли участие более 15 тыс. чел. Только в Острогожском округе с 12 января по 14 февраля было 16 массовых волнений, в них участвовали как зажиточные крестьяне, так и середняки и бедняки. «В отдельных местах толпы выступающих дос-

тигали двух и более тысяч <...> Масса вооружалась вилами, топорами, кольями, в отдельных случаях обрезами и охотничьими ружьями» [1, с. 230].

По данным сотрудников ОГПУ, «контрреволюционная кулацкая организация» в Таловском районе Борисоглебского округа 30–31 января 1930 г. спровоцировала население с. Новые Чиглы на массовое выступление под лозунгом «Долой колхозы, долой советскую власть». После выступления 35 членов организации арестовали, но остальные вновь организовали выступления в ряде сел (Тишанка, Александровка, Красное и др.), выпускали листовки с призывом к

восстанию. В итоге было арестовано 252 человека [2, с. 271, 317].

Во время выступлений отмечалась особая активность женщин. По всей видимости мотивировка была такова: женщины несут меньшую ответственность. Так, 12 января 1930 г. в с. Карели Моршанского района Тамбовского округа до 600 женщин выступили против закрытия церкви, избивали коммунистов. 17 января 1930 г. Острогожский окружком партии информировал обком ВКП(б) о массовых выступлениях женщин двух деревень против коллективизации и против «нажима на кулака», которые едва не переросли в восстание. «Со стороны партийных представителей в связи с этим выступлением женщин, – говорилось в письме окружкома, – были допущены невыдержанность и грубость (стрельба вверх, грубые ругательства и т.п.), которые могли вызвать восстание».

И действительно, обстановка была напряжена до предела. Толпа заняла помещение сельсовета, выбила стекла в окнах, избивала двух комсомольцев, председателя колхоза, милиционера, прогнала из соседнего села членов сельхозартеля и захватила общественное имущество. Вскоре аналогичные выступления вспыхнули и в других селах Острогожского округа. Возмущенные насилием крестьяне сбивали замки с колхозных амбаров и сараев, разбирали общественные семена, скот, громили дома местных советских и партийных работников, избивали уполномоченных. 10–12 февраля в с. Верхний Искрец Бобровского района Острогожского округа толпа женщин в 500–600 чел. препятствовала раскулачиванию. 25 марта в с. Головище Ястребовского района Старо-Оскольского округа женская демонстрация (120 чел.) под лозунгом «Да здравствует Советская власть, долой колхозы!» требовала собрания для разрешения вопроса о выходе из колхоза [2, с. 422–423].

Массовое недовольство и выступления крестьян вынуждали власти принимать решительные меры к обеспечению собственной безопасности. Одной из них стало создание боевых коммунистических отрядов. В январе 1930 г. обком ВКП(б) ЦЧО принял секретное постановление «О коммунистических отрядах при партикомах», которое обязывало окружкомы и райкомы иметь скрытые, обученные военные звенья, всегда готовые выступить для подавления сопротивления. Выполняя постановление обкома, окружкомы отдали приказ райкомам создать при Осоавиахиме боевые отряды по 25 чел. во главе с командирами Красной Армии. На каждый отряд выдавалось по 25 винтовок и 1250 патронов к ним. В райкомах было организовано ночное дежурство. Райкомы должны были установить связь не только с округом, но и с соседними районами. Весь автотранспорт округов учитывался и мобилизовывался. На железнодорожных станциях при окружных центрах выделялся дежурный паровоз и несколько вагонов.

Работа по созданию отрядов началась со второй декады февраля. Предполагалось, что бойцы создававшихся отрядов закончат стрелково-тактическую подготовку к 1 апреля, но обстановка требовала скорей-

шего введения отрядов в дело. Тем более, что райкомы с большим желанием использовали такие отряды. По мнению секретаря Золотухинского райкома Курского округа, без решительных мер было не обойтись, иначе «они» так распояшутся, что «мы не проведем никакой работы». Коммунистические отряды выполняли карательные функции и соответственно вели себя в «покоренных селах». При сопровождении «пленных» конвой к ним никого не подпускал, а передача табака и хлеба были строжайше запрещены.

Изменения затронули и полномочное представительство ОГПУ в ЦЧО. Место руководителя полпредства старого большевика И.А. Апетера в начале 1930 г. занял более гибкий и прагматичный Н. Алексеев. Действия спецслужб стали носить еще более закрытый характер. Выступления партийных руководителей высшего ранга и руководителей ОГПУ в ЦЧО с февраля 1930 г. перестали стенографироваться, а доступ партийно-советских руководителей Черноземья к отчетам о социально-политических настроениях крестьянства был резко ограничен в первой половине того же года¹. С 1930 г. секретные службы активизировали оперативную службу в сельской среде. Об этом свидетельствует значительное увеличение денежных средств, отпускавшихся по стпредству ОГПУ в ЦЧО для ведения агентурной работы, вследствие чего существенно расширилась информационная база чекистов. Параллельно с увеличением номенклатурной части партийно-советского аппарата имел место рост численного состава ОГПУ².

По сведениям ОГПУ, к середине марта наиболее неблагонадежными в отношении массовых выступлений в ЦЧО стали Елецкий, Курский и Козловский округа; волнениями был охвачен ряд сел Усманского и Орловского округов. Данные о массовых выступлениях за последние 3 месяца 1929 г. и 2,5 месяца 1930 г. свидетельствовали об их неуклонном росте на почве «изъятия и ущемления антисоветских элементов». В конце января – феврале 1930 г. массовые выступления охватили ряд селений Таловского, Старо-Оскольского, Ново-Оскольского, Раненбургского, Сосновского районов, а также Россошанский и северную часть Козловского округов. В начале марта в 54 селах Козловского округа в антиколхозных выступлениях участвовало 20 тыс. чел. В марте в Россошанском округе на почве раскулачивания произошло крупное выступление крестьян в 2 тыс. чел. «Повстанцы вооружены чем попало, оружием тоже», – сообщил Варейкис Сталину. Против них был направлен отряд ОГПУ, встреченный толпой в тысячу человек. В результате столкновения 18 человек убито, 8 ранено. Тревогу властей вызывал рост числа участников выступлений. По неполным данным в январе – 30 170 чел., в феврале – 35 350, за первые 15 дней марта – 31 000 чел. [1, с. 320–321].

¹ Государственный архив общественно-политической истории Воронежской области (ГАОПИВО). Ф. 2. Оп. 1. Д. 927. Л. 69; Д. 9219. Л. 14; Д. 951. Л. 53.

² Там же. Д. 126. Л. 58; Д. 918. Л. 20.

В связи со сложившейся обстановкой для «проведения операций по кулачеству» в ЦЧО весной 1930 г. был сформирован 11-й Воронежский кавполк ОГПУ численностью 581 сабель. Кроме того, в область из Москвы направили сроком на 2,5 месяца дивизион (273 человека) отдельной дивизии особого назначения [2, с. 392, 394].

Наиболее крупные крестьянские выступления ликвидировались частями Красной Армии, дислоцировавшимися в ЦЧО. Так, мощные волнения крестьян 29 января 1930 г. в с. Подсерединое, 31 января в с. Казацкое, 1 февраля в с. Стрелецкое (Алексеевский район Острогского округа) были подавлены подразделениями 57-го стрелкового полка. 2 февраля в с. Репенка и Маровка соседнего Буденовского района произошло крестьянское восстание под лозунгами: «Отдайте нам обобществленных лошадей!», «Не мешайте нам, и мы не будем мешать вам». На его усмирение направили батальон 57-го полка. А накануне, 1 февраля, другой батальон этого же полка подавлял крестьян (до 3 тыс. чел.) в с. Платава Острогского округа. Полковая школа 57-го полка 1–2 февраля расправилась с восставшими в с. Троицком, Голодаевке и Урыв Коротоякского района. 25–26 января для ликвидации выступлений из 1-го запасного кавалерийского полка группу в 100 сабель направили в с. Песковатка и в 47 сабель – в с. Нижний Искорец Лискинского района [1, с. 264–269].

Борьба крестьян принимала все более острые формы. 27–28 марта в с. Сухая Берёзовка Острогского округа толпа окружила стрелковый взвод. Крестьян удалось разогнать только выстрелами в воздух. В те же дни вооруженные столкновения произошли в с. Семено-Александровка (Острогский округ), Песковатка (Избердеевский район Козловского округа), Сухановка (Глушковский район Льговского округа). Все эти выступления возникли на почве противодействия выселению кулаков [1, с. 264–269].

Трагические события разыгрались 29 марта в Каменском районе Острогского округа, когда отряд коммунар в количестве 80 чел. при двух пулеметах под руководством уполномоченного окротдела ОГПУ, секретаря райкома и председателя Каменского райисполкома без всякой надобности совершил рейд по ряду сел, где производились необоснованные аресты, допуская «пробу» пулемета. В с. Михново отряд был встречен толпой в 200 чел. Отрядом был открыт огонь, в итоге убито 7 крестьян и 3 ранено. Секретарь райкома и председатель РИКа лично пороли арестованных плетью и шомполами [2, с. 300–301].

Всего в 1930 г. в ЦЧО, отнесенной Секретно-политическим отделом ОГПУ к «наиболее пораженным антисоветскими проявлениями» регионам СССР, произошло 1373 массовых крестьянских выступлений с числом участников 315 тыс. чел.³. Наибольшее число

выступлений приходилось на февраль – 130, март – 737, апрель – 181. Было совершено 1088 терактов, из которых 499 направлены против местных работников и сельских активистов. Через тройки полномочного представительства ОГПУ в ЦЧО в 1930 г. прошло 13 120 чел. из которых 1266 были приговорены к расстрелу [1, с. 801, 803, 807, 809]. Приведенные данные свидетельствуют, что Центральное Черноземье, да и страна в целом были поставлены на грань Гражданской войны.

Поскольку форсированная коллективизация требовала строгого разрешения возникавших в ее ходе проблем, то режим в очередной раз продемонстрировал гибкость и изобретательность. Произошла корректировка приемов и форм репрессивных действий. Право принятия решений, координация насильственных действий и расстановка репрессивных акцентов перешли к органам ОГПУ. Спецслужбы во все большей степени перераспределили в свою пользу властные полномочия. Подтверждением этому можно считать изменение первоочередности поступления социально-политической информации из сельских районов, в органы ОГПУ, а лишь затем – в обком ВКП(б)⁴. Кроме того, с 7 апреля 1930 г. без санкции представителя ОГПУ в ЦЧО всем органам власти запрещалось посылать части ОГПУ, РККА, милиции в районы крестьянских выступлений⁵.

В основу новой кампании по подавлению крестьянского движения власти положили гибкое сочетание масштабных акций раскулачивания (раскулачивания и депортации местных жителей, проводившихся в традициях первых месяцев 1930 г.) и целой серии операций спецслужб. Органы ОГПУ в течение 1931–1932 гг. неоднократно проводили акции по «изъятию» так называемых антисоветских и кулацких элементов.

В течение января, марта и октября 1931 г. в ходе массовых арестов сотрудники ОГПУ «изъяли» в ЦЧО 8455 чел. Из них преобладающая часть – 6455 чел. – были отнесены к кулакам⁶. В январе 1931 г. в связи с месячником коллективизации власти раскулачили значительное число крестьянских хозяйств. В том же месяце подверглись арестам еще 355 крестьян, не сумевших в срок до 8 января выполнить очередное задание по хлебозаготовкам. В марте того же года чекисты «изъяли кулацкий элемент, мешавший коллективизации». В октябре в сельской местности ЦЧО вновь были проведены аресты тех, кто якобы срывал государственные хлебозаготовки⁷. Аналогичные операции органы ОГПУ проводили также в 1932 и в первые месяцы 1933 г.⁸

Одновременно с раскулачиванием и арестами проводились депортации раскулаченных в отдаленные районы страны. Наибольшее их число пришлось на март 1931 г., когда из ЦЧО было выслано в Уральскую область 337 семей (1542 чел.), в Восточно-Сибирский край – 2367 (12 121 чел.), в Якутию – 354 семьи

⁴ Там же. Д. 1475. Л. 127–130, 131.

⁵ Там же. Д. 951. Л. 53.

⁶ Там же. Д. 1476. Л. 2, 6, 7.

⁷ Там же.

⁸ Там же. Л. 6.

³ По данным из других источников, в области в 1930 г. произошло 1221 массовое выступление с числом участников в 313 370 чел. (Там же. Д. 476. Л. 1).

(1692 чел.), в Дальневосточный край – 1097 семей (5315 чел.). По данным на конец июня 1931 г., в Казахстан выселили 2919 семей (14 589 чел.) и оставалось вывезти еще 3901 семью численностью 19 тыс. чел. [2, с. 666, 669, 670, 671, 697].

Технология массовых арестов была проста и эффективна. В ходе оперативных мероприятий (с помощью информаторов) чекисты выявляли тех крестьян, которые хотя бы потенциально могли представлять угрозу властям при проведении коллективизации. Помимо крестьян в списки «антисоветских элементов» включали священников, работников госаппарата дореволюционного времени, в том числе полицейских, жандармов, армейских офицеров, а также бывших помещиков, предпринимателей и т.п.⁹ Количество «изымаемых» определяла строгая разнарядка. Затем, как правило, в ночное время, следовали одновременные аресты.

Так, в ночь со 2 на 3 июня 1931 г. в Долгоруковском районе ЦЧО было арестовано 35 человек, причисленных чекистами к кулачеству. Дознание и следственные действия продолжались недолго – уже 11 июня тройка ОГПУ вынесла всем обвинительные приговоры. «Изъятие» крестьяне, независимо от того, кто рассматривал их дело: народный суд или внесудебная тройка, были лишены возможности защитить себя и свою судьбу или даже жизнь.

Ход спецопераций ОГПУ в Центральном Черноземье в начале 1930-х гг. позволяет сделать вывод о достаточно высоком профессионализме местных чекистов, умелом выполнении ими планов и распоряжений руководства страны. Как следует из документов полпредства ОГПУ, в ЦЧО все запланированные на 1931 г. операции по «массовому изъятию контрреволюционных элементов» были осуществлены точно в намеченные сроки, без осложнений и срывов¹⁰.

Специальные операции органов безопасности явились, как то ни парадоксально, важнейшим фактором стабилизации социально-политической обстановки в Центральном Черноземье. Чекисты в довольно короткие сроки выделили и изолировали тех людей, которые были авторитетны в крестьянской среде, а потому, хотя бы теоретически, могли возглавить выступления деревенского населения против политики властей. Широкие народные массы были пассивны и лишь безучастно следили за действиями спецслужб. Поэтому крестьяне Черноземья из-за отсутствия практически всех возможных лидеров не смогли (в сравнении с 1930 г.) продемонстрировать даже минимума организованности при отпоре действиям властей. Об этом убедительно свидетельствуют данные полпредства ОГПУ в ЦЧО. В 1931 г. было зарегистрировано лишь 174 массовых выступления, участниками которых было 26 163 человека¹¹. В сравнении с предыдущим годом количество массовых выступлений сократилось в 7-8 раз, а число крестьян-участников – в 12

раз. Кроме того, в 1931 г. в сравнении с 1930г. на 13% уменьшилось число террористических актов против представителей власти и сельских активистов. Приведенные данные позволяют говорить о том, что спад крестьянского движения наметился уже с начала 1931 г., а не на рубеже 1931–1932 гг., как утверждают некоторые исследователи [3, с. 96].

Помимо акций «массового изъятия антисоветских элементов» сотрудники спецслужб активно использовали методику предваряющих провокаций, когда законспирированные сотрудники либо осведомители ОГПУ внедрялись в крестьянскую среду, критиковали политику ВКП(б), особенно по вопросам коллективизации, подстрекали к активным действиям против нее, что находило понимание и отклик у многих крестьян. С помощью таких провокационных действий чекистов удавалось выявлять недовольных, в том числе и тех, кто был готов активно выступить против планов и акций властей. Более того, иногда провокаторы выступали в роли инициаторов создания объединений крестьян антисоветской направленности или, выдавая желаемое за действительное, заявляли о существовании таких объединений¹².

В течение 1931 г. сотрудники ОГПУ ликвидировали в Центральном Черноземье 47 организаций и 1530 группировок «контрреволюционного характера» с общим числом участников 13 689 чел.¹³ Мы не случайно употребили кавычки. При рассмотрении большинства архивно-следственных дел начала 1930-х гг., возбужденных в Черноземье в отношении тех или иных антисоветских организаций, наше внимание привлек ряд совпадений: идентичность описаний организационной структуры, форм и методов деятельности практически всех организаций и группировок антисоветской направленности¹⁴.

В качестве примера рассмотрим «контрреволюционную» организацию «Зеленая армия», которая якобы действовала на территории Березовского, Усманского, Верхнехавского, Нижнедевицкого и ряда других районов ЦЧО. В материалах уголовного дела содержатся сведения о том, что в «Зеленую армию» входило 107 чел. Они были разделены на пятерки, построенные на принципах строгой конспирации. Целью деятельности «Зеленой армии» объявлялась борьба с коммунистической партией, советской властью, колхозной системой. Во главе организации был совет из нескольких руководителей. Следователи ОГПУ намекали на наличие сверхсекретных связей «Зеленой армии» с неким глубоко законспирированным антисоветским подпольем эсеровской направленности¹⁵.

¹² См., например, архивно-следственное дело так называемой контрреволюционной организации «Крестьянская партия народной свободы», которая якобы действовала в с. Коршево Бобровского района ЦЧО в 1932 г. (Там же. Ф. 9353. Оп. 2. Д. П-19392).

¹³ См.: Там же. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1476. Л. 6–7.

¹⁴ Там же. Ф. 9353. Оп. 2. Д. П-10063 (в 36-ти т.); Д. П-19392 (в 3-х т.).

¹⁵ Там же. Д. П-22451. Т. 1. Л. 1–17, 34; Ф. 2. Оп. 1. Д. 1476. Л. 3, 8–9; Д. 1484. Л. 79.

⁹ Там же. Л. 2, 6.

¹⁰ Там же. Л. 1–15.

¹¹ Там же. Л. 1.

Если верить документам следствия, то все контрреволюционные организации и группы на территории Черноземья имели те же цели, были построены и действовали так же, как и «Зеленая армия». Это обстоятельство свидетельствует в пользу нашего предположения о фабрикации службами ОГПУ следственных материалов о существовании антисоветских группировок и объединений. Еще более убедительным подтверждением этого вывода служит тот факт, что все пять «антисоветских организаций» архивно-следственного дела, которые мы проанализировали, чекисты раскрыли с помощью внедрения в среду «заговорщиков» провокаторов¹⁶. Кроме того, названия большинства контрреволюционных объединений Черноземья не просто имели определенное созвучие, а были однотипными – «Донцы», «Хуторяне», «Петухи», «Зеленая армия», «За правый оппортунизм», что позволяет предположить единого автора этих названий – секретно-политический отдел ОГПУ.

Поскольку власти были заинтересованы в полном контроле не только над единоличниками, но и над вновь образованными колхозами, то поэтому индивидуальные карательные акции чекистов против отдельных лиц и небольших групп крестьян органически сочетались с совместными мероприятиями органов управления ОГПУ по «очистке» колхозов от «враждебно настроенных и кулацких элементов». Эти действия были инициированы принятой в 1931 г. директивой ЦК ВКП(б) об организационно-хозяйственном укреплении колхозов. Выполняя ее, в течение года партийные

работники и чекисты ЦЧО провели кампанию выборочной проверки «качественного состава» колхозов. Подверглись проверке 1274 хозяйства в 131 районе области. В ходе действий по «очистке и нормализации работы» в составе колхозов было выявлено 3118 «кулаков», 51 бывший служащий полиции и жандармерии, 141 – экс-торговец, бывших священнослужителей и сектантов – 21. В итоге из колхозов было удалено около 3500 человек¹⁷. Кроме того, репрессии обрушились и на местных управленцев и активистов. Так, в 1931 г. только в одном Тамбовском районе ЦЧО за нарушение революционной законности было привлечено к уголовной ответственности 19 председателей сельсоветов, 100 членов сельсоветов, 17 председателей колхозов, 10 членов правления колхозов, 24 других советских работников. Данные действия властей также способствовали снижению социально-политической напряженности в деревне Центрального Черноземья и беспрепятственному проведению в жизнь сталинского плана коллективизации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939: Документы и материалы. М., 2000. Т. 2: Ноябрь 1929 – декабрь 1930.
2. Советская деревня глазами ВЧУ–ОГПУ–НКВД: Документы и материалы. Т. 3. Кн. 1. М., 2003.
3. См.: Мигущенко О.Н. Влияние социально-экономической политики государства на развитие правовых взглядов сельского населения (на материалах Центрально-Черноземной области). Курск, 1999.

В.В. КОНДРАШИН

ДОКУМЕНТЫ РОССИЙСКИХ АРХИВОВ О ГОЛОДЕ 1932–1933 гг. В СССР

Пензенский государственный педагогический университет им. В.Г. Белинского

В статье рассматриваются причины, масштабы и демографические последствия голода 1932–1933 гг. в СССР. По мнению автора, голод явился закономерным результатом ошибок аграрной политики сталинского руководства. Доказана непосредственная связь между принудительными сверхнормативными хлебозаготовками и зерновым экспортом, осуществлявшимся в интересах индустриализации. К резкому падению урожайности зерновых привело также разрушение животноводства в результате коллективизации, развал совхозной системы, бюрократическая неразбериха в управлении новой аграрной экономикой. Реакция сталинского режима на трагедию была запоздалой, недостаточно эффективной, а на начальной стадии трагедии – преступной.

Ключевые слова: голод, коллективизация, крестьянство, сельское хозяйство, хлебозаготовки, зерновой экспорт.

По инициативе Федерального архивного агентства Российской Федерации с 2007 г. осуществляется международный научный проект «Голод в СССР. 1929–

1934 гг.». Его целью является подготовка к печати сборника документов по данной теме. В работе над проектом принимают участие государственные архивы России, Казахстана, Беларуси и Киргизии.

В ходе работы над проектом выявлены новые документы из Архива Президента Российской Федерации (АПРФ), Центрального архива Федеральной службы безопасности РФ, Архива внешней политики МИД РФ (АВПРФ), Российского государственного архива

¹⁶ Там же. Ф. 9353. Оп. 2. Д. П-19392 (в 3-х т.) – «Крестьянская партия народной свободы»; Д. П-25806 – «Трудовая крестьянская партия»; Д. П-18171 – «Вольные крестьяне»; Д. П-22452 (в 7-ми т.) – «Зеленая армия».

¹⁷ Там же. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1476. Л. 12.

социально-политической истории (РГАСПИ), Российского государственного архива экономики (РГАЭ), Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ), позволяющие получить более четкое представление о причинах, масштабах и последствиях голода 1932–1933 гг. в СССР [1; 2, с. 94–127].

Все эти материалы убедительно свидетельствуют, что голод в СССР в начале 1930-х гг. явился результатом комплекса причин объективного и субъективного характера. Главной из них являлась аграрная политика сталинского руководства СССР, проводившаяся в конце 1920-х – начале 1930-х гг. Ее целью было превращение сельского хозяйства в основной источник ресурсов для форсированной индустриализации страны, которая началась в СССР в конце 1920-х гг. Стране требовались средства на закупку за рубежом оборудования для флагманов первой пятилетки, а растущие города нуждались в больших объемах продовольствия¹. Они могли быть получены за счет внутренних ресурсов и финансовой помощи СССР со стороны западных стран. Но западные страны отказали СССР в необходимых кредитах на эти цели или они были незначительными с точки зрения его потребностей. Поэтому главным источником индустриализации страны стало сельское хозяйство.

Именно для обеспечения индустриализации необходимыми ресурсами и начала проводиться в СССР в конце 1920-х – начале 1930-х гг. новая аграрная политика. Эта политика преследовала цель – добиться резкого повышения товарности сельскохозяйственного производства за счет изменения его организационных форм. Ее ошибки привели в конечном итоге к голоду 1932–1933 гг. Основным содержанием этой политики стало насильственное насаждение колхозов в зерновых районах СССР, строительство крупных государственных хозяйств – совхозов при одновременной ликвидации мелкого крестьянского производства как неэффективного и низкотоварного, неспособного удовлетворить потребности строящейся промышленности и растущего городского населения в условиях индустриализации.

Для такого рода действий у сталинского руководства имелись и объективные причины. К концу 1920-х гг. сельское хозяйство СССР оказалось в со-

стоянии стагнации, в стране возник серьезный продовольственный кризис, была введена карточная система для городского населения. Чрезвычайные меры заготовок продовольствия, особенно хлеба, в 1927–1929 гг. не дали должных результатов². Выходом из этой ситуации стал курс на сплошную коллективизацию сельского хозяйства СССР в 1930 г.

По замыслу сталинского руководства она должна была обеспечить рост сельскохозяйственного производства, а самое главное – увеличить его товарность. Последнее обстоятельство имело первостепенное значение с точки зрения политики индустриализации: в 1930 г. был запланирован экспорт в Западную Европу огромного количества советского зерна (более 5 млн т)³. Политика зернового экспорта была оптимальной с точки зрения имеющихся у СССР возможностей получения валюты для нужд индустриализации. В то же время она потребовала форсированного сбора и своевременного вывоза за границу огромных объемов зерна. В краткие сроки получить его можно было, лишь используя ресурсы создаваемого для этой цели колхозно-совхозного строя. В противном случае СССР ожидало невыполнение экспортных контрактов и, как следствие, срыв плана индустриализации. Отсюда сплошная коллективизация в начале 1930 г. и нажим на деревню со всеми вытекающими последствиями.

В 1930–1932 гг. СССР удалось заключить с западноевропейскими партнерами контракты на поставку в Западную Европу значительных объемов пшеницы и других зерновых культур. Взамен страна получила оборудование для своих заводов. Основными потребителями советского зерна были Англия, Италия, Германия, Бельгия и другие страны. В начале 1930-х гг. западноевропейские потребители получили из СССР свыше 12 млн т зерна⁴. Это сотрудничество осуществлялось на фоне голода миллионов советских крестьян, ставших жертвами «голодного экспорта» и сталинской индустриализации. Данный факт был хорошо известен широкой европейской общественности, несмотря на его замалчивание в СССР⁵. Но он не повлиял существенно образом на отношения ведущих европейских стран и США к Советскому Союзу. Более того, эти отношения укреплялись. Документы свидетельствуют, что СССР готов был отказаться в 1931 г. от «голодного экспорта» при условии получения от западных стран кредитов⁶. Но этого не произошло.

² См. выступление на эту тему на апрельском 1929 г. объединенном пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) председателя СНК СССР А.И. Рыкова [5, с. 328, 335, 345–346, 354].

³ См. выступление наркома внешней и внутренней торговли СССР А.И. Микояна на ноябрьском пленуме ЦК ВКП(б) 11 ноября 1929 г. [6, с. 79–81].

⁴ Социалистическое строительство СССР: Стат. ежегод. М., 1936. С. 687.

⁵ АВПРФ. Ф. 5. Оп. 13. П. 93; Д. 47. Л. 72; Ф. 054. Оп. 10. П. 441. Д. 121. Л. 50–50 об.

⁶ Об этом шла речь, например, в директивах Политбюро ЦК ВКП(б) для советской делегации на международную конференцию по зерну от 15 марта 1931 г. (РГАСПИ. Ф. 7. Оп. 162. Д. 9. Л. 167–168).

¹ См. об этом речь И.В. Сталина 19 ноября 1928 г. на ноябрьском объединенном пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) «Об индустриализации страны и о правом уклоне в ВКП(б)» [см.: 3, с. 252–253, 258–259]. О значении экспорта хлеба для нужд индустриализации говорится в письме И.В. Сталина В.М. Молотову от 24 августа 1930 г., а именно: «Надо бы поднять (теперь же) норму ежедневного вывоза до 3–4 мил[лионов] пудов минимум. Иначе рискуем остаться без наших новых металлургических и машиностроительных (Автозавод, Челябинский завод и пр.) заводов. Найдутся мудрецы, которые предложат подождать с вывозом, пока цены на хлеб на между[народном] рынке не подымутся «до высшей точки». Таких мудрецов немало в Наркомторге. Этим мудрецов надо гнать в шею, ибо они тянут нас в капкан. Чтобы ждать, надо иметь валютн[ые] резервы. А у нас их нет. Чтобы ждать, надо иметь обеспеченные позиции на между[народном] хлебн[ом] рынке. А у нас нет уже там давно никаких позиций, – мы их только завоевываем теперь, пользуясь специфически благоприятными для нас условиями, создавшимися в данный момент. Словом, нужно бешено форсировать вывоз хлеба» [4, с. 203–204].

Связь зернового экспорта, коллективизации и голода 1932–1933 гг. очевидна и не вызывает сомнений. В эпицентрах голода оказались главные житницы СССР, традиционно являвшиеся основными поставщиками зерна на экспорт и в промышленные центры страны. В 1930–1932 гг. основной вывоз хлеба пришелся на четыре региона СССР – Украину, Северный Кавказ, Поволжье и Центральный Черноземный район⁷. В 1932–1933 гг. именно они станут зонами массового голода. Необходимость обеспечения экспортных заданий придала в этих регионах коллективизации и заготовкам хлеба особо репрессивный и разрушительный для сельскохозяйственного производства характер. Таким образом, экономическая специализация районов предопределила масштабы трагедии 1932–1933 гг. в конкретных регионах СССР: более всего пострадали зерновые районы, основные житницы страны.

Сталинское руководство СССР, разумеется, не стремилось к организации голода, но проводившаяся им политика насильственной коллективизации и принудительных хлебозаготовок, ее ошибки вели к нему. Прежде всего, явно непродуманной с точки зрения негативных последствий была утвердившаяся в СССР с началом коллективизации система планирования обязательных поставок государству сельскохозяйственной продукции. Она была нацелена на максимальное изъятие зерна и продовольствия из деревни, без должного учета реальных возможностей сельского хозяйства.

С началом коллективизации планы хлебозаготовок оказались увеличены более чем в 2 раза, составив, например, в 1930 г. гигантскую цифру – 24 млрд т, против 11,2 млрд т в 1928 г. Планы хлебозаготовок росли и в последующие годы. Они устанавливались на основе формального показателя роста посевных площадей в СССР в годы коллективизации. При планировании не учитывалось ставшее следствием коллективизации сокращение поголовья рабочего скота, а также резкое неприятие подавляющим большинством крестьян новых форм сельхозпроизводства, поскольку государство забирало себе в счет заготовок фактически всю произведенную ими продукцию. Кроме того, из-за насильственной коллективизации в 1930–1932 гг. основные зерновые регионы СССР покинуло не менее 7 млн самых активных крестьян, которые ушли в город, пополнив ряды заводских рабочих. Все это привело к резкому снижению уровня агротехники в сельском хозяйстве, особенно в колхозах, ставших к 1931 г. его главным сектором.

В результате в 1930–1932 гг. произошло резкое падение урожайности зерновых культур и сокращение

производства животноводческой продукции (мяса, молока). За годы коллективизации животноводство лишилось половины поголовья и примерно столько же готовой продукции [7, с. 35].

Негативное влияние на планирование хлебозаготовок и их выполнение оказала созданная сталинским руководством в годы коллективизации бюрократическая система управления сельским хозяйством⁸. Многочисленные центральные ведомства новой «колхозно-совхозной экономики» (Наркомзем, Наркомснаб, Наркомсовхоз, Колхозцентр и др.) и региональные руководители безоговорочно выполняли политику партийного руководства по выкачиванию из села всех ресурсов, зачастую выступая инициаторами более жестких мер. В условиях установления сталинской диктатуры, разгрома правой оппозиции в стране уже не было политических сил, способных скорректировать ее политику, свести к минимуму ее ошибки.

Одной из таких ошибок стал фактический развал к концу 1931 г. крупных государственных сельскохозяйственных предприятий – совхозов, активно насаждавшихся в зерновых районах СССР. По замыслу сталинского руководства совхозы должны были стать образцовыми хозяйствами с высокой товарностью производимой продукции. При этом они материально поддерживались государством. Но в 1931 г. совхозы сорвали все государственные планы, превратившись в «нахлебников». Весь невыполненный совхозами план заготовок сельхозпродукции (10 % годового плана) был переложено на колхозы, что еще больше усугубило их положение [2, с. 97].

Негативно система планирования хлебозаготовок в 1930–1932 гг. отразилась и на единоличном секторе аграрной экономики. Чтобы вынудить единоличников вступать в колхозы, им устанавливались явно завышенные планы, которые не выполнялись⁹. Невыполненные задания возлагались на колхозы, что еще больше подрывало их продовольственные ресурсы.

Ярким показателем несовершенства сталинской бюрократической системы в области планирования хлебозаготовок является факт отсутствия у руководства страны точных данных о реальных размерах урожая зерновых культур¹⁰. Органы статистики в угоду желаниям Центра преувеличивали цифры урожайности и товарности зернового производства, что приве-

⁸ См. на эту тему письмо И.В. Сталина Л.М. Кагановичу 17 июля 1932 г. В нем вожь писал: «(4) Вообще должен сказать, что НКЗем, как хозяйственный наркомат, не выдержал экзамена. Местные работники издеваются над НКЗемом, как совершенно не состоятельным с точки зрения хозяйственного руководства» [8, с. 232].

⁹ Характерной на эту тему является докладная записка секретаря обкома ВКП(б) ЦЧО И.М. Варейкиса на имя И.В. Сталина от 28 ноября 1932 г. (АПРФ. Ф. 3. Оп. 40. Д. 84. Л. 74).

¹⁰ Об этом прямо указывалось в объяснительной записке начальника ЦУНХУ СССР В.В. Осинского И.В. Сталину от 7 ноября 1932 г. «О размерах валового сбора хлебов и записке т. Яковлева» (АПРФ. Ф. 3. Оп. 40. Д. 83).

⁷ Так, в сентябре 1930 г. из 1,6 млн т зерна, запланированного на экспорт, с Украины предусматривалось взять 875 тыс. т (55 %), Северного Кавказа – 525 тыс. т (33 %). Остальное задание разверстывалось на Нижнюю Волгу, ЦЧО и Крым (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 9. Л. 24, 26–27). В октябре 1930 г. из 1,5 млн т экспортного зерна Украина дала 810 тыс. т, Северный Кавказ – 280 тыс. т, Нижняя Волга – 175 тыс. т, ЦЧО – 140 тыс. т (РГАЭ. Ф. 8043. Оп. 11. Д. 12). Аналогичная ситуация повторилась и в 1931 г. (ГАРФ. Ф. Р-5674. Оп. 3с. Д. 18. Л. 304–307).

ло к установлению в 1931–1932 гг. завышенных планов хлебозаготовок.

Такая позиция органов статистики и всей бюрократической системы управления сельским хозяйством СССР основывалась на антикрестьянском настрое И.В. Сталина и его ближайшего окружения, считавших главной причиной трудностей с заготовками продовольствия в стране не низкий уровень производительности сельского хозяйства, а «кулацкий саботаж», нежелание крестьян сдавать государству хлеб по установленным им ценам. Отсюда вытекала и вся антикрестьянская аграрная политика сталинизма, имевшая своей целью заставить крестьян работать на государство в колхозах на положении крепостных.

В действительности же «кулацкого саботажа» не существовало. Валовые сборы зерновых в СССР в рассматриваемый период были значительно ниже биологической урожайности (на корню) в силу общего снижения уровня агротехники из-за издержек коллективизации [9, с. 14–42]. Но данный факт учитывался сталинским руководством СССР в самую последнюю очередь.

В 1930–1932 гг. издержки планирования и управления сельским хозяйством СССР с лихвой компенсировались административно-репрессивным ресурсом государства. Ставка сталинского руководства на насилие над крестьянством стала государственной политикой, главным методом решения проблемы изъятия из деревни продовольственных ресурсов для нужд индустриализации. Из Центра и лично от И.В. Сталина шли грозные директивы в регионы о необходимости выполнения плана любой ценой [2, с. 98–99]. Большинство попыток местных властей добиться его уменьшения решительно пресекались. Планы хлебозаготовок сокращались Центром лишь тогда, когда выяснялось, что они не выполнимы в полном объеме и в установленный срок. Так было на Украине, Северном Кавказе, в Поволжье в 1932 г.

Следует отметить, что фактором объективного характера, повлиявшим на снижение урожая зерновых культур и наступление голода, стали не совсем благоприятные природно-климатические условия, особенно засуха в 1931 г. и проливные дожди летом 1932 г. Они придали хлебозаготовкам особую напряженность, так как сократили количество зерна для внутреннего потребления, особенно в деревне. Львиная его доля изымалась в счет выполнения экспортных планов, а также снабжения растущего городского населения (в 1931–1932 гг. оно увеличилось на 4 млн чел.).

Голод нарастал по мере осуществления сталинской аграрной политики, разрушавшей сельское хозяйство страны. Уже в 1929–1930 гг. в сельской местности крестьяне стали умирать от голода. Затем ситуация ухудшилась. В 1932 г. в зерновых районах СССР начался массовый голод (Украина, Северный Кавказ, Поволжье и др.).

В начале 1932 г. сталинское руководство осознает наличие в стране глубокого кризиса сельского хозяйства и голода и принимает меры по их ослаблению. Голодающим регионам предоставляются значитель-

ные зерновые и продовольственные ссуды на проведение весенней посевной кампании, за границей закупается элитное семенное зерно, племенной скот [1, док. № 22–51]. Весной 1932 г. объявляется право свободной торговли хлебом для колхозов и единоличных хозяйств, выполнивших планы хлебозаготовок, устраняются административные препятствия для развития в деревне личных подсобных хозяйств (ЛПХ) и т.д. Но все эти меры так называемого «неонэпа» не дали должного результата, потому что являлись запоздалыми.

Три года насильственной коллективизации привели сельское хозяйство СССР к глубочайшему кризису: у крестьян не осталось хлеба для «свободной торговли» (все ушло в хлебозаготовки), было подорвано их доверие к колхозам, разрушено животноводство, для проведения качественных сельскохозяйственных работ не хватало тягловой силы. К началу уборочной кампании 1932 г. голодные крестьяне не только не имели возможности добросовестно работать в колхозах, но и не хотели. Наученные горьким опытом прежних лет, когда в счет хлебозаготовок и других госпоставок забирали заработанный на трудодни хлеб, они уже не доверяли государству. Именно поэтому массовым явлением в советской деревне летом 1932 г. становится хищение крестьянами колхозного урожая, а также крайне некачественная уборка с целью оставить в деревне как можно больше хлеба. Апатия и нежелание крестьян добросовестно работать в колхозах возрастали по мере доведения до села новых планов хлебозаготовок, которые напоминали предыдущие, те, которые обрекали их на голод.

Столкнувшись на практике с фактическим сопротивлением крестьянства государственной аграрной политике, сталинское руководство берет курс на развертывание против него массовых репрессий. Необходимо было заставить крестьян убрать урожай и сдать его государству в установленных размерах. Этого требовали и объективные причины – необходимость продовольственного обеспечения городов, где кризис со снабжением населения хлебом и другими продуктами из года в год нарастал, а в 1932 г. приобрел форму массовых волнений рабочих на почве голода¹¹.

На выбор руководством СССР во второй половине 1932 г. в качестве основной меры выхода из кризиса административно-репрессивного ресурса повлияла и неблагоприятная международная обстановка: осложнение отношений СССР с Японией на Дальнем Востоке, приход к власти в Германии нацистов. В этих условиях необходимо было продемонстрировать «твердость» и «силу», сохранить лицо на международной арене и показать СССР как динамично развивающуюся державу,

¹¹ Так, в апреле–мае 1932 г. состоялись забастовки рабочих на предприятиях в Вичугском, Лежневском, Пучежском и Тейковском районах Ивановской промышленной области (Государственный архив Ивановской области. Ф. П-327. Оп. 4. Д. 514. Л. 18–27), а также волнения населения г. Борисова (БССР) на почве продовольственных трудностей (Государственный архив Минской области. Ф. 164П. Оп. 1. Д. 132. Л. 388–392).

способную противостоять угрозам извне, выполнять заключенные экономические контракты с западными партнерами (см. об этом подробнее: [10, с. 168–170]).

В результате во второй половине 1932 г. в СССР разворачиваются беспрецедентные массовые репрессии против крестьянства. В районы, наиболее проблемные и важные с точки зрения роли в зерновом производстве страны (Украину, Северный Кавказ, Нижнюю Волгу), Центр направляет специальные чрезвычайные комиссии по хлебозаготовкам, возглавлявшиеся В.М. Молотовым, Л.М. Кагановичем, П.П. Постышевым. В качестве основного инструмента для своей работы они используют массовые аресты «саботажников» из числа крестьян и местного актива, блокаду селений с целью не допустить вывоза оттуда хлеба, занесение деревень, не выполнивших план, на «черные доски», следствием которого был запрет на торговлю и натуральные штрафы и т.п. Действия регионального руководства и эмиссаров Центра внимательно контролировались и корректировались лично И.В. Сталиным [10, с. 141–171, 237–248].

Сложившаяся ситуация явно свидетельствовала о провале сталинской коллективизации. Вместо роста сельскохозяйственной продукции произошло ее сокращение. На начало 1933 г. размеры продовольственных запасов СССР составили всего 342 млн пуд., почти в 3 раза меньше по сравнению с 1931 г. (1011 млн пуд.) [2, с. 96]. По рассекреченным данным Комитета резервов при СТО СССР, на начало 1933 г. неприкосновенный фонд продовольственных хлебов был полностью израсходован. Именно поэтому голод приобрел огромные масштабы в СССР в первой половине 1933 г.

Итогом хлебозаготовительной кампании 1932 г. стал массовый смертный голод в основных зерновых регионах СССР (Украине, на Северном Кавказе, в Поволжье, в Центральном Черноземном районе, на Южном Урале, в Западной Сибири), а также в Казахстане.

Масштабы жертв голода являются пропорциональными удельному весу регионов в хлебозаготовках. Больше умирали там, где больше производилось хлеба и, соответственно, больше изымалось в счет госпоставок. Об этом убедительно свидетельствуют материалы Всесоюзных переписей населения СССР 1926 и 1937 гг., а также текущей демографической статистики государственных органов учета населения СССР¹². Всего в эпицентре смертного голода оказалось более 50 млн чел. Особая ситуация сложилась в Казахстане, где наряду с голодом в зерновых районах, пострадавших от хлебозаготовок, массовая смертность населения произош-

ла в животноводческих районах из-за массового падежа скота вследствие непродуманной политики коллективизации.

В 1932–1933 гг. в разной степени голодало все население СССР, в том числе городское. Жертвами голода стали не менее 7 млн чел. Подавляющая их часть оказалась сосредоточена в двух регионах СССР – Украине (3–3,5 млн чел.) и РСФСР (4 млн чел.) [12, с. 885]. Голод не имел национальной окраски. Его интенсивность и масштабы определялись экономической специализацией регионов.

Увеличение голодной смертности в 1933 г. в СССР в значительной мере произошло в результате действий сталинского руководства по борьбе со стихийной миграцией. Речь идет о печально известной директиве ЦК ВКП(б) и СНК СССР о предотвращении массового выезда голодающих крестьян от 22 января 1933 г., согласно которой следовало остановить массовый выезд крестьян «за хлебом» из УССР и Северо-Кавказского края. Целью директивы было стремление не допустить массового исхода сельского населения из зон голода в города, где и так уже был голод, сохранив таким образом колхозный строй. Подобные меры практиковались и в других государствах во время голода. Они существенно повлияли на гибель от голода крестьян, оказавшихся в зонах блокады. В связи с этим не соответствуют действительности утверждение украинских историков о том, что блокада была установлена только против Украины и Кубани с украинским населением.

Во-первых, вышеупомянутая директива касалась не только Украины и Кубани, но и Дона, национальных автономий Северо-Кавказского края. А, во-вторых, 16 февраля 1933 г. Политбюро ЦК ВКП(б) обязало ОГПУ распространить постановление СНК и ЦК ВКП(б) от 22 января 1933 г. «О самовольном выезде крестьян из пределов своей области, задержке их и принудительном возврате на старые места жительства» и на Нижне-Волжский край [12, с. 644]. Это решение выполнялось. Местные активисты и органы ОГПУ вылавливали и возвращали на свои места и украинских, и русских крестьян. Об этом можно судить хотя бы по «Директивному распоряжению начальника Орловского оперсектора ОГПУ ЦЧО» от 1 апреля 1933 г. В нем указывается: «за последнее время усилились выезды крестьян из Украины, С[еверо-]К[авказского] К[рая], Н[ижне-]В[олжского] К[рая] <...>, выявленные безглицы подлежат немедленному задержанию и водворению обратно на родину <...>, вагоны с бежавшими с Украины, СКК, НВК направляйте с конвоем на ст. Орел лин[ейный] пост Т[ранспортного] О[тдела] ОГПУ, откуда <...> по месту назначения»¹³.

Усугубила ситуацию и политика замалчивания голода сталинским руководством, стремившимся «сохранить лицо». Предлагаемая международная помощь со стороны европейских общественных орга-

¹² Данные Всесоюзных переписей населения 1926 и 1937 гг. показывают, что, как минимум, четыре региона РСФСР – Саратовская область, АССР немцев Поволжья, Азово-Черноморский край, Челябинская область – пострадали тогда не меньше, чем Украина. Сравнительный анализ материалов переписей фиксирует сокращение сельского населения в районах СССР, пораженных голодом в начале 1930-х гг., следующим образом: в Казахстане – на 30,9 %, в Поволжье – на 23, на Украине – на 20,5, на Северном Кавказе – на 20,4 % [11, с. 120].

¹³ Государственный архив Орловской области. Ф. Р-1847. Оп. 1. Д. 3. Л. 2.

низаций была не только отвергнута, но стала поводом к циничной пропагандистской кампании «успехов коллективизации», направленной против зарубежной прессы, писавшей о голоде в СССР (см. об этом подробнее: [10, с. 249–265]).

Несмотря на очевидную вину сталинского руководства в трагедии 1932–1933 гг., его действия все же нельзя квалифицировать как «геноцид» – осознанное стремление уничтожить часть населения или народ с помощью голода. На этот счет отсутствуют прямые и достоверные источники. Более того, имеющиеся в документах факты свидетельствуют о том, что сталинское руководство принимало серьезные меры по выходу регионов из голодного кризиса.

В 1933 г. наиболее пострадавшие от голода регионы СССР получили зерновые и продовольственные ссуды, значительно превышающие уровень 1932 г. (РСФСР – 990 тыс. т зерна, УССР – 501 тыс. т зерна) [10, с. 243]. В апреле 1933 г. по решению Политбюро ЦК ВКП(б) был приостановлен экспорт зерна из СССР, а сэкономленное зерно было направлено на внутренние нужды. Кроме того, принимались чрезвычайные меры по организационно-хозяйственному укреплению колхозов с помощью политотделов МТС, развитию огородничества и ЛПХ колхозников и городских жителей. В 1933 г. изменилась система планирования хлебозаготовок: сверху устанавливались фиксированные нормы сдачи зерна. Все эти меры позволили вый-

ти из голода и успешно провести основные сельскохозяйственные кампании 1933 г.

Голод 1932–1933 гг. – это общая трагедия народов бывшего СССР, и память о ней должна объединять, а не разделять их.

ЛИТЕРАТУРА

1. Голод в СССР. 1930–1934 гг. М., 2009.
2. Отечественные архивы. 2009. № 2.
3. *Сталин И.В.* Соч. М., 1949. Т. 11.
4. Письма И.В. Сталина В.М. Молотову. 1925–1936 гг. М., 1995.
5. Как ломали нэп: стенограммы пленумов ЦК ВКП(б). 1928–1929 гг. М., 2000. Т. 4: Объединенный пленум ЦК и ЦКК ВКП(б) 16–23 апреля 1929 г.
6. Как ломали нэп. М., 2000. Т. 5: Пленум ЦК ВКП(б) 10–17 ноября 1929 г.
7. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939: Документы и материалы. М., 2000. Т. 2: Ноябрь 1929 – декабрь 1930.
8. Сталин и Каганович. Переписка. 1931–1936 гг. М., 2001.
9. *Таугер М.Б.* Урожай 1932 года и голод 1933 года // Голод 1932–1933 годов. М., 1995.
10. *Кондрашин В.В.* Голод 1932–1933 годов: трагедия российской деревни. М., 2008.
11. *Зеленин И.Е.* Сталинская «революция сверху» после «великого перелома». 1930–1939: политика, осуществление, результаты. М., 2006.
12. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939: Документы и материалы. М., 2001. Т. 3: Конец 1930 – 1933.

Г.Е. КОРНИЛОВ

ГОЛОД 1932–1933 гг. НА УРАЛЕ: ФАКТОРЫ И МАСШТАБЫ

Институт истории и археологии УрО РАН, г. Екатеринбург
e-mail: genakorn@mail.ru

В статье на материалах Урала анализируются причины, факторы и масштабы голода 1932–1933 гг., рассматриваются его демографические последствия. По мнению автора, возникший в результате коллективизации продовольственный кризис в 1932–1933 гг. привел к голодной катастрофе, охватившей многие районы страны, в том числе и Урал. Несмотря на имевшиеся продовольственные резервы, которые начали формироваться в СССР со второй половины 1920-х гг., власти не сумели ими распорядиться, чтобы спасти голодавших. Помощь, поступившая от государства, была не адекватна разразившейся беде.

Ключевые слова: аграрная сфера, крестьянство, коллективизация сельского хозяйства, продовольственная безопасность, голод, Урал.

Принудительная коллективизация являлась составной частью сталинской программы индустриализации страны, в рамках которой она служила двум главным целям. В первую очередь необходимо было повысить товарность сельского хозяйства по сравнению с периодом нэпа, для того чтобы обеспечить бурно развивающуюся промышленность сырьем, а увеличивающееся неаграрное население – продовольствием. При этом в первой половине 1930-х гг. повыше-

ние товарности достигалось в колхозах главным образом за счет принудительного сверхнормативного отчуждения произведенной сельхозпродукции.

Второй задачей, которую должна была решить коллективизация, являлась ликвидация крестьян как класса «мелкособственнических производителей», который мог противостоять большевистской реконструкции народного хозяйства и общества. Форсированное колхозное строительство сопровождалось так называ-

емым раскулачиванием – карательной кампанией против «сельских эксплуататоров». Поскольку определение данной категории было весьма размыто как в теории, так и на практике, коллективизация сопровождалась массовым произвольным государственным террором против сельского населения.

Крестьяне сопротивлялись насильственной коллективизации. Противостояние крестьянства и государства продолжалось до середины 1930-х гг. Активные «антиколхозные элементы» были высланы в отдаленные районы, а большая часть сельских жителей отказалась от индивидуальной формы ведения хозяйства и вступила в колхозы. Главным фактором, повлиявшим на победу властей, был крупномасштабный голод 1932–1933 гг.¹, который стал следствием сверхнормативного изъятия зерновых запасов в 1929–1932 гг., неурожая и всеобщего развала сельскохозяйственного производства в условиях коллективизации и репрессий. Голод показал, на что готово сталинское руководство, чтобы сломать сопротивление крестьянства, и заставил сельских жителей вступить и работать в колхозах для того, чтобы выжить. После голода 1932–1933 гг. о каком-либо активном сопротивлении против коллективизации уже не могло быть и речи.

Форсированная коллективизация явилась главной причиной аграрного кризиса начала 1930-х гг., охватившего все сферы жизни деревни. Одним из его трагических проявлений стал продовольственный кризис, вылившийся в голодную катастрофу 1932–1933 гг.

К основным показателям продовольственной стабильности общества относятся: 1) величина переходящих запасов зерна, позволяющая нейтрализовать дестабилизирующие факторы (неурожай, стихийные бедствия); 2) среднелетнее производство зерна. При этом особое значение имеют пороговые величины – предельные показатели, несоблюдение которых препятствует нормальному ходу развития различных элементов воспроизводства и вызывает формирование негативных, разрушительных тенденций. Приближение к предельно допустимой величине уже свидетельствует о нарастании угрозы социально-экономической стабильности, а превышение предельных или пороговых значений – о вступлении в зону нестабильности и социальных конфликтов.

Курс советского руководства на ускоренную индустриализацию определял продовольственную политику государства. Первоочередное снабжение промышленности, индустриальных строек стало одной из основных задач в конце 1920-х – 1930-е гг. Однако городское снабжение пострадало из-за развала внутреннего рынка, наступления на частных торговцев. Секретные информационные сводки отдела ЦК ВКП(б) свидетельствуют о продовольственных затруднениях в городах в 1928 г. Реакцией местных властей на не-

достаток хлебобудовых продуктов в городах стало введение нормированного распределения (снабжения) среди городского населения. В июне 1928 г. Уралобком ВКП(б) установил нормы выдачи хлеба через ЦРК рабочим и служащим области, а также членам их семей². Несмотря на нормированную продажу, продуктов в городах, промышленных центрах не хватало. Продовольственный кризис нарастал. 14 февраля 1929 г. Политбюро ЦК ВКП(б) приняло решение о введении всесоюзной карточной системы на хлеб³. Перебои с продовольствием привели к тому, что вскоре в промышленных регионах в дополнение к хлебным карточкам стали вводиться карточки и на другие продукты. Нормирование и карточки также оформлялись с санкции местной власти.

Центральное руководство стремилось стабилизировать ситуацию с продовольствием в первую очередь в промышленных центрах страны. 15 февраля 1930 г. Политбюро ЦК ВКП(б) утвердило постановление СТО от 26 января «О мероприятиях по организации снабжения рабочих продовольственными продуктами и промтоварами»⁴. Этим постановлением вводилось два списка городов и промышленных районов, согласно которым определялся порядок их снабжения. Снабжение основными продовольственными продуктами городов и районов, входивших в список № 1, осуществлялось в централизованном порядке и из хозяйств потребительской кооперации. Наркомторгу СССР и Центросоюзу надлежало обеспечивать снабжение рабочих и их семей в городах и районах первого списка по твердым ценам. Снабжение рабочих и их семей из второго списка обеспечивалось из централизованных ресурсов и продуктов, получаемых потребкооперацией в порядке местных заготовок и из собственных хозяйств кооперации.

В январе 1931 г. по решению Политбюро ЦК ВКП(б) Наркомат снабжения СССР ввел всесоюзную карточную систему на основные продукты питания и непродовольственные товары [3, с. 89–90]. Карточки выдавались тем, кто трудился в государственном секторе экономики, а также их иждивенцам. С начала 1931 г. существовало четыре списка снабжения. Преимущества имели особый и первый списки, куда вошли и ведущие индустриальные предприятия Урала. Внутри каждого из четырех списков существовали разные стандарты снабжения в зависимости от производственного статуса работников.

Однако уже в начале 1932 г. Уральская область испытывала серьезные затруднения со снабжением рабочих хлебом вследствие систематического невыполнения предусмотренных центральным руководством планов завоза. Во второй половине мая – первой половине июня 1932 г. область располагала хлебными ресурсами для удовлетворения нужд рабочего снабжения в размере максимум 30 тыс. т, из которых

¹ Проблема истории голода 1932–1933 гг. посвящена обширная историческая литература, однако Урал часто не упоминается как район, охваченный массовым голодом. Историографический обзор см. [1, с. 10–35].

² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 307. Л. 59.

³ Там же. Оп. 3. Д. 726. Л. 2–4.

⁴ Там же. Д. 776. Л. 2, 31–36.

12,8 тыс. находилось в неприкосновенном фонде, а 18 тыс. т только ожидалось. Подлежащий завозу хлеб из Воронежа, Нижнего Новгорода и других регионов не отгружался⁵.

Недостаток продуктов питания в городах приводил, с одной стороны, к росту рыночных (базарных) цен, а с другой – к распространению натурального товарооборота. Наибольший рост цен произошел в 1931 и 1932 гг. В мае 1932 г. была легализована колхозная торговля. Повышенный спрос на продовольствие в условиях разразившегося голода заставил в марте 1933 г. ввести коммерческую торговлю хлебом. Однако ни карточная система, ни легализация колхозной торговли, ни разрешение свободной продажи хлеба не решили продовольственной проблемы горожан региона.

Формирование механизма нормированного продовольственного снабжения не касалось крестьянства. В годы нэпа произошло улучшение жизни уральского крестьянства, выросли денежные доходы, увеличилось потребление продовольственных продуктов. Однако в конце 1920-х гг. в уральской деревне возникли затруднения с продовольствием. Недостаток продуктов питания в Курганском, Пермском, Свердловском, Троицком округах в мае–июне 1928 г. стал причиной антисоветских выступлений. Фиксировались случаи голодания бедноты, заболевания и смерти на почве голода детей и взрослых, употребление в пищу суррогатов. Весной и летом 1929 г. в отдельных районах области крестьяне из беднейших слоев взламывали частные и общественные амбары и «растаскивали» зерно⁶.

В процессе массовой коллективизации частная торговля была практически ликвидирована. Конфискации и репрессии сократили ресурсы крестьян, подорвав их самообеспечение и внутридеревенскую торговлю. Весной–летом 1930 г. тяжелая ситуация с продовольствием сложилась в Троицком, Ишимском, Курганском, Челябинском, Шадринском и Тюменском округах⁷. Продовольственные затруднения приводили к локальным голодовкам. Остро нуждавшимся в продуктах питания и семенах оказывалась государственная помощь. Она предоставлялась в виде ссуд с возвратом из урожая следующего года и выдавалась в основном хозяйствам социалистического сектора.

Трудности в обеспечении населения продовольствием привели к формированию механизма нормированного распределения продуктов питания. Карточная система не смогла решающим образом исправить кризисную ситуацию со снабжением, хотя позволила горожанам избежать голода. Но латентный голод (относительное качественно-количественное голодание – по классификации П. Сорокина⁸) в 1932–1933 гг. охватил всю территорию Уральской области, в том числе и городское население. В отличие от горожан сельское

население не снабжалось продовольственными товарами. Сверхнормативное изъятие хлеба из деревни привело к недостатку его у крестьян. Наиболее поражены голодом были сельскохозяйственные районы Центрального и Южного Зауралья.

В стране в это время имелись государственный и неприкосновенный хлебные фонды, в которые регионы передавали часть заготовленной сельхозпродукции. Государственный хлебный фонд находился в ведении Комитета по заготовкам СНК СССР, но окончательное решение о его распределении принимало Политбюро ЦК ВКП(б). Так, по решению Политбюро от 11 марта 1933 г. («Особая папка») Комитет по заготовкам при СНК СССР обязывался осуществить завоз в Уральскую область 2 млн пуд. овса в качестве особого госфонда. Для этого из Западной Сибири и Горьковского края следовало отгрузить и вывезти по 1 млн пуд. овса. Отгрузку крайкомам предписывалось закончить к 20 марта, при этом ежедневно телеграфировать ЦК ВКП(б) и СНК СССР о ходе ее выполнения [4, с. 475–476].

Неприкосновенный фонд находился в ведении Комитета резервов СНК СССР, который также был рассредоточен в регионах. Сельскохозяйственная продукция из неприкосновенного фонда расходовалась на продовольственное снабжение или на семенные ссуды по распоряжению заместителя председателя СНК, председателя Госплана СССР В.В. Куйбышева через Комитет резервов. 2 апреля 1933 г. в Свердловск первому секретарю Уральского обкома ВКП(б) И.Д. Кабакову от В.В. Куйбышева пришла телеграмма: «Для обеспечения снабжения в апреле дал распоряжение комитету резервов разбронировать пятнадцать тысяч тонн ржи нефонда <...> в апреле будете обеспечены полностью»⁹. Для обеспечения снабжения Уральской области в мае до планировавшегося привоза ржи из Башкирии В.В. Куйбышев отдал распоряжение Комитету резервов разбронировать 10 тыс. т фондовой ржаной муки с восстановлением областью при поступлении ржи из Башкирии¹⁰. В «особых папках» Политбюро ЦК ВКП(б) также имеются сведения о функционировании госсортфонда в регионах, скорее всего предназначенного для обеспечения сева. В частности, из этого фонда выдавались семенные ссуды. Упоминается в «особых папках» и резервный фонд Совнаркома.

В исторической литературе отсутствуют исследования по проблеме организации и распределения в СССР государственного, неприкосновенного и резер-

⁵ Центр документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО). Ф. 4. Оп. 10. Д. 225. Л. 41.

⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 307. Л. 29, 31, 46, 47, 50, 54, 56.

⁷ Государственный архив Свердловской области (далее ГАСО). Ф. 88. Оп. 1. Д. 3305. Л. 56.

⁸ П.А. Сорокин выделил две основных формы голодания. Первая – это, по сути, абсолютный голод, возникавший вследствие полного прекращения поступления пищи в организм. В качестве второй формы голодания он выделил относительное (недефицитное), разделяя его на социально-относительное и индивидуально-относительное. Показателем социально-относительного голодания в обществе служит величина его имущественной дифференциации. Под индивидуально-относительным голоданием им понималось уменьшение количества и ухудшение качества пищи в рационе конкретного индивида. См. [12].

⁹ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 11. Д. 182. Л. 18.

¹⁰ Там же. Л. 29.

вного фондов, что, по нашему мнению, связано с засекреченностью документов. Имеются лишь отдельные сведения об использовании зерна госфонда и госсортфонда на экспорт и для выдачи семенных ссуд, а также о пополнении этих фондов [5, с. 121].

Механизм предоставления районам страны дополнительного отпуска хлеба на общее снабжение был достаточно сложным. В общее снабжение включались поставки как городскому, так и сельскому населению, направленные на индивидуальное снабжение, а также на нужды промышленности и сельского хозяйства в целом.

В Политбюро поступали ходатайства от региональных партийных комитетов об увеличении отпуска продукции на снабжение, решения принимались на заседаниях Политбюро или в опросном порядке его членами. При этом для рассмотрения ходатайств создавались специальные комиссии из членов Политбюро. Ходатайство могло направляться для согласования и реализации в СНК СССР, Комитет заготовок СТО, Комитет товарных фондов при СТО и другие организации, связанные с учетом, хранением и распределением продовольствия. Уралоблисполком также направлял ходатайства об изменении планов отпуска продукции на снабжение в центральные органы управления, в том числе в вышеперечисленные комитеты. Но окончательное решение было за Политбюро.

Предкризисное состояние с продовольствием фиксировалось в уральской деревне уже в конце 1932 г. За 1931 г. было собрано 17,0 млн ц зерна, что на 64 % меньше, чем в 1930 г.¹¹ Уралоблисполком 13 февраля 1932 г. принял постановление об организации продовольственной помощи недородным районам области к весенней посевной кампании. Колхозникам этих районов на февраль–март 1932 г. отпускалась продовольственная помощь в размере 16 010 ц в порядке ссуды с возвратом осенью 1932 г. Райисполкомы обязывались распределить ее между особо нуждавшимися колхозами. В первую очередь следовало обеспечить семьи красноармейцев, детей и колхозников, работавших на животноводческих фермах¹².

В течение 1932 г. ситуация с продовольствием перешла в угрожающую стадию кризиса. Голодовки охватывали все большую территорию. Они распространились даже на территорию Северного Зауралья, куда всегда завозилось продовольствие. По данным постоянных бюджетных обследований крестьянских семей Уральской области, основными источниками поддержания жизненных сил были картофель, хлеб-суррогат и менее двух стаканов молока в день¹³. Только 22 октября состоялось решение Политбюро ЦК ВКП(б) «О продснабжении Урала», по которому на октябрь 1932 г. было отпущено региону 39 тыс. т хлеба вместо ранее утвержденных 37 тыс. т (с оставлением на ноябрь и декабрь по 38 тыс. т) [6, с. 186]. Еще

одно решение Политбюро было принято 5 апреля 1933 г., согласно которому предлагалось «отпустить колхозам Уральской области дополнительно к ранее отпущенной семссуде 800 тыс. пудов пшеницы за счет сокращения на соответствующее количество отпущенной пшеницы в порядке обмена и сверх этого 200 тыс. пудов в качестве продпомощи» [6, с. 358].

Весной 1933 г. ситуация с продовольствием еще более обострилась. В спецсправке ОГПУ от 3 апреля 1933 г. сообщалось, что в Челябинском, Усть-Уйском, Троицком, Камышловском, Куртамышском, Багарякском, Бродокалмакском, Ярковском, Бардымском, Ольховском, Сухоложском, Шадринском и других районах наблюдались острые продовольственные затруднения. В Троицком районе употреблялись в пищу трупы павших от сапа животных, которые были залиты карболовым раствором и находились в скотомогильнике [6, с. 352]. В 1933 г. произошло дальнейшее снижение суточного потребления основных продуктов питания сельским населением. На почве недоедания вспыхнули эпидемии (сыпной и брюшной тиф, цинга, оспа). В январе 1933 г. было зафиксировано 3613 случаев заболеваний от этих болезней, а в феврале – 4839 [6, с. 354].

О переходе угрожающей стадии кризиса в чрезвычайную свидетельствовали участвовавшие случаи хищения зерна и других продуктов, особенно в сельской местности, а также побеги крестьян из деревни. За 1932 г. в Уральской области по «закону о колосках» было приговорено к расстрелу 55 чел., в 1933 г. – 194 чел. С 1 августа 1932 г. по 1 июля 1933 г. в области по закону об охране социалистической собственности было привлечено 45 542 чел., а за июль–сентябрь 1933 г. – еще 3 тыс. колхозников [7, с. 36].

По сведениям Уральской областной РКИ, из колхозов области на новостройки, в промышленность за 1931 г. ушло 301,1 тыс. чел., что составило 18,7 % к общему числу трудоспособных. Часть крестьян бежала из деревни, не желая оставаться в колхозах, поскольку отходничество позволяло не возвращаться в деревню. За зиму 1930–1931 г. села Троицкого округа покинули 1400 семей. Из 45 957 колхозных дворов на 20 марта 1931 г. выбыло 23 506, т.е. больше половины [8, с. 126]. Всего за 1931 г. в регионе покинуло деревню 438,2 тыс. крестьян, за первый квартал 1932 г. – 62,3 тыс. семей. К маю 1932 г. на заводы Востокстали прибыло 10,1 тыс. чел. из деревни, из них перешло на постоянную работу 3,3 тыс. чел. На Магнитострой в 1932 г. было завербовано 9,8 тыс. чел., а «самотеком» прибыло 13,3 тыс. чел.¹⁴

В ходе форсированной коллективизации многие крестьяне, оказавшиеся в колхозах, лишились не только полевых посевов, но и приусадебных участков. В 1932 г. ситуация с приусадебными хозяйствами несколько улучшилась. Практически половина крестьянских семей могла существовать только за счет того, что выделял колхоз. На 1 января 1933 г. только 55 % колхозни-

¹¹ Сельское хозяйство СССР. Ежегодник 1935 г. М., 1936. С. 203.

¹² ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 1. Д. 3305. Л. 56.

¹³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 14. Л. 97.

¹⁴ ГАСО. Ф. Р-245. Оп. 1. Д. 400. Л. 18.

ков региона имели приусадебные посе­вы, 61 % держали крупный рогатый скот (в том числе коров – 57 %), 6,2 % – свиней, 38 % – овец и коз. [9, с. 157]. В 1933 г. 36 % колхозов Урала выделили на 1 трудодень до 1 кг зерна, 52 % – от 1 до 3,6 кг [10, с. 579].

Главной причиной перехода кризиса в чрезвычайную фазу явилось сверхнормативное изъятие сельхозпродукции в ходе заготовительных кампаний (если в 1928 г. в счет хлебозаготовок из уральской деревни было вывезено 15 % собранного зерна, то в 1932 г. – 45 %, мяса – соответственно 16 и 58,1 %) [10, с. 513]. Разразился голод.

В архивных документах зафиксированы факты антропофагии, употребления в пищу кошек и собак, самоубийств на почве голода (см. [11]). Голод и сопутствующие ему эпидемии стали причинами общесоюзной демографической катастрофы 1933 г., которая затронула и Уральскую область. Убыль населения в регионе в 1933 г. составила 7,2 % от убыли населения РСФСР.

Полномасштабная катастрофа (чрезвычайная стадия кризиса), характеризующаяся скачкообразным ростом смертности, произошла в регионе в январе – феврале 1933 г. и достигла своего апогея в городах уже в апреле–мае, а в деревне – в августе–сентябре, когда смертность имела максимальные значения. В декабре 1932 г. скончалось 12 906 чел., в январе 1933 г. – 17 227, в феврале – 22 459, в марте – 24 133 чел. Максимальное число смертей отмечено в августе 1933 г., когда в Уральской области было зафиксировано 32,9 тыс. умерших. За семь месяцев – с декабря 1932 г. по август 1933 г. – количество смертей выросло более чем 2,5 раза. Депопуляция в сельской местности продолжалась с мая по сентябрь 1933 г. [10, с. 427].

Естественный прирост городского населения имел отрицательное значение в марте–июне 1932 г., когда происходило линейное ежемесячное сокращение рождаемости при увеличении смертности в отдельные месяцы. Но данное обстоятельство не привело к демографической катастрофе в регионе, так как рождаемость в сельской местности значительно превышала убыль городского населения (в 3,8 раза). Естественный прирост городского населения имел отрицательное значение непрерывно с января 1933 г. по июнь 1934 г. Общий естественный прирост был отрицательным в течение всего 1933 г., когда убыль населения составила 37,6 тыс. чел., и в первом полугодии 1934 г. (убыль населения составила – 10,3 тыс. чел.).

Медленное снижение числа умерших было зарегистрировано с октября 1933 г. Рождаемость, как более инерционный, чем смертность, элемент процесса воспроизводства населения, сокращалась до апреля 1934 г. Пониженная рождаемость в конце зимы – весной 1934 г. вызвала рецидив депопуляции. На протяжении трех месяцев (февраль–март) 1934 г. показатели естественного прироста были отрицательными. И только осенью 1934 г. демографическая ситуация на Урале нормализовалась [10, с. 427].

В условиях аграрного кризиса и резкого роста городского населения, связанного с индустриальным развитием Урала, введение нормированного распределения и карточной системы снабжения не смогло стабилизировать продовольственную ситуацию. Уральская область из района, полностью обеспечивавшего себя зерном, превратилась в регион, осуществлявший его ввоз. Главными особенностями механизма продовольственного обеспечения населения в конце 1920-х – начале 1930-х гг. были централизация и дискриминационный характер снабжения сельского населения.

Карточная система не могла решающим образом исправить кризисную ситуацию со снабжением, хотя позволила горожанам избежать массового голода, но латентный голод в 1932–1933 гг. охватил всю территорию Уральской области, в том числе и городское население. В отличие от горожан, сельские продовольствием не снабжались. Связанные с минимизацией хлебных запасов локальные голодовки, вместе с сопутствующими эпидемиями, стали непосредственными причинами человеческих смертей. На весну и лето 1933 г. пришелся пик голода. Наиболее пострадавшими оказались сельскохозяйственные районы Центрального и Южного Зауралья. По своим масштабам голод 1932–1933 гг. в Уральской области, унесший около 100 тыс. человеческих жизней, уступал голоду на Украине, Северном Кавказе, в Поволжье, Центрально-Черноземной области и Казахстане.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кондрашин В.В. Голод 1932–1933 годов: трагедия российской деревни. М., 2008.
2. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939: Документы и материалы. М., 1999. Т. 1: Май 1927 – ноябрь 1929.
3. Осокина Е.А. За фасадом «сталинского изобилия». Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации. 1927–1941. М., 1998.
4. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939: Документы и материалы. М., 2000. Т. 2: Ноябрь 1929 – декабрь 1930.
5. Гинцберг Л.И. Массовый голод в сочетании с экспортом хлеба в начале 1930-х годов. По материалам «особых папок» Политбюро ЦК ВКП(б) // Вопр. истории. 1999. № 10.
6. Голод в СССР. 1930–1934 гг.: Сб. документов. М., 2009.
7. Крестьянство Зауралья в 1929–1941 гг. Курган, 1992.
8. Челябинская область. 1917–1945 гг.: Сб. документов и материалов. Челябинск, 1998.
9. История коллективизации сельского хозяйства Урала (1927–1937 гг.): Сб. документов. Пермь, 1983.
10. Баранов Е.Ю., Корнилов Г.Е., Лабuzов В.А. Аграрное развитие и продовольственное обеспечение населения Урала. 1928–1934 гг. М., 2009.
11. Аграрное развитие и продовольственное обеспечение населения Урала в 1928–1934 гг.: Сб. документов и материалов. Оренбург, 2005.
12. Сорокин П.А. Голод как фактор. Влияние голода на поведение людей, социальную организацию и общественную жизнь. М., 2003.

ХИРОАКИ КУРОМИЯ

СТАЛИН И СОВЕТСКИЙ НАРОД

HIROAKI KUROMIYA

STALIN AND THE SOVIET NAROD

Индианский университет, США
hkuromiy@indiana.edu

В статье рассматривается проблема восприятия советским народом политического режима, олицетворением которого являлся И.В. Сталин, а также анализируется, как Сталин, в свою очередь, воспринимал «народ», от имени которого управлял страной. Поскольку затрагиваемая в статье проблематика весьма масштабна, размышления автора носят предварительный характер. По его мнению, важно рассмотреть данный вопрос с точки зрения И.В. Сталина и его окружения (хотя можно утверждать, что в условиях диктаторского режима того времени никто в СССР, кроме И.В. Сталина, властью не обладал).

Автор статьи противопоставляет понятие «народ», точный смысл которого трудно перевести на английский язык, термину «начальство», признавая, что начальники существовали на всех уровнях иерархии советского общества и провести между ними четкую грань зачастую непросто. В статье под «народом» понимаются «трудящиеся», в состав которых не включается ряд категорий населения – «маргиналы» (например, безработные), иждивенцы, а также те, чей труд был не свободен (заключенные, ссыльные и спецпоселенцы), хотя последних можно обозначить как бывших «трудящихся». В совокупности «народом» являлось большинство взрослого населения СССР.

Подобно всем современным правителям, руководители СССР были заинтересованы в том, чтобы завладеть умами и сердцами людей, которыми они управляли. Однако если руководители демократических стран понимали пределы своей власти и были терпимы к чужому мнению (пусть и неохотно), советские правители жестко подавляли любые проявления несогласия. Автор приходит к выводу, что советское руководство также признавало пределы своей власти, но, в отличие от своих «коллег» из демократических стран, сохраняло за собой право применять силу в тех случаях, когда считало это необходимым. Рассуждения о «врагах», зачастую имевшие риторический характер, возникали на почве подозрений, что абсолютная власть советских лидеров все же имеет пределы.

Существует немного доказательств того, что Сталин уделял пристальное внимание политическим настроениям населения в процессе выработки своей политики, несмотря на огромные усилия спецслужб, направляемые на сбор и анализ данных об общественном мнении. Единственный пример, когда Сталин мог уступить проявлениям народного недовольства и изменить направление своей политики, это его временный отказ от массовой коллективизации в марте 1930 г. Голод 1932–1933 гг. был также серьезным кризисом, из-за которого Сталин сделал ряд «уступок» (в частности, легализовал колхозные рынки), но все они являлись в большей или меньшей степени временными мерами. Совсем не очевидно, что он уступил давлению общественного мнения. В то время как в условиях демократического режима политики следуют определенным формальным правилам – например, принимают во внимание опросы общественного мнения и результаты выборов, в распоряжении Сталина сопоставимых инструментов не было. Мало доказательств и в пользу того, что он уделял большое внимание сообщениям спецслужб о настроениях народа.

Данный парадокс указывает на то, что советское руководство осознавало пределы своей власти, хотя и не ясно – в какой мере. Вполне возможно, оно было настолько уверено в прочности своей власти, что могло и не беспокоиться об этом в условиях, когда наличие «врагов» не вызывало сомнений. Между тем спецслужбы активно собирали информацию о реальных и потенциальных врагах советского руководства. В большинстве случаев Сталин и его сотрудники терпели наличие «врагов» – в той или иной степени, но когда возникала потребность в их устранении, они делали это самым беспощадным образом, опираясь на данные спецслужб.

Ключевые слова: народ, политический режим Сталина, исторические источники.

The narod is a complex concept difficult to render into English. It can be opposed to the nachal'niki, the bosses, although there were bosses at all levels of the Soviet hierarchy and so it is sometimes difficult to differentiate between them. After all, in a dictatorial system such as the Soviet Union under Stalin one could argue that everyone but Stalin was powerless. In this essay I use the term narod as the working people (trudiashchiesia). There are a significant number of people not normally included in this category, mainly the 'marginal people' (unemploy-

ed, for example) and dependents. The people of unfree labour (forced labourers, exiles and special settlers) may not be categorised as belonging to the trudiashchiesia, but one could include them in the people who worked. Taken together, the narod as used in this essay accounted for the majority of the Soviet adult population.

This essay argues how the Soviet narod regarded the political regime represented by I. V. Stalin and how Stalin, in turn, regarded the narod in whose name he ruled the country. This is a big historical issue and consequently

the present essay is provisional. It seeks, however, to outline a conceptual framework for analysing the complex issue.

Ukraine plays a critical role in this issue. True, Stalin was Russocentric, but he never identified Russia with the Soviet Union (which was far more than Russia itself). He considered Ukraine of supreme importance, because it was the largest non-Russian republic located on the western border with the hostile capitalist encirclement. Perhaps for that reason, much recent literature on the subject draws on Ukraine in support of both popular resistance and popular compliance in Stalin's Soviet Union* [1, 2].

* * *

It is extremely difficult to examine exactly what the narod thought of Soviet politics and the leader Stalin. The 1920s when a degree of non-official channels of information existed are much easier to study than the period from the 1930s to the end of the Stalin era. The Soviet system assumed a facade of democracy, but it was in fact a one-party dictatorship. Elections were sham and popular actions such as industrial strikes and uprisings became few and far between after the 1932–33 famine crisis. As someone once observed aptly, everything but politics was politicised in the Soviet Union**. So jaywalking, for example, could be interpreted as a political act, but voting itself was hardly one (nor was non-participation in voting really an option). Because everyone knew well that the most innocent casual and private remarks or even jokes could be interpreted as anti-Soviet agitation or propaganda, almost all political sentiment went underground. Can historians retrieve the voices of the silent majority under Stalin just as the Soviet historian Aron Gurevich [3] sought to do with regard to the medieval era?***

As in theocracy, heresy-hunting became the norm under Stalin with calamitous consequences. Yet it is now officially declared that almost all cases of heresy persecution were wrong and the victims have been rehabilitated. Yet this does not mean that heresy did not exist. Still it has proved extremely difficult to explore the minds [4; 5] of the narod under Stalin****. Writers of historical fiction face a similar difficulty. In the tradition of Romanticism, Nikolai Gogol' who hailed from Ukraine and utilised Ukrainian folktales extensively in his Russian stories, once wrote:

*The 'resistance school' often draws on the particularly stiff resistance of the Ukrainian peasantry to collectivisation and dekulakisation. Likewise, the 'compliance school' draws on Ukrainian cases, for instance, Stepan Podlubnyi whose diaries Jochen Hellbeck has used to develop an argument for compliance [1].

**One of the most prominent officials of the Soviet intelligence operation under Stalin who subsequently wrote about his life also hailed from Ukraine [2].

*** I was certain that it was Jerry Hough who once told me or wrote to this effect, but when I asked him in person in 2003, he did not confirm my recollection. I would like to thank whoever actually discussed this point.

****Robert Darnton has recently explored the subject by studying oral communication in ancient-regime Paris [4].

***** I have discussed this issue in 'How Do We know What the People Thought under Stalin?' in Timo Vihavainen (ed.) [5]

I shall not expatiate upon the importance of folk songs. They are a people's history, vital, vivid, full of colours and truth, laying bare all the life of a people. If that life was active, varied, free, filled with all that is poetic, and if that people, with all their versatility, did not rise to higher civilization, all their ardour, all their strong, young existence is poured into folk songs... songs are everything for Ukraine: poetry, history and paternal grave. He who has not looked deeply into them will learn nothing of the past life of this flourishing part of Russia. A historian should not look for the days and dates of battles, for an exact description of place, an accurate report, an accurate report; few songs will help him there... The Ukrainian songs can quite justifiably be called historical, because they are not for a second divorced from life and are always true to the time and the emotional state when they first emerged [6].

One need not support Gogol's Romantic conceptions. He emphasises 'freedom', i.e. 'if that life was active, varied, free...', which hardly fit Soviet conditions. However, one hundred years later, Mikhail Sholokhov said, in his *Tikhii Don* (which is almost as much about the kolkhozes as about Katsaps), referring to the 1920s before Stalin's 'revolution from above': 'You know what songs are being sung in the villages now? Not everybody is ready to speak out his mind, but they'll sing it!'[7]

In the 1930s, few songs were sung which expressed the minds of people. What the Soviet ethnographers called 'kulak' songs were published in the 1930s in fragmented fashion, e.g.:

Записался в колхоз,
Строят теперь планы,
А картошку-то едят
Без масла и сметаны [8]

For such songs, they were arrested.

Викликав енкаведист,
Зачастівки накричав,
Пожалілась, що голодна,
А він хліба та й не дав [9].

Folksongs and folklore played such an important role in the life of the narod that the government sought to appropriate and utilise it for political purposes. Hence an enormous, state-sponsored movement to revive folklore in the mid-1930s. At the first All-Union congress of workers in 1934, one delegate from Moldova spoke of the chastushki (chastivky in Ukrainian, similar to ditties) he had recently collected from among Moldovan and Russian villages: 'I have to say that things are really bad here. Of a thousand chastushki we have collected, a considerable part are anti-kolkhoz, counterrevolutionary and simply obscene. The percent of Soviet chastushki is small'[10–14]. Of course, 'anti-kolkhoz' and 'anti-Soviet' are loose concepts, and such a remark should not be taken at face value. Yet the Soviet ethnographer A. I. Nikiforov once (probably in August 1936) asked one village singer P.I. Soldatkin (who sang only love chastushki) whether there were any on kolkhozes, Lenin or Stalin, he sang:

Сидит Ленин на заборі,
Держит серп и молоток.
А его товарищ Сталин
Удираєт без порток.

This may not be ‘counterrevolutionary’, but he recorded another one separately (probably from a singer Dusia Fillipova in the village of Il’zho Pervoe in 1934):

Я в колхоз шла –
Юбка новая,
А с колхоза иду –
По пуп голая.

When Nikiforov* asked Soldatkin whether there were any praising Lenin and Stalin, he said, ‘We don’t have such [chastushki] on the collective farm!’ [15] Contemporary records such as these by ‘independent’ or unofficial hands are not many, but they have the advantage of not having been filtered through Soviet official organs such as the secret police, which, more than ethnographers [16], diligently recorded ‘anti-kolkhoz’ and ‘counterrevolutionary’ songs, jokes and other manifestations of the *vox populi*** [11].

Ukraine, a land hard hit by collectivisation and dekulakisation and with a long tradition of minstrels, was a particularly fertile ground for unmediated folk expression. Some songs collected by ethnographers in the 1930s have only recently become available. On 4 June 1930 in Kremenchuk, Ivan Iu. Il’chenko and Pylyp A. Kovalenko recorded a song by an old, blind man (probably a minstrel) at a bazaar:

Пита зима у мороза,
Чи є чоботи у СОЗ’а
Нема чобіт, самі лапті,
Розлетиться СОЗ наклапті.

When a policeman arrested him for singing this song, he continued:

Ой дивіться, люди добрі,
Який тепер світ настав:
Міліцай сліпому старцю
Поводатирем став***

Popular sentiment (including anti-semitism) manifests itself transparently in the following song, recorded in 1930 in the village of Mykhailyka, Kremenchuk, by D. Hnedych:

Гоп мої гричаники
Жиди наши начальники
А робочі батраки
А хлібороби дураки.

Хлібороби дураки
А ми комунисти
Ваше діло хліб робит
А наше діло їсти

Гоп мої гричаники
Гоп мої білі
Аби ваші злішки хліба
В руки нам поспіли.

У кого ізлишки є?
Той убутий буде
А в кого злишку нима!
Того власть забуде.

Гоп мої гричаники
Гоп мої горячі!
Три дня голодний ходю
Того власть нібаче!

Хто гричаники продав
А вастні [власні/владні?] люди визнають
Того сичас на доску
Й голоса лишаяють.

Гоп мої гричаники
Гоп мої вкусні
Поки гричаника дістану
Ни раз шкура лусне.

Гричаники на запарі
Бо ни стало волів парі
Гричаники ма миду
І корову повиду.

Гоп мої гричаники
гопмої білі
боуочірьдъ стою
цілих дві ниділі.

Коолективно учіняла
кумаміні помогала
Коолективно напикла
Ледві с хати утикла.

Ниходи мума дохати
Гричаники їсти
бо й сама я ни бачіла
як зьїли комунисти.

Гоп мої гричаники
Гоп мої білі
Аж оце мої гричаники
На пичінку сіли*

The 1932–1933 famine in Ukraine produced a multitude of lament songs. One example, which circulated in Poltava in 1932–33 and was recorded by I. V. Buhaiyevych, runs as follows:

Крупська граєна гармошці
Сталін жарє гопака –

* This village is Merevo Vetkovsk, Luzhskii raion, Leningrad oblast’.

** These are literally legion in, for instance, police reports on the political mood of the population which many scholars have utilised.

*** Rukopysni fondy Instytutu mytetsstvoznavstva, fol’kloru ta etnohrafii AN Ukrainy (RF IMFE). Kyiv, Ukraine. F. 1-7/866. Ark. 22.

* RF IMFE. F. 1-7/866. Ark. 92–92zv.

Дожилася Україна:
По стограмна їдака [17].

Lazar Kaganovich was also held responsible for the famine, probably a reflection of popular anti-semitism. The Kobzar singer I. Kuchuhuria-Kucherenko was said to have sung the following song, for which he was killed in 1937 by the NKVD in Poltava:

О нема над тебе ката,
На прокляття нема слів.
Зруйнував ти наші хати,
Нас звелів замордувати,
Сам пропхався до царів.
О нема над тебе ката,
Ще таких не зна земля.
Ти навк людьми проклятий,
І тесь Лазар твій проклятий,
І кремлівська згряя вся!
О нема над тебе ката –
Ти лютіший за звірів.
Хто почав пісні співати
Й тебе мудрим величати, –
Щоб навіки онімів [17]

After the 1932–33 famine, critical voices disappeared almost completely, from unofficial sources. What can be classified as laments were still sung, though not without political risk. The following one was recorded by S. Buriak in Stalino, Ukraine in 1937:

Детку раскулачили
В Соловки зназначили
Зачем детка подошел
Вам голоса лишен*.

It is not that no one sang privately. The memory of the famine was kept alive by a multitude of songs like those just quoted. Very few, however, were recorded contemporaneously [18].

The police continued to collect whatever they thought was anti-Soviet and counterrevolutionary. One example, regarding the 1934 Kirov assassination, is:

Кирова убили – хлебные книжки отменили
Сталина убьют – народы заживут**.

This and many other, similar songs, anecdotes and jokes were used as an excuse to repress numerous Soviet citizens. Yet, even with the hindsight of several decades, it is difficult, if not altogether impossible, to prove whether the accused in fact created or sang the songs. In almost all cases, they were repressed without evidence.

The fact that few critical songs were recorded independently and that innocent people were repressed does not necessarily mean that critical thinking had disappeared after the famine. It means that critical thinking

* RF IMFE. F. 8-3/203. Ark. 91.

** Sung by Donbas colliers in 1935. – DADO. F 326p. Op. 1. Spr. 304. Ark. 20. Many similar songs were reported from everywhere in the country.

went underground. It emerged during World War II and after the war. The Soviet people were hungry. War veterans sang clandestinely:

Проливали кровь свою
За дела народные,
А вернулись с победой
И опять – голодные.

Another song challenged Stalin:

Генералиссимус,
Дорогой ты наш,
Когда вместо орденов
Ты сухарей нам дашь?

Stalin would not have wanted to hear the following one:

Был я в Германии –
Всего увидел там!
Вот пожить бы так
Нам, победителям! [19]

The 1946–1947 famine that struck Ukraine had a particularly gloomy impact on the population: people wondered why their mighty country, which had beaten Germany, could not even feed its own population. Stalin did not want to acknowledge this crisis, saying to Khrushchev who was in charge of Ukraine at the time, ‘You’re being soft-bellied! They’re [i.e., the Ukrainians are] deceiving you. They’re counting on being able to appeal to your sentimentality when they report things like that. They’re trying to force you to give them all your reserves.’ All the same, unlike in 1932–1933, Stalin accepted foreign aid and extended substantial (albeit not enough) help to Ukraine: ‘The Ukraine is being ruined, which could be a disaster for our whole country.’ [20] In Western Ukraine, Stalin had to fight against a population who challenged his regime with arms in hand.

It seems patently wrong, empirically and conceptually, to deprive the Soviet narod of a private sphere in which they entertained private sentiment (including politically critical thinking). One need collect more empirical evidence on the thinking of the Soviet narod. Yet however much unmediated evidence may be collected, it will certainly be extremely difficult to generalise on it, because the vast majority of people simply did not speak their minds under Stalin’s rule. It is too easy to overstate the extent of popular ‘resistance’ to Stalin’s rule.

* * *

It is useful to examine this issue from the perspective of Stalin and his entourage. Like all modern rulers, they were interested in capturing the hearts and minds of the people in whose name they ruled. (This is a condition of ‘modernity’, according to some scholars.) If their democratic counterparts understood the limits of their rule and tolerated dissent if grudgingly, the Soviet rulers ruthlessly repressed dissent. Were they, like their democratic counterparts, aware of the limits of their rule?

My conclusion is that they were in their own way and accepted the limits of their rule, but that, unlike their democratic counterparts, they retained the right to use force when they deemed it necessary. Their discourse on ‘enemies’, often rhetorical, stemmed from their suspicions that the absolute extent of their rule had limits.

There is little evidence that Stalin paid close attention to the political mood of the population in formulating policy, the tremendous efforts of the police to gauge it not withstanding. The only case in which Stalin may have been forced by popular discontent to change his policy was his temporary retreat from wholesale collectivisation in March 1930. The 1932–33 famine was also a serious crisis for which he made some ‘concessions’ (such as the legalisation of kolkhoz markets), but these proved to be more or less permanent. It is not evident whether he gave in to popular pressure. Whereas politicians in a democracy follow operating guidelines such as the numbers in opinion polls and elections, nothing comparable was available to Stalin. There is little evidence that he paid much attention to the reports of the secret police on popular mood.

Stalin took intelligence seriously, but like many democratic politicians, he treated the intelligence organs with caution and distrust. Stalin never allowed the intelligence chief to become a member of the Politburo. [21] ‘Public opinion’ in the sense of Western democracy did not exist in the Soviet Union except as ‘popular prejudice’, sometimes tolerated or encouraged by the Kremlin. Stalin did not follow ‘public opinion’. When pursuing a non-aggression pact with Poland in 1931, Stalin attacked the ‘common narrow-minded mania of “anti-Polonism”’, contending that although the Soviet diplomat Maksim Litvinov might yield to ‘so-called “public opinion” and dismiss it as a trifle’, the non-aggression pact was ‘a very important matter, which almost determines the issue of peace (for the next two or three years)’ [22].

The Soviet political leaders almost certainly knew the function of dissenting opinions common to all political systems. In 1929 one Soviet official blamed the absence of pluralism in the Soviet body politic for the political purges:

In the prerevolutionary period such wavering comrades [as the ‘Rightists’] left the Bolshevik party and found asylum in other opportunist parties. Now in the period of the dictatorship of the proletariat... the presence in the country of other political parties is impossible. Hence all who seek an active political life try to join the ranks of our party [23].

* The only exception under Stalin was S.D. Igant’ev, who as the head of the secret police became a full member of the reorganised and vastly expanded ‘Politburo’, i.e. the Central Committee Presidium. Foreign intelligence posed a different sort of problem. According to a former NKVD official, ‘Stalin who was his own intelligence boss and who liked to take a personal part in the cloak and dagger business, warned his intelligence chiefs time and again to keep away from hypotheses and “equations with many unknowns”... He used to say: “An intelligence hypothesis may become your hobby-horse on which you will ride straight into a self-made trap”’. So Stalin often interjected during his conferences with intelligence chiefs, ‘Don’t tell me what you think, give me the facts and the sources!’ [21]

In 1937 when Stalin toyed with the idea of holding ‘contested’ Soviet elections, i.e. elections with more than one official candidates (almost certainly for foreign consumption in view of a possible alliance with western democracies against Germany and Japan), he noted: ‘Fortunately or unfortunately, there is [only] one party in our country’ [24] Unfortunate surely, if Stalin wanted to know the configuration of various political moods in the country. Otherwise, it was fortunate. Towards the close of World War II, convinced as he was that Churchill, the British leader who had led the country to victory, would win re-election, Stalin was surprised when Churchill failed. Molotov later confessed that ‘to this day [in 1972] I cannot understand how he lost the election in 1945! I need to know English life better’ [25].

Although Stalin privately enjoyed the literary work of the humourist Mikhail Zoshchenko, he could not politically tolerate Zoshchenko’s ‘lack of ideals and principles [*bez ydeinost*]’. Zoshchenko’s view, according to Stalin, was: ‘There is no respite from your [Communist] ideas, so we want to rest, joke and laugh’. [26] Stalin was fond of folksongs, too. According to his daughter Svetlana, ‘My father had a good collection of Russian, Georgian, and Ukrainian folk songs and didn’t recognize the existence of any other kind of music’ [27]. Kyra Svanidze, the daughter of Stalin’s brother-in-law, Pavel Svanidze, has likewise testified:

My mother, Eugenia Aleksandrovna, who was always so direct with him [Stalin], would even sing limericks to him – Chastushki, funny songs with a satirical content. They were often risqué, too. He loved all this, even when they were about him, they made him laugh. Chastushki were often about aspects of social life, and mostly against the regime. It always appeared that he enjoyed it all. [28]

Indeed, Molotov said that he and his colleagues (almost certainly Stalin included) enjoyed chastushki, including the following, damning one:

– Расскажи, Калинин-детка,
Как е... нас пятилетка? – [29]

Moreover, Molotov testified: ‘True, we sometimes sang church songs, after dinner. Sometimes even White Guard songs. Stalin had a pleasing voice...’ [29] Paradoxically, precisely these kinds of songs were what sent numerous people to their deaths.

This paradox suggests that Stalin and his entourage certainly knew that they had not captured the hearts and minds of all the Soviet people. They knew the limits of Soviet power. It is not clear whether they understood (and, if they did, in what manner) the extent of the limits. It is quite possible that they were certain that their power was strong enough not to be overly concerned whilst it was apparent that there were ‘enemies’ of their power. Meanwhile, the police vigorously worked to collect information on what they regarded as real and potential enemies of the Soviet government. Most of the time, Stalin and his associates tolerated the existence of ‘enemies’ to one degree or another, but when they deemed it necessary

to remove them, they did so ruthlessly using the information collected by the police. How else can one explain the following fact that even after millions of people were arrested and hundreds of thousands of people killed, the NKVD targeted at least 19 categories of people for registering as 'anti-Soviet' elements? In March 1941, for example, the NKVD had registered 1,263,000 people in a list of such elements [30]. It does not seem to be the case that Stalin repressed all these people the way he did in 1937–1938. In other words, most likely, the majority of these people survived Stalin.

* * *

Once Molotov narrated to his interlocutor a revealing story about Stalin's perception of the narod:

I recall a blizzard, snow was blowing. I was walking with Stalin along Manege Square. We did not yet have bodyguards. Stalin wore a fur-lined coat, felt boots, and a cap with ear flaps. No one recognized us. Suddenly a beggar beseeched us: 'Give me alms, good people!' Stalin reached into his pocket, pulled out a ten-ruble note, gave it to him, and walked on. But the beggar followed us and cried out, 'Damned bourgeoisie!' Stalin laughed afterward, 'Who can understand our people [narod]! Give them a little, that's bad; give them a lot, that's bad, too' [29].

Would Stalin have thought of him differently if the beggar had been an impoverished 'worker', not a 'parasitic' beggar? Probably no. However, Stalin did say in 1937, 'Freedom and hunger are incompatible': 'The genuine freedom of people can exist only when they are strong economically' (See the classic [31]). Whilst the Soviet people did not literally starve in the years after the 1932–1933 famine, theirs was generally a hungry life. (World War II was followed by another famine.) To retain power Stalin needed terror and intimidation. This was not the whole story, however. As Stalin repeatedly emphasised, 'the cadres decide everything'. Stalin believed that as long as expert cadres were created from workers and peasants, he could ensure the survival of the Soviet Union. In the longer term, too, he appeared to believe in making 'Reds' into 'experts' [32]. In October 1938, Stalin declared that at some point, the Soviet power would make every worker and peasant 'educated' (intelligent). 'Then we shall be invincible'**.

Historians need to utilise whatever sources are available to gauge the extent (as well as the ups and downs) of popular support for the Soviet body politic. Yet one also has to acknowledge the limits of researching and conceptualising the issue. This in turn helps conceptualise Stalinist politics and society not from an indeterminate perspective but from a practical one. Almost certainly even the secret police and Stalin could not gauge support accurately but Stalin was not always concerned about it. They allowed no open opposition and used terror and

intimidation as essential tools of rule. Yet they were sure that they were doing absolutely the right thing.

When World War II ended in Soviet victory, Stalin was confident that it proved the viability of the system he had created. Stalin said, 'Hitler was a gifted politician. Only a gifted man could unite the German people like that. Whether one likes it or not is another matter. The Soviet Army crossed the German border, entered German soil and reached Berlin, but the German working class did not stage a single action against the existing fascist régime. Could a mad man have united the nation like that? [33]. Stalin must have wondered whether, had the situation been reversed, the Soviet workers would have staged an action against his own régime. The Soviet people were still hungry, but would making the mall intelligently ensure the invincibility of the Soviet régime? Stalin may have believed so, but he may have had some misgivings as well, for in Western Ukraine, in the Baltic republics, in labour camps and elsewhere the people were standing up against the political regime he had created. Speaking in 1950 to East German Communists about West Germany, Stalin said, 'the people are afraid and silent, but sometimes the silence of such a patient people is more dangerous than open demonstrations' [34]. He probably knew that his remark applied to the Soviet people as well.

REFERENCE

1. *Hellbeck J.* Tagebuch aus Moskau 1931–1939 (Munich, 1996).
2. *Sudoplatov P., Sudoplatov A.* [with Jerold L. and Leona P. Schechter] Special Tasks: The Memoirs of an Unwanted Witness – A Soviet Spymaster. Boston, MA, 1994.
3. See 'An Early Information Society: News and The Media in Eighteenth Century Paris' // *American Historical Review*, 2000 [February].
4. *Gurevich A.Ia.* Srednevekovyi mir. Kul'tura bezmolstvuiushchego bol'shinstva. Moscow, 1999.
5. *Sovetskaia vlast' – narodnaia vlast'?* Ocherki istorii vospriiitii Sovetskoi vlasti v SSSR. St. Petersburg, 2003.
6. 'About Ukrainian songs' (1834) // *Soviet Literature*. 1984. N 4. P. 113.
7. *Sholokhov M.* The Don Flows Home to the Sea. Harmondsworth, 1970. P. 139.
8. *Sokolov Iu. M.* Chastushki, meshchanskie i blatnye pesni, fabrichno-zavodskii i kolkhoznii fol'klor // *Russkii fol'klor*. Moscow, 1932. P. 30.
9. *Smertiu smert' podolaly.* Holodomor v Ukraini 1932–1933. Kyiv, 2003. P. 27.
10. *Pervyi Vsesoiuznyi s'ezd sovetskikh pisatelei: Stenograficheskii otchet.* Moscow, 1934. P. 257.
11. *Danilov V.P.* 'O russkoi chastushke kak istochnike po istorii derevni' // *Sovetskaia kul'tura. 70 let razvitiia.* Moscow, 1987.
12. *Tirado I.A.* The Village Voice: Women's Views of Themselves and Their World in Russian Chastushki of the 1920s. Pittsburgh: The Carl Beck Papers. 1993. N 1008.
13. *Tiazhel'nikova V.S.* 'Sovetskaia pesnia i formirovanie novoi identichnosti' // *Otechestvennaia istoriia.* 2002. N. 1
14. *Husband W.B.* 'Mythical Communities and the New Soviet Woman: Bolshevik Antireligious Chastushki. 1917–1932' // *Russian Review*. 2004. Vol. 63 (January 2004).
15. 'Fol'klor 1920–1930-kh godov v zapisiakh A. I. Nikiforova' // *Zhivaia starina.* 1994. N 2. P. 46.

*The original of the first quote literally means 'Freedom and the hungry existence of people are incompatible' (Svoboda i golodnoe sychestvovanie naroda – eto nesovmestimo).

** RGASPI. F. 17. Op. 163. D. '1217, l. 50.

16. *Pravdiuk O.A.* Ukrains'ki narodni pisni. Zapysy pozhovtnevoho chasu. Kyiv, 1991. P. 73.
17. Narodna tvorichist' ta etnohra?ia. 1991. N 6. P. 54.
18. Dozhylasia Ukraina... Kyiv, 1993.
19. Zavetnye chastushki / Ed. L.D. Volkov. Moscow, 1999. Vol. 2. P. 84, 169, 185.
20. Khrushchev Remembers, Boston, Mass, 1970. P. 235, 240–1.
21. *Orlov A.* Handbook of Intelligence and Guerrilla Warfare. University of Michigan Press, 1963. P. 10.
22. The Stalin-Kaganovich Correspondence 1931–1936 / Ed. R.W. Davies et al. Yale University Press, 2003, P. 68.
23. *Kuromiya H.* Stalin's Industrial Revolution: Politics and Workers, 1928–1932. Cambridge University Press, 1988. P. 37.
24. *Zhukov Iu.N.* Tainy Kremliia. Stalin, Molotov, Beria, Malenkov. Moscow, 2000. P. 38.
25. Molotov Remembers: Inside Kremlin Politics. Chicago, 1993. P. 59.
26. 'Shtrikh k portretu genseka' // Istochnik. 2000. N 3. P. 103.
27. *Alliluyeva S.* Twenty Letters to a Friend. N.Y., 1968. P. 23.
28. *Richardson R.* The Long Shadow: Inside Stalin's Family. L., 1994. P. 237.
29. *Chuev F.* Molotov. Poludierzhavnyi vlastelin. Moscow, 1999. P. 663.
30. *Khaustov V.N.* 'Razvitie sovetskikh organov gosudarstvennoi bezopasnosti: 1917–1953 gg.' // Cahiers du Monde russe. Vol. 42, N 2–4 (April–December 2001). P. 370.
31. *Nevezhin V.A.* Zastol'nye rechi Stalina. Moscow; Spb., 2003. P. 152, 161.
32. Fitzpatrick S., Stalin and the Making of a New Elite. 1928–1939 // Slavic Review. 1979. Vol. 38, N 3 (September).
33. Mgeladze A. Stalin kakim ia ego znal. Tbilisi, 2001. P. 137.
34. 'Skostit' polovinu summy reparatsii ... mymozhem' // Istochnik. 2003. No. 3. P. 111.

А.А. ДОЛГОЛЮК¹, Г.А. ЦЫКУНОВ²

ТЕРРИТОРИАЛЬНО-ПРОИЗВОДСТВЕННЫЕ КОМПЛЕКСЫ: ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ *

¹Институт истории СО РАН, Новосибирск
dolgalal@mail.ru

²Байкальский государственный университет экономики и права, Иркутск
dekfkmp@isea.ru

В статье обобщается исторический опыт хозяйственного освоения новых районов Сибири в форме территориально-производственных комплексов. Анализируется современное состояние ТПК, социально-экономическая и демографическая ситуация в регионах их размещения. Дается сравнительный анализ теоретических основ ТПК и кластера, характерного для рыночной экономики, отмечается поиск форм сотрудничества государства и бизнеса в решении региональных проблем.

Ключевые слова: территориально-производственный комплекс, кластеры, промышленность, строительство, приватизация, частно-государственное партнерство.

В советский период истории России вопросы размещения и территориальной организации производительных сил занимали важное место в экономической стратегии руководства страны. Региональная политика с каждым новым пятилетием все больше ориентировалась на широкомасштабное освоение природных ресурсов Сибири и Дальнего Востока. Одновременно по мере экономического развития регионов происходило возрастание роли и значения территориально-производственных комплексов (ТПК), как одной из форм пространственной организации хозяйства.

Теоретические основы экономического районирования были заложены еще в 1920–1940-х гг. видными советскими учеными И.Г. Александровым и Н.Н. Барановским. Большой вклад в разработку основных

положений теории ТПК внес Н.Н. Колосовский. Им же была экономически обоснована целесообразность создания в Сибири основных территориально-производственных комплексов. Позднее эти идеи развивали Н.Н. Некрасов, А.Е. Пробст, Ю.Г. Саушкин. Весомый вклад в разработку теоретических представлений о ТПК, а также в составление программы формирования Ангаро-Енисейских ТПК внесли сибирские ученые М.К. Бандман, В.А. Кротов, Н.И. Ларина, В.П. Гуков, О.П. Бурматова и др. В результате ученые пришли к сходному пониманию территориально-производственных комплексов. Они стали рассматривать их как совокупность устойчиво взаимосвязанных производств различных отраслей народного хозяйства, расположенных на ограниченной территории и решающих одну или несколько крупных хозяйственных проблем, в целях обеспечения рационального использования природных и трудовых ре-

* Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект № 10-01-00296а.

сурсов на основе единой производственной и социальной инфраструктуры.

Первым опытом практического воплощения идей территориальной организации производства в виде ТПК стало создание Урало-Кузнецкого комбината, что привело к формированию двух крупнейших территориально-производственных комплексов – Южно-Уральского и Кузбасского. В последующие годы территориально-производственные комплексы формировались в ходе реализации крупных общегосударственных задач. Практическое воплощение в жизнь идеи создания опорных баз для интенсивного освоения ресурсов Восточной Сибири проявилось в появлении основных промышленных узлов Центрально-Красноярского и Иркутско-Черемховского комплексов. В ходе решения Ангаро-Енисейской проблемы возникли Братско-Усть-Илимский и Саянский ТПК, началось формирование Нижне-Ангарского и Верхне-Ленского комплексов. С решением задачи по созданию в Западной Сибири основных баз по добычи нефти и газа связано формирование Средне-Обского и находящегося на пионерной стадии развития Северо-Тюменского комплексов. Строительство Байкало-Амурской магистрали и примыкающей к ней железной дороги Тында–Беркатит открыло возможности для вовлечения в хозяйственный оборот богатейших запасов каменного угля, железной руды и апатитов Якутии. На их основе с середины 1970-х гг. начал формироваться Южно-Якутский ТПК.

В 1971–1990 гг. комплексные программы формирования ТПК стали находить отражение в пятилетних народнохозяйственных планах. Для некоторых комплексов были разработаны и приняты перспективные планы развития на более длительные сроки. В последнее десятилетие XX в. экономика России оказалась в глубоком многолетнем кризисе, который отразился и на развитии ТПК Сибири и Дальнего Востока. Объемы производства всех основных видов продукции резко сократились. Из-за дефицита или полного отсутствия инвестиций крупномасштабного нового строительства не велось. Реализация перспективных планов развития отдельных комплексов была отложена на неопределенный срок.

Таким образом, очень многое из того, что содержалось в научно обоснованных программах социально-экономического развития отдельных территорий Сибири, оказалось не выполнено. В то же время достигнутые результаты впечатляют.

Одним из немногих территориально-производственных комплексов, формирование которых в основном было завершено, является Братско-Усть-Илимский. Именно на нем в полном объеме апробировались научные концепции ТПК, шел трудный поиск путей комплексного подхода к организации хозяйственной жизни территории. Основным промышленным узлом стал Братский, где располагаются мощный гидроузел, центральная база индустрии, крупнейшие в своих отраслях лесопромышленный комплекс и алюминиевый

завод. В Усть-Илимском промузле действует гидроэлектростанция и лесопромышленный комплекс. Третий промышленный узел возник базе Коршуновского железорудного месторождения, где разместились горно-обогатительный комбинат и г. Железнодорожск. К концу 1970-х гг. БИТПК обеспечивал выпуск третьей части промышленной продукции Иркутской области.

С начала 1970-х гг. на юге Красноярского края шло создание Саянского ТПК со специализацией на энергетике, машиностроении, металлургии. Сооружение самой мощной в стране Саяно-Шушенской ГЭС предопределило размещение здесь крупного Саянского алюминиевого завода. Важнейшим объектом ТПК стал Абаканский вагоностроительный завод. В составе Абакано-Черногорского промузла была сформирована целая группа предприятий легкой промышленности, что позволило решить проблему применения женского труда. Основу Минусинского промузла составляло объединение предприятий электротехнической промышленности.

Приоритетной задачей хозяйственного развития всего Ангаро-Енисейского региона являлось создание Канско-Ачинского топливно-энергетического комплекса. В советское время были введены в строй крупные Назаровская и Березовская ГРЭС, три угольных разреза.

За ходом формирования сибирских ТПК внимательно наблюдали за рубежом. В 1976 г. в Вене Международным институтом прикладного системного анализа была проведена конференция, посвященная изучению опыта реализации крупной региональной программы в СССР на примере Братско-Усть-Илимского ТПК. Развитие сибирского комплекса сопоставлялось с практикой создания в США мощного комплекса предприятий в долине р. Теннесси. Накопленный в Среднем Приангарье опыт получил высокую оценку специалистов. Это в очередной раз подтверждает целесообразность научного изучения сложных процессов хозяйственного освоения малообжитых районов, в каких бы частях света они ни происходили.

Конечно, процесс формирования и развития ТПК носил неоднозначный и противоречивый характер, что явилось прямым следствием действующей модели мобилизационной экономики. Однако было бы неверным отрицать накопленный за многие годы позитивный опыт хозяйственного освоения новых территорий, ставший достоянием мировой практики.

Таким образом, в период плановой экономики за счет формирования и развития ТПК обеспечивался экономический эффект при освоении новых районов с богатыми природными ресурсами и экстремальными условиями. Со временем ТПК играли все возрастающую роль в экономике, превращаясь в мощные центры по добыче и переработке природного сырья. Одновременно решалась проблема заселения этих регионов, чему способствовала государственная политика по стимулированию переселения людей в Сибирь.

Переход к рынку коренным образом отразился на функционировании ТПК. Главная причина этого в том, что для рыночной экономики свойствен преимущественно децентрализованный характер размещения производства, основанного на частной собственности на средства производства. Частному сектору присуща коммерциализация деятельности, ориентация на получение высокой прибыли. Предприниматели, особенно в условиях экономической нестабильности, не станут вкладывать крупные инвестиции в долгосрочные проекты. Им нужна сиюминутная выгода. Сооружение крупных промышленных объектов такого не сулит. Поэтому не случайно в постсоветской истории России на территории комплексов Восточной Сибири не появилось ни одного крупного завода или электростанции.

Приватизация промышленных предприятий, в середине 1990-х гг., обернулась борьбой финансово-промышленных групп за передел собственности в районах ТПК. Новые собственники не спешили вкладывать деньги в сохранение и дальнейшее развитие производства. В такой ситуации оказались промышленные гиганты Братско-Усть-Илимского комплекса. Необдуманная, поспешная приватизация на ряде предприятий нарушила единый технологический процесс, привела к остановке предприятий, создала сложнейшую социально-экономическую обстановку в городах и поселках. Так, из предприятий единого Усть-Илимского лесопромышленного комплекса в течение 1993 г. было создано 40 самостоятельных акционерных обществ. Еще недавно связанные общей технологией, энергетическими и инженерными коммуникациями, материальными благами трудовые коллективы разъединились и обанкротились.

Малоэффективные процессы приватизации, передел собственности, частая смена руководства коснулись и другого промышленного гиганта – Братского лесопромышленного комплекса. Очередными владельцами ЛПК – американской компанией Leucadia – он был доведен до катастрофического состояния. Основные его производства работали только на 30 %, задержки по заработной плате доходили до года.

В свое время Коршуновский горно-обогатительный комбинат создавался для снабжения обогатительной рудой Западно-Сибирского металлургического завода. Начавший передел собственности в отрасли привел к введению на Запсибе внешнего управления со стороны компании «Альфа-группа», которая стремилась монополизировать добычу сырья. Управляющая компания стала закупать сырье по заниженным ценам. Эти меры оказались для Коршуновского ГОКа совершенно неприемлемыми, поскольку добыча руды становилась нерентабельной. Подобная политика привела к банкротству предприятия, являющегося градообразующим для г. Железнодорожск.

В условиях обвального спада производства почти во всех отраслях экономики все же удалось сохранить объемы производства алюминия. Была применена система толлинга, основанная на переработке импорт-

ного давальческого сырья. Алюминиевые заводы Ангаро-Енисейских ТПК от нее выиграли, в вот отечественные производители сырья серьезно пострадали и прежде всего Ачинский глиноземный комбинат, десятилетиями поставлявший глинозем в Братск, Красноярск, Саяногорск.

Новые собственники промышленных и энергетических гигантов в погоне за сверхприбылями не заботятся о техническом состоянии и экологической безопасности производства. Крупнейшим акционером Братского алюминиевого завода является английская компания, которая по существу и владеет заводом. Зарубежные хозяева на первое место выдвигают не проблемы модернизации производства, решения экологических и социальных проблем, а необходимость установления полного контроля над экспортом продукции и распоряжением полученной прибылью.

Особую озабоченность вызывает переход в руки частных компаний предприятий, имеющих стратегическое значение. Крупнейшая в истории энергетики авария на Саяно-Шушенской ГЭС обнажила острые проблемы взаимоотношений бизнеса и государства. При попустительстве государственных контролирующих структур эту гидроэлектростанцию почти 15 лет эксплуатировали без ввода в действие. Управляющая компания «РусГидро» вынуждала энергетиков работать с высокими рисками, не производила замену рабочих колес гидроагрегатов.

В районах формирования ТПК функционировали в свое время крупные организации строительной индустрии и многотысячные отряды строителей. Самая мощная дислоцировалась на территории Братско-Усть-Илимского ТПК. Специальное управление «Братскгэсстрой» возникло на пионерном этапе освоения Среднего Приангарья и стало его гордостью. Эта организация умела строить все: самые мощные и сложные гидроэлектростанции, линии электропередачи, лесопромышленные комплексы, горно-обогатительные комбинаты, алюминиевые заводы, аэро- и речные порты, дороги, сельскохозяйственные объекты, новые города и поселки. Более того, часть мощностей Братскгэсстроя интенсивно использовалась на сооружении многих объектов в семи краях и областях России. Все это было возможным благодаря наличию мощной производственной базы, почти полностью обеспечивающей потребности в конструкциях и других строительных материалах. В 1987 г. общая численность работников строительных подразделений Братскгэсстроя превышала 72 тыс. чел.¹ Однако охвативший страну глубокий системный кризис не миновал и Братскгэсстрой. Прекращение финансирования многих объектов, отказ от прежних целевых программ, прогрессирующая инфляция поставили строительные коллективы на грань выживания. Последовавший затем процесс акционирования ликвидировал единую структу-

¹ Центральный архив Братскгэсстроя. Ф. 1. Оп. 1. Д. 4523. Л. 2.

ру Братскгэсстроя, подвел бывшие строительные подразделения к банкротству, Тысячи работников Братскгэсстроя стали безработными, была ликвидирована мощная социальная сфера. Последствием бездарной утраты Братскгэсстроя стала нынешняя острая нехватка высококвалифицированных строителей на сооружении Богучанской ГЭС, Тайшетского алюминиевого завода, нефтепровода «Восточная Сибирь – Тихий океан».

В районах нового освоения крупные промышленные предприятия являлись градообразующими, вокруг них замыкались все городские сферы. Еще в советское время города, создаваемые около предприятий, назывались моногородами. В Ангаро-Енисейском регионе к ним можно причислить Братск, Усть-Илимск, Железногорск-Илимский, Ангарск, Байкальск, Шелехов, Норильск, Дивногорск, Саяногорск и т.д.

С введением рыночных отношений существующая модель градообразования создала целый ряд серьезных проблем, главная из которых – прямая зависимость жизнеобеспечения населенных пунктов от экономического и финансового состояния 1–3-местных предприятий. В период приватизации большинство градообразующих предприятий ТПК вошло в состав финансово-промышленных групп. Новые собственники предприятий оказались зарегистрированными не в Иркутской области, а в Москве, в других регионах страны или за рубежом. Поэтому основные налоговые отчисления идут, минуя регион, тогда как областной и местные бюджеты становятся все более дотационными.

Как правило, пришедшие на градообразующие предприятия финансово-промышленные группы не спешат вкладывать деньги в дальнейшее развитие производства, его экологическую безопасность. И они отказываются от содержания ведомственной социальной сферы: жилья, детских дошкольных учреждений, культурных и спортивных объектов и т.д. Их передача в ведение муниципалитетов еще больше усложняет расходную часть местных бюджетов.

В связи с этим возникает проблема защиты градообразующих промышленных объектов. Вполне справедливо мнение тех политиков и специалистов, которые считают, что контрольный пакет акций градообразующих предприятий должен находиться в руках субъектов Российской Федерации. Лишь тогда они смогут влиять на назначения руководителей этих предприятий и проводимую ими экономическую, экологическую, социальную и техническую политику.

Сокращение производства всегда негативно сказывалось на социально-бытовых условиях жизни населения. Неуверенные в своем будущем люди начали покидать ранее благополучные города и поселки. Экологические неурядицы на Усть-Илимском лесопромышленном комплексе способствовали формированию общественного мнения о бесперспективности города и неизбежной миграции его жителей. В течение 1996–2007 гг. население Усть-Илимска сократилось со 109,4 тыс. до 98,0 тыс. чел. Существенная

убыль населения произошла в г. Железногорске-Илимском – с 33,7 тыс. до 26,5 тыс. чел. За этот же период число жителей Братска уменьшилось с 256,4 тыс. до 252,0 тыс. чел. [1, с. 1–3; 2, с. 3–4]. Если в 1991 г. общая численность населения Братско-Усть-Илимского комплекса составляла 581,2 тыс., то на начало 2009 г. – лишь 490,2 тыс. чел. Такого рода процессы происходили и в других районах Иркутской области, население которой с 1991 г. до начала 2009 г. сократилась на 303 тыс. чел. [3, с. 5; 4, с. 7].

Таким образом, переход к рыночной экономике значительно усложнил функционирование прежних форм территориальной организации хозяйства, лишил их обратной связи с федеральными структурами. В то же время решение региональных проблем по-прежнему остается одной из главных задач российского государства.

В последние годы в России получила широкое распространение теория кластера, основоположником которой признан М. Портер. Первоначально кластер определялся как консалтинговое средство повышения конкурентоспособности, а затем ему стали придавать более широкое толкование – региональный, географический, промышленный, экономический. По мнению сибирского экономиста В.Ю. Малова, кластер сосуществует наряду с другими близкими по сути понятиями: промышленный узел, межотраслевой комплекс, ТПК [5, с. 4]. При всем сходстве определений территориально-производственного комплекса с понятием кластер между ними существуют и принципиальные отличия. Понятие ТПК характерно для плановой, а понятие кластера – для рыночной экономики. Первые формируются в районах нового освоения, вторые – в староосвоенных районах. При всем интересе к отдельным элементам кластера, все же трудно предположить, что они могут быть реализованы в современной практике. Подтверждением этому является тот факт, что многие федеральные программы регионального развития так и не были исполнены.

Нынешнее решение региональных проблем находится в прямой зависимости от установления оптимального соотношения рынка и государственного регулирования. Как показывает зарубежный опыт, эта проблема вполне может быть решена через государственно-частное партнерство. Его основной целью является объединение ресурсов частного сектора и государства в реализации общественно значимых проектов с наименьшими затратами.

В Российской Федерации утверждено несколько проектов частно-государственного партнерства, крупнейшим из которых является проект комплексного развития Нижнего Приангарья. Еще в начале 1980-х гг. началось строительство Богучанской ГЭС. В 1994 г. его законсервировали, а в последние годы вновь возобновили. Здесь, кроме государственного, используется теперь и частный капитал. Для частных инвесторов открываются большие перспективы. Дело в том, что рядом с гидроузлом намечается строительство крупного алюминиевого завода. Он станет потреблять

около 60 % вырабатываемой энергии. Общая стоимость этого проекта частно-государственного партнерства составляет 214 млрд руб. Предполагается, что 84 % этой суммы составят частные инвестиции [6, с. 135]. На первоначальном этапе реализации крупнейшим инвестором выступает компания «Российский алюминий». Сооружение Богучанской ГЭС даст шансы реанимировать детально разработанный еще в советское время проект формирования Нижне-Ангарского ТПК.

Таким образом, переход к рынку изменил структуру и функционирование прежних территориальных форм экономики, как и устоявшиеся применительно к ним термины. Идет естественный процесс накопления новых знаний, трудный поиск форм сотрудниче-

ства государства и частного бизнеса. Поэтому есть основания считать, что ТПК все же не сойдут с экономической карты страны.

ЛИТЕРАТУРА

1. Численность населения по городам, рабочим поселкам и районам Иркутской области: Стат. сб. Иркутск, 1996.
2. Численность населения по городам и районам: Стат. бюл. Иркутск, 2008.
3. Север Иркутской области: тенденции и перспективы развития. Иркутск, 2009.
4. Иркутская область: Стат. справочник. Иркутск, 2009.
5. Малов В.Ю. ТПК и кластеры: общее, особенное, частное // ЭКО. 2006. № 11.
6. Бадалов А.Л. Частно-государственное партнерство в реализации инвестиционных проектов // ЭКО. 2008. № 6.

СООБЩЕНИЯ, НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Е.Ю. КАЗАКОВА-АПКАРИМОВА

БЛАГОРОДНЫЕ СОБРАНИЯ ПЕРМИ И ЕКАТЕРИНБУРГА В XIX – НАЧАЛЕ XX в.*

Институт истории и археологии УрО РАН
apkarimova@mail.ru

Цель данной статьи – определить роль Благородных собраний в социокультурной жизни уральского города в XIX – начале XX в. В статье анализируются генезис и эволюция Благородных собраний Перми и Екатеринбурга. Автор устанавливает их социальный состав, показывает взаимоотношения с губернской властью, анализирует их деятельность. В динамике рассматривается численный состав Пермского Благородного собрания.

Ключевые слова: Благородные собрания, город, клуб, городская элита, балы, маскарады, концерты, игры, лекции.

Лишь с недавнего времени праздничная жизнь, досуг и развлечения городского населения Урала в XVIII – начале XX в. стали предметом специального внимания ученых в контексте исследования социальной истории уральского города, его повседневности. Проследив эволюцию досуга и развлечений уральских горожан в XVIII – начале XX в., исследователи приходят к выводу о том, что со временем городской досуг приобретал все больше черты публичности, особенно во второй половине XIX – начале XX в., когда в городах заметно оживилась общественная жизнь [1]. Усилению этой тенденции в уральских городах в значительной степени способствовали различные клубы, общественные организации и ассоциации. Цель данной статьи – определить роль Благородных собраний в социокультурной жизни уральского города в XIX – начале XX в., проанализировав генезис и эволюцию Благородных собраний Перми и Екатеринбурга. Ставятся задачи: установить численный и социальный состав Благородных собраний, показать их взаимоотношения с губернской властью и выявить формы и результаты деятельности. Важно определить роль клубов в распространении европейских культурных ценностей.

Дворянско-чиновничья общественная жизнь в XIX – начале XX в. сосредоточивалась главным образом в Благородных собраниях, которые работали как клубы. Они имелись далеко не во всех городах [2, с. 563–564]. Предшественниками Благородных собраний являлись ассамблеи эпохи Петра I, которые, по мнению В.О. Ключевского, выполняли роль клуба [3, с. 230], а также кружки, общественные организации и салоны XVIII – первой половины XIX в. [4, с. 50–71]. В создании клубов в России (сначала в Санкт-Петербурге и Москве) заметную роль сыграли иностранцы (англичане и немцы). В царской России основание клубов и объединений вообще и в особенности с политическими

целями происходило с заметной задержкой по сравнению с западно- и центральноевропейскими странами. По справедливому замечанию Л. Хэфнера, со временем «экономическая, социальная и функциональная элита перенимала дворянскую или западноевропейскую культуру, расширяя при этом привычные общие сословные критерии и формируя, как следствие, сглаживающие или уравнивательные формы. Эта диффузия усиливалась эстетической культурой, о которой заботились объединения и общества, устраивая концерты, спектакли, поэтические вечера и выставки» [5, с. 480, 525].

В XIX – начале XX в. Благородные собрания существовали лишь в двух городах Пермской губернии – губернском городе Перми и уездном Екатеринбурге – «горно-заводской столице» Урала, где размещалась региональная «горная власть», что отражалось на составе высших слоев городского населения. Известный знаток истории Перми В.С. Верхоланцев писал, что одним из первых пермских клубов по времени учреждения было Благородное собрание. По его словам, оно заменяло дворянское собрание, так как Пермская губерния не была дворянской (если и были в ней дворянские имения, то их владельцы жили в столицах или за границей). В составе Благородного собрания преобладали чиновники. Это был единственный клуб в Перми – до 1860-х гг. [6, с. 20–21]. Созданный в 1830-е гг., он в 1884 г. праздновал свой 50-летний юбилей и в начале XX в. продолжал успешно функционировать.

24 ноября 1858 г. состоялось открытие Екатеринбургского благородного собрания. Оно было создано по инициативе генерал-лейтенанта Ф.И. Фелькнера. Будучи главным начальником уральских горных заводов, он исходатайствовал у министра финансов разрешение предоставить под помещение этого клуба флигель, имеющийся при доме горного начальника. В дальнейшем это разрешение было подтверждено графом Валуевым. Когда 24 ноября 1883 г. (Екатеринин день) праздновался двадцатипятилетний юбилей его существования, на балу из основателей общества были

*Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 09-01-83112а/У.

Д.Ф. Пестерев, Ю.К. Раунер и И.М. Белоносов. Заметим, что Д.Ф. Пестерев и Ю.К. Раунер на протяжении 25 лет являлись непрерывно членами клуба, а Д.Ф. Пестерев четверть века был старшиной клуба, его ежегодно переизбирали на эту должность¹.

В 1860-х гг. заметно оживилась общественная жизнь в Перми, что было заметно и на примере деятельности Благородного собрания. Зимой 1859/1860 г. историком и земским деятелем Д.Д. Смышляевым и преподавателем местной мужской гимназии Н.А. Фирсовым было устроено 11 литературно-музыкальных вечеров в здании этого общества, сборы с которых шли в пользу предполагаемой к открытию женской гимназии и учреждаемых воскресных школ. Благородное собрание стало примером клуба для других городских слоек. 29 декабря 1863 г. в Перми открылся купеческий клуб, переименованный впоследствии в общественное собрание. «По словам старожилов, – писал В.С. Верхоланцев, – клуб был открыт купцами в виде протеста против Благородного собрания, куда допускались только лица во фраках и куда не пустили известного общественного деятеля К. только потому, что он явился в сюртуке» [6, с. 21].

Клубы действовали на основании уставов, в которых регламентировались их цель, задачи, состав, организация деятельности. Устав Екатеринбургского Благородного собрания был утвержден в 1874 г. В нем говорилось, что это общество создавалось «для приятного препровождения времени в беседе, чтении газет и журналов, в дозволенных играх и танцах» [7, с. 1]. На основании устава, утвержденного 10 апреля 1876 г., Пермское благородное собрание «имело целью доставить членам своим и их семействам возможность проводить свободное время с удобством, приятностью и пользой». Оно могло устраивать для своих членов и их гостей «балы, маскарады, танцевальные, музыкальные и литературные вечера, выписывать книги, газеты и другие периодические издания, а также приглашать лиц специальных по разным наукам для чтения лекций, которые служили бы к распространению между членами собрания полезных сведений» [8, с. 3].

Рассматриваемые общественные организации в действительности являлись элитарными, закрытыми клубами. Доступ в них был ограниченным, их социальный состав должен был соответствовать наименованию этих ассоциаций. По уставу членами Екатеринбургского благородного собрания могли стать «особы, принадлежащие к образованному сословию: из дворянства, горных инженеров, военных, горных и гражданских чиновников, почетных граждан, купцов и именитых художников». Число членов общества не ограничивалось, но учитывались возможности помещения собрания. Члены-учредители являлись постоянными членами общества, а остальные кандидаты подвергались баллотировке. Для каждого желающего вступить в ряды общества требовалась рекомендация одного из его членов. Старшины за неделю до выборов извещали членов собрания о желающих стать членами общества с указанием «звания или чина, имени, отчества и фамилии кандидата, и также члена, коим он предлагается». Баллотировка проводилась «в день наибольшего собрания членов» при помощи шаров и ящика (шары белого

отделения означали голоса в пользу кандидата, а шары черного – против него). Для приема в члены клуба требовалось 2/3 голосов. Человек, принятый в Благородное собрание, получал соответствующий «на это звание билет» и экземпляр правил собрания». На свои мероприятия члены ассоциации могли приводить с собой гостей [7, с. 1–4].

Пермское благородное собрание состояло из действительных и почетных членов, число которых уставом не ограничивалось. О равноправии полов говорить не приходится, членами клуба не могли быть «лица женского пола», однако, «на балы и танцевальные (семейные) вечера пользовались правом бесплатного входа и женские особы из семейства членов, за исключением малолетних» [8, с. 5–7]. Число членов-мужчин в 1870–1880-е гг. колебалось в пределах 100–200 чел.: в 1871 г. – 89 чел., 1875 г. – 114, в 1880 г. – 170, в 1884 г. – 207 чел. За 14 лет (с 1871 по 1884 г.) количество членов собрания удвоилось [9, с. 68].

Клубам были присущи начала самоуправления. «Распределением удовольствий и хозяйственной частью» занимались ежегодно избираемые из членов собрания шесть старшин. Имуществом общества и его хозяйственной частью также заведовал избираемый из членов собрания эконом.

Ежегодный членский взнос был довольно большой и составлял 15 руб. серебром. Кроме того, за каждое «удовольствие» надо было еще платить: «за каждую игру карт» по 2 руб., плата за партии на билльярде и за вход на бал или маскарад определялась старшинами. Каждый гость должен был заплатить по 1 руб. серебром за вход на танцевальный вечер и по 50 коп. на обыкновенный вечер [7, с. 1–4].

Благородное собрание в Екатеринбурге могло устраивать обыкновенные и балльные вечера, последние делились «на так называемые танцевальные вечера и на общие балы». Танцевальные вечера были рассчитаны на то, чтобы «главнейшее удовольствие» доставить «семействам членов» собрания, они назначались дважды в месяц. Обыкновенные вечера устраивались по понедельникам, средам и пятницам. Общие балы устраивались редко (не более трех раз в год). Общество могло проводить и маскарады. Устав регламентировал времяпрепровождение: в обыкновенные дни вход в собрание был открыт с 7 часов вечера и до 2 часов ночи; танцевальные вечера начинались с 8 часов вечера и оканчивались также в 2 часа ночи; балы начинались также с 8 часов и могли продолжаться до 3 часов ночи [7, с. 5].

Клуб предоставлял своим членам большое разнообразие удовольствий: пользование буфетом, комнатой для чтения, в собрании «дозволялись все коммерческие карточные игры, равно игра в домино, биллиардная, шахматная и шашечная, а так называемые азартные игры ни под каким предлогом не допускались», курение табака разрешалось только в «назначенных для того комнатах». Популярным в то время стал билльярд. В Благородном собрании «на биллиарде дозволялось играть ежедневно с 10 часов утра за установленную плату за каждую партию»; в случае большого числа желающих игрокам разрешалось играть не более трех партий [7, с. 9].

Многие общественные организации в городах действовали под покровительством местной государственной администрации. Уставом Благородного собрания предусматривались почетное членство губернатора в обществе и его кон-

¹ Екатеринбургская неделя. 1883. 30 нояб.

троль над деятельностью клуба. Так, маскарады и публичные лекции в собрании могли организовываться только с разрешения губернатора. Не обязательно было разрешение губернатора для проведения литературных и музыкальных вечеров, но если на них предусматривалось чтение или музыкальное исполнение произведений, еще не изданных, то эти произведения должны были предварительно представляться на одобрение местного цензурного учреждения или власти, «оное заменяющей». Общество обязано было своевременно информировать местное полицейское начальство о предполагаемых публичных увеселениях [8, с. 3–4, 6].

Так, И.Я. Короваев, автор статьи, опубликованной в 1883 г. в «Екатеринбургской неделе», отмечал, что российские клубы вообще и пермские в особенности представляли собой совсем не то, что английские клубы. Основными развлечениями в пермских клубах являлись карты и танцы. «В Благородном собрании, – делился он впечатлениями, – играют в карты и танцуют, в купеческом клубе играют в карты и танцуют, то же делают и в Чиновничьем и в Военном клубе, только в меньших размерах, потому что посетителей меньше. Правда, в Благородном собрании есть библиотека и сад из двух десятков чахлах деревьев, но в первой читать кроме газет нечего, а в последнем почти никто не гуляет, по той простой причине, что гулять негде». Зимой в этом клубе по субботам устраивал вечера местный музыкальный кружок, который, по словам И.Я. Короваева, имел «довольно порядочный оркестр». В кружок входили такие прекрасные исполнители, как Дягилева, которая обладала «превосходным голосом» в сочетании «с изяществом исполнения», или скрипач Вишневецкий. И все же Благородное собрание заметно выделялось на фоне других пермских клубов. Будучи собственником недвижимости, это общество имело «прекрасное помещение и очень приличную обстановку»².

На момент публикации статьи И.Я. Короваева в Пермском благородном собрании полным ходом шла работа по «преобразование хозяйства собрания, а также увеличению и улучшению помещения собрания и его обстановки», начатая еще в конце 1882 г. В 1884 г. работа была доведена до конца, о чем членам общества докладывал совет старшин: «Устроена большая бильярдная на 2 бильярда. Отделена вторая картонная от танцевального зала. Вновь пристроены: вторая столовая, вестибюль и сени. Сад весь вновь распланирован с посадкою новых растений и деревьев. Насыпана небольшая горка, перестроены павильоны, картонный и бильярдный, построена вновь картонная эстрада, две беседки и четыре трельяжа, для образования беседок из вьющихся растений. Кроме того, произведен капитальный ремонт всех садовых построек и забора на меже». О клубной обстановке можно судить по приобретенному инвентарному имуществу: «полная буфетная и столовая обстановка, мебель для зала, двух гостиных, дамской уборной, второй столовой и сада, второй бильярд от Фрейнберга и рояль Беккера» [9, с. 1–2, 34–35, 68]. Здание Благородного собрания в стиле классицизма было построено в 1832–1837 гг. по проекту известного архитектора И.И. Свизева на углу Вознесенской, 39 и Сибирской, 20.

² Короваев И.Я. Очерк общественной жизни пермяков // Екатеринбургская неделя. 1883. 20 июля.

Обыденными развлечениями «благородных» екатеринбуржцев в то время являлись семейные вечера с танцами, игра в карты, чтение, иногда концерты, по праздникам (например, на Новый год) устраивались балы. В уральской провинции бал являлся популярным светским развлекательным мероприятием вплоть до начала XX в. Общественные балы второй половины XIX – начала XX в. отличались от своих предшественников меньшей регламентацией, парадностью и церемониальностью. Бал как социокультурный феномен подвергся некоторой демократизации и либерализации. Бал являлся проводником европейской культуры (моды и танцевальной культуры) в российской провинции. Ему были присущи элементы театральной игры. Балы выполняли важные социальные функции: увеселительно-развлекательную, коммуникативную, демонстрации состоятельности семей.

В Екатеринбурге ежегодно 24 ноября (дата основания Екатеринбургского благородного собрания) обществом устраивались балы. В эту знаменательную дату балы бывали всегда оживленными, но юбилейный, когда в 1883 г. обществу исполнилось 25 лет, особенно запомнился современникам. Один из них вспоминал: «В танцорах недостатка не было: были и статские, военные, и инженеры, и врачи. Из числа танцоров пальму первенства завоевал новый наш согражданин барон Таубе, особенно хорошо танцующий мазурку». Автор газетной заметки восхищался дамами: «Кто был всех прелестнее из дам, я затрудняюсь сказать – так все они были прекрасны в дорогих нарядах. Над нарядами трудились не только все наши модные мастерские; но плоды трудов своих прислал и новый Вавилон – Париж. Да, были платья, цветы и уборы, полученные к балу прямо из Парижа»³.

Чаще в клубах устраивались литературно-музыкальные вечера. В 1884 г., например, увеселения, устраивавшиеся в Пермском благородном собрании, «были почти исключительно литературно-музыкальные вечера». В отчете совета старшин за этот год повествовалось: «Маскарадов не было дано ни одного. Были даны 2 бала: один в день 50-летнего юбилея собрания, 28 января и один на Новый год. Остальные вечера были литературно-музыкальные с танцами по окончании их» [9, с. 1–2].

В помещении Пермского благородного собрания проводились праздничные мероприятия для детей. Например, по инициативе лиц судебного ведомства 4 января 1893 г. здесь был устроен детский праздник: «Детям дан был бал, розданы хорошие подарки, а что всего отраднее, – это была первая общественная “елка” с полным угощением для детей!»⁴. В зале Благородного собрания проходили концерты. Так, 23 февраля 1893 г. состоялся концерт А. Тершак, а через пять дней – концерт Л.И. Винярского с привлечением лучших музыкальных сил Перми, в том числе хора и оркестра музыкального кружка Перми⁵.

Интересна тематика научно-популярных лекций, которые звучали в Благородном собрании Перми. Лекции отличались разнообразием и отражали суть преобразований и социальных трансформаций в российском обществе во второй половине XIX – начале XX в. Например, 7 декабря

³ Екатеринбургская неделя. 1883. 30 нояб.

⁴ Пермские губернские ведомости. 1893. 9 янв.

⁵ Там же. 27 февр.

1871 г. чиновником судебного ведомства Н.И. Грацинским была прочитана публичная лекция «О судебных уставах 20 ноября 1864 г.». Особый интерес в обществе вызывала проблема женского образования и, соответственно, реферат о современном состоянии профессионального образования женщины в Европе, прочитанный 30 ноября 1892 г. известной деятельницей по женскому профессиональному образованию П.К. Корвин-Пиотровской [5, с. 110–115]. В «Пермских губернских ведомостях» за 1908 г. сообщалось: «В непродолжительном времени (в августе) будут прочитаны, вероятно, в зале Благородного собрания, две публичные лекции на тему: «Женщина в русском искусстве», 1-я лекция – от Ярослава до начала XIX века и 2-я лекция – от начала XIX века до наших дней. Лекции будут сопровождаться весьма многими вполне художественными световыми картинками. Лектором выступит Ольга Георгиевна Базанкур, читавшая эти лекции во многих городах России и, между прочим, в апреле прошлого 1907 г. в Москве, в аудитории Исторического музея, с большим успехом»⁶. Интересовали горожан религиозные и философские темы. Например, 6 мая 1909 г. было организовано чтение Масоловой на тему: «Оккультизм в Индии» [5, с. 110–115].

При Пермском благородном собрании с 1874 г. действовала библиотека, которая со временем увеличилась и состояла из семи отделов. Показательно, что в ней был отдел иностранной словесности, в котором находилось свыше 50 изданий на французском и других языках. В отделе периодики имелись иностранные журналы. В других отделах тоже имелись переводные издания. Особенно много было переводной беллетристики. Читатели могли воспользоваться научными трудами. Впрочем, в библиотеке были

книги и для детей. Спросом пользовались книги серии «Жизнь замечательных людей» издания Павлова⁷.

Рассмотренный материал позволяет заключить, что в XIX в. Благородные собрания стали одним из первых типов городских общественных организаций в уральских городах. Эти общества играли заметную роль в социокультурной жизни Перми и Екатеринбурга на протяжении XIX – начала XX в., формируя культуру досуга «верхушки» городского общества. Они являлись элитарными, закрытыми клубами, действовали в рамках закона, пользуясь покровительством губернатора. Не ограничиваясь развлекательной функцией, Благородные собрания способствовали развитию просвещения и культуры городского населения в целом, являлись каналами распространения европейских культурных ценностей, идеалов и моды в российской провинции.

ЛИТЕРАТУРА

1. Миненко Н.А., Анкаримова Е.Ю., Голикова С.В. Повседневная жизнь уральского города в XVIII – начале XX века. М., 2006.
2. Русские. М., 2005.
3. Ключевский В.О. Курс русской истории // Соч.: В 9 т. М., 1989. Т. IV.
4. Гросул В.Я. Русское общество XVIII – XIX веков: Традиции и новации. М., 2003.
5. Очерки городского быта дореволюционного Поволжья. Ульяновск, 2000.
6. Верхоланцев В.С. Город Пермь, его прошлое и настоящее. Краткий историко-статистический очерк. Пермь, 1913.
7. Устав Благородного собрания в Екатеринбурге. Екатеринбург, 1874.
8. Устав Пермского благородного собрания. Пермь, 1882.
9. Пермское благородное собрание. Доклад совета старшин Общему собранию гг. членов 6 апреля 1885 г. Пермь, 1885.

В.В. ЕРОХИН

СТАНОВЛЕНИЕ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В ПРИМОРЬЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

Дальневосточный государственный университет, Владивосток
erohin.vit@yandex.ru

В статье характеризуются особенности начальных этапов распространения православного христианства на юге Дальнего Востока России. Автор сопоставляет государственный процесс переселения в этот регион с задачами миссионерской деятельности Русской Православной Церкви. Показаны предпосылки оформления в Приморье самостоятельной епископской кафедры.

Ключевые слова: православие, Дальний Восток, переселение, Иннокентий Вениаминов, корейцы.

Формирование на юге Дальнего Востока России религиозных организаций оказалось тесно связано с процессом переселения [1, с. 15–17]. Как известно, итогами договоров 1858 г. (Айгунский) и 1860 г. (Пекинский) стало закрепление за Россией Уссурийского края (Приморья). Впрочем, летописец Владивостокской епархии указывает на более раннее время – 1854 г., когда впервые русскими

был основан военный пост Турий Рог на оз. Ханка, который стал исходной точкой для будущего окончательного проведения границы между Россией и Китаем [2, № 14, с. 311]. Сначала в Приморье приезжало мало русских, что не скажешь о корейцах, которые в 1860-х гг. в большом числе устремились в южные районы края, подталкиваемые

⁶ Пермские губернские ведомости. 1908. 20 июля.

⁷ Каталог книг, имеющихся в библиотеке Пермского благотворительного собрания по 1909 год. Пермь, 1909. С. 1–176.

сюда голодом на своей родине [3, с. 118–119]. Активное заселение Уссурийского края гражданами России началось только после 1883 г. [2, № 14, с. 311]. Процесс колонизации был сложным и противоречивым, часто русские новоселы испытывали массу жизненных тягот [4, с. 7]. На этом внешнем фоне православие и стало распространяться в Приморье.

Как отмечается в литературе, большинство переселенцев в Уссурийский край были православные христиане с вполне сложившимся религиозным мировосприятием. Понятно, что православная церковь не могла не поддерживать колонизацию, поскольку она была включена в процесс государственного управления. Вместе с тем в Приморье проживало население, не имевшее христианских корней в своих национальных культурах (китайцы, корейцы и коренные народы), для которых православие было незнакомо, оно воспринималось как вера русских. Перед церковью встали задачи создания на новых землях привычной для верующих духовной среды и проведения миссионерской работы среди некрещеных инородцев. Строились новые селения, строились и православные церкви.

В связи с этим односторонним представляется взгляд на церковную миссию как выполняющую сугубо государственную задачу. Говоря об участии церкви в программе переселения, не следует забывать о том, что в ходе освоения новых земель на Дальнем Востоке Русская Православная Церковь (РПЦ) видела для себя призвание в выполнении своей внутренней задачи – «идти», «учить» и «крестить» (Мф. 28: 19). В этноконфессиональном сознании простого русского человека православная вера, государственные, патриотические и другие идеи тесно переплелись [6, с. 29, 31, 37; 7]. Хотя среди части приезжавших в Приморье православных людей в этот период уже обозначилось равнодушие к религиозной жизни (городские жители-новоселы, ссыльное население), но для большинства земледельческого населения Южно-Уссурийского края потребность в православной церкви имела важное значение. Так, епископ Владивостокский и Камчатский Евсевий Никольский в отчете Святейшему Синоду о состоянии Владивостокской епархии в 1900 г. отмечает любовь народа к храмам¹. Это тот внутренний фактор, который нужно учитывать при изучении глубинных причин укрепления и развития православной церкви в Приморье во второй половине XIX в. Государственные деятели той эпохи понимали это и всемерно поддерживали развитие духовной жизни переселенцев. Так, Александр III, в годы правления которого началась активная фаза освоения юга Дальнего Востока, проявлял личную заинтересованность в поддержке здесь православной жизни [8, с. 8]. То же можно сказать и о некоторых генерал-губернаторах Приамурья, например, о С.М. Духовском, Н.Л. Гондатти.

Итак, уже с начала 1850-х гг. Приморье стало рассматриваться Русской Православной Церковью в качестве своей «канонической» территории [9, стлб. 533]. Камчатские архиереи и духовная консистория, миссионерский

комитет, училищный совет и другие епархиальные органы, находившиеся с 1863 г. в Благовещенске-на-Амуре, управляли православными приходами и миссией в Приморье. Церкви и духовенство Уссурийского края на начальном этапе непосредственно управлялись николаевскими благочинными, первым из которых стал протоиерей Гавриил Вениаминов.

Следует также обратить внимание, что епархиальная власть тесно взаимодействовала с командованием войсками Приморской области, с морскими офицерами, судовыми иеромонахами и нижними чинами военных кораблей, находившимися в регионе, и в частности во Владивостоке. Это нашло отражение в переписке, например, между архиепископом Камчатским и Благовещенским Иннокентием Вениаминовым и военным губернатором Приморья П.В. Казакевичем², священником Гавриилом Вениаминовым и начальником поста Владивосток лейтенантом Е. Бурачеком³, адъютантом генерал-губернатора Восточной Сибири и командующего войсками Приморской области майором Хитрово и военным губернатором Приморья П.В. Казакевичем⁴. В целом организационная сторона церковной жизни в крае в этот период ничем принципиально не отличалась от сложившейся в эту эпоху церковно-административной системы. Были, конечно, и свои особенности: например, в 1866 г. архиепископом Иннокентием Вениаминовым был учрежден Комитет по устройству церквей Приамурского края, который действовал до 1896 г. [2, № 17, с. 415].

Поскольку Камчатская епархия охватывала огромную территорию, то архиереи не могли побывать везде, но добираться до Приморья из Благовещенска все же было легче, чем до Камчатки. Поэтому архиереи приезжали сюда, как минимум, один раз в год, что и требовалось Духовным регламентом [10, с. 537]. Однако до строительства железной дороги между Хабаровском и Владивостоком благовещенские епископы испытывали определенные затруднения относительно транспорта при совершении объездов церквей в Уссурийском крае, поскольку транспортная система только формировалась. Скажем, неожиданным препятствием для проезда архиерея могла стать вышедшая из берегов река во время наводнения [11, с. 108]. С 1860 по 1898 г. на камчатской кафедре сменилось семь архиереев, из которых пятеро были переведены в другие места [12, с. 700]. Иначе говоря, Камчатская епархия была в том же положении, что и другие епархии РПЦ, поскольку тогда было принято менять епископов на кафедрах.

Тем не менее архиепископу Иннокентию Вениаминову удалось определить основные направления в развитии православной церкви в Уссурийском крае. Он лично посетил Приморье в 1860 г. (пост Ольга), в 1862 г. (станции по Уссури) и 1867 г. (юг края) с целью изучения местности (обычного для него) и решения вопросов о закладке храмов, распространения православия среди местных жителей

² Российский государственный исторический архив Дальнего Востока (РГИА ДВ). Ф. 1. Оп. 1. Д. 169. Л. 16–16 об.

³ Там же. Л. 7–7 об.

⁴ Там же. Л. 3–5 об.

¹ РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 1823. Л. 32–33.

и корейцев [13, с. 172]. Можно привести примеры непосредственного участия и других камчатских епископов в истории православия в Приморье. Особенно выделялись миссионерским порывом епископы Вениамин Благодяров и Мартириан Муратовский [14, с. 175–179].

Ревностно относился к проблемам церкви в Приморье епископ Гурий (Буртасовский). При нем в июле–августе 1885 г. в Иркутске состоялся съезд сибирских епископов с участием губернаторов Восточной Сибири, посвященный анализу проблем православия в Сибири. В целом материалы этого съезда, отраженные в журналах его заседаний, позволяют получить представление о проблемах православной жизни и на юге Дальнего Востока в тот период, так как через православных сибиряков осуществлялась преемственная духовная связь с дальневосточниками в ходе переселения⁵. Перед съездом стояли задачи устранения причин, препятствовавших улучшению религиозного состояния приходов, развитию народной нравственности, а также задачи искоренения раскола и развития проповеди в среде инородцев-язычников. Обращает на себя внимание, что светские лица – губернаторы – обсуждали сугубо церковные вопросы.

Другой пример губернаторского участия в судьбе православной церкви в Уссурийском крае – деятельность приамурского генерал-губернатора С.М. Духовского. Он инициировал открытие в Приморье первого мужского монастыря [8, с. 8, 40] и лично помогал его обустройству («Донесение первостроителя обители игумена Алексия епископу Камчатскому Макарию Дарскому»⁶). Духовский последовательно в 1894–1895 гг. предлагал открыть во Владивостоке самостоятельную архиерейскую кафедру (см. переписку С.М. Духовского и обер-прокурора Святейшего Синода К.П. Победоносцева⁷). Приведенные примеры показывают, что в данный период губернаторская власть заметно влияла на принятие решений по важным проблемам внутренней жизни церкви. Архиереи не были абсолютно независимыми от них в управлении епархиями.

Во внутренней жизни православной церкви в Приморье с 1860 по 1890-е гг. главными были задачи строительства православных церквей и начало миссионерской деятельности среди корейцев. Чиновники из Переселенческого управления свидетельствовали, что возможность посещения церкви играла важную роль в жизни простого православного народа, новоселы не хотели селиться там, где рядом не было церкви: «<...> до 50 % обратных переселенцев, не перенеся ни одного несчастного случая за время пребывания в области, уходят на Родину только потому, что по году не видят священника и не имеют возможности посетить церкви» (письмо заведующего переселенческим делом в Амурской области от 8 декабря 1903 г.⁸). Крестьяне «со слезами на глазах умоляли об оказании им содействия для устройства церкви» (справка «Церковное и школьное

строительство в районе Сибирской железной дороги за 1894–1896 гг.»⁹).

В строительстве церквей в рассматриваемый период можно выделить два направления: 1) постройка храмов, молитвенных домов и часовен для русских новоселов, а также 2) открытие миссионерских корейских станом на крайнем юге Приморья. Первые храмы строились на южном побережье, в западных долинных районах вдоль китайской границы, в станицах по реке Уссури, в 1890-е гг. церкви стали возводиться в центральных районах. Но до середины 1880-х гг. строительство храмов продвигалось медленно, поскольку средств было недостаточно. Кроме того, имела место организационная неразбериха: епархиальная власть и духовенство не знали точного расположения всех вновь основанных сел, сколько в них поселенцев православного исповедания, какое расстояние отделяет эти села от церквей и ближайших старых поселений (переписка о постройке церквей и школ в Приамурском крае¹⁰). Для решения обозначенных проблем с 1886 по 1889 г. в Южно-Уссурийском крае был создан церковно-школьный комитет, который получил в учредительный фонд остатки переселенческого кредита государства за 1885 г. в размере 8500 руб., а в дальнейшем также пополнялся указанными ресурсами («Отчет инженера Шилкина об осмотре в 1901 г. церквей и школ, сооруженных на средства фонда им. Александра III в Приамурском крае»¹¹). Данное учреждение оказало помощь 18 приходам. Деятельность комитета способствовала быстрому завершению строительства храмов, начатого сельскими обществами. В 1894 г. при ходатайстве генерал-губернатора С.М. Духовского в Комитет Сибирской железной дороги были переведены остатки от переселенческого капитала за 1893 г. в сумме 35 тыс. руб. на постройку церквей и школ в Приморье [2, № 16, с. 358].

Итак, с 1860 по 1885 г. здесь было построено около 10 церквей, с 1886 по 1889 г. – 9, с 1890 по 1893 г. – 7, а с 1894 по 1898 г. – до 19 церквей¹².

В 1895 г. недалеко от р. Уссури открылся мужской монастырь со своей церковью (письмо игумена Алексия генерал-губернатору С.М. Духовскому¹³). В целом к концу 1898 г. (год разделения Камчатской епархии) в Приморье числилось 45 приходских церквей (в том числе во Владивостоке – 1) и 17 часовен [2, № 14, с. 309–310]. Кроме того, имелось еще 9 миссионерских станом, но в 5 корейских станах церкви представляли собой обычные фанзы (столбы, обмазанные глиной, сверху покрытые соломой), поэтому секретарь Владивостокской духовной консистории не считал их за настоящие приходские церкви, называя их «сла-

⁹ Там же. Д. 69. Л. 208.

¹⁰ Там же. Л. 5–15.

¹¹ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 3. Д. 266. Л. 393 об.

¹² Подсчитано автором по: [15, № 15, с. 324–330; там же, № 17, с. 360–369; 16, с. 7–112]; РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 3. Д. 266 (рапорт священника Михаила Кессельмана от 2 июля 1899 г.); там же. Д. 69. Л. 3–4 (справка «Распределение переселенцев прибывших в Южно-Уссурийский край морем с 1883 г. по существующим и проектируемым приходам»).

¹³ РГИА. Ф. 796. Оп. 174. Д. 1209. Л. 235.

⁵ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 3. Д. 8. Л. 27, 34–39, 75–84.

⁶ РГИА. Ф. 796. Оп. 174. Д. 1209. Л. 228.

⁷ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 3. Д. 101. Л. 7, 16 об.

⁸ Там же. Д. 157. Л. 49.

бым подобием церквей», к тому же без священников. Приходы Владивостокской кладбищенской церкви и Анучинский своих церквей не имели. Значит, реально можно говорить о 38 приходских епархиальных церквях в Приморье к концу 1898 г.

Более активному возведению православных храмов с начала 1890-х гг. в немалой степени способствовала финансовая поддержка фонда имени императора Александра III при Комитете Сибирской железной дороги. Немного средств поступало от Синода, от самих прихожан, но все же частных жертвователей в это время было очень мало.

Представители духовенства церквей в Приморье большей частью являлись выходцами из сибирских епархий. Государство поддерживало материальное положение священнослужителей, стараясь, чтобы оно было лучше, чем в европейских районах России. Например, в 1884 г. особые права и преимущества священно-церковнослужителей Камчатской епархии были утверждены Высочайшим указом, причем продолжение службы в Камчатской епархии материально поощрялось после 5 лет выслуги [2, № 21, с. 488]. Но процесс строительства храмов развивался быстрее, чем увеличивалась численность духовенства. К концу 1898 г. в Приморье имелось примерно 29 священников при 14 приходских вакансиях. Треть храмов обходилась услугами соседних священников, увеличивая тем самым и без того громадные размеры приходов [2, № 14, с. 310].

В Приморье приезжали из разных мест России, в основном из уральских, сибирских, а также из украинских губерний [2, № 22, с. 513]. Они привозили сюда и свои церковные обычаи. Городская паства (Владивосток и Никольск-Уссурийск) была разнообразной по этническому и социальному составу. Такая «переселенческая пестрота» изначально создавала различия в духовно-нравственных устремлениях паствы, порождая проблемы внутрицерковной жизни.

Особенностью Приморья явилось заселение его крайнего юга корейцами. Однако в 1860-е гг. миссионерская деятельность среди них рассматривалась приходскими священниками Уссурийского края как второстепенное дело и только с середины 1870-х гг. им стало уделяться большее внимание со стороны священников юга Приморья [3, с. 125].

Организационные проблемы в управлении огромной Камчатской епархии привели к тому, что в 1896 г. Святейшим Синодом было принято решение об образовании во Владивостоке самостоятельной архиерейской кафедры («Отношение К.П. Победоносцева Государственному секретарю об учреждении Владивостокской епархии»¹⁴), и в 1899 г. это решение было воплощено в жизнь.

Таким образом, становление Русской Православной Церкви в Приморье с начала 1850-х гг. по 1898 г. показало, что ее деятельность была востребована большинством населения. Камчатская епархиальная власть совместно с губернаторами, контролировавшими деятельность церкви,

видела своей главной задачей открытие в Уссурийском крае новых церквей и миссионерских станций, помощь им оказывали также специальные комитеты и фонды. В середине 1890-х гг. храмов стало возводиться больше, тем не менее приходы по-прежнему имели большие размеры. Хотя священников привлекали в край разными льготами, все же их здесь не хватало. К концу рассматриваемого периода здесь сложились все предпосылки для образования во Владивостоке самостоятельной епархии.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Сердюк М.Б.* Религиозная жизнь Дальнего Востока (1858–1917 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Владивосток, 1998.
2. *Разумовский А.* Владивостокская епархия за первые пять лет ее существования (1899–1903) // Владивостокские епархиальные ведомости. 1905. № 14, 17.
3. *Павел (Ивановский), иеромонах.* Краткий очерк развития миссионерского дела среди корейцев Южно-Уссурийского края // История Российской духовной миссии в Корею: Сб. М., 1999. Репринт 1904.
4. *Островидов В.А., протодиакон.* Дальний Восток и путевые впечатления от Владивостока до Петрограда. Одесса, 1915.
5. *Смагин А.Н.* Роль православного духовенства в освоении юга Дальнего Востока России во второй половине XIX – начале XX вв.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Владивосток, 2006.
6. *Поздеева И.В.* Слово богослужения и этноконфессиональное сознание русского народа // Традиции и современность. 2003. № 3.
7. *Громыко М.М.* Православие как традиционная религия большинства русского народа // Исторический вестн. М.; Воронеж, 2001. № 13–14 (спец. вып.): Материалы Междунар. науч. симп. «Православие и культура этноса».
8. *Алексий [Осколков], игумен.* Воспоминания старца-основателя и первого строителя Свято-Троицкого Николаевского Уссурийского монастыря, что на Крайнем Востоке Сибири, в Приморской области. Пг., 1915.
9. *Рункевич С.* Владивостокская епархия // Православная богословская энциклопедия или Богословский энциклопедический словарь: В 10 т. Пг., 1901. Т. 3.
10. *Доброклонский А.П.* Руководство по истории Русской Церкви. М., 1999.
11. *Ваулин Григорий, священник.* Первая обитель на Дальнем Востоке. Владивосток, 1903.
12. *Смолич И.К.* История Русской Церкви (1700–1917). М., 1996. Ч. I.
13. *Письма Иннокентия, митрополита Московского и Коломенского:* В 3 кн. СПб., 1898. Кн. 2 (1856–1864).
14. *Нестор Анисимов [иеромонах].* Православие в Сибири: Исторический очерк // Вернувшийся домой: Жизнеописание и сборник трудов митрополита Нестора Анисимова: В 2 т. М., 2005. Т. 1.
15. *Мичурин Павел, священник.* К истории Южно-Уссурийского края // Камчатские епархиальные ведомости. 1894. № 15; № 17.
16. *Мизь Н.Г., Стратиевский О.Б.* Страницы истории православия в Южно-Уссурийском крае. Владивосток, 2004.

¹⁴ РГИА. Ф. 1151. Оп. 12. Д. 125. Л. 1–38.

В.В. ШЕВЦОВ

**«ТОМСКИЕ ГУБЕРНСКИЕ ВЕДОМОСТИ»
В ДЕЛЕ «СИБИРСКИХ СЕПАРАТИСТОВ» (1863–1865 гг.)**

Томский государственный университет
totleben@yandex.ru

В статье рассматривается участие Г.Н. Потанина и Н.М. Ядринцева в «Томских губернских ведомостях». Использование областниками неофициальной части газеты в качестве печатного органа стало возможным благодаря уже сложившемуся под руководством редактора Д.Л. Кузнецова направлению издания, определяемому как «предобластничество». Идея самобытного и автономного развития Сибири на страницах газеты разрабатывалась в рамках актуализированной в период александровской оттепели идеи прогресса. Статьи и заметки Г.Н. Потанина и Н.М. Ядринцева не носили оппозиционного к центральным и местным властям характера. Они предназначались главным образом для сибирской интеллигенции и должны были служить целям ее консолидации как в Сибири, так и за ее пределами.

Ключевые слова: сибирское областничество, «Томские губернские ведомости», общественное движение в Сибири, сибирская печать.

Как известно, дело об «отделении Сибири от России» во многом возникло и получило развитие случайно. Найденное в 1865 г. у одного из воспитанников Омского кадетского корпуса рукописное воззвание «Патриотам Сибири» повлекло за собой обыски, выявившие причастность к делу бывших студентов Санкт-Петербургского университета, составлявших в столице сибирское землячество. Всего же по делу было арестовано 59 чел. [1, с. 32]. По более позднему признанию Н.М. Ядринцева, автором прокламации являлся иркутский купец С.С. Попов (он же – секретный агент III Отделения) [2, с. 98–110; 3, с. 748]. В ходе следствия вскрылось, что наиболее «злонамеренные» участники заговора – Г.Н. Потанин и Н.М. Ядринцев – использовали для пропаганды своих идей местную официальную газету – «Томские губернские ведомости». Между тем эти статьи и мелкие заметки прошли цензурный контроль. В 1864 г. газета имела 469 подписчиков среди казенных мест (80 из них представляли учреждения Европейской России). Добровольных подписчиков было 55 (6 – в Европейской России, 2 – в других сибирских губерниях и 47 – в Томской)¹. Каким же образом правительственное издание оказалось замешанным в деле о распространении антиправительственных революционных взглядов?

В 1863 г. редактором неофициальной части «Томских губернских ведомостей» по распоряжению вице-губернатора П.И. Физеля был назначен учитель русской словесности Д.Л. Кузнецов. При нем неофициальная часть стала открываться передовой статьей, соответствующей дате выхода газеты. Первая такая публикация – репортаж – появилась 13 сентября 1863 г., она посвящалась открытию Мариинской женской гимназии. В следующих передовицах рассматривались вопросы благоустройства Томска, деятельности воскресных школ, открытие в Томске телеграфной

связи, кроме того, редактор призывал наполнять газету статьями о крестьянском населении². Все сколько-нибудь значимые события недели, накопившиеся за это время впечатления и размышления автора доводились в повествовательной форме до читателя. Иногда автор даже сетовал на то, как трудно в провинциальном городе найти тему для передовой, но она рождалась и развивалась в ходе размышлений. Видимо, поэтому статьи Кузнецова выходили такими многословными, с пространными вступлениями, метафорами, переходами от одного предмета к другому. Но при всем том его статьи вызывают интерес. Причудливые повороты мысли, эмоциональность, внимание ко всем сторонам жизни города составляют их авторское своеобразие. Все это позволяет рассматривать Кузнецова как самобытного, динамичного журналиста Сибири.

Кузнецов был автором около 50 публикаций, он жил и работал в Томске с 1858 г. и, безусловно, проникся местными интересами, которые, однако, не выходили за рамки хозяйственных, бытовых и культурных тем. Правда, его статьи иногда затрагивали темы или содержали суждения более широкого свойства. Статья «Положение беглого рабочего с золотых приисков среди сибирской тайги (Из подлинных записок бродяги)»³ представляет собой рассказ ссыльнопоселенца о «горьких страданиях приисковой работы». Кузнецов ратовал за развитие в Томске самостоятельного печатного слова, критиковал тех, кто игнорировал первую местную газету, предпочитая ей столичную прессу, в противовес стремлению «развивать областную жизнь». Он неоднократно обращался с просьбой присылать статьи в ведомости, чтобы «поддерживать местный, возможный по условиям провинциальной жизни орган гласности». Имен-

² Томские губернские ведомости. 1863. 13 сент., 20 сент., 27 сент. 4 окт.

³ Там же. 15 нояб., 29 нояб., 6 дек.

¹ Томские губернские ведомости. 1865. 12 февр.

но гласность, по его мнению, могла бы способствовать равномерному распределению налогов с мещанского населения Томска⁴.

Таким образом, несмотря на то, что Кузнецов не отделял интересы Сибири от России, сосредоточивал свое внимание на частностях, не делая каких-либо обобщений, его публикации о современном Томске можно рассматривать как своеобразное «предобластничество», как начальный этап в разработке вопросов культурного и экономического развития края, расширении здесь сферы образования и, самое главное, на чем позже сосредоточат свое внимание областники, – в развитии самостоятельного местного печатного органа.

В сентябре 1864 г. из Омска в Томск выехал Г.Н. Потанин. Губернатор Г.Г. Лерхе назначил его столоначальником по крестьянскому и инородческому вопросам. В начале 1865 г., по приглашению Г.Н. Потанина, также с идеей журналистской работы, из Омска приехал Н.М. Ядринцев. Мысль об основании регионального печатного органа, возникла у сибирских студентов еще в Петербурге. В своих письмах из столицы Потанин писал о возможностях издавать такую газету в Омске – на средства Сибирского казачьего войска или в Иркутске – на пожертвования от местного купечества [4, с. 43; 5, с. 49]. Официальные газеты Сибири в первые годы своего существования приобрели характер общественного издания, что не могло не быть известным сибирскому землячеству в Петербурге. Это позволяло Потанину и Ядринцеву надеяться на то, что местную казенную газету можно будет использовать в целях будирования общественного мнения в русле областнических идей. В свою очередь, при недостатке сотрудников и материалов Кузнецов при первой же встрече с Потанином предложил ему участвовать в газете. Областники нашли в Кузнецове, если не единомышленника, также мечтавшего об автономии для Сибири, то хотя бы человека, способного понять их взгляды. Так в Томске завязался, по словам Потанина, «культурный узелок» [6, с. 190]. Стремление «глаголом жечь сердца людей» роднило новый коллектив, хотя, надо полагать, Ядринцев и Потанин относились не без иронии как к личности редактора, так и мелкотемью его статьями, возникавших под влиянием «литературного зуда» кандидата богословия. В своем письме к Потанину из Шенкурска в 1873 г. Ядринцев сообщал о своих товарищах по делу о сепаратистах: «...Кузнецов спился в Тюмени учителем...» и дальше продолжал парфразой из «Ревизора»: «Словом, Ив. Петров, Дмитр. Львов. или кто другой играют по-прежнему, на чем им в жизни играть следует: на скрипке или на водке» [4, с. 238].

Основные сибирские вопросы были сформулированы областниками еще в Петербурге: ссылка, подчиненное экономическое положение Сибири, вопрос об инородцах, колонизация Сибири, расширение сферы образования и открытие сибирского университета. Первая статья Потанина – «Г. Шелгунов перед судом образованной Сибири» представляла собой критический разбор статей «Русского слова». Для развития общесибирской проблематики Потанин привлек корреспондентов из Омска, знакомых

ему по службе в казачьем войске, – П.С. Пахорукова и Ф.С. Усова⁵.

С 1865 г. «Томские губернские ведомости» претерпели изменения как по форме, так и по содержанию. Для официальной и неофициальной частей вводилась раздельная нумерация, а сам номер увеличился до 32 страниц. Появилась рубрика «Мелкие известия», содержание которой с № 15 стало анонсироваться в заголовке.

Исходя из содержания и направления публикаций очевидно, что они были написаны новыми сотрудниками газеты. Например, под видом слуха в № 1 за 1865 г. были анонсированы лекции С.С. Шашкова, о проведении которых в Томске у Потанина и Ядринцева уже была предварительная договоренность. «Мелкие известия» размещались в конце номера и в соответствии с названием рубрики набирались более мелким, чем основной текст газеты, шрифтом. Это делалось как по соображениям экономии печатного пространства, так и для того, чтобы содержание публикаций не особенно бросалось в глаза, а воспринималось только теми, для кого графические средства были менее важны, чем содержание. В письме А.Д. Шайтанову Потанин писал, на какие публикации ему и другим «петербургским сибирякам» необходимо обратить внимание, подчеркивая, что «вообще все мелкие известия проникнуты хорошим направлением» [7, с. 73].

Манифестом областничества можно считать большую статью Ядринцева, открывающую 1865 год – «Сибирь в 1 января 1865 г.» с прологом «Vive la mort и да водрузится будущее!»⁶. Отличающимися стилистическими приемами статьи являлись противопоставления: старое/новое, мертвое/молодое, застой/прогресс, косность/развитие, невежество/образование, печальное прошлое/радостное будущее, равнодушие/патриотизм, наезжие чиновники/сибирское юношество, чужое («гниль московской грошевой фабрики»)/свое («свои мануфактуры»), «мертвый капитал»/«минералогические богатства». Поднятая тема сибирского университета получила продолжение в № 5 за тот же год. Еще в конце 1863 г. Ядринцев выступил в Омске с докладом на литературном вечере – «По поводу сибирского университета». Это доклад стал первым выступлением Ядринцева в «Томских губернских ведомостях». В статье «Сибирь перед судом русской литературы» Ядринцев разделял всех авторов, пишущих о Сибири, на «панегристов» и «поризателей», отказывающих Сибири в будущем. Поэтому актуальной становилась задача создания самостоятельной сибирской литературы⁷. Страниц официальной газеты уже казалось недостаточно, о чем писал и Потанин: «Страшно грустно, что мы не имеем здесь своего органа, чтобы сказать свободное слово. Губернские ведомости очень узкие рамки, чтобы ими довольствоваться» [8, с. 116–117]. Тем не менее именно в последних перед арестом восьми весенних номерах появились статьи Потанина, написанные, по мнению следствия, в «сепаратистском духе» – «Климат и люди Сибири» и «Гражданское увлечение Сибири»⁸.

⁵ Томские губернские ведомости. 1864. 9 окт., 16 окт.; 1865. 22 янв.

⁶ Там же. 1865. 8 янв.

⁷ Там же. 1864. 31 янв.; 1865. 5 марта.

⁸ Там же. 1865. 26 марта, 2 апр., 20 апр.

⁴ Там же. 1864. 18 сент.

Итак, «Томские губернские ведомости» в 1864–1865 гг. стали «органом» областного движения и благодаря деятельности Потанина и Ядринцева официальная газета, до этого не имевшая какого-либо общественного значения, возвысилась до идейной силы, носящей оппозиционный характер. Этот тезис, возникший позднее в среде самих основателей и последователей областничества, прочно устоялся в историографии сибирской печати, но все же нуждается в некотором уточнении и детализации. Как уже отмечалось, направление неофициальной части при редакторстве Д.Л. Кузнецова можно рассматривать как «предобластничество». Уже в первые пять лет своего существования газета приобрела характер силы объединяющей интеллигенцию Томска и Томской губернии. Статьи О.Г. Павлова, Н.В. Виноградского, В.И. Вагина по своей тематике выходили за рамки официальной программы и обнаруживали идеи, позже обозначенные как «сибирский патриотизм» (хотя о необходимости открытия сибирского университета пока еще не было сказано ни слова). Таких людей Г.Н. Потанин называл людьми «с сибирскими инстинктами» [6, с. 86]. Газете необходимо было «расходиться», «размахаться», как писал Н.В. Виноградский, и только скоростная кончина не позволила столь талантливому автору этого сделать. Именно в силу уже сложившегося направления первой томской газеты Г.Н. Потанин и Н.М. Ядринцев получили возможность сделать ее проводником тех идей, которые придали ей более яркий общественный характер.

Если обратиться к определению периода работы областников в составе редакции ведомостей, то он будет достаточно короток – 7 месяцев, в течение которых было выпущено 31 номер газеты. После приезда Потанина в Томск, 9 октября 1864 г. в № 40 вышла его статья «Г. Шелгунов перед судом образованной Сибири», а № 19 от 21 мая 1865 г. был последним, к изданию которого были причастны областники. 23 мая в их квартирах был проведен обыск, а арест последовал 28 мая⁹. Следующий № 20 вышел в сдвоенном виде от 28 мая – 4 июня 1865 г., а 16 сентября был арестован Кузнецов.

Областнические идеи в том виде, в каком они развивались в частной переписке и были заявлены на следствии, в газете представлены не были¹⁰. Хотя Потанин и показывал, что с целью распространения своих идей он «стал участвовать в Томских ведомостях и успел сделать их сепаратистским органом» [8, с. 178], но в целом областничество на страницах ведомостей представляло собой воплощение вполне легальной и хорошо известной идеи общественного прогресса. Применительно к Сибири как месту рождения участников «петербургского кружка» и как обширной области с особыми региональными интересами эта идея, все-

гда актуальная для русской интеллигенции, не имела недостатка в материале. Тему прогрессивного развития Сибири областники разрабатывали в критическом полемичном ключе, но без какой-либо оппозиционности к центральному правительству. Утверждалась необходимость перенесения на территорию Сибири тех форм общественной, культурной и экономической жизни, которые уже существовали или получали дальнейшее развитие в столицах и центральных губерниях – новый гимназический устав, университетское образование, ослабление цензурного режима печати, новые образы в литературе, улучшение здравоохранения, развитие промышленности, строительство железных дорог.

Образцом такого развития для Сибири выступала Западная Европа, и в выборе данного ориентира для русского интеллигента также не было ничего нового. Но, в отличие от своих коллег-модернистов из Европейской России, областники на основе параллелей и особенностей в характере колонизации, экономическом положении, положении коренного населения Сибири открыто или подспудно намекали на североамериканский путь развития.

Именно это обстоятельство, усиленное словами о «свержении российской власти» и призывом к созданию «республики Сибирских соединенных штатов» в рукописной прокламации С.С. Попова, было педалировано следственной комиссией. Статьи в ведомостях не могли послужить основанием для обвинения в сепаратизме при соответствующей позиции допрашиваемых, которые, однако, не стали отговариваться неведением или недоумением и опровергать своего участия в развитии идеи о Сибирской республике, а представили свои взгляды на такую перспективу.

Лица, сами заинтересованные в расширении доказательной базы, заключали, что в трех найденных при обыске у Кузнецова статьях – «Литературный вечер в Омске», «Выборы у казаков с Иртыша» и «Сибирь в 1-е января 1865 года», только «пробиваются мысли автора в вольных идеях и как бы предварительно располагающих публику [разрядка. – В.В.] к сочувствию развиваемого предмета в положении Сибири»¹¹. В донесении жандармского офицера К.Ф. Кретковского указывалось, что все статьи были напечатаны «с пропуском цензуры губернского ведомства». Позже это обстоятельство было объяснено «близорукостью» редактора газеты Кузнецова и губернского начальства. Относительно цензора газеты вице-губернатора П.И. Фризеля Ядринцев составил спустя более 30 лет следующие воспоминания: «Человек пустой, ограниченный и легкомысленный. Он так долго находился под судом Сената, что когда явился в Сибири к генерал-губернатору Казнакову на службу чиновником, он спросил меня, не могу ли я ему написать ответ по поводу вопросов: какие статьи он пропускал?» [разрядка. – В.В.] [8, с. 30, 349].

Эта характеристика напоминает исторический анекдот о петербургском генерал-губернаторе николаевской эпохи П.К. Эссене, который по поводу поданной ему бумаги спрашивал правителя канцелярии, о чем он писал, а затем узнав, подписывал ее. Возможно, Фризель пропускал статьи потому, что в них с формальной точки зрения не обнаруживалось какого-либо скрытого подтекста или намека

⁹ ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 1106. Л. 1, 16.

¹⁰ Еще находясь в Петербурге и вступая в полемику с Н.С. Щукиным по поводу издания сибирского периодического органа, Потанин делал упор на то, чтобы основным в нем направлением была идея об автономии провинции: «Мы хотим жить и развиваться самостоятельно, иметь свои нравы и законы, читать и писать, что нам хочется, а не что прикажут из России, воспитывать детей по своему желанию, по-своему собирать налоги и тратить их только на себя же» (Письма Г.Н. Потанина. Иркутск, 1987. Т. 1. № 13. С. 59).

¹¹ ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 1106. Л. 37–38об.

(Лерхе также не усмотрел чего-то запрещенного в лекциях С.С. Шашкова и только после того, как они вызвали общественный резонанс, запретил публиковать их в ведомостях [8, с. 116–117]). Те проблемы, которые затрагивали областники, напрямую не касались местной администрации (как это делалось в иркутских ведомостях), поэтому они с легкостью проходили цензурные ограничения. Когда же дело касалось лиц, то реакция была соответствующая: «Статью Вашу [Ф.Н. Усова] о спектакле не пропустил Лерхе; говорит, что на Дюгамельшу написана. В письме в Иркутск Н.С. Щукину Потанин прямо говорил, что его статья «Гражданское увлечение Сибири» содержала в себе «тайный смысл», который нуждается в «толковании» и не будет понят большинством читателей [7, с. 71, 77]. В качестве своих читателей областники видели прежде всего сибиряков, знакомых с идеями об автономии Сибири, или мыслящую и небезразличную к положению края учащуюся молодежь. Для этой цели Потанин организовал бесплатную рассылку ведомостей студентам в Петербург, Москву и Казань [8, с. 178].

Таким образом, статьи неофициальной части носили адресный характер, т.е. в основном были ориентированы на заведомо известного читателя и были призваны служить целям консолидации связей внутри круга сибирской интеллигенции. Следствие заключало, что «соумышленники» называли в письмах друг к другу официальную правительственную газету «своим органом» [8, с. 349]. Но это был скорее печатный орган для своих. Как и ранее, в «докузнецовский период», неофициальная часть газеты не имела массового заинтересованного читателя и не могла серьезно влиять на общественные настроения. Поэтому авторы и избирали иногда такой оскорбительно-насмешливый тон, чтобы задеть «миниатюрные мозги» и «туповатые физиономии» местного чиновного общества. Но в результате они были вынуждены в одиночку развивать поднятые ими темы и даже

вступать в полемику друг с другом. Статьи Потанина и Ядринцева о необходимости развития Сибири в самых различных сферах были вполне умеренными и отвечали общим либеральным настроениям в стране. На их «вольнодумный» характер власти обратили внимание только в контексте более серьезного дела о сепаратизме. Тень крамольных слов в обращении «Патриотам Сибири», сказанных против «лихой мачехи России», пала и на «Томские губернские ведомости». Если бы не это воззвание, газета вполне могла бы и далее развиваться в избранном направлении (поэтому арест для участников редакции стал такой неожиданностью). Механизм следственной машины с протоколами допросов, изъятыми письмами, очными ставками привел к формированию целого дела «Об отделении Сибири от России», облекая, по сути невинные, как позже признавались сами областники, и в целом полезные для нужд Сибири размышления в форму антиправительственного заговора.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Шиловский М.В.* Общественно-политическое движение в Сибири второй половины XIX – начала XX в. Новосибирск, 1995. Вып. 1: Областники.
2. *Шиловский М.В.* Об авторстве и времени написания прокламаций «Сибирским патриотам» и «патриотам Сибири» // Социально-экономические отношения и классовая борьба в Сибири дооктябрьского периода. Новосибирск, 1987.
3. Литературное наследство. М., 1959. Т. 67.
4. Письма Г.Н. Потанина. Иркутск, 1988. Т. 2, № 4.
5. Письма Г.Н. Потанина. Иркутск, 1988. Т. 2, № 6.
6. Потанин Г.Н. Воспоминания // Литературное наследство Сибири. Новосибирск, 1983. Т. 6.
7. Письма Г.Н. Потанина. Иркутск, 1988. Т. 1, № 23.
8. Дело об отделении Сибири от России: Сб. документов. Томск, 2002.

М.А. ВИВДЫЧ

ЭКСПАНСИЯ ИНОСТРАННОГО КАПИТАЛА В ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ РОССИИ (1902–1907 гг.)

Благовещенский государственный педагогический университет
vivdych@mail.ru

В статье освещается история не состоявшейся в начале XX в. концессии на строительство «Трансаялкосибирской» железной дороги. Раскрываются причины отказа в концессии, главными из которых являлись: вероятность утраты огромных территорий на северо-востоке Сибири, великодержавный менталитет российской власти, весьма сомнительное технико-экономическое обеспечение проекта.

Ключевые слова: колонизация, Транссибирская железнодорожная магистраль, железнодорожное строительство, иностранный капитал, концессии, Дальний Восток.

С середины XIX в. в Российской империи на высшем государственном уровне обсуждался план соединения восточных окраин страны с ее европейской частью новыми видами путей сообщений. Преимущественно это были проекты иностранных и отечественных предпринимателей,

основанные на идее концессионного железнодорожного строительства (У. Коллинз, М.Д. Бутин, П.В. Мордин и др.). Однако такие инициативы отвергались центральным правительством. Главной причиной отказов была боязнь утраты Сибири и Дальнего Востока. В это время в Азиатско-

Тихоокеанском регионе стремительно расширялась сфера внешнеэкономических интересов США, Великобритании и других западноевропейских держав.

Активизация дальневосточной политики стран Запада повлияла и на действия российских властей, результатом которых стало подписание в 1891 г. рескрипта о строительстве Транссиба. Экономически сложным, но политически обоснованным являлось решение о сооружении дороги полностью за счет казны. В связи с этим в первые годы сооружения Транссиба концессионные идеи не предлагались.

Новый этап проектных инициатив наступил в начале XX в. Очередные попытки вмешательства стран Запада в колониальную экспансию России на Дальнем Востоке отразились в дерзких проектах «содействия» железнодорожному развитию российских окраин. В 1900 г. в зарубежной прессе появляются публикации французского инженера Лоик де Лобеля о возможности участия французского капитала в железнодорожном строительстве Сибири. Воодушевленный путешествием по Аляске и поездкой по Сибири Лобель выступает с лекциями о необходимости соединения Азии и Америки межконтинентальной железной дорогой, превосходящей по своей масштабности Транссиб. Предлагаемым проектом планировалось обеспечить железнодорожное сообщение по маршруту Нью-Йорк–Париж транзитом через северные районы Дальнего Востока и Берингов пролив.

В скором времени благодаря энергичным усилиям Лобеля идея дороги Аляска–Сибирь становится темой, активно обсуждаемой общественностью в центральной печати. Первые скудные и зачастую неточные сведения стали появляться и в провинциальной прессе. В 1901 г. небольшую заметку под названием «Железная дорога к Берингову проливу» публикует газета «Амурская край». Здесь говорилось о якобы начавшемся строительстве железной дороги на Аляске до мыса принца Уэльского. Утверждалось, что сообщение через Берингов пролив будет организовано пароходами в целях доставки пассажиров и грузов к «известному» пункту русско-азиатского берега, «имеющего сделаться конечным пунктом Транссибирской железной дороги». Автор заметки сообщал также, что «для установления возможности сухопутного сообщения между Петербургом и Нью-Йорком отправляется в Сибирь известный географ Гарри де Виндт, которому будто бы содействуют в этих изысканиях американское и русское правительства»¹.

В действительности проект «Трансаляскосибирской» железной дороги (ТАСЖД) был представлен российскому правительству лишь в 1902 г. Лобель действовал от имени некоего французского синдиката. По проекту трасса железной дороги, начинаясь от существующей линии Транссибирской магистрали в районе Иркутска, должна проходить в направлении Якутска, затем на мыс Дежнева, где через 60-километровый тоннель под Беринговым проливом она соединялась с Аляскинской железной дорогой. Общая протяженность дороги по российской территории составляла около 5000 верст, стоимость – 470 млн руб. [1, с. 1]. Окончательный маршрут дороги выглядел таким образом: Париж – Берлин – Москва – Челябинск – Иркутск – Якутск – мыс Восточный – Берингов пролив – мыс принца Валлийского –

Такома – Чикаго – Нью-Йорк [2, с. 3]. Но предложения синдиката для русского правительства оказались неубедительными, и в 1903 г. в выдаче концессии было отказано.

В последующие два года Лобель предпринимает ряд попыток придать своему проекту максимальную убедительность. В 1904 и 1905 гг. он действует уже от имени американских концессионеров. С этой целью в Нью-Йорке создается «Синдикат Трансаляскосибирской железной дороги».

Новый вариант дороги был представлен российскому правительству с некоторыми изменениями. Отправной точкой вместо Иркутска становится Канск². Строительство должно было пройти в два этапа. В первую очередь – российского участка, а затем американского. Инициаторы проекта обязывались предоставить правительству России Генеральный план, соответствующий топографическому участку по пути «пролегания» железной дороги с целью точного определения прав синдиката и местных землевладельцев. Условия, на которых «испрашивалась» концессия, выглядели, на первый взгляд, весьма скромно в сравнении с грандиозными масштабами, а также политическим и экономическим значением проектируемой железнодорожной линии. Заявители концессии не требовали от русского правительства каких-либо гарантий финансового обеспечения, полностью брали на себя все затраты по строительству дороги и ответственность за финансовый риск.

Единственным условием было то, что в качестве компенсации затрат на строительство и эксплуатацию Российское государство должно было предоставить американскому синдикату эксклюзивное право на проведение горных и сельскохозяйственных работ в зоне отчуждения шириной 12 км с каждой стороны будущей железной дороги на всем протяжении магистрали. Но это и было главной целью концессионеров, поскольку трасса должна была пройти по территориям, богатым полезными ископаемыми, особенно золотом. Данное право в документе обозначалось как «индустриальная привилегия». В концессионной заявке отмечалось, что эксплуатирующая компания будет соблюдать права частной собственности на тех земельных участках, которые будут отданы в концессию³. На этих же земельных участках Российскому государству предлагалось зарезервировать необходимые участки для своих стратегических нужд либо для церкви или других государственных потребностей, предусмотренных его законодательством. Границы этих резервов должны были обозначаться представителями, wybranными «имперским правительством» и уполномоченным, назначенным американским синдикатом ТАСЖД⁴.

Синдикат брал на себя обязательство закончить сооружение железной дороги в течение 6–10 лет с момента начала строительных работ. Продолжительность концессии «индустриальной привилегии» определялась в 90 лет, затем земля возвращалась Российскому государству. По истечении 30 лет правительству гарантировалось право выкупа железной дороги. Примечательным, с точки зрения современно-

² ГАРФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 371. Л. 28–29.

³ Там же. Л. 30.

⁴ Там же. Л. 31.

¹ Амурский край. 1901. 31 окт.

сти, является то обстоятельство, что создатели проекта в тексте документа указывали только на право выкупа самой железной дороги, но о праве выкупа прилегающих земельных участков умалчивалось. В документе отмечалось, что линия пройдет по такому маршруту, который будет возможен с точки зрения топографии местности и возможности строительных работ⁵.

Для усиления эффекта благожелательности своих намерений заявители концессии обещали построить на всем протяжении будущей магистрали телеграфную линию, которой Российское государство могло бы пользоваться «для нужд своего правительства», и тем самым исключить «всякую зависимость» от подводного морского кабеля⁶.

Лобель пытался представить в проекте те экономические выгоды, которые получила бы Россия, дав разрешение на строительство железной дороги. И в первую очередь – это развитие местной металлургической промышленности, заказы для которой якобы гарантировались синдикатом, а во-вторых, использование преимущественно русской рабочей силы⁷.

Учредители синдиката максимально попытались представить проект как обычное коммерческое мероприятие. В подтверждение этого в тексте отдельным пунктом под размытой формулировкой «отсутствие иностранной колонизации» уточнялось, что «будущая эксплуатирующая компания Сибирской железной дороги должна будет ограничить свою деятельность чисто коммерческой эксплуатацией концессионных земельных участков»⁸.

Начиная с момента подписания императорского указа о концессии, американский синдикат обязывался в течение 18 месяцев выполнить следующие условия: учредить генеральную эксплуатирующую компанию предлагаемой железной дороги; составить пункты «технического задания»; начать строительные работы. В случае их невыполнения указ императора автоматически аннулировался⁹.

Лоик де Лобель учел замечания министра финансов С.Ю. Витте, указавшего на необходимость представления доказательств кредитоспособности синдиката и серьезности намерений строителей дороги. Лобель тщательно подготовил дополнительный пакет документов. В октябре 1905 г. на рассмотрение правительству были представлены: договор членов исполнительного комитета ассоциации ТАСЖД, в составе 10 чел. под председательством самого Лобеля, а также декларация специального патронажного комитета из 18 участников, согласившихся вложить капиталы в строительство дороги. Отмечалось, что имена инженеров, вошедших в исполнительный комитет, являются серьезной гарантией того, что строительные работы будут активно и успешно продвигаться. Лобель не забыл упомянуть и то, что проект находился под покровительством президента Франции Лубэ и министра финансов Соединенных Штатов Америки Л.М. Шо, которые являлись членами патронажного комитета¹⁰.

⁵ Там же. Л. 28.

⁶ Там же. Л. 31–34.

⁷ Там же. Л. 32.

⁸ Там же.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же. Л. 33.

В подтверждение финансовой и материально-технической состоятельности синдиката Лобель приложил к проекту автобиографические справки на каждого ассоциативного члена синдиката. Внушительный список участников этой корпорации в количестве более 30 чел. и их высокий социальный статус в США должны были оказать гипнотическое воздействие на российскую власть. В состав синдиката вошли видные американские ученые и инженеры, такие как Эльмер Лоуренс Кортель, Эдвард Бонд, Джон Ваддель, финансисты и предприниматели Джон Калхоун, Джон Хиали и др. Сам Лобель представлял себя инженером, доктором права, членом различных международных конгрессов, руководителем миссии Парижского географического общества¹¹.

Предложения синдиката вновь были отклонены. Концессия была признана не заслуживающей дальнейшего изучения. Основной причиной отказа послужила опасность строительства дороги по стратегическим соображениям, главным образом из-за поражения России в войне с Японией.

Идеология проекта тут же была переориентирована Лобелем. Итоги войны представлялись не как аргумент отказа от концессии, а, наоборот, как необходимость принять решение в пользу строительства ТАСЖД. Для этого необходима была поддержка высших военных чинов Российской армии. Лобель обратился к председателю Совета государственной обороны великому князю Н.Н. Романову. Последний предложил не отказываться от американского проекта, пытаясь доказать, что привлечение иностранного капитала на служение России (но при этом «зорко оберегая» интересы страны) станет наиболее перспективным и удачным делом не только с экономической, но и военно-политической точки зрения. Из его рассуждений следовало, что ввиду невозможности восстановления флота в Тихом океане после Русско-японской войны трансконтинентальная сибирская дорога будет средством сохранения Восточной Сибири за Россией.

Инициаторы проекта утверждали, что в сложившейся расстановке сил на международной арене США перешли из противника в союзники России и сооружение межконтинентальной железнодорожной магистрали станет гарантией прочного политического партнерства двух стран. Лобель с уверенностью утверждал, что США поняли свою ошибочность в поддержке Японии во время войны из-за происков японских агентов, которые под маской промышленников, журналистов и коммерсантов настраивали американскую общественность против России. Чтобы не повторилось такого во время сооружения ТАСЖД, он предлагал создать на территории США специальную тайную российскую организацию, которая будет выполнять те же функции, что и японская, только в противоположном направлении – формировании общественного американского мнения в пользу России. Более того, Лобель утверждал, что современные американцы резко изменили свою точку зрения относительно России, подкрепляя свои слова подборкой статей из газет стран – участниц концерна, где проект ТАСЖД рассматривался только с выгодных позиций для России и США и как акт «дружественного взаимодействия».

Сторонники Лобеля в России выступили с предложением не менее дерзким, чем сам проект, – назначить глав-

¹¹ Там же. Л. 43–61.

ным организатором мероприятий по законодательному утверждению сооружения ТАСЖД наиболее непримиримо его оппонента министра финансов С.Ю. Витте. Как утверждал Лобель, именно С.Ю. Витте, являющийся наиболее популярным российским политиком в среде американцев, мог стать гарантом успешного завершения проекта. Одновременно предлагалось создать специальную Государственную комиссию для ведения переговоров в Америке, при этом проведение переговоров в США предлагалось доверить «по телеграфу» Лоик де Лобелю с последующей ратификацией в Петербурге. При этом настойчиво подчеркивалось, что в ратификации должен участвовать и Совет государственной обороны России во главе с его председателем великим князем Н.Н. Романовым, так как строительство этой дороги будет способствовать «целостности и неприкосновенности Родины». Более того, заявители концессии провозглашали тезис о том, что именно ТАСЖД будет связующим звеном в создании тройственного политического союза между США, Францией и Россией и станет прочной опорой взаимоотношений Российской империи с этими государствами на международной политической арене.

Американский вариант договора рассматривался на трех уровнях государственных и общественных структур: в правительстве, регионе и объединениях научной и инженерно-технической общественности [2, с. 278], в Министерстве путей сообщений, а также специальной комиссией под председательством директора Департамента железнодорожных дел Циглера фон Шофгаузена. Большинство членов комиссии склонялось к признанию полезности для России выдачи железнодорожной концессии. При этом предлагалось поставить синдикату ряд условий, исключающих возможность отторжения от России ее северо-восточных территорий и установления на них американского политического господства. Вести дорогу предлагалось от Канска прежде всего к одному из проливов Охотского моря, а затем к Берингову проливу. Полосу земли с обеих сторон предлагалось сократить до 6 верст и представить ее в эксплуатацию синдикату не сразу, а по частям в зависимости от хода строительства. Срок выкупа предлагалось уменьшить с 30 до 25 лет¹².

Проект Лобеля одобрително был принят в железнодорожном отделе Русского технического общества и активно обсуждался на заседаниях общества в марте 1906 г.¹³ Но именно этот год стал временем возвращения царского правительства к идее сооружения Амурской железной дороги. Лобель, понимая, что строительство амурского участка Транссиба является лишь вопросом времени, выступил с поддержкой одновременного строительства ТАСЖД и Амурской дороги, которые смогли бы дополнять друг друга. Адаптируясь к новой ситуации, он утверждал, что в недалеком будущем их совместная эксплуатация могла бы уси-

лить эффект экономической и политической значимости этих дорог. В связи с этим в том же 1906 г. Лобель дополняет свой проект предложениями о сооружении железнодорожных ветвей от Трансаяско-сибирской магистрали к различным пунктам Тихоокеанского побережья и амурскому участку Транссиба.

На почве ажиотажа, возникшего вокруг концессионного заявления де Лобеля, и в противовес проекту Сибирь-Аляскинской магистрали группой сибирских коммерсантов и промышленников было сделано представление директору департамента железнодорожных дел, в котором выражалась готовность организовать акционерное общество по сооружению и эксплуатации Русской Тихоокеанской железной дороги. Проект Русской Тихоокеанской железной дороги, в сравнении с Трансаяско-сибирской, обсуждался на Иркутском совещании о путях сообщения в Сибири [3, с. 323]. Региональные власти отнеслись к проектам отрицательно. В выступлениях оппонентов концессионных проектов настойчиво указывалось на чрезвычайную опасность отчуждения значительных территорий Сибири и закрепления за группой представителей иностранного либо отечественного капитала монопольного права на разработку природных ресурсов. В число задач первоочередной важности Иркутское совещание включило форсированное строительство Амурской железной дороги за счет государственных средств. В связи с этим в марте 1907 г. Совет министров России окончательно отклонил проект Трансаяско-сибирской железной дороги [4, с. 121].

Некоторое время в периодических изданиях публиковались сведения о новых планах Лобеля. В «Сибирских вопросах» за 1909 г. сообщалось, что Лобель не теряет надежды «копнуть так или иначе сибирские недра», и вполне возможно, продажа земли будет осуществляться не частями как ранее, а оптом. В итоге Лобель «со своими компаньонами американцами захватит около 20 тыс. десятин земли: по новому его проекту железнодорожная линия начнется от Читы» [5, с. 19–20]. Но концессионные предложения Лобеля так и остались в пределах обсуждения в средствах массовой информации и на уровне слухов. Российские власти, вплотную занявшиеся строительством Амурской железной дороги, к рассмотрению проекта ТАСЖД в последующие десять лет больше не возвращались.

Взвешивая все «за» и «против» проекта Лоик де Лобеля, приходится все же констатировать следующее. Ближе к истине были оппоненты, указывавшие на неосуществимость строительства 5000-километровой железной дороги за десять и тем более за шесть лет и поэтому подозревавшие будущих концессионеров в намерении экономического и затем политического отторжения значительной части северо-восточных территорий России. Техническая несостоятельность строительства вполне доказывается опытом сооружения вдвое меньшей по протяженности Амурской железнодорожной линии, которая, несмотря на ее сооружение на более или менее населенных территориях вдоль Амура с пароходным движением по нему и по Амурскому тракту, строилась больше 10 лет.

Выбор в пользу всемерно форсированного строительства Амурской линии диктовался не столько опасностью отторжения северо-восточных территорий в случае концес-

¹² Протокол Общего собрания Русского императорского общества судоходства, 10 марта 1906 г. // Русское судоходство. 1906. № 5. С. 10.

¹³ Ходатайство иностранного синдиката о Сибирь-Аляскинской железной дороге и железных дорогах в Аляске // Железнодорожное дело. 1908. № 15–16. С. 31д.

сии на ТАСЖД, сколько негативными последствиями, связанными с эксплуатацией КВЖД в ситуации поражения России в войне с Японией.

Одним из весьма серьезных императивов отказа на концессионной заявке де Лобеля являлось уязвленное национальное достоинство. Например, приморский наместник категорично заявлял, что предложения, подобные проекту де Лобеля, обычно делаются слабым государством. Российскую империю он к таковым не относил и поэтому считал необходимым отказать иностранному капиталу в концессии и ждать, когда отечественный предприниматель окажется способным оживить и освоить природные ресурсы северо-восточной окраины.

Не приходится сомневаться, что несостоявшийся акционер преследовал в первую очередь собственные выгоды. Показательно другое – российская сторона в лице сторонников концессии и противников ее оперировала весьма общими рассуждениями преимущественно «стратегического» масштаба. До уровня расчетов конкретных выгод от ре-

ализации концессии или столь же конкретных потерь российские специалисты, участвовавшие в полемике, так и не поднялись. С тех пор миновало более 100 лет, но и сегодняшние сторонники ТАСЖД не продвинулись вперед в этом направлении.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ткаченко В.Я., Перцев В.П., Варнавский В.Г., Прокофьева Т.А., Муштаков Д.А., Малов В.Ю., Сутурин С.В., Ламин В.А., Воробьев В.С. Оценка эффективности инвестиций в проекты транспортного строительства. Новосибирск, 2004.
2. Ткаченко В.Я., Перцев В.П. Сухопутный транспорт Сибири: Формирование опорной сети железных и автомобильных дорог. Новосибирск, 2003.
3. Труды Совещания 1906 г. в Иркутске о путях сообщения в Сибири. Иркутск, 1908. Т. 2.
4. Азиатская часть России: Новый этап освоения северных и восточных регионов страны. Новосибирск, 2008.
5. Очерки сибирской жизни // Сибирские вопросы. СПб., 1909. № 42.

В.Ц. ЛЫСКОВА

ИЗ ИСТОРИИ АРХИВНОГО ДЕЛА В БАЙКАЛЬСКОМ РЕГИОНЕ (1918–1922 гг.)

Управление по делам архивов Республики Бурятия, Улан-Удэ
e-mail:

В статье рассматривается состояние архивов в условиях Гражданской войны в Байкальском регионе в 1918–1922 гг., описываются обстоятельства полной или частичной утраты архивов учреждений, частных коллекций, семейных архивов. Показано, что благодаря деятельности архивистов Центра архива Восточной Сибири, историков и энтузиастов на местах удалось спасти от гибели документальные материалы региона, сконцентрировать их в государственные хранилища в виде обособленных архивных фондов.

Ключевые слова: архивное дело, документальные материалы, Сибирь, гражданская война, советская власть

В Центральной России практическое осуществление новой системы архивного устройства согласно декрету «О реорганизации и централизации архивного дела» от 1 июня 1918 г. начиналось в тех губерниях, в которых прочно удерживалась советская власть. В Сибири, в частности на территории Байкальского региона, организация архивного строительства отодвинулась на три–пять лет в связи с Гражданской войной и иностранной интервенцией. Под Байкальским регионом в настоящей статье понимается территория современных Иркутской области, Забайкальского края и Республики Бурятия, которые представляют собой территориальную общность, связанную геополитическим единством, а применительно к периоду Гражданской войны и общностью исторической судьбы.

Наряду с огромными людскими потерями Гражданская война сопровождалась полной или частичной утратой массы культурно-исторических ценностей – музейных и книжных собраний, архивов государственных, частных организаций и т.п. В эти годы от пожаров, хищения, про-

дажи документов для оберточной бумаги, а также небрежного отношения со стороны чиновников серьезно пострадали архивы в большинстве крупных городов Дальнего Востока и Сибири. Многие архивные источники свидетельствуют о том, что документы самых крупных фондов на территории Забайкалья – Нерчинского горного округа, Нерчинского горного правления, в которых отложилась делопроизводственная документация со времени учреждения Нерчинского горного начальства в 1722 г., были утрачены именно в годы Гражданской войны. Причем фонды этого ведомства по сравнению с другими фондами «присутственных мест» дореволюционного Забайкалья отличались большим объемом дел и находились в более упорядоченном виде, о чем свидетельствуют предписания Бергколлегии, рапорты, донесения, Нерчинского горного правления¹ и др.

¹ Государственный архив Забайкальского края (ГАЗК). Ф. 2396. Оп. 1. Д. 812. Л. 50; Ф. Р-2397. Оп. 1. Д. 57. Л. 10; Ф. 31. Оп. 1. Д. 2516, 1299, 2397.

Через созданное в 1919 г. в Чите «военно-промышленное совещание» интервентам удалось захватить секретные материалы из фонда Нерчинского горного округа, характеризующие состояние округа и результаты геологических разведок рудного поля. При этом они учинили погром. Газета «Дальне-Восточная правда» писала: «Двери, ведущие в помещение архива, были взломаны, а сам архив подвергнут невероятному разгрому и расхищению... Захватчики привели оставшуюся часть архива Управления округом в состояние невозможное для использования. Все дела были сброшены с полок, большею частью разбиты»².

Подтверждением такого разоренного состояния фондов Нерчинского горного округа могут быть воспоминания И.М. Давидовича, в которых он писал: «Особенным характерным примером такого вандализма явился архив Нерчинского горного округа, выброшенный на улицу под дождь для того, чтобы его помещение заняли японские оккупанты под солдатский постой, склады для хранения боеприпасов, продовольственных товаров. Сретенская библиотека была выброшена из занимаемого ею здания в одну из комнат Горного училища, где крысы и мыши уничтожили часть этой библиотеки»³.

В личном фонде одного из первых архивистов Забайкалья, краеведа-историка, очевидца событий Гражданской войны И.М. Давидовича содержатся и другие подробности о состоянии архивных фондов Забайкалья: «В Нерчинском заводе, где хранились архивные фонды управления Нерчинского горного округа, горной экспедиции были подвергнуты расхищению и уничтожению около 60 тысяч килограммов материалов, распроданы на базарах Читы, Нерчинска, Сретенска. Убегая из Забайкалья, интервенты вывезли только из Читы до 100 вагонов архивных материалов»⁴. Современный исследователь истории архивов Сибири и Дальнего Востока А.И. Костанов приводит данные об употреблении документов на растопку печей японскими войсками и о продаже лавочникам архивных материалов Нерчинского горного округа [1, с. 19].

В целях спасения архивов Министерство внутренних дел Российского правительства 18 июня 1919 г. издало циркуляр о приведении в порядок архивов местных учреждений, в котором, обращаясь ко всем управляющим губерниями и областями, просило «безотлагательно принять решительные меры к охране архивов и приведению их в порядок... срочно сообщить, не потребуется ли на работы... дополнительных ассигнований на усиление штата служащих в архивах, для каковых работ должны приглашаться лица по рекомендации местных учреждений по археологии и археографии, способные к выполнению этой трудной, ответственной обязанности» [2, с. 165–166]. К циркуляру был приложен анкетный лист для выяснения состояния местных архивов. В нем содержались вопросы следующего характера: состояние помещения, перевози-

лись ли в 1917–1918 гг., не было ли пожаров, начиная с какого года имеются дела в архивах и т.д. Анкеты, сохранившиеся в фондах Государственного архива Забайкальского края, позволяют сделать вывод о том, что на вопросы ответили 84 учреждения, находящиеся на территории Забайкалья и Прибайкалья – городская и уездная милиция, уездные, земские и волостные управы, станичные правления и др. Все анкеты учреждений раскрывают состояние архивного дела в Байкальском регионе.

Из анкет удалось почерпнуть разные сведения о положении местных архивов, которые оказались неутешительными. Так, в одной из них начальник Читинской городской милиции сообщал: «Архив вверенного мне управления находится в хаотическом положении, частью свален в кучи на полу и дела разбиты»⁵. Атаман Онон-Борзинского станичного правления докладывал, что архив правления увезен карательным отрядом. В Селенгинском уезде архивы станичных и волостных правлений, надзирателя г. Мысовска, находившиеся в арестном помещении, сгорели от поджога большевиками⁶.

По этому поводу И.М. Давидович писал: «Большевикам не было смысла сжечь архив полиции, когда он нужен был для следственных органов. А сожгли те, которые пытались скрыть свою провокаторскую работу во времена царизма...»⁷ Атаман Кударинского станичного правления сообщил, что их архив был разбит красноармейцами во время расхищения станичного имущества. Вероятно, бывали случаи и таких беспорядков. Например, в письме Цугольского хошунного нарревкома Агинского аймака в Бурятский революционный комитет (Бурревком) Дальневосточной республики (ДВР) от 18 декабря 1921 г. сообщалось: «Все делопроизводство и архив волостного правления и земской управы были разгромлены летом 1918 г. советскими войсками под командованием Каландаришвили, а после чего оставшиеся старые дела в 1919 г. сгорели пожаром, выпущенным во время наступления партизанского отряда т. Яковлева из ст. Оловянной»⁸. Подобные варварские действия по отношению к архивам имели место во многих местах края. Очевидец И.М. Давидович писал, что «в Сретенске в 1919 г. видел как документами архива Нерчинско-Заводского уезда, относящимся к XVIII в., в китайских лавочках завертывали продукты и продавали эти материалы кулями на базаре. И это делали белогвардейские воинские части, бежавшие от красных. Больше того, части каппелевских банд продавали кисеты, сшитые из пергаментных свитков 17 в.»⁹.

Сведения об истреблении архивов поступали отовсюду. Так, в 1920-е гг. погибла значительная часть архивов одного из крупнейших культурных центров Забайкалья –

⁵ Там же.

⁶ Там же. Л. 11–12.

⁷ Там же. Л. 22.

⁸ Национальный архив Республики Бурятия (НАРБ). Ф. Р-273. Оп. 1. Д. 8. Л. 3.

⁹ ГАЗК. Ф. Р-2386. Оп. 1. Д. 270. Л. 19.

² Дальне-Восточная правда. 1921. 23 нояб.

³ ГАЗК. Ф. Р-2386. Оп. 1. Д. 270. Л. 2.

⁴ Там же. Л. 34.

г. Троицкосавска¹⁰. Архивы Кяхтинского купеческого общества и Кяхтинского пограничного комиссариата, содержавшие документы по истории знаменитой кяхтинской торговли, увозились возами в Маймачен в китайские лавки [3, с. 42].

Тогда же некоторые учреждения г. Верхнеудинска получали из Селенгинска бумаги¹¹, написанные на обороте ценных документов по истории политической ссылки, взятых из архива бывшего Селенгинского полицейского управления. Зимой 1920 г. сгорел богатейший по составу и содержанию волостной архив в с. Бичура, хранивший исторические материалы со второй половины XVIII в. [3, с. 43; 4, с. 37].

Среди вышеуказанных фактов отдельного внимания заслуживают сведения об архивах бывшего колчаковского правительства. В 1920-е гг. вопрос о судьбе этих архивов бурно обсуждался на заседаниях Коллегии Центрархива РСФСР. Что касалось хранения части архива Колчака в г. Иркутске, то историк Н. Каржанский в газете «Известия» от 14 июля 1926 г. писал, что «материал отнюдь не областного, сибирского масштаба, конечно, не губернского, даже, пожалуй, и не всесоюзного, до сего дня хранится в провинциальном городе. Архивам подобного рода не место в провинциальном городе» [5, с. 87]. Член Коллегии, заместитель заведующего Центральным архивным управлением РСФСР В.В. Максаков в письме по данному вопросу отмечал, что «при отступлении на восток колчаковские учреждения бросали свои архивы в беспорядке в разных городах не только в Омске, но и в Иркутске, Новосибирске, Красноярске и т.п. Находили дела на чердаках и в подвалах зданий, где во время бегства имели временное пристанище колчаковские учреждения» [5, с. 88]. Впоследствии Коллегия Центрархива в лице В.В. Максакова сообщила, что архив Колчака еще в конце 1920 г. был перевезен из Иркутска в Москву и передан в Архив Октябрьской революции.

В период существования ДВР его правительством и областными органами была предпринята попытка принятия мер по охране и упорядочению архивов. Однако эти меры носили лишь директивный характер. Так, 11 января 1921 г. Народный революционный комитет (Нарревком) Бурят-Монгольской автономной области (БМАО) ДВР разослал местным ревкомам предписание, в котором говорилось: «В

¹⁰ Кяхтинский форпост был основан в 1728 г. как опорный пункт российско-китайской торговли, впоследствии получивший название «Великий чайный путь». Одновременно с ним был заложен г. Троицкосавск. Вплоть до открытия Суэцкого канала в 1868 г. через Кяхту – Троицкосавск осуществлялся весь транзит чая из Китая в Россию и Западную Европу. По постановлению ВЦИК СССР от 11 августа 1934 г. г. Троицкосавск переименован в г. Кяхта.

¹¹ Селенгинский острог основан на правом берегу р. Селенги в 1665 г. русскими служилыми людьми. Со временем стал первым административным и военным центром Забайкалья. Известный Селенгинский пехотный полк, сформированный в 1796 г., участвовал в Отечественной войне 1812 г., обороне Севастополя в войне 1854–1855 гг., Русско-турецкой войне 1877–1878 гг. В 1822 г. Селенгинск вместо уездного центра получил статус «заштатного города» и становится местом ссылки декабристов.

некоторых аймаках и хошунах остались склады старых дел, а иногда и целые архивы бывших волостных правлений, инородных управ и даже Степных дум... Настоящим предписывается аймачным и хошунным властям не допускать уничтожения указанных складов и архивов и принять все меры для их сохранения»¹². Сверх того, Нарревком потребовал взять на учет все имевшиеся архивные материалы, обеспечить их удовлетворительными помещениями и составить описи. «Необходимо помнить и разъяснять населению, – значилось в предписании, – что все старые архивы и склады дел имеют весьма важное значение как собрание ценных материалов по управлению, землепользованию и обычному праву народа нашего и подлежат строгой охране»¹³.

Однако в условиях продолжавшейся войны осуществление намеченных мероприятий не представлялось возможным. По словам известного историка, первого архивиста БМАО В.П. Гирченко, «в некоторых областях Министерством просвещения ДВР были назначены уполномоченные министерства по охране и разработке архивных материалов. Но они могли заниматься архивным делом лишь в свободное время, никакого вознаграждения за свой труд не получали, не имели никакого технического аппарата, ни средств на перевозку, даже на канцелярские и почтовые расходы...»¹⁴. Поскольку министерство не отпускало средств на организацию архивного дела, документы продолжались продаваться в качестве оберточной бумаги.

Еще одной попыткой правительства ДВР законодательно решить архивную проблему стало издание закона «Об объявлении всех архивов государственным достоянием Дальневосточной республики и передаче их в ведение Министерства народного просвещения и ответственности за уничтожение, расхищение и порчу их». В порядке реализации Основного закона ДВР (принят в апреле 1921 г.) правительство постановило: «1. В целях сохранения от расхищения, порчи и уничтожения все архивы с делопроизводством, старинными рукописями и рукописными книгами военных, гражданских и духовных учреждений в пределах Дальневосточной республики объявляются достоянием государства и передаются в общее ведение Министерства народного просвещения». Далее в законе указывалось, что на учреждения «возлагается ответственность за целостность и сохранность архивных дел и старинных рукописей; за всякую порчу, а также за полное или частичное уничтожение архивных дел... виновные привлекаются к законной ответственности» [6]. Этим законом запрещалась всякая переноска или перевозка архивных дел и рукописей из одного помещения в другое, либо из одной местности в другую без ведома и предварительного соглашения Министерства народного просвещения.

Закон был принят к сведению некоторыми учреждениями ДВР. В приказе начальника по управлению милиции Забайкальской железной дороги от 31 августа 1921 г. говорилось: «Объявляю к точному и неуклонному исполнению приказ начальника Главного управления Нармили-

¹² НАРБ. Ф. 485. Оп. 1. Д. 22. Л. 296.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же. Д. 7. Л. 40б.

ции о принятии закона...»¹⁵. Однако после принятия Закона средств на архивное строительство отпущено не было, архивами никто не занимался. Закон остался лишь на бумаге. Тем не менее это был первый на территории советского Дальнего Востока нормативный акт, регулирующий вопросы сохранения архивных документов.

В рассматриваемый период конкретные мероприятия, направленные на упорядочение архивов в Прибайкалье, были связаны с деятельностью Прибайкальского народного университета, открывшегося в 1920 г. Учрежденная при нем кафедра прибайкаловедения занималась изучением истории, охраной и разработкой местных архивов. Под руководством декана кафедры В.П. Гирченко сотрудниками кафедры были вывезены в г. Верхнеудинск фонды Тарбагатайского волостного правления, собрана целевая часть документов учреждений города [7, с. 3]. Кафедра выпустила «Известия кафедры», 3 номера журнала «Прибайкальский край» (1920–1922 гг.) и «Прибайкальский календарь на 1922 г.». На страницах этих изданий помещались статьи, очерки, исторические обзоры по истории края, составленные на базе архивных и опубликованных данных.

В рассматриваемый период на территории Байкальского региона существовало единственное архивное учреждение – Центральный архив Восточной Сибири (Центрархив), созданный в 1920 г. в Иркутске под руководством профессора Иркутского государственного университета В.И. Огородникова, который должен был заниматься комплектованием фондов упраздненных и существующих учреждений Восточной Сибири – губерний Иркутской и Красноярской, областей Якутской и Забайкальской и Урянхайского края [4, с. 37].

В течение 1920 г. работа Центрархива была сосредоточена на осмотре городских архивов, охране, перевозке в хранилища фондов, находившихся в угрожаемом состоянии. Проводилось упорядочение фондов и научное описание документов под руководством архивистов К.Е. Логунова, А.И. Колмаков, Г.А. Рязского и др. Сотрудники архива вместе со студентами Иркутского университета обходили государственные учреждения, брали на учет, при необходимости опечатывали помещения, где хранились архивные документы, или на шкафах ставили сургучную печать Центрархива. В это время в Иркутске имелось пять ведомственных архивов: генерал-губернатора, Военный, Духовной консистории, губернских установлений и судебных установлений [8, с. 58–60].

Фонды других расформированных учреждений, вывезенные в ходе осмотров, вывозились и присоединялись к этим пяти архивам. Однако отсутствие единого помещения, материальной обеспеченности препятствовало правильно комплектованию и учету дел.

В круг ведения Центрархива Восточной Сибири входила огромная территория. Безусловно, Центрархив не мог наладить серьезную постановку архивного дела на таком большом пространстве. Создание Центрархива Восточной

Сибири с самого начала вызвало недовольство руководства Сибархива, которое признало параллелизм в его работе. Многие трудности объяснялись, кроме того, финансовой зависимостью от Сибархива, назначением В.И. Огородникова одновременно заведующим Иркутским губернским управлением архивным делом, подведомственным Сибархиву.

Согласно новому положению 1921 г., все архивы составили по каждой губернии особый единый губернский архивный фонд при губернских отделах народного образования. На основании этого документа Центрархив прекратил свое существование и был реорганизован в Иркутское губернское архивное управление. Анализируя положительные стороны деятельности первого архивного учреждения Иркутской губернии – Центрархива, следует отметить заслуги его первого руководителя В.И. Огородникова в становлении архивного дела в Иркутской губернии. Была создана основа для комплектования архивных фондов региона.

Таким образом, условия хозяйственной разрухи, политическая нестабильность, отсутствие финансового и материально-технического обеспечения не позволили учреждениям обеспечить в полной мере сохранность архивных документов. Архивы оставались безнадзорными, документы расхищались и уничтожались в огромном количестве. Ситуация усугублялась отсутствием единой архивной политики, централизованного руководства в организации архивного дела на местах. Тем не менее, во многом благодаря деятельности архивистов Центрархива Восточной Сибири, кафедры прибайкаловедения Прибайкальского народного университета, энтузиастов удалось спасти от гибели значительную часть документальных материалов, сконцентрировать их в государственные хранилища в виде обособленных архивных фондов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Костанов А.И. Архивы Сибири и Дальнего Востока в 1917–1920 гг. // Отечественные архивы. 2008. № 5.
2. Принять решительные меры к охране архивов: Документы Омского правительства. 1918–1919 гг. // Исторический архив. 1997. № 3.
3. Лыскова В.Ц. Архивное дело в Бурятии: история организации и развития (60-е гг. XIX – 1991 г.). Улан-Удэ, 2001.
4. Архивы Прибайкалья // Изв. кафедры прибайкаловедения. 1921. № 1.
5. Хроника архивной жизни // Архивное дело. 1926. Вып. VIII–XI.
6. Собрание узаконений и распоряжений Правительства ДВР. 1921. № 2(8). Ст. 43.
7. План работы по кафедре прибайкаловедения при Прибайкальском народном университете // Изв. кафедры прибайкаловедения. 1921. № 1.
8. Бедулина И.П. Становление и развитие государственной архивной службы в Иркутской области в 1920–1938 гг. Иркутск, 2005.

¹⁵ ГАЗК. Ф. Р-58. Оп. 1. Д. 75. Л. 136.

М.М. ЕСИКОВА

КОЛХОЗНАЯ ЖИЗНЬ В ЦЕНТРАЛЬНОМ ЧЕРНОЗЕМЬЕ В НАЧАЛЕ 1930-х гг.Тамбовский государственный технический университет
e-mail: milana.61@mail.ru

В статье рассматриваются вопросы организации производства и оплаты труда в колхозах Центрального Черноземья в начале 1930-х гг. Автор показывает, что крайне низкий уровень доходов колхозников негативно влиял на производственные показатели колхозов. Введение «неонэпа» принципиально не изменило ситуацию в деревне. В этих условиях власти в качестве одного из основных стимулов труда стали использовать репрессии.

Ключевые слова: крестьянство, коллективизация, колхозы, репрессии, сельское хозяйство, организация труда, «неонэп».

Результаты труда во вновь образованных производственных ячейках – колхозах – во многом зависели от социально-психологической обстановки в них. Тяжелые условия труда, нарушение санитарно-гигиенических норм влияли на удовлетворенность работой, производственную дисциплину. Не менее важное значение имело конкретное содержание труда, при ослаблении интереса к труду заметно снижалась и его производительность.

Важным фактором, влиявшим на результаты труда, оказывался и социально-психологический климат в коллективе, в формировании которого большую роль играли руководители колхозов. Нередко рабочие и бедняки, вознесенные на пост председателя колхоза, не считались с мнением правления колхоза, самолично исключая колхозников, применяя к ним меры наказания¹. Так, председатель колхоза «Путь Ильича» Кромского района член ВКП(б) Великанов избил конюха Бубина за то, что тот пожаловался председателю сельского совета на халатное отношение правления колхоза к тягловой силе. После экзекуции Бубин заявил: «Оказывается, действительно колхоз-барщина. Так больно моего прадеда при барщине били». Председатель колхоза «Красная заря» ударил колхозника за попытку доказать, что правление не учло всех его трудодней. В Задонском районе правления колхозов приглашали милиционеров, которые всех отказавшихся от работы, отправляли в поле под конвоем, избивая кнутом [1, с. 77].

Вопиющие факты, свидетельствующие о тяжелейшем положении колхозников и циничном отношении к ним местных руководителей, содержатся во многих документах. Так, в Знаменском сельсовете Щигровского района, по решению председателя и секретаря партийной ячейки, незаконно налагались «твердые задания», раскулачивались середняки и бедняки, отбирались хаты. На отдельные середняцкие хозяйства налагался штраф от 1,5 тыс. до 2,4 тыс. руб., что вело к их полному разорению; 64 середняцких хозяйств были оштрафованы на 32 527 руб.; у 27 хозяйств изъя-

ли последних лошадей, коров, мелкий скот. Осенью 1931 г. райисполком дал распоряжение не засеивать приусадебные участки колхозников [2, с. 428–429].

Из-за низкой организации производства доходы колхозников оставались невысокими. Причем высокая оплата труда не всегда была связана с самым весомым трудовым вкладом. В ряде районов ЦЧО (Тамбовский, Лев-Толстовский, Землянский и др.) колхозники не знали количества отработанных ими трудодней, так как их запись не велась. В Тамбовском районе имелись случаи, когда за весь период весеннего сева при непрерывной работе у колхозников было записано всего по 2–3 трудодня². По выработке трудодней (102 трудодня в год) ЦЧО находилась на одном из последних мест в СССР, обгоняя только Закавказье и Московскую область [3, с. 266].

Уровень жизни колхозников продолжал снижаться. Конечно, имелись и исключения, не все колхозы были убыточными. Например, колхоз «Новая жизнь» Мордовского района в 1930 г. имел на трудодень 1 р. 10 к., а в 1932 г. – 1 р. 46 к.³ Однако в 1932 г. большинство колхозов не могло расплатиться за кредиты, взятые в 1931 г. Когда наступило время платежей, все вырученные за сданный урожай средства ушли на уплату кредитов. Нередко колхозники оставались должниками государства. Проведенное в 1933 г. обследование 565 колхозов ЦЧО показало, что 46 % хозяйств не обеспечивали своему работнику возможности прокормить одного ребенка даже по официальным нормам (192 кг в год)⁴.

В колхозе имени Мичурина Козловского района за 1931/32 г. было учтено всего 45 тыс. трудодней, а в колхозе насчитывалось 1229 чел. трудоспособных (1857 едоков). В среднем на одного работника приходилось менее 40 трудодней. На один трудодень выдавалось по 5,3 кг хлеба⁵, а

² Там же. Оп. 1. Д. 631. Л. 73, 88.

³ Государственный архив Тамбовской области (ГАТО). Ф. Р-2121. Оп. 3. Д. 4. Л. 4.

⁴ ГАВО. Ф. Р-1233. Оп. 1. Д. 1390. Л. 14.

⁵ Наша правда. 1932. 11 авг.

¹ Государственный архив Воронежской области (ГАВО). Ф. Р-1013. Оп. 2. Д. 161. Л. 2.

это означало, что колхоз относился к лучшим хозяйствам ЦЧО, которых насчитывалось всего 7,6 %. В среднем в этом хозяйстве колхозники могли получить только по 212 кг хлеба в год (официальная норма – 240 кг). Как видим, колхозники не имели возможности прокормить даже себя. Низкий жизненный уровень порождал настроения апатии и безнадежности.

Весной 1932 г. власти попытались изменить ситуацию в деревне за счет принятия так называемых неонэповских актов. Так, 26 марта ЦК ВКП(б) принял постановление «О принудительном обобществлении скота», в котором осуждалась практика принудительного изъятия у колхозников коров и мелкого скота. Затем, 6 и 10 мая, СНК и ЦК ВКП(б) приняли постановления об уменьшении государственных планов хлебозаготовок и скотозаготовок на 1932 г. и предоставлении права колхозам, колхозникам и единоличникам после выполнения государственных поставок и образования семенных фондов продажи своей продукции на рынках. Право беспрепятственной торговли хлебом предоставлялось не ранее 15 января 1933 г. только в том случае, если в области годовой план хлебозаготовок выполнен досрочно и собраны семена для ярового сева.

Эти решения имели пропагандистское значение и вызвали недоверие в у крестьян. Колхозники задавали недоумённые вопросы: «Чем я буду торговать?», «На чём я поеду на базар, если у меня нет лошади?» и т. д. (Золотухинский, Фатежский районы) [2, с. 399].

Весной 1932 г. по стране прокатились так называемые волынки – массовые отказы от работы в колхозах. В ЦЧО «голодные волынки» в большинстве своем имели характер массовых сходов около сельсоветов с настойчивыми требованиями отпуска продовольствия. С лета волынки приняли массовый характер: в июне их было 2 по области, в июле – 26. Наиболее упорным было выступление за выход из колхозов в селах Крутицком и Акимовском Рыльского района в июле. В течение месяца колхозники не приступали к полевым работам, обобщественное имущество растащили по дворам, требовали раздела посевной площади. Органами ОГПУ был произведен арест зачинщиков. На следующий день толпа в 150–200 чел. подошла к сельсовету с требованием освободить их. Уговоры не подействовали, применили оружие. Двое крестьян было убито, двое ранены, 30 чел. арестовано, имелись также факты телесных наказаний. Всего в Рыльском доме заключенных в связи с антиколхозным движением находилось около 700 чел. [2, с. 428–429]. В июне в 27 районах области чекисты арестовали 780 чел. – представителей «кулацко-контрреволюционного элемента» [2, с. 403].

В июне в 50 районах ЦЧО более 16 тыс. хозяйств вышли из колхозов. Выходы сопровождались самовольными разделами сельскохозяйственного инвентаря, рабочего скота, массовыми волынками, в некоторых из них участвовало до 400 чел. Наибольшую активность в этом плане проявили Томаровский, Дмитровский, Золотухинский, Мценский и другие районы [2, с. 398]. Массовое распространение получили слухи о решении правительства распустить колхозы, имелись случаи обращения в правления: «Можно ли на основании решений ЦК и СНК выписаться

из колхоза?» [2, с. 399]. Летом 1932 г. участились случаи поджогов колхозного имущества. Присутствовавшие при пожарах колхозники помощи в тушении не оказывали, из толпы слышны были выкрики: «Пусть горит, это им наука» [2, с. 402].

Крестьяне меньше всего думали о судьбе урожая на колхозных полях. Если они на что-то надеялись, то только на сокращение заданий обязательной поставки государству производимой ими продукции. Но эти надежды не оправдались. Поэтому летом 1932 г. с началом уборочной кампании в колхозах получило повсеместное распространение небывалое ранее воровство колхозного зерна с полей, в ряде районов ЦЧО эпидемия воровства достигла таких размеров, что колхозники боялись выходить в поле, оставляя избы без присмотра [4, с. 88].

Ответом режима стало принятие жесткого законодательства в отношении крестьян, которые совершили хищения колхозной собственности, и большинство из них шло на это ради спасения себя и своих семей от голода. Постановление ЦИК и СНК СССР от 7 августа 1932 г. «Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной (социалистической) собственности», названное в народе «законом о колосках», предусматривало «применять меры судебной репрессии за хищение (воровство) колхозного и кооперативного имущества высшую меру социальной защиты – расстрел с конфискацией имущества и с заменой при смягчающих обстоятельствах лишением свободы на срок не ниже 10 лет с конфискацией всего имущества». Амнистии осужденные по этому закону не подлежали. В сопроводившей постановление секретной инструкции ЦК ВКП(б) от 16 сентября подчеркивалось, что уголовное преследование по нему допускалось «в отношении преступлений, совершенных до издания закона, в случаях, когда преступления имеют общественно-политическое значение» [2, с. 478].

По закону от 7 августа в ЦЧО с 1 января по 1 июня 1933 г. было осуждено 7982 чел., из которых 6739 чел. (83 %) получили по 10 лет лишения свободы. К остальным 17 % на основании ст. 51 УК РСФСР⁶ были применены более мягкие меры наказания. На самом деле эта цифра была больше: за данный период через кассационную инстанцию областного суда прошло дел на 8343 чел., осужденных по этому же закону. Для 56 % осужденных приговор был оставлен в силе, отменен – для 16 %, изменен (переквалифицирован) – для 20 и прекращен – для 8 %. Кроме того, с 15 февраля по 15 июня 1933 г. по ст. 162 УК (обычная статья УК о случаях единичных хищений, совершенных трудящимися из-за нужды и по несознательности) в ЦЧО было осуждено 1308 чел. [2, с. 767–769].

В результате из-за сокращения единоличниками посевов, падения у колхозников интереса к труду в общественном хозяйстве, плохой обработки полей, нарушения норм

⁶ Ст. 51 УК РСФСР предусматривала относительно более мягкие меры наказания. Коллегия Наркомата юстиции весной 1933 г. запретила ее применение районными народными судами, разрешив только областным судам.

высева зерна, технологии ухода за посевами урожай в области оказался ниже, чем ожидалось.

Условия хлебозаготовок игнорировали материальные интересы колхозов, колхозников и единоличников, лишали их стимула к производству и сдаче хлеба государству. Крестьяне не могли понять и принять навязывавшуюся им государством новую форму экономических отношений. Логика крестьянина противостояла порядку, в соответствии с которым он, не зная, что ему останется от урожая, обязан был в первую очередь вывезти хлеб в счет плана хлебозаготовок.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мигуценко О.Н. Влияние социально-экономической политики государства на развитие правовых взглядов сельского населения в 1928–1934 годах (на материалах Центрально-Черноземной области). Курск, 1999.
2. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939: Документы и материалы. М., 2001. Т. 3.
3. История советского крестьянства. М., 1986. Т. 2.
4. Фицпатрик Ш. Сталинские крестьяне. Социальная история Советской России в 30-е годы: деревня. М., 2001.

Д.С. ОРЛОВ

СПЕЦИАЛИЗАЦИЯ И МЕЖХОЗЯЙСТВЕННАЯ КООПЕРАЦИЯ В ЖИВОТНОВОДСТВЕ АЛТАЙСКОГО КРАЯ В СЕРЕДИНЕ 1960-х – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1980-х гг.

Бийский педагогический государственный университет
e-mail: orlovd2006@mail.ru

В статье анализируются инициированные советским государством процессы специализации и межхозяйственной кооперации сельхозпредприятий в середине 1960-х – первой половине 1980-х гг. Проблемы проведения этого курса раскрываются на примере его осуществления в животноводстве Алтайского края. Автор сделал вывод о том, что политика специализации и создания межхозяйственных предприятий в животноводческом производстве региона имела неоднозначные последствия и в целом не достигла планируемых результатов.

Ключевые слова: специализация, межхозяйственная кооперация, животноводство, Алтайский край, сельское хозяйство.

В середине 1960-х – первой половине 1980-х гг. одним из важных направлений аграрной политики советского государства было развитие в сельском хозяйстве специализации и межхозяйственных кооперативных отношений. Суть кооперации заключалась в том, что хозяйства распределяли между собой функции и занимались одной или двумя операциями. Смыслом специализации являлось выделение ведущей отрасли и ее преимущественное развитие. Использование в аграрном производстве данных организационно-экономических механизмов, получившее повсеместный и масштабный характер в связи с реализацией решений февральского (1964 г.) и мартовского (1965 г.) пленумов ЦК КПСС [1, с. 407–409, 426–429], существенно изменило хозяйственную жизнь колхозов и совхозов. Особенно глубокие перемены произошли в производстве продукции животноводства – наиболее проблемной отрасли советского сельского хозяйства. Их анализ на материалах Алтайского края, крупнейшего сельскохозяйственного региона страны, позволяет более обоснованно оценить эффективность функционирования аграрного производства и системы государственного управления этой сферой в рассматриваемый период.

К концу восьмой пятилетки (1966–1970 гг.) в Алтайском крае большинство сельхозпредприятий животноводческого направления перешло на выпуск одного–двух видов продукции. Появились тресты «Птицепром», «Скотопром». Наибольший экономический эффект дало создание специализированных птицеводческих хозяйств, в которых за счет высокой концентрации производства обеспечивалось значительное снижение себестоимости продукции и повы-

шение производительности труда. Например, если в 1965 г. на 234 птицефермах Алтайского края средняя яйценоскость кур составляла 110 яиц на одну несушку, а затраты на производство 1 тыс. яиц – 30 человеко-часов и 720 кормовых единиц, то в 1977 г. краевой трест «Птицепром», состоявший из 13 птицефабрик, 1 племенного птицеводства и 20 инкубаторно-птицеводческих станций, обеспечил 97 % объема государственных закупок птицеводческой продукции при средней яйценоскости в 225 яиц на одну несушку и производственных затратах, равных 3,4 человеко-часам и 200 кормовым единицам¹. С 1975 по 1985 г. рентабельность птицеводства возросла с 17 до 30 %, поголовье птицы увеличилось с 3137 до 6635 тыс. голов, яйценоскость кур повысилась с 211 до 225 яиц на одну несушку. Государственные закупки яиц за этот период увеличились на 70 %, куриного мяса – почти в 3 раза². Бийский, Благовещенский, Каменский, Павловский, Первомайский, Смоленский и Троицкий районы, в которых находились крупнейшие птицефабрики, являлись лидерами в крае по производству яиц и мяса птицы.

Межхозяйственная кооперация в скотоводстве Алтайского края наиболее интенсивно развивалась в таких сферах, как откорм крупного рогатого скота и выращивание нетелей. На районном уровне схема кооперации скотоводческих хозяйств была различной, что обуславливалось разным уровнем их материально-технической обеспеченно-

¹ ЦХАФ АК. Ф. П-1. Оп. 125. Д. 147. Л. 3–7.

² Там же. Ф. Р-863. Оп. 5. Д. 508. Л. 36–37.

сти, особенностями организации управления. В Горно-Алтайской автономной области сложились две схемы кооперации: межрайонная (с хозяйствами Советского района) и внутрирайонная (специализированные хозяйства по выращиванию нетелей). В Каменском районе за годы девятой пятилетки (1971–1975 гг.) было создано несколько межхозяйственных предприятий. В объединение по выращиванию телок входили шесть колхозов и три совхоза во главе с колхозом им. XX партсъезда. Объединение по производству говядины включало шесть колхозов и четыре совхоза. Прибыль данного межхозяйственного предприятия в 1974 г. составила 400 тыс. руб. (было откормлено 4,5 тыс. бычков). Производством свинины занималось объединение из семи пайщиков (шесть колхозов и один совхоз)³.

Реализация задач по углублению специализации и межхозяйственной кооперации в сфере выпуска мясомолочной продукции далеко не всегда приводила к ожидаемым результатам. Во многих случаях использование данных способов организации сельхозпроизводства имело негативные последствия. Так, в девятой пятилетке в Целинном районе Алтайского края в значительной части хозяйств были почти полностью ликвидированы свиноводческие фермы, но необходимых мощностей для выращивания свиней в специализированных сельхозпредприятиях треста «Алтайсвинопром» создано не было. Вследствие этого в районе ежегодно производилось всего 800 т свинины, что соответствовало уровню 1969 г.⁴ В Алтайском районе в 1966–1975 гг. поголовье крупного рогатого скота сократилось на 27 % (с 51 114 до 37 528 голов), свиней – на 76 % (с 9932 до 2416 голов), овец и коз – на 83 % (с 25 017 до 4164 голов)⁵.

Несмотря на неоднозначные результаты, практика создания специализированных хозяйств и межхозяйственных предприятий в восьмой и девятой пятилетках в целом признавалась успешной. В связи с этим в десятой пятилетке (1976–1980 гг.) масштабы использования в сельском хозяйстве таких организационно-экономических механизмов было решено увеличить. Курс на их более широкое применение в сельхозпроизводстве был определен в постановлении ЦК КПСС от 28 мая 1976 г. «О дальнейшем развитии специализации и концентрации сельскохозяйственного производства на базе межхозяйственной кооперации и агропромышленной интеграции» [2, с. 96–110]. В Алтайском крае меры по осуществлению намеченных этим документом задач были обсуждены на специальном пленуме крайкома партии 28 сентября 1977 г., который отметил положительную роль создания узкоотраслевых хозяйств-спецхозов в разных отраслях сельского хозяйства, особенно в птицеводстве⁶.

С 1976 по 1985 г. количество межхозяйственных объединений в стране увеличилось с 3355 до 10 375, или более чем в 3 раза. Всего в этот период появилось 7020 таких сельхозпредприятий. Наибольший рост их числа отмечался в 1976–1978 гг., когда благодаря административному нажиму было создано 2577 хозяйств. В последующие годы их количество росло медленнее. В 1979 г., например, было орга-

низовано всего 380 межхозяйственных формирований. В годы десятой пятилетки темпы роста численности объединений существенно опережали показатели предшествующего десятилетия (в 1966–1973 гг. в среднем в год создавалось 220–300 объединенных предприятий, в 1974 г. появилось 416, в 1975 г. – 594 хозяйства) [3, с. 306–307].

В 1976 г. в РСФСР действовали 7,4 тыс. межхозяйственных и агропромышленных объединений, из них 1400 специализировались на доращивании и откорме крупного рогатого скота, 297 – на свиноводстве, 920 – на выращивании нетелей⁷. В Алтайском крае в 1979 г. откормом крупного рогатого скота занимались 3 межрайонных и 63 районных межхозяйственных предприятия, в которых состояло 358 пайщиков, в том числе 131 колхоз. В регионе также функционировало 72 объединенных хозяйства по направленному выращиванию первотелок, всего они включали 254 пайщика, в том числе 117 колхозов⁸. В 1982 г. откорм крупного рогатого скота осуществляли 66 межхозяйственных предприятий, на производстве свинины специализировались 14 объединений, на выращивании телок – 43⁹.

В годы одиннадцатой пятилетки (1981–1985 гг.) сократилось число межколхозных предприятий и количество их пайщиков. Кооперация развивалась преимущественно за счет расширения связей колхозов с государственными сельхозпредприятиями. Кроме того, колхозы и совхозы стали объединять свои силы и средства не только для выполнения производственных задач, но и для решения социальных вопросов. Однако основной сферой приложения усилий в области кооперации оставались отрасли по обслуживанию сельского хозяйства, строительство, лесхозы [4, с. 111–113].

Экономические результаты осуществления мероприятий по развитию специализации и межхозяйственной кооперации в скотоводстве в годы десятой и одиннадцатой пятилеток в целом не оправдывали ожиданий. Мясомолочные хозяйства чаще всего оказывались нерентабельными. У многих сельхозпредприятий затраты труда и кормов на единицу продукции были выше, чем в обычных многоотраслевых хозяйствах. Так, из 16 хозяйств Алтайского края, в которых в годы девятой и десятой пятилеток были построены новые современные молочные комплексы, только 2 смогли увеличить объемы производства и продажи молока (колхоз им. Ленина Тальменского района и совхоз «Павлозаводской» Петропавловского района)¹⁰.

Среди причин невысокой результативности использования в скотоводстве Алтайского края практики специализации и межхозяйственной кооперации можно выделить следующие обстоятельства. Колхозы и совхозы края исторически сложились как многоотраслевые хозяйства, поэтому за короткий срок перевести их на рельсы узкоспециализированного производства без нанесения ущерба было просто. Организация специализированных ферм межхозяйственного значения во многих случаях проводилась поспешно, в ситуации недостатка материально-технических ресур-

³ Алтайская правда. 1975. 6 марта.

⁴ ЦХАФ АК. Ф. П-1. Оп. 125. Д. 4. Л. 80.

⁵ Там же. Оп. 121. Д. 972. Л. 8–13.

⁶ Там же. Оп. 125. Д. 147. Л. 3–7.

⁷ Там же. Ф. Р-569. Оп. 13. Д. 5333. Л. 8–12.

⁸ Там же. Д. 2630. Л. 133–141.

⁹ Там же. Д. 4877. Л. 65–67.

¹⁰ Там же. Ф. П-1. Оп. 125. Д. 8. Л. 35–36.

сов. Особо острой была нехватка животноводческих помещений, что во многом было связано с неудовлетворительной работой строительных организаций. Договорные связи между головными предприятиями и хозяйствами-пайщиками, как правило, не носили долговременного характера. Взаимоотношения между участниками межхозяйственной кооперации не всегда были экономически обоснованы, так как районные объединения зачастую создавались в административном порядке, а не из соображений экономической целесообразности и взаимной выгоды. Договорные обязательства очень часто не исполнялись, отдельные хозяйства срывали графики поставки скота. Не была отлажена и процедура передачи коров на откорм.

Эти недостатки были характерны практически для всех районных объединений. В Горно-Алтайской автономной области ситуация осложнялась и тем, что все хозяйства Советского района, с которыми кооперировались сельскохозяйственные предприятия области, заключали договора отдельно с каждым колхозом и совхозом. Кооперация усиливала опасность массового заболевания скота, поскольку в одном хозяйстве концентрировался скот из разных хозяйств, с разными степенями привитости от заболеваний. Например, в 1980 г. в Горно-Алтайской автономной области темпы работы по выращиванию нетелей очень резко сократились из-за того, что в совхозе «Эликмонарский» началось заболевание коров бруцеллезом¹¹. Несовершенной была и система планирования. Несмотря на переход хозяйства к узкой специализации, еще долгое время планы по данному хозяйству доводились как по многоотраслевому. Недостатком следует считать и то, что межколхозные и межсовхозные связи существовали в основном в пределах района.

Отношение властей к рассматриваемым процессам было неоднозначным. Глава края А.В. Георгиев на девятом пленуме Алтайского крайкома КПСС 16 декабря 1975 г. выступил против «декретирования» процессов специализации и концентрации сверху, особенно в животноводстве¹². Его преемник Н.Ф. Аксенов в ответ на просьбы многих районов снизить планы закупок сельскохозяйственной продукции в связи с углублением специализации хозяйств сказал на одном из пленумов краевого комитета КПСС в 1976 г.: «Мы рассматривать такие предложения о снижении планов не будем ни по какому району, ни по какому отдельному виду сельскохозяйственной продукции»¹³.

При анализе вопросов развития специализации и межхозяйственной кооперации в мясомолочном производстве Алтайского края во второй половине 1970-х – первой половине 1980-х гг. нельзя игнорировать и положительный производственный опыт ряда колхозно-совхозных объединений. Так, в 1976–1980 гг. в Бийском совхозе, головном хозяйстве скотоводческого предприятия-объединения, было откормлено 42 257 голов крупного рогатого скота, 90 % скота принималось по высшей категории упитанности. Прибыль совхоза составила 18 млн руб.¹⁴ В 1977 г. в Павлов-

ском районе глава откормочного объединения совхоз «Прутской», продав государству 2123 т мяса, получил прибыль в 1,3 млн руб.¹⁵ Однако рентабельные предприятия сталкивались с серьезной проблемой – отсутствием четких правил распределения прибылей. Из-за неопределенности хозяйственных взаимоотношений в этой сфере между участниками кооперации, а также между ними и властями возникали разногласия, препятствовавшие повышению эффективности совместной работы.

Так, 22 февраля 1979 г. на заседании совета по откорму свиней в Акимовском свиновхозе Краснощекского района по данному вопросу были высказаны следующие точки зрения. Главный бухгалтер районного управления сельского хозяйства В.П. Тарников предложил делить прибыль из расчета на 1 ц полученной продукции. Экономист свиновхоза «Акимовский» настаивал на ее разделе в зависимости от понесенных затрат. Председатель колхоза им. Калинина А.С. Юкин полагал, что распределять прибыль необходимо по количеству выращенного мяса. Главный бухгалтер специализированного хозяйства им. Ленина высказался за то, чтобы 20 % суммы отчислялось головному хозяйству, а остальные средства начислялись всем участникам кооперации с учетом степени их участия и понесенных затрат. Чаще всего прибыль либо делилась поровну, либо шла на реконструкцию головных предприятий¹⁶.

Проводившаяся в середине 1960-х – первой половине 1980-х гг. политика расширения масштабов специализации и межхозяйственных кооперативных отношений имела противоречивые последствия. Птицеводческие хозяйства наращивали производство, тогда как мясомолочные предприятия в основной своей массе оставались малорентабельными. В целом специализация и межхозяйственная кооперация ожидаемых результатов не дали. Внедрение этих принципов организации производства, основывавшихся на уверенности в преимуществе крупных хозяйств индустриального типа, осуществлялось в основном административно-бюрократическими методами, особенно во второй половине 1970-х гг. Главная причина недостаточной производительности труда в колхозах и совхозах и их специализированных объединениях заключалась в том, что они не являлись самостоятельными и демократичными хозяйственными организациями, материально заинтересованными в саморазвитии.

ЛИТЕРАТУРА

1. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 9-е изд. М., 1986. Т. 10.
2. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 9-е изд. М., 1986. Т. 13.
3. *Науцацкий В.В.* Аграрное развитие СССР в 1965–1985 гг. (взаимосвязь политики и технологии) // Аграрные технологии России IX–XX вв.: Материалы XXV сессии Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Арзамас, 1999.
4. Крестьянство и сельское хозяйство Сибири. 1960–1980-е гг. Новосибирск, 1991.

¹¹ Отдел хранения спецдокументов Государственной архивной службы Республики Алтай (ГАСРА ОХСД). Ф. 1. Оп. 46. Д. 21. Л. 2–5.

¹² ЦХАФ АК. Ф. П-1. Оп. 124. Д. 574. Л. 3–11.

¹³ Там же. Оп. 125. Д. 4. Л. 85–90.

¹⁴ Там же. Оп. 127. Д. 145. Л. 13.

¹⁵ Там же. Ф. Р-569. Оп. 13. Д. 3965. Л. 32.

¹⁶ Там же. Д. 4421. Л. 21–23; ГАСРА ОХСД. Ф. 1. Оп. 43. Д. 34. Л. 29, 31, 32.

О.А. АДАМОВА, Д.В. ЧЕРНОВ

ИССЛЕДОВАНИЯ МОЛОДЕЖИ В РОССИИ В XX в.

Институт молодежной политики и социальной работы
Новосибирского государственного педагогического университета (ИМПИСР НГПУ)
e-mail: impisr@mail.ru

В статье раскрывается формирование и развитие исследований молодежи в России, характеризуются направления научной работы в этой сфере. Представлены основные результаты теоретических и эмпирических изысканий ведущих научных школ, сложившихся в 1960–1980 гг. Анализируются современное состояние и перспективы изучения молодежной проблематики.

Ключевые слова: молодежь, социальные исследования, комсомол, молодежная политика.

Современные теоретические подходы к изучению проблем молодежи в России опираются на исследовательские традиции XX в. С начала прошлого столетия они велись в режиме известной автономии, в рамках складывавшихся тогда общественных наук – психологии, социологии, антропологии, криминологии и т. д. Таковыми, в частности, были социальные обследования студенческой молодежи в ряде университетов России, проведенные в 1910-х гг. Однако, разумеется, и число исследований по молодежной проблематике, и их масштабность в то время были весьма незначительными, а какой-либо теории молодежных групп и движений в связи с ними не формулировалось. Тем не менее на эмпирическом уровне собирался материал, впоследствии давший толчок для построения оригинальных теоретических концепций, связанных с осмыслением феномена молодежи. На последнее обстоятельство необходимо обратить внимание прежде всего потому, что в начале прошлого века не только слабой была концептуальная база исследований молодежи, но и – что более важно – еще не проявились на феноменальном уровне черты молодежи как особой социальной группы. Ее объективное положение и субъективные черты (самоидентификации) в то время не имели явно выраженного характера.

Можно сказать, что основные направления исследований молодежи в России в начале XX в. отражали новые процессы, которые постепенно разворачиваются в динамичных условиях революционных перемен. Молодежь – активный участник трех русских революций, а всякое революционное преобразование в масштабах всего общества ведет к обновлению правящей элиты за счет молодых поколений политиков, общественных деятелей. Октябрьская революция 1917 г. – не исключение.

На новом общественном фоне исследования молодежи стали развиваться в трех основных направлениях.

Первое направление – *разработка проблем рабочей молодежи*. Эта категория в дореволюционный период российской истории фактически оставалась вне поля научных интересов (некоторое внимание к отдельным аспектам дан-

ной темы уделяли российские марксисты в связи, прежде всего, с анализом проблем детского труда). В 1920-е гг. появляется обширная литература по изучению рабочего подростка, молодых рабочих – с позиций психологии, педагогики и социологии. Среди тех работ и сегодня представляют интерес книги И.А. Арямова «Рабочий подросток», В.А. Зайцева «Труд и быт рабочих подростков», Б.Б. Когана и М.С. Лебединского «Быт рабочей молодежи», А.И. Колодной «Интересы рабочего подростка», сборник «Вопросы педологии рабочего подростка». Нередко рабочая молодежь в этих трудах изучалась без соблюдения жестких дисциплинарных рамок, что, в частности, характерно для педологических исследований, где переплетались педагогические, психологические и социологические аспекты изучения молодых рабочих. С учетом интегральных тенденций в области современного социального знания междисциплинарность многих работ 1920-х гг. представляется особенно актуальной.

Второе направление – *исследование учащейся молодежи*. В 1920-е гг. обнаруживается также стремление к интегральным обобщениям чаще всего на основе педологических концепций. При всей спорности этих концепций в их рамках сложились важнейшие для последующих исследований молодежи теоретико-методологические позиции таких крупных ученых, как П.П. Блонский, Л.С. Выготский. Критика «педологических извращений» и запрет педологии в 1930-е гг. сместили акценты в изучении учащихся и студентов. Не все из этих смещений были в научном смысле бесплодны (хотя очевидно, что в условиях жесткого идеологического контроля и политических репрессий определенная часть исследований носила характер имитации и реализовала задачу выживания научного сообщества). Из наиболее продуктивных для последующих десятилетий теоретических и социально-проектных конструкций, сохраняющих и сегодня свое эвристическое значение, следует назвать концепцию детского и юношеского коллектива А.С. Макаренко. Сегодня в российской науке она воспринимается неоднозначно. Нападки на А.С. Макаренко как на разработ-

чика концепции воспитания, ведущей якобы к тоталитарному подчинению личности, особенно характерны для начала 1990-х гг. Период нападков прошел, однако нового осмысления концепции Макаренко в связи с задачами работы среди детей и молодежи в изменившихся российских условиях (в том числе воспроизводящих беспризорность в среде детей и подростков) пока не возникло, что надо признать серьезным упущением и в научном, и в практически-прикладном аспектах.

Третье направление – *исследование молодежного движения*. В 1920-е гг. отмечается необыкновенное внимание к данной теме. Разумеется, это не случайно. Во-первых, именно тогда зачатки молодежных движений обрели ясную организационную форму на разных полюсах идейно-политического спектра. Быстро развиваются политические молодежные организации и другие формы молодежной активности. Идет рост контактов молодежных организаций на международном уровне, формируются международные молодежные объединения. Во-вторых, в ранний период советской истории социальная субъектность молодежи обладала огромным потенциалом возможностей и имела многообразные формы воплощения. Активность как черта личности и коллектива востребована, является важнейшей идеологической установкой, она не может быть на обочине и научного осмысления.

В целом исследования молодежи 1920-х и частично 1930-х гг. представляли собой обширное поле для различного рода научных экспериментов, поисков, теоретических новаций. Некоторые темы вводились в круг научного обсуждения под явным воздействием фрейдизма, психоаналитический уклон в изучении молодежи очень заметен в то время. Широко применяются идеи психотехники, ставятся педагогические эксперименты. Научные преувеличения (вульгарный социологизм, педология) – обычное явление тех лет, как и жесткая дискуссия в научном сообществе.

С начала 1930-х гг. в научную полемику активнее вмешивается власть, приверженность к той или иной научной теории все чаще оценивается с позиций политической лояльности и благонадежности, а анализ научных достижений в исследовании молодежных проблем, имевший место в СССР после 1934 г. (года убийства С.М. Кирова и последовавшей первой волны репрессий в среде ученых-обществоведов), может вестись сегодня только с учетом реальных условий сталинской эпохи для научного творчества в сфере общественных наук.

Для современного знания о молодежи большое значение имеют теоретические и эмпирические исследования, которые проводились с середины 1960-х гг., когда возникли новые условия для развития в СССР общественных наук, возродилась социология, существенно изменилась ситуация в психологии и педагогике. Созданная в 1964 г. при Центральном Комитете ВЛКСМ группа социологов стала первой (после длительного, в течение нескольких десятилетий, перерыва) в стране социологической лабораторией, и не случайно развитие в СССР социологии как науки теснейшим образом оказалось связано с разработкой проблем молодежи, с обеспечением исследований, проводившихся по инициативе, при организационном и финансовом обеспечении комсомольских органов.

Эмпирические исследования по молодежной проблематике в 1960–1980-е гг. приобрели большой размах. Проведение всесоюзных, региональных, местных опросов молодежи (а именно анкетные опросы в то время ассоциировались с социологией как наукой) вошло в постоянную практику партийной и комсомольской работы. Научные коллективы и отдельные ученые специализировались на различных тематических блоках, из которых наиболее активно изучались проблемы труда и трудового воспитания молодежи, идейно-политического воздействия, общественной активности, ценностных ориентаций молодежи, жизненного старта и т.д. В этих исследованиях сложился научный авторитет таких известных сегодня социологов, как Н.М. Блинов, Б.А. Грушин, С.Н. Иконникова, И.М. Ильинский, А.И. Ковалева, И.С. Кон, В.Ф. Левичева, В.Т. Лисовский, М.Н. Руткевич, М.Х. Титма, В.Н. Шубкин и др.

Для современного состояния исследований проблем молодежи особое значение имеет то обстоятельство, что уже несколько десятилетий изучением молодежной проблематики как базовой занимаются, во-первых, академические институты, и прежде всего социологические институты АН СССР, затем РАН, во-вторых, ведущие университеты и вузы страны – в Москве, Санкт-Петербурге, Екатеринбурге, Барнауле, Красноярске, Новосибирске и других городах России и, наконец, в-третьих, крупнейший специализированный научный комплекс в области изучения молодежных проблем, расположившийся в московских Вешняках, – Высшая комсомольская школа (1969–1990 гг.) и ее Научно-исследовательский центр (созданный в 1976 г.), а позже образованный на этой базе Институт молодежи (1991–2000 гг.), Московская гуманитарно-социальная академия (2000–2003 гг.), а с 2003 г. – Московский гуманитарный университет. Эти «три кита» отечественной социологии молодежи находились в сложнейшем положении в начальные годы реформ (особенно в 1990–1993 гг.), но не растеряли основной научный потенциал и в последнее время вновь организуют проведение общероссийских исследований.

В Московском гуманитарном университете сложилась одна из ведущих российских социологических школ по изучению молодежной проблематики. Она возникла как итог теоретического осмысления материалов обширных и систематических исследований проблем молодежи, начиная с создания Высшей комсомольской школы при ЦК ВЛКСМ. Исследовательские работы по молодежной проблематике проводились в лаборатории конкретных социологических исследований ВКШ с 1970-х гг. (В.А. Смирнов, В.И. Мухачев и др.). В Научно-исследовательском центре ВКШ в разные годы работали Н.М. Блинов, Ю.Е. Волков, Е.А. Гришина, Г.С. Ентелис, И.М. Ильинский, Е.Д. Катульский, А.И. Ковалева, В.К. Криворученко, Е.Е. Леванов, В.Ф. Левичева, Вал. А. Луков, В.П. Мошняга, Ю.П. Ожегов, С.И. Плаксий, В.А. Родионов, О.В. Ромашов, Б.А. Ручкин, В.Ц. Худавердян, А.И. Шендрик, Ф.Э. Шереги, С.Н. Щеллова и другие исследователи, работы которых по молодежной проблематике получили известность и признание.

Первым крупным социологическим исследованием центра стало изучение формирования молодежной смены рабочего класса, а затем и колхозного крестьянства. Тогда

же, в 1970-е гг., получили развитие и исследования по вопросам труда, воспитания, образования молодежи, теории и практике формирования молодежной организации (комсомольскому строительству), международному молодежному движению и др. Однако в тот период существовала слишком близкая связь ВКШ и системы власти. В высоких кабинетах стремились влиять на научные выводы, критиковали данные, которые не совпадали с партийными установками. По ряду исследований в ЦК КПСС и ЦК ВЛКСМ возникали конфликтные ситуации, однако в работе социологов комсомольского вуза в основном (хоть и не всегда) превалировало стремление изучать реальность и представлять ее по возможности правдиво. Частично это было связано с тем, что в НИЦ работало немало людей с независимым характером, не поддававшихся давлению верхов. Об этом следует сказать, поскольку в современных публикациях содержатся обвинения в адрес НИЦ как «карманной» исследовательской организации, искажавшей действительное положение дел в молодежной среде. На самом деле те или иные искажения могли допускать в то время во всех секторах общественных наук и в академической в том числе. Кроме того, проведение исследований среди молодежи трудно было организовать без участия структур, связанных с партией и комсомолом. Все ведущие научные коллективы и «ученые-молодежники» страны (включая сотрудников Академии наук СССР, МГУ, ЛГУ и других вузов) объединялись в рамках Общественного совета по координации научных исследований проблем коммунистического воспитания молодежи, рабочим органом которого являлся НИЦ.

Наиболее плодотворный период развития НИЦ ВКШ как специализированного научно-исследовательского учреждения, разрабатывающего молодежную проблематику, приходится на 1984–1994 гг., когда директором Центра был И.М. Ильинский. В середине 1980-х гг. в НИЦ работало более 80 научных сотрудников, велась разработка как фундаментальных, так и прикладных проблем молодежи, молодежного движения, молодежной организации. В 1987–1991 гг. НИЦ реализовал крупный научный проект, получивший признание, – подготовил законопроект «Об основных началах государственной молодежной политики в СССР» (научный руководитель И.М. Ильинский, руководитель временного молодежного творческого коллектива Д.Р. Поллыева, члены ВМТК С.В. Алещенок, С.П. Головатый, Вал.А. Луков, С.Б. Пугинский и др.). Закон был принят в 1991 г. Подготовка законопроекта потребовала разработки теоретической концепции государственной молодежной политики, которая составила основу научной школы НИЦ ВКШ, а затем Института молодежи. Позже И.М. Ильинский обобщил основные результаты, полученные в области разработки теоретических основ государственной молодежной политики, в своей монографии «Молодежь и молодежная политика» (2000).

С 1993 г. НИЦ Института молодежи выступал в качестве базовой организации для подготовки государственных докладов о положении молодежи в Российской Федерации (опубликованы в 1993, 1995, 1996, 1998, 2000, 2002 гг.). НИЦ вел мониторинговые исследования «Молодежь России» по материалам общероссийской выборки. С

середины 1990-х гг. центр разработки концептуальных вопросов в области социологии молодежи переместился из НИЦ на кафедру социологии, куда перешли работать многие научные сотрудники (заведующей кафедрой стала В.Ф. Левичева). Это обстоятельство предопределило выбор основных направлений научно-исследовательской работы кафедры. Благодаря атмосфере открытого научного дискурса проблематика молодежных исследований значительно расширилась. Главным стало существенное продвижение в области методологии: увлеченность В.Ф. Левичевой и Н.Н. Козловой качественной стратегией исследования (еще слабо освоенной российским социологическим сообществом), теоретическими концепциями ряда современных социологов (П. Бурдьё, Э. Гидденса, Ю. Хабермаса, а несколько позже П. Бергера и Т. Лукмана) передалась их коллегам, составила новый поворот в исследованиях молодежи.

С 1997 г., когда кафедру социологии возглавила А.И. Ковалева, в исследованиях молодежи усилилось внимание к проблематике социализации личности. Работы А.И. Ковалевой внесли много нового в теорию социализации (концепция социализационной нормы).

Разработка В.А. Луковым тезаурусной концепции, примененной им к социологии молодежи, определила новые возможности для теоретического осмысления и эмпирических исследований в области изучения молодежной проблематики.

С.Н. Щеглова в период работы на кафедре способствовала утверждению в стратегии научных исследований проблематики детства, выдвинула социологическую концепцию детства. Теория социализации, социологические теории молодежи и детства стали главными направлениями научного поиска и эмпирического обоснования в рамках научной школы Московского гуманитарного университета.

Внимание к традиционным для социологии молодежи темам (ценностные ориентации студенчества, удовлетворенность учебным процессом, занятость молодежи и др.) и проведение анкетных опросов сохраняется, при этом отличительными чертами научной школы стали выдвижение и обоснование оригинальных концепций в трех тематических областях: теория социализации, теория молодежи, теория детства, широкое применение качественных методов в эмпирических исследованиях молодежи и детей, а также разработка новых методов, освоение теории социального конструирования реальности и ее переосмысление в ином методологическом контексте. Все это способствует как пониманию проблем социализации, молодежи и детства, так и формированию более общих социологических концепций.

Итоги исследований нашли отражение в докторских диссертациях А.И. Ковалевой (1997), С.Н. Щегловой (1999), И.А. Суриной (2000), Е.А. Гришиной (2000), Н.А. Селиверстовой (2004), 50 кандидатских диссертациях, многочисленных монографиях, сборниках научных статей и в других публикациях. Высокую оценку в научном сообществе получила монография А.И. Ковалевой и В.А. Лукова «Социология молодежи: Теоретические вопросы» (1999, издана также в Польше в 2003).

На современном этапе продолжают обстоятельные региональные исследования по молодежной проблематике: в Новосибирской области, республиках Башкортостан, Бурятия, Мордовия, Татарстан, Якутия (Саха), Белгородской, Волгоградской, Пензенской, Самарской, Саратовской и Тульской областях, на Среднем Урале и др. Се-

МИРОНОВ Б.Н.
Благосостояние населения и революции в имперской России: XVIII – начало XX века. М.: Новый хронограф, 2010. – 911 с.: ил., табл.

Выработанная и тщательно аргументированная Б.Н. Мироновым концепция исторического оптимизма в отношении истории нашей Родины заслуживает высокой оценки. Его работа является

первым в истории России исследованием по исторической антропометрии.

Автор рассматривает конечный рост людей или биологический статус как замещающий интегральный показатель индекса человеческого развития (ИЧР), принятый в биологической и экономической науках. Следовательно, средний рост человека выступает в качестве замещающего показателя и для уровня жизни, оценки динамики благосостояния россиян. Б.Н. Мироновым исследовано 306 тыс. индивидуальных и около 10 млн суммарных показателей, характеризующих рост, вес и другие антропометрические сведения о мужском и женском населении, родившемся в 1696–1920 гг.

Исследователь обращает внимание на роль властей, отдельных социальных групп в формировании благосостояния населения, со скрупулезностью педанта поэтапно исследуя различные стороны этого процесса.

Делая акцент в историографическом обзоре на точку зрения о постоянно ухудшающемся положении крестьян, автор несколько увлекается. Хорошо известна точка зрения П.Г. Рындинского, согласно которой русские крестьяне не только успешно справлялись с повинностями и податями, но и умудрялись наращивать свое хозяйство, встраиваясь в систему товарно-денежных отношений. Тем более, если говорить о сибирских крестьянах, которые, по их же словам, «лаптей не знали». В Сибири товарно-денежные отношения развиты были не так интенсивно, но качество жизни у старожилов отличалось от переселенцев, что прослеживалось и в питании, и в одежде, и в жилище. Старожил успешно осваивался в условиях традиционного ведения земледельческого хозяйства до той поры, пока не началась политика землеустройства, уравнивавшая всех крестьян в среднем по душевому наделу до 10 дес.

Б.Н. Миронову удалось разобраться в позициях представителей разных общественных направлений по оценке уровня развития страны и социальных групп. Умело подобранные цитаты из их работ, выводы, подкрепляемые конкретными историографическими источниками, ставят уровень написанной главы по историографии на ступень классического учебного пособия, которое можно рекомендовать студентам и аспирантам исторических факультетов вузов.

годня очевидно возрождение интереса к истории и социологии молодежных движений и в содержательном, и в научно-организационном смысле, что с опорой на исследовательские традиции отечественных ученых создаст позитивные возможности для развития научного потенциала в данной сфере.

Исследователь – сторонник укрепляющегося в настоящее время направления в историографии – исследования и описания постоянного роста экономики и хозяйства населения России. Критерии оценки постоянного улучшения жизни населения России являются традиционными: зарплата, цены, доходы, рента, собственность, бюджет, потребление, национальный доход, уровень неравенства. И здесь отечественные и зарубежные исследователи, по оценке Б.Н. Миронова, достигли определенного предела. Сведения разнятся, не охватывают всего комплекса показателей, а поэтому заслуженно подвергаются критике. Поэтому автор вводит в исследование процесса благосостояния в российской истории комплекс антропометрических данных (прежде всего – дефинитивного роста человека), «которые с 1968 г. плодотворно используются для этой цели в разных странах» (с. 56).

Каковы же аргументы в пользу антропометрических данных?

1. Наличие массовых антропометрических показателей, позволивших построить единый однородный динамический ряд дефинитивного роста мужского населения по России и регионам за 300 лет (1701–2007 гг.) и сделать оценку изменения благосостояния населения России за весь этот период.

2. Оценка антропометрических данных биологического статуса людей – баланса между потреблением и расходом энергии, чего ни бюджет, ни зарплата, ни доход не учитывают.

3. Универсальность и элементарность антропометрических данных, позволяющая использовать метод сравнения в разные годы у разных социальных групп или стран.

Б.Н. Миронов полагает необходимым использовать эти данные в комплексе с традиционными показателями для получения более полной картины изменения благосостояния населения России (с. 57). И это радует – иначе пришлось бы многим исследователям из-за отсутствия антропометрических данных, полученных благодаря использованию методов, отказаться от традиционных эмпирических выводов, сделанных на их основе относительно уровня благосостояния социальных групп.

Б.Н. Миронов сделал важный шаг в новом направлении исторической науки – исторической антропометрии, выполнив системное исследование в заданном направлении. Это позволяет его последователям направить свои усилия на изучение региональной исторической антропометрии. Благо, алгоритм такого исследования представлен в главе 8 монографии на примере Саратовской губернии.

Глава 2 – основополагающая в работе, в ней определены теоретические основы и методологические проблемы

исторической антропометрии. В теоретическом блоке, касающемся основ исторической антропометрии, автором установлены следующие параметры: 1) тело человека как показатель уровня жизни; 2) энергетический (пищевой, биологический) статус; 3) различия в росте между популяциями; 4) необходимость изучения динамики уровня жизни и неравенства по ростовым данным; 5) секулярный тренд: увеличение размеров тела и ускорение физического развития; 6) догоняющее или наверстывающее развитие, стресс, пубертатный скачок; 7) индекс массы тела, масса тела новорожденного, возраст менархе.

Следует отметить, что и физиологи не отрицают влияния социальных факторов на рост человека, отмечая, например, отклонения в подростковом возрасте – акселерацию и ретардацию: ускорение или задержку физического, психического, социального развития и формирования функциональных систем организма детей и подростков. Выявлено, что показатели многих функциональных систем современных детей и подростков превышают таковые у детей 30–50 лет назад. Длина тела у новорожденных за это время увеличилась на 2–2,5 см, а их масса – на 0,5 кг; у 15-летних – соответственно на 6–10 см и 3–10 кг. Сократилась продолжительность роста: в настоящее время рост девушек и юношей заканчивается к 16–19 годам, а 50 лет назад люди достигали максимального роста в возрасте 25–26 лет.

В монографии отсутствует понятие акселеративных скачков, выделяемых физиологами в разные исторические периоды, хотя Б.Н. Миронов и этот аспект не обошел вниманием.

Были ли акселеративные волны в XVIII–XIX вв.? Выводы об увеличении роста в эти 220 лет могли быть обусловлены не только улучшением материального (биологического) статуса населения, но и общей акселеративной закономерностью с ее волнами. Биологические механизмы акселерации пока не выявлены. Выдвигается много различных гипотез о ее причинах:

- широкая миграция населения и увеличение количества смешанных браков;
- урбанизация населения и стимулирующее влияние условий городской жизни на темпы физического развития;
- улучшение социальных условий жизни населения промышленно развитых стран.

В исследуемый период эти причины не были столь важными и акселеративные факторы можно и не принимать во внимание, но исключать биологическую закономерность совершенно невозможно.

Политические выводы Б.Н. Миронова вызывают сомнения. По его мнению, причины революций лежали не в экономических, а в политических факторах и в социальной напряженности, возникшей в результате противостояния власти и населения. Получается, что если бы Россия развивалась поступательно и уровень жизни населения неуклонно повышался, то и революций в этих условиях стабильности быть не должно. Но не надо забывать и о других факторах, вызывавших социальную напряженность. Это и огромное количество вооруженных людей, не уважающих власть в силу разных причин, и в целом падение авторитета власти у населения, что ведет к падению самой власти.

Вызвавший революции 1917 г. конфликт интересов правящих элит и элит, стремящихся перехватить у них власть, – важнейший аргумент, отстаиваемый Б.Н. Мироновым в оценке революции в ракурсе модернизационной парадигмы. Может быть, в теории модернизации смена правящих элит и есть обновление кадров, обладающих способностями к организации успешных модернизационных процессов. Кадровая проблема при модернизации – важнейшая.

Исследование Б.Н. Миронова многогранно, продуманно, обеспечено массивом статистических и эмпирических выкладок. Выводы базируются на строго выверенной и отработанной концепции. Неоднократное обращение к ней в тексте монографии дает возможность читателю не терять основной канвы книги, основанной на теории модернизации, тезисе об успешном развитии страны и общества, особенно в пореформенный период.

Автор опровергает теорию системного кризиса в имперской России, сложившуюся в отечественной историографии за последние 100 лет, последователи этой теории обосновывают несостоятельность и неспособность общественной системы в политическом, экономическом и социальном отношении. Такой историографический подход на протяжении последнего столетия автор называет *конструированием социальной реальности как фонового знания*.

Концепция непрерывной форсированной глобальной модернизации, продолжавшейся с Петра I до октября 1917 г., в ходе которой страна органически и на паритетных основаниях вошла в мировую систему, не нова. Ее отработывают уральские историки В.В. Алексеев, И.В. Побережников и др. Что нового введено автором в историческое понимание имперского периода России? Во-первых, идея и текстовое обоснование двухвекового гиперцикла в развитии страны; во-вторых, идея и действия целенаправленной модернизации страны, иногда навязываемой правящим классом обществу, морально и материально не готовому к ускорению; в-третьих, идея нарастания напряженности между гиперосторожным государством и супернетерпеливой и радикальной интеллигенцией, породившая их противостояние; в-четвертых, идея преобладания (доминирования) в революции начала XX в. не социально-экономических, а политических факторов; в-пятых, идея лидерства при организации революционных действий со стороны либерально-радикальной общественности, распропагандировавшей народ и привлечшей его к революции; в-шестых, обоснование неспособности либерально-революционной общественности воспользоваться плодами Февральской революции и уступка завоеваний ее большевикам, активно использовавшим агитацию и пропаганду для достижения своих политических целей.

Нельзя не согласиться с умозаключением автора в последнем абзаце его книги: «Напряженным трудом наших предков были созданы объективные *возможности* жить в достатке и цивилизованно. Их реализация целиком и полностью зависит от нашей воли и компетенции, а также от социальных институтов, реформирование которых находится в нашей власти. Совесть перед нашими предками и потомками не воспользоваться такими уникальными возможностями» (с. 693). Лучше не скажешь.

Труд Б.Н. Миронова аналитичен и оригинален. Он привлекает информационной емкостью: огромные приложения и таблицы, впечатляющий список источников и литературы, словарь специальных терминов, именной и предметный указатели и т.д. Конечно, исследование выиграло бы от помещения картографических материалов. Такое оформление

приложений требует колоссального труда, не случайно многие историки стали игнорировать работу над справочным аппаратом, мотивируя это ограниченным объемом монографий и т.п. Б.Н. Миронов четко выдержал эти критерии. Прделана многолетняя работа, завершившаяся качественным актуальным изданием.

*д-р ист. наук О.Н. Катюнов,
заведующий кафедрой Новосибирского государственного педагогического университета*

ШАЦИЛЛО М.К.

Российская буржуазия в период Гражданской войны и первые годы эмиграции (1917 – начало 1920-х годов) / отв. ред. И.М. Пушкарева. М.: Наука, 2008. 342 с.

В советской историографии были проанализированы попытки сформировать общероссийские представительские структуры буржуазии в предреволюционный период (В.Я. Лаврычев, К.Ф. Шацилло, Л.В. Шепелев), предпринимались отдельные экскурсии в их послеоктябрьские судьбы. Но вопрос о продолжении деятельности предпринимательских организаций в антибольшевистской России и в зарубежье прежде не ставился. В этом смысле появление книги М.К. Шацилло представляется закономерным следствием развития историографического процесса.

Автор признает, что от имени буржуазии еще до революции говорили несколько узких конкурирующих между собой группировок – «громкие предпринимательские династии» (с. 6–7). Книга посвящена главным образом их судьбам. В ней приводится немало ценных биографических сведений об известных предпринимателях и общественных деятелях, информация о том, как сложилась их послереволюционная судьба. В тексте упомянуто около 1700 фамилий, и большинство из них – это общественные деятели и предприниматели изучаемой эпохи.

Во введении М.К. Шацилло оговаривает, что сложными условиями Гражданской войны объясняется минимальная сохранность фондов предпринимательских учреждений. Поэтому автору пришлось опираться, главным образом, на опубликованные источники. Однако уральский автор И.В. Нарский совершенно справедливо заметил, что существуют залежи нетронутых исследователями источников по истории Гражданской войны в России, и это несмотря на самую обильную историографию*. В полной мере это замечание можно отнести и к теме данной монографии. История российского предпринимательства нашла отражение в огромном количестве архивных и опубликованных источников, сосредоточенных в центральных и местных архивах, разбросанных на страницах сотен издававшихся в те годы газет и журналов. Они позволяют реконструировать деятельность не только центральных, но и местных биржевых и торгово-промышленных организаций. Конечно, объять их все – задача непосильная для одного исследователя, тем

более в рамках одной монографии. Но едва ли корректно объяснять выбор использованных источников отсутствием других. Более четкое формулирование задач исследования и определение приоритетов в подборе источников позволило бы избежать неровности, а подчас и фрагментарности в освещении отдельных сюжетов.

Структура книги в целом логичная, но при внимательном знакомстве возникают вопросы. Положение буржуазии в советском лагере прослеживается только до лета 1918 г. Как сложилась судьба тех, кто остался на советской территории, остается загадкой. На региональном материале отчасти этот вопрос рассмотрел Р.А. Хазиев, показав возможность и необходимость изучения проблемы. Вероятно, и в данной монографии ей стоило уделить внимание. История буржуазии на юге России заканчивается описанием крымской эпопеи и роли в ней предпринимательских организаций, т.е. доведена до финала «белой борьбы». Трудно объяснить, почему ситуация на востоке страны детально излагается до весны 1919 г., далее – весьма бегло и поверхностно до падения колчаковской диктатуры. Наполненная массой событий, отраженная в многочисленных законодательных, статистических, документальных и мемуарных источниках жизнь буржуазии на Дальнем Востоке в 1920–1922 гг. в книге даже не упомянута. А между тем беглый обзор этого сюжета не требовал больших усилий, так как достаточно отражен в историографии. В двух последних главах монографии речь идет о буржуазных организациях в европейской эмиграции, а для описания событий, происходивших в Китае, места почему-то не нашлось.

Безусловной заслугой автора является тщательная реконструкция возникновения и деятельности российских буржуазных объединений в европейской эмиграции в последних двух главах. Усилия по восстановлению торгово-промышленных организаций, меры по налаживанию связей с антибольшевистским движением внутри России, попытки продолжить предпринимательскую деятельность показаны преимущественно на основе архивных документов, извлеченных из российских и зарубежных хранилищ. Фрагментарно данный сюжет изучался многими историками, но целостная картина восстановлена впервые только в данной монографии.

Специфические нюансы социальных реалий Гражданской войны, как и любой другой эпохи, не терпят неточности. Их недостаточный учет оборачиваются подчас недостоверной подачей материала. Только этим можно объяснить утверждение, что предприниматели Сибири скоррек-

* Нарский И. Жизнь в катастрофе. Будни населения Урала в 1917–1922 гг. М., 2001.

тировали в свою пользу нормы отчисления в больничные кассы, хотя этот вопрос решался правительством, а в документе речь шла только о пожелании (с. 68). На следующей странице автор смешивает жилищные примирительные камеры и те примирительные камеры, которые разрешали трудовые конфликты, и на основании этого находит нестыковку в позициях различных отрядов сибирской буржуазии (с. 69). Автор утверждает, что все заказы для армии при Российском правительстве контролировались Министерством иностранных дел (с. 139), хотя в источнике речь ведется только о заграничных заказах, а это меньшая часть. На основании мемуарных источников воспроизводятся неточные данные об объемах выпуска местных денежных знаков в Поволжье (с. 80–81). Недостаточно критичное использование источников заметно и в освещении других сюжетов.

Уже в первой главе такой подход к анализу источниковой базы позволил М.К. Шацилло занять позицию, с которой трудно согласиться. С точки зрения автора, торгово-промышленные заведения, не подвергшиеся национализации, могли еще несколько месяцев после утверждения советской власти пользоваться преимуществами свободы (с. 15). Историк привел немало примеров, когда предприниматели могли осуществлять сделки, получать дивиденды от своих предприятий, продолжать свою коммерческую деятельность, осуществляя весь оборот в наличности и, следовательно, практически бесконтрольно для советских органов власти (с. 16). М.К. Шацилло не обходит вниманием и случаи наложения контрибуций, арестов предпринимателей. Но возникает впечатление, что экономические репрессии большевиков против буржуазии были в первые месяцы их нахождения у власти скорее исключением, чем правилом. Автор постоянно подчеркивает мягкость советской политики в этот период. Эта мысль находит свое воплощение в ключевом тезисе автора о том, что до осени 1918 г. предприниматели, за редким исключением, имели возможность вести прежний образ жизни и не покидали привычных мест проживания. Стремление доказать данную идею было, по-видимому, столь велико, что привело к «нечаянным» фактическим ошибкам. Пример конфискации Ликинской мануфактуры А.В. Смирнова, Акционерного общества Богословского горного округа, Симского округа горных заводов и ряда других предприятий за отказ подчиниться декрету о рабочем контроле автор отнес на конец 1918 г. (с. 20). Очевидно, что это событие случилось на год раньше.

Вместе с тем, существуют известные в историографии и отраженные во множестве источников факты. Всю нарисованную М.К. Шацилло динамику возрастания прессинга на буржуазию следует сместить на 8–9 месяцев раньше. Знаменитая «красногвардейская атака на капитал» давала о себе знать повсеместно. Контрибуции на местах были массовыми, сопровождалась шантажом и насилием в отношении буржуазии. Но главное было даже не в этом. Без всякой смены собственности рабочие захватили большинство предприятий в свое распоряжение, поставили под свой контроль распределение финансов и материальных запасов.

Значительная часть собственников лишилась возможности свободно распоряжаться средствами производства. Это коснулось не только крупных предприятий, но даже мелких. Свидетельство тому можно отыскать в многочисленных и рутинных документах профсоюзных органов, публикациях в местной печати. Бесхозяйственность и преобладание силовых методов управления частной собственностью (подвергшейся «социализации») привели даже к забастовкам служащих частных коммерческих структур. Приведенные М.К. Шацилло случаи были скорее исключением из правила. Значительная часть российских предпринимателей потеряла основную массу своих накоплений именно в 1917 – первой половине 1918 г. Недаром автору приходится искать успешные примеры предпринимательства после Гражданской войны главным образом среди тех, кто имел накопления и часть бизнеса за границей. Остальные оказались разорены, и только свержение советской власти на окраинах бывшей Российской империи на время спасло многих от окончательного деклассирования. И хотя в раскрытии этой темы современными историками сделано уже много, более детальная реконструкция «красногвардейской атаки на капитал» глазами буржуазии еще предстоит.

Несомненной заслугой автора является восстановление хода основных форумов (съездов, конференций, совещаний) буржуазии на территориях, подконтрольных антибольшевистским правительствам. Автором введены в научный оборот ключевые источники, прежде всего, опубликованные в газетах документы протоколно-резольютивного характера, позволяющих понять структуру, функции и характер деятельности представительских организаций буржуазии в основных центрах антибольшевистского движения (Самара, Омск, Харьков, Киев, Ростов, Одесса). В то же время нельзя не отметить, что исследователь увлекся пересказом содержания этих документов. Так, описание проходившего в Омске 13–20 июля 1918 г. Сибирского торгово-промышленного съезда занимает 15 страниц (с. 57–72), Всероссийского торгово-промышленного съезда в Уфе – 10 страниц (с. 92–102), Съезда совета донских горнопромышленников 6–9 октября 1919 г. – 11 страниц (с. 203–213). Поэтому больше внимания уделено пожеланиям и проектам активистов буржуазных организаций, чем реальной деятельности и деталям взаимодействия с властями. Наверное, целесообразно было бы дать ключевые документы в приложении, чтобы читатель имел возможность познакомиться с первоисточниками, а не с подробным авторским изложением.

Конечно, эти замечания не должны заслонять главного – автором проделана большая работа, систематизирован обширный материал, охвативший внушительную хронологию и разные регионы России и страны Европы. Наряду с введением в научный оборот нового документального материала присутствует и весьма детальное использование региональной историографии. Появление рецензируемой монографии выводит изучение темы на новые рубежи и должно стимулировать дальнейшее ее изучение в регионах.

*В.М. Рынков,
д-р ист наук,
Институт истории СО РАН, Новосибирск*

Сибирь и декабристы. Вып. 6. – Иркутск: Иркутский музей декабристов, 2009. – 344 с.: ил.

Знаменательным событием современной российской исторической науки с полным правом следует назвать возобновление периодического издания «Сибирь и декабристы», которое не выходило в свет более двадцати лет. Первый сборник серии был опубликован в 1978 г. в Иркутске, одним из признанных центров советского декабристоведа, а истоки этого начинания лежали еще в 1925-м, когда виднейшие историки Сибири Б.Г. Кубалов, Ф.А. Кудрявцев, М.К. Азадовский выпустили памятный том под тем же названием, посвященный юбилею восстания на Сенатской площади. Он включал как оригинальные исследования, так и публикацию источников. С этого времени тема «Декабристы в Сибири» приобрела самостоятельное научное значение, став своеобразным ключом к изучению и осмыслению многих явлений и ракурсов региональной и общероссийской истории и культуры. Сегодня, пожалуй, уже никто не осмелится назвать эту тему идеологической, к тому же во все времена она вызывала живой отклик общественности; декабристы как были, так и остаются «апостолами культуры» для многих поколений сибиряков. Со второй половины 1970-х гг. в Иркутске помимо издания «Сибирь и декабристы» началась работа над серией «Полярная звезда», посвященной публикации литературного, эпистолярного и политического наследия декабристов. Заметим, что издание серии также возобновилось после длительного перерыва. Вдохновителем и ярчайшим деятелем иркутского научного центра на протяжении многих лет являлся Семен Федорович Коваль (1923–2005), памяти которого и посвящен новый сборник возрожденной серии.

В первой части нового издания опубликована подборка статей историка, ярко иллюстрирующая его вклад в изучение истории декабризма в Сибири, а также (что представляется особенно значимым) его самые последние работы. В статье, посвященной памяти С.Ф. Ковалья, Т.А. Перцева, внося важный вклад в историографию, приводит интереснейший материал по новейшей истории отечественной исторической науки, характеризующий становление и расцвет сибирского декабристоведа.

Структура сборника во многом традиционна для серии и включает следующие разделы: «Статьи и сообщения», «Источниковедение и историография», «Неизданные материалы», «Музейное дело». Основу опубликованных исследований составили материалы Всероссийской научной конференции в Иркутске в сентябре 2006 г., посвященной 180-летию прибытия декабристов в Сибирь и 150-летию их амнистии. Практически для каждой статьи и сообщения характерна научная новизна.

Публикация П.В. Ильина о П.А. Муханове раскрывает неизвестный период биографии декабриста – его деятельности в Союзе благоденствия, что позволяет несколько по-иному взглянуть на общую проблему идеологии и практической деятельности ранних политических организаций в России. А.П. Дунаева в статье о первых директрисах Ир-

кутского девичьего института также касается уже сибирских страниц биографии П.А. Муханова и убедительно показывает, какую огромную и определяющую роль сыграли декабристы в становлении и развитии женского образования в Сибири. Родословию П.А. Муханова посвящена публикация Г.В. Чагина. Таким образом, как справедливо отмечено в предисловии к сборнику, декабрист стал «своеобразным именинником шестого выпуска». Из работ-персоналий можно выделить и статью В.Д. Юшковского о мировоззрении Г.С. Батенькова периода сибирской ссылки, в которой автор проводит прямые связи и параллели между философскими идеями декабриста и взглядами ранних славянофилов, а также Л.Н. Толстого и Н.В. Гоголя.

Целый блок статей посвящен общим проблемам истории декабризма. А.А. Кононов и О.В. Эдельман в своих исследованиях затрагивают до сих пор актуальную в литературе проблему о числе жертв 14 декабря 1825 г., причем каждый автор, приводя новые источники, указывает и на дальнейшие перспективы поиска дополнительной информации. В лучших традициях иркутской научной школы выдержана статья Т.А. Перцевой и Л.Я. Подольской об амнистии декабристов – авторы убедительно доказывают, что ее правовой аспект имел второстепенное значение как для государства, так и для общественности; на первый план выступали политические и нравственные мотивы. А.В. Ермаков пишет о «глобальном контексте» движения декабристов, находя первоисточник событий в российском политическом кризисе середины 1820-х гг., сопряженном «с первым системным кризисом мировой экономики в конце 1825 г.» Историографическая составляющая издания также раскрывает одну из важнейших общих тем декабристоведа – концепцию восстания на Сенатской площади в советской исторической литературе. М.М. Сафонов сравнивает и анализирует взгляды на события 14 декабря Е.В. Сказкина, А.Е. Преснякова, Н.Ф. Лаврова, приходя к выводу о том, что до появления исследований М.В. Нечкиной в отечественной историографии господствовала идея об отсутствии у тайного общества определенного и четкого плана вооруженного восстания и политического выступления.

В статье Н.П. Матхановой, посвященной источниковедческой проблематике, определяется корпус сибирской декабристской мемуаристики (а внутри него ядро и периферия), выявляется и систематизируется его тематическая направленность, а также дается оценка значения данного наследия, способствовавшего «росту исторического самосознания сибиряков». Особую ценность представляют приложения к работе; первое из них является списком мемуаров декабристов о Сибири, а второе – кратким перечнем основных тем указанных сочинений. В сборник вошли и новые источники – впервые публикуемые письма из фондов Государственного исторического музея по делу о наследстве декабриста А.В. Поджо, вынужденного после возвращения из Сибири добиваться от родственников присвоения им права на владение его частью имени. Автор публикации Л.Л. Бойчук подчеркивает, что в подобной ситуа-

ции оказывались многие сосланные в Сибирь по делу 14 декабря из-за расплывчатых условий Манифеста 1856 г.

Последняя статья директора Иркутского музея декабристов Е.А. Ячменева (1957 – 2008), активно содействовавшего выходу рецензируемого сборника, также увидела свет на страницах издания. Автор рассказывает об истории формирования коллекции музея до 1917 г., определяет пути возможного поиска утраченных экспонатов. К «музейной» проблематике примыкают и другие работы. Т.С. Комарова по-новому атрибутирует один из рисунков А.С. Пушкина из собрания Пушкинского дома РАН, доказывая, что поэт изобразил декабриста В.Л. Давыдова, а не его брата А.Л. Давыдова, как считалось ранее. А.В. Соловьев подробно описывает и анализирует новый источник, связанный с биографией Н.А. Бестужева – альбом А.С. Свиазевой, поступивший на хранение в Государственный Эрмитаж в 2004 г.

Итак, 6-й выпуск серии «Сибирь и декабристы» дает яркое представление о состоянии современного декабристологии, об исследовательских приоритетах в данной области, о важнейшем месте темы в контексте проблем российской истории, о перспективах ее развития и универсальном, всеобъемлющем характере. Особо стоит отметить высочайшую научную культуру сборника, выгодно отличающую его от многих современных изданий подобного рода, высококлассную профессиональную работу составителя Т.А. Перцевой, редакционной коллегии и редактора А.В. Глюк. Можно констатировать, что иркутяне бережно хранят строгие академические традиции как публикации источников, так и структурирования и оформления научного издания, выработанные еще в конце 1970-х – 1980-е гг.

Однакостораживает одно объективное обстоятельство, впрочем, никоим образом не принижающее высокой научной ценности издания. Это тематическое соотношение проблем сибирской истории декабризма и общих вопросов движения и его идеологии на страницах сборника. Если предыдущие выпуски серии «Сибирь и декабристы» составляли практически материалы о пребывании и деятельности декабристов в крае, об их сибирских связях и сибирском наследии, то в новом издании примерно треть публикаций направлена в большей степени на раскрытие тем, связанных с конкретными вопросами восстания и развитием декабризма до 1826 г., идейной борьбы среди членов первых политических обществ. Дело в том, что в последнее время усилиями плеяды молодого поколения исследователей Санкт-Петербурга, Москвы, Саратова декабристология «центра» успешно развивается и даже выходит на новый качественный рубеж (примером чему может служить изданный в 2009 г. сборник «Декабристы в Петербурге» под ред. П.В. Ильина), а круг сибирских историков-декабристологов в это же самое время продолжает неуклонно сужаться, хотя при этом они демонстрируют как высокий профессионализм, так и следование традициям местных научных школ (Иркутска, Томска, Новосибирска). Ученых западной части России тема о декабристах в Сибири практически не интересует, одновременно приходится констатировать, что и среди нового поколения сибирских исследователей внимание к ней незаслуженно ослабевает. В этом отношении отрядным исключением являются статьи А.П. Дунаевой (Иркутск) и В.Д. Юшковского (Томск), демонстрирующие универсальные возможности, разноплановые и перспективные ракурсы проблематики «Декабристы и Сибирь».

*Е.Н. Туманик, канд. ист. наук,
Институт истории СО РАН, Новосибирск*

КУЛЬТУРА И ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ РОССИИ: ИННОВАЦИОННЫЕ ПРАКТИКИ, ОБРАЗЫ ГОРОДА

В конце октября 2009 г. в Омске прошла трехдневная VII Всероссийская научная конференция «Культура и интеллигенция России: инновационные практики, образы города. Юбилейные события. Историческая память», посвященная 35-летию Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского. Всего в работе приняли очное участие более 100 представителей академической и вузовской науки, сотрудников музеев из 16 городов России и трех городов Республики Казахстан (Астана, Караганда, Костанай), а также педагоги омских лицеев и гимназий, аспиранты, магистранты, студенты, более 60 заочных участников – это ученые дальнего зарубежья (США, Германия), ближнего зарубежья (Украина, Казахстан, Узбекистан), из 20 городов России.

Организаторами конференции выступили Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского (ОмГУ), Омский филиал Института археологии и этнографии (ИАЭТ) СО РАН, Сибирский филиал Российского институ-

та культурологии (РИК), Омское отделение межрегиональной общественной организации «Российское общество интеллектуальной истории», Государственный областной художественный музей «Либеров-центр», Карагандинский государственный университет имени Е.А. Букетова (Республика Казахстан), Центр интеллектуальной истории Института всеобщей истории РАН (Москва). К началу работы конференции был издан солидный сборник докладов и сообщений*.

Открытие и работа пленарных сессий проходили в конференц-зале Омского научного центра Сибирского отделения РАН, расположенного в центре города. Участникам

*Культура и интеллигенция России: инновационные практики, образы города, юбилейные события. Историческая память горожан: Материалы VII Всерос. науч. конф. с междунар. участием (Омск, 20–22 октября 2009 г.). Омск, 2009.

была показана мультимедийная презентация истории данного научно-коммуникативного проекта (этапы с 1993 по 2006 г.) Возглавили оргкомитет конференции его председатели профессор ОмГУ, заведующая сектором Сибирского филиала РИК В.Г. Рыженко, ректор ОмГУ В.И. Струнин, директор Омского филиала ИАЭТ СО РАН и Сибирского филиала РИК, заведующий кафедрой ОмГУ Н.А. Томилов.

Приветственные слова от российских, сибирских и омских научных организаций, выделив особо добрые пожелания от имени руководителя Отделения по историко-филологическим наукам РАН академика А.П. Деревянко, директора РИК профессора К.Э. Разлогова и председателя Омского научного центра член-корреспондента РАН В.А. Лихолобова, произнес Н.А. Томилов, обратив внимание на возрастающую роль в современном мире и нашей стране именно интеллекта, а также интуиции. Он подчеркнул: «...еще академик А.П. Деревянко отметил, что роль интуиции в условиях кризиса должна возрасти. Необходимо опираться на ее механизмы, главным образом в воспитательной работе, особенно сейчас, когда преступность находится на столь высоком уровне, а относиться к ней стали, наоборот, более легко». В Совете Безопасности РФ уже готовится документ о государственной политике в области сохранения культурных и нравственных ценностей, укрепления духовного единства российского народа. Однако, как считает Н.А. Томилов, в нем не прописаны принципы нравственности и духовности, на которые российские люди должны ориентироваться в своей деятельности.

По поручению члена оргкомитета конференции, первого проректора Карагандинского государственного университета им. Е.А. Букетова профессора Р.М. Жумашева участников приветствовала декан исторического факультета КарГУ, профессор З.Г. Сактаганова, которая заострила внимание присутствующих коллег на важности укрепления и расширения культурных связей России и Казахстана, изучения культурного пространства обеих стран.

Первую Пленарную сессию «Методологические стратегии и инновационные исследовательские практики в современном интеллектуальном пространстве «без границ» открыл докладом Н.А. Томилова о роли ведущих ученых России в становлении и развитии омских культурологического и этнографического научных центров. Докладчик особо отметил помощь омским этнографам со стороны академиков Ю.В. Бромлея, А.П. Деревянко, В.И. Молодина, А.П. Окладникова, В.А. Тишкова, членов-корреспондентов РАН С.А. Арутюнова, В.А. Лихолобова, а также В.И. Васильева, И.С. Гурвича, Р.Ф. Итса, Г.Е. Маркова и других известных ученых. В настоящее время в Омске работают примерно 60 этнографов. Обсуждается вопрос о создании в недалеком будущем в Омске нового Института истории и социокультурных исследований народов Евразии. Омск стал одним из центров российской культурологии, развитию которого в Омске способствовали академик Е.П. Чельшев и профессор К.Э. Разлогов.

О «пространственном повороте» и методах новой локальной истории как направлении зарубежной и отечественной гуманитаристики шла речь в докладе ведущего российского историографа, профессора С.И. Маловичко (Москва). По его мнению, современная ситуация в постмодерне ха-

рактеризуется, во-первых, поисками нового пути интеграции социума, а, во-вторых, разрывом между профессиональным знанием и массовым сознанием. Эта проблема приближения к массовому сознанию актуальна, и необходимо, чтобы в работах выступали в качестве объекта места памяти, которые были бы понятны массовому читателю. Другой поворот в возможных исследовательских стратегиях репрезентации прошлого был предложен А.В. Антощенко (Петрозаводск) на основе анализа «исторической семантики» доминантных фрагментов городской среды.

Заместитель декана по научным связям факультета международных отношений Национального университета им. Л.Н. Гумилева С.К. Бердагулова (Астана) ознакомила собравшихся с направлениями и перспективами сотрудничества российских и казахстанских вузов, а также с особенностями междисциплинарного проекта «Культурный текст Астаны», реализуемого с 2007 г. в виде научных конференций. Тем самым в диалогах исследователей была обозначена дополнительная линия инновационных коммуникативных практик. Она была подкреплена содержательным докладом Е.М. Раскатовой и М.А. Миловзоровой (Иваново), представившим феномен «квартирной выставки» в провинциальном городе на стыке историко-культурологических исследований и интересов «новой локальной истории».

Ряд докладов второй пленарной сессии «Юбилейные события, фигуры и места памяти: формы репрезентации, источники и исследовательские практики» усилил теоретико-методологическую составляющую работы конференции. Одним из заглавных был доклад профессора В.П. Корзун (Омск), посвященный мемориальным и юбилейным событиям в жизни научного сообщества. Докладчик подчеркнула, что «если мы говорим о городе, мы не можем не говорить об университете, т.к. это объект урбанистической культуры. События, переживаемые университетом, являются частью жизни города, однако университетская корпорация пытается самоидентифицироваться. Ценности города воспринимаются и транслируются в научных сообществах». Завершил дневное заседание второй пленарной сессии доклад профессора Ю.А. Стецюры (Армавир), сосредоточившего внимание участников конференции на особом значении личностной и символической составляющей проблемы сохранения и трансляции исторической памяти.

Заседания этой сессии соединили «пространственный» поворот с вариантами конструирования исследовательских практик, связанных с образами города и «местами памяти». Т.О. Санникова (Воткинск) обозначила новые вопросы для дискуссии в докладе «Город как пространство памяти». Их звучание было заострено в содержании теоретико-методологического доклада В.Ф. Чиркова «Омсковедение или Омск как текст. Музей и местная культура: взгляд изнутри». Возможности использования интеллектуальных конструктов «образов города» для источниковедческого анализа воспоминаний были продемонстрированы в докладе Г.В. Оглезневой (Иркутск).

Актуальным в преддверии 35-летнего юбилея ОмГУ являлся доклад В.Г. Рыженко «Университеты в исследовательской матрице образа города (историк в условиях новых познавательных поворотов)». Отмечено, что «это событие

заставляет по-новому посмотреть на возможности современных исследовательских практик и, в частности, на ту исследовательскую модель, условно именуемую «матрицей культурно-цивилизационного ландшафта»... Ее элементом становится университет как уже сформировавшееся звено внутригородского пространства». Тема образов мест и событий, специфических коллективных и личностных форм их научных репрезентаций углублялась и развивалась в докладах П.С. Шаблея (Республика Казахстан, Костанай), М.А. Демина (Барнаул), Н.И. Рожковой (Москва), С.Г. Сизова (Омск), О.А. Реновой (Кунгур), Р.С. Черепановой (Челябинск). Завершила дневное заседание третья пленарная сессия «Города и их образы в современных исследовательских опытах и интердисциплинарном пространстве».

Участники конференции присутствовали на открытии выставочного проекта «Тихая выставка». Данный проект также явился традиционной частью концепции омских конференций. По словам его куратора В.Ф. Чиркова, подобные камерные выставки (они же – музейно-выставочные способы изучения Омска как текста) предназначены прежде всего для интеллектуалов, среди которых оказались участники конференции.

В заключительный день работа конференции проходила в художественном музее «Либеров-центр» в виде круг-

лого стола «Инновационные практики и коммуникативные сети: их роль в современном интеллектуальном и образовательном пространстве». Неоднократно поднимался вопрос о степени участия в инновационных проектах научного и музейного сообщества гуманитариев, о роли вузов в формировании «деятельных» образов городов как факторов их современного развития, о необходимости налаживания сотрудничества и укрепления связей ученых, педагогов, музеев с разработчиками социокультурных проектов – представителями бизнес-элиты. Отдельное направление в дискуссии обозначилось после выступления З.Г. Сактагановой (Караганда), в котором были затронуты проблемы обеспечения исторических исследований архивными документами, профессионализма интерпретаций отдельных событий недавнего советского прошлого, в том числе отношения к использованию свидетельств «устной истории».

Подводя итоги конференции, соруководитель круглого стола Т.А. Сабурова (Омск) предложила продолжать обмениваться впечатлениями и идеями после конференции в формате виртуальных диалогов в системе Интернет. В заключительном выступлении В.Г. Рыженко подчеркнула, что участники конференции смогли реально оказаться в пространстве интеллектуальных диалогов, ознакомиться с новейшими исследовательскими опытами.

д-р ист. наук *Н.А. Томилов*,
д-р ист. наук *В.Г. Рыженко*,
А.В. Жидченко

ПОЗДРАВЛЯЕМ Н.Н. ПОКРОВСКОГО!

Николай Николаевич Покровский, уроженец Ростова-на-Дону, выпускник МГУ, приехал в Новосибирский академгородок ровно 45 лет назад 35-летним кандидатом наук, отбывшим в лагерях шестилетний срок по знаменитому «университетскому делу». Он начал работать в Отделе гуманитарных исследований Института экономики и организации промышленного производства (из которого вырос в конечном итоге и Институт истории СО РАН). Одновременно Николай Николаевич преподавал в НГУ. Так, совмещая научный поиск с учебным процессом, в те годы формировались в Сибирском отделении Академии наук научные школы, ставшие позже гордостью страны. И Сибирское отделение, и НГУ сделали одно из лучших своих приобретений: Н.Н. Покровский – носитель традиций известной московской школы русской истории. Его учителями были академики М.Н. Тихомиров, Б.А. Рыбаков, профессора Н.Л. Рубинштейн, П.А. Зайончковский и др. Главные принципы этой школы, воплощенные во всех трудах Н.Н. Покровского, – тщательный источниковедческий анализ, применение методов русской медиевистики при исследовании документов нового и новейшего времени. Блестящим примером для

Николая Николаевича в этом плане являлись и замечательные представители петербургской исторической школы Б.А. Романов и С.Н. Валк (их труды Н.Н. Покровский неизменно рекомендовал новосибирским студентам).

Переехав по рекомендации М.Н. Тихомирова в Академгородок, Николай Николаевич не только впервые после вынужденного перерыва занялся большим научным проектом (весьма далеко отстоящим от прежних изысканий), но одновременно развернул активную экспедиционную работу, принять участие в которой считалось для студентов почетным делом – брали далеко не всех. С именем Н.Н. Покровского связано, как известно, «археографическое открытие Сибири» – об этом в свое время замечательно написали академики Д.С. Лихачев и А.М. Панченко. Десятки археографических экспедиций позволили сформировать одно из крупнейших в стране собраний древнерусских рукописей и старопечатных книг, они открыли дотоле неведомый богатейший мир письменной духовной культуры русских крестьян-староверов в огромном восточном регионе России – от Урала до Дальнего Востока. Ученики Николая Николаевича, приобщаясь к этой культуре по время полевой работы, продолжали научный поиск, изучая самые различные сюжеты многовековой истории старообрядчества. Научные труды Н.Н. Покровского служили им надежным ориентиром – от монографии 1974 г. по истории староверия до исследования 2002 г., посвященного крупнейшему направлению старообрядчества – часовенному согласию.

Уже в первых своих работах, и особенно в монографии «Антифеодальный протест урало-сибирских крестьян-староверов в XVIII в.», Н.Н. Покровский поднимает две общие темы, к которым на разном материале будет затем возвращаться снова и снова: отношения церкви и государства и отношения власти и общества (последняя – за десятилетия до того, как эта тема стала остро востребованной в мировой историографии). Историко-церковные исследования (если они не принадлежали к официальному научному атеизму) в те годы почти не допускались. Исследования Н.Н. Покровского, все еще слышного неблагонадежным, смогли осуществиться лишь при поддержке и защите московских и ленинградских старших коллег, а также в атмосфере относительной свободы творчества, которую в Новосибирском академгородке обеспечивал тогда первый председатель Сибирского отделения Академии наук М.А. Лаврентьев. К его помощи приходилось обращаться неоднократно. Понятно, что при жесткой партийной цензуре, в об-

становке непрекращающихся преследований как Русской Православной церкви, так и староверия старообрядчество прежде всего заявлялось как протестное движение, в первую очередь, против официальной церкви. Тема оставалась подозрительной и должна была существовать в ограниченных рамках. Николай Николаевич, исследуя социальную и политическую составляющие старообрядческой оппозиции, предупреждал об опасности ее абсолютизации, о недооценке чисто богословской стороны движения. На огромном новейшем массовом материале документальных и нарративных источников он сумел впервые поставить и в значительной степени решить поразительно широкий спектр проблем, касающихся мира урало-сибирского, да и российского в целом староверия, его отношений как с властной церковно-государственной вертикалью, так и с многочисленными горизонталями общества XVIII–XX вв. Н.Н. Покровский раскрыл куда более сложные, нежели любое идеологическое клише, грани обсуждаемого феномена: и борьба течений внутри разных согласий староверия, и интересно раскрытая загадка размытости границ не только согласий, но подчас старообрядческих и официально-православных общин, не раз вместе выступавших против насилия властей. Дано объяснение и специфике старообрядческого ответа на давление официальных структур – от камуфляжа внутри приходов РПЦ до побега и открытого противостояния, в том числе и самосожжений; убедительно доказана зависимость социально-политического протеста не только от экономического и социального угнетения, но едва ли не в первую очередь – от мировоззренческих, прежде всего богословского характера, установок «расколоучителей» и их паствы. Последнее входило уже в прямое противоречие с обязательной методологией советской историографии, опиравшейся на теорию формаций и постулат о главенстве базиса над «надстройкой».

Н.Н. Покровского все больше стала привлекать именно сфера идей, мировосприятия, менталитета русского населения (далеко не всегда старообрядцев) как варианта народного христианства. Его работы появлялись в те же годы, когда ширилась слава школы «Анналов», изучавшей аналогичные явления на примере католического варианта народной религиозности. На российском материале такого рода исследования в силу названных причин тогда почти не появлялись. Когда в советской историографии, уставшей от навязчивого главенства в гуманитарной науке марксистской социологии, все чаще стали писать (со ссылкой на актуальные зарубежные достижения) о необходимости поставить в центр внимания исследователей человека, Н.Н. Покровский уже в течение десятилетий густо насыщал свои работы яркими характерами и судьбами людей, не раз поражая читателя невыдуманными детективными сюжетами.

Постоянный экспедиционный и архивный поиск Н.Н. Покровского приносил находки в широчайшем диапазоне последних пяти веков русской истории. Некоторые памятники сразу поражали своей уникальностью: это единственный полный список судов над преподобным Максимом Греком, найденный в одной из первых поездок к алтайским староверам; это древнейший список «Степенной книги царского родословия», обнаруженный в фондах Томского краеведческого музея; это прочитанная на страницах

следственного дела ярчайшая автобиография алтайского крестьянина XVIII в. и многое другое.

Наиболее ценные источники, открытые ученым и его коллегами, стали предметом внимания в организованной им серии трудов (с 1975 г.) «Археография и источниковедение Сибири».

Н.Н. Покровский всегда работает как подлинный археограф в самом глубоком смысле слова: это и поиск, и изучение, и публикация источников. Издание «Судных списков Максима Грека» – первое, осуществленное им в Сибири, вышло в сопровождении исследования тех новаций, которые принесли Списки. Недавняя двухтомная публикация «Степенной книги царского родословия» предваряется в первом томе, наряду со статьями соавторов и соиздателей, обобщающей статьей Н.Н. Покровского «Исторические концепции Степенной книги царского родословия». Так уж совпало, что реалии обоих этих проектов касаются XVI в. и носят общерусский характер. Последнее обстоятельство вообще характерно для академика Н.Н. Покровского: сибиреведение в его трудах тесно переплетается с историей страны в целом. Это касается изучения староверия, это справедливо и для его занятий местным самоуправлением в XVII в., которому посвящены работы ученого 1980-х – начала 1990-х гг.

На общесибирских и московских документах, касающихся взаимоотношений царской администрации (центральной и местной), церковной власти и мирских объединений разных социальных слоев сибирского населения, изучалась главная, сквозная тема механизмов и результативности взаимодействия власти и общества, в том числе и в периоды острых социальных потрясений. Опираясь на труды своих замечательных предшественников по русской исторической школе – М.М. Богословского, С.В. Бахрушина, М.Н. Тихомирова, Н.Н. Покровский на великолепно поданном, мастерски исследованном массовом материале доказал высокую степень участия мирских сообществ в управлении как во время бунта, так и в спокойное время («Томск. 1648–1649 гг. Воеводская власть и земские мирь»; совместно с В.А. Александровым – «Власть и общество. Сибирь в XVII веке»). Обе эти работы остались в нашей историографии явно недооцененными, возможно, из-за кажущегося регионализма темы. Однако внимательное прочтение убеждает, что поднятые в них проблемы серьезно уточняют представления о типе управления в России и механизмах обратной связи государства и общества. Значительное место и здесь Н.Н. Покровский уделяет народному сознанию, менталитету. Универсальное значение имеют его наблюдения над тем, как государева социальная демагогия питала народную социальную утопию, как функционировали механизмы взаимоотношений миров, их лидеров между собой и с властью.

Тема «власть и общество» у Н.Н. Покровского, как уже неоднократно отмечалось, постоянно сочеталась с исследованием отношений церкви и государства. Сначала интерес к такой постановке вызвали у него фигуры преподобного Максима Грека, инициатора создания Степенной книги митрополита Макария и его преемника, митрополита Афанасия, а для более позднего времени – это проблема раскола православной церкви. Особое внимание Н.Н. Покровский

уделяет также преломлению на русской почве унаследованной от Византии теории симфонии церкви и государства. Так, текстологический анализ обнаруженных древнейших списков Степенной книги по-новому осветил историю создания этого первого нелетописного свода русской истории. При этом высветилась основная причина того, почему такой огромный многолетний труд остался незавершенным: теория симфонии пришла в трагическое противоречие с практикой приближавшихся времен опричного террора.

Казалось бы, послереволюционное время должно было остаться вне внимания ученого. Однако противостояние РПЦ и атеистического государства на заре советской власти настолько волновало историка, что он предпринимает посвященный этому процессу трудоемкий многолетний проект (в соавторстве со С.Г. Петровым). Толчком к работе послужило, как когда-то в начале творческого пути, рассекречивание ранее недоступных документов. Тип исследования, ставший уже привычным, – издание источника с его глубоким анализом и комментированием. С этого двухтомного проекта и началась новая серия – «Архивы Кремля», успешно продолжаемая в настоящее время другими исследователями. В двухтомнике, посвященном отношениям Политбюро и церкви в 1922–1925 гг., перед нами уже привычный детальный анализ черновиков и копий документов, помет на них, дат, почерков, подписей, позволяющий выяснить истинных авторов и вдохновителей новой церковной политики государства, мотивы и способы ее осуществления. Власть снова оказалась под пристальным взглядом исследователей, но не только она: здесь и общество в его отношениях с властью, которой противостояли те верующие, вовсе не согласные идти в предписанный новыми начальниками «земной рай».

Следует сказать еще об одном направлении деятельности Н.Н. Покровского, которое сопровождает его всю жизнь. Блестящий лектор и рассказчик, он всегда делился

своими открытиями не только с коллегами и студентами, но и с куда более широкой аудиторией читателей и слушателей. Школьники, учителя, научные сотрудники технических институтов и многие другие, кому довелось слушать его захватывающие рассказы о русской истории, помнят их многие годы. О своих экспедиционных находках и связанных с ними изысканиях Н.Н. Покровский рассказал в очерках «Путешествие за редкими книгами», выдержавших три издания. Многочисленны его публикации в газетах, сибирских и общероссийских журналах (так, в 1997 г. журнал «Россия» опубликовал серию его очерков на тему «Власть и церковь на Руси» – от домонгольского периода до советского времени).

В кратком очерке невозможно дать полную оценку деятельности такого крупного ученого, как академик Н.Н. Покровский. Многого можно было бы сказать и о продолжающихся исследованиях по истории Сибири, в частности об основанной им серии «История Сибири. Первоисточники», имеющей уже более десятка выпусков, о превращающемся в серийное издание «Духовной литературы староверов востока России» (готовится третий том), о полном приключений издании и переиздании основного труда его отца, Н.И. Покровского, посвященного Кавказским войнам в XIX в., и т.д. Ученый продолжает свой ежедневный труд по многим направлениям истории России и Сибири, в том числе готовит к изданию вместе с А.В. Сиреновым, соавтором по предыдущему проекту, так называемую Латухинскую Степенную книгу – модификацию Степенной XVI в. в следующем столетии. Продолжает, не включаясь в погоню за мелькающими в быстрой смене модными историографическими течениями и теориями, обладая редким умением задать источнику правильные вопросы как для того времени, так и для настоящего, что неизменно делает работу ученого актуальной и содержащей новое знание. И пусть это знание, как всякая научная истина, не будет абсолютным, но одно несомненно – честно добытым и плодотворным.

Институт истории СО РАН

**Russian Academy of Sciences
Siberian Branch
GUMANITARIAN SCIENCES IN SIBERIA**

N 2, 2010 г.

Contents

SON THE 65TH ANNIVERSARY OF VICTORY IN THE GREAT PATRIOTIC WAR

<i>Isupov, V.A.</i> Human Resources of Western Siberia during the World War II	3
<i>Scherbin, N.M.</i> The Air Forces of the Red Army on the Eve of the Great Patriotic War (1939–1941)	7
<i>Romanov, R.E.</i> The Labour Activity of the Young Workers in Defense Industry of Western Siberia during the War Years (1941–1945) ...	11
<i>Bukin, S.S.</i> The Industrial Complex of Ammunition Production at the Zavodskaya Station	15
<i>Shalak, A.V.</i> Specific Features of Labor Motivation in the Industrial Sector of Eastern Siberia (1941–1945)	19
<i>Ivanov, S.N.</i> Logistical Support of the Military Colleges of the People's Commissariat of Defense of the USSR in Siberian Military District during the Great Patriotic War	23
<i>Snegiryova, L.I.</i> Evacuation of Children to Western Siberia (1941–1945)	28

HISTORY OF RUSSIA

<i>Kamenetsky I.P., Rezun D.Ya.</i> Lake Yamysk as an Area of Peoples' Political and Economic Interactions in the XVII century	32
<i>Lysenko, Yu.A.</i> The Orthodox and Muslim Missions in the Kazakh Steppe: A Comparative Analysis of Organization and Methods of Missionary Activities (late XIX – early XX century)	36
<i>Tynkina, I.V.</i> C.V. Vernadsky's Unrealized Projects On the Russian History of the XVIII century (1915–1917)	40
<i>Petin, D.I.</i> Monetary Circulation and Financial Policy of the Soviet Power in Siberia in 1919–1920	44
<i>Timoshenko, A.I.</i> Soviet Initiatives in the Arctic in the 1920s (on a Question of Strategic Continuity)	48
<i>Ilyinikh, V.A.</i> L.M. Kaganovich's visit to Siberia in April, 1930: Sanation of «Vertigo»	52
<i>Yesikov, S.A.</i> The Peasant Movement in the Central Chernozem Region during the Period of Mass Collectivization	56
<i>Kondrashin, V.V.</i> The Russian Archival Documents on the Famine in the USSR in 1932–1933	60
<i>Kornilov, G.E.</i> Famine in 1932–1933 in the Ural Region: Factors and Scale	65
<i>Kuromiya H.</i> Stalin and the soviet narod	70
<i>Dolgolyuk, A.A., Tsikanov, G.A.</i> The Territorial Production Complexes: Past and Present	76

REPORTS, SCIENTIFIC LIFE

<i>Kazakova-Apkarimova, E.Yu.</i> The Noble Meetings of Perm and Ekaterinburg in the XIX – early XX century	81
<i>Yerokhin, V.V.</i> The Establishment of the Orthodox Church in Maritime Territory (Primorye) in the second half of the XIX century	84
<i>Shevtsov, V.V.</i> «Tomsk Provincial Sheets» in the Case of the «Siberian Separatists» (1863–1865)	88
<i>Vivdich, M.A.</i> Foreign Capital Expansion in the Railway Construction in the Russian Far East (1902–1907)	91
<i>Liksokova, V.Ts.</i> From the History of Archives in the Baikal Region (1918–1922)	95
<i>Yesikova, M.M.</i> Kolkhoz Life in the Central Chernozem Region in the Beginning of the 1930s	99
<i>Orlov, D.S.</i> Specialization and Inter-farm Cooperation in Cattle Breeding of the Altai Region in the middle of the 1960s – 1 st half of the 1980s	101
<i>Adamova, O.A., Chernov, D.V.</i> Studies of youth in Russia in the XX century	104
<i>Kationov, O.N.</i> Rec. ad. op.: Mironov B.N. The Human Wellbeing and Revolutions in the Imperial Russia: XVIII – early XX century Moscow: New Chronograph, 2010. – 911 p.: ill., tables. (Mironov B.N. Blagosostoyanie Naseleniya I Revolutsii v Imperskoi Rossii: XVIII – nachalo XX veka. M., Novyi Khronograph, 2010)	107
<i>Rynkov V.M.</i> Rec ad op.: Shatsillo M.K. Russian Bourgeoisie during the Civil War and the First Years of Emigration (1917 – early 1920s) / ed. ny I.M. Pushkaryova. M.: Nauka, 2008. – 342 p. (Rynkov V.M. Rossiiskaya burzhuaziya v period Grazhdanskoy voyni I pervyie gody emigratsii (1917 – nachalo 1920-ch gg./otv.red. I.M. Pushkaryova, M.: Nauka, 2008)	109
<i>Tumanik E.N.</i> Rec. ad op.: Siberia and the Decembrists. 6th issue. Irkutsk: the Irkutsk Decembrists Museum, 2009. (Sibir I Dekabristi. Vyp. 6. – Irkutsk, Irkutskiy uzey Dekabristov, 2009)	111
The 8 th All-Russian Scientific Conference «Culture and Intelligentsia in Russia: innovative practices, images of the city. Anniversary events Historical memory», dedicated to the 35 th anniversary of the Omsk F.M. Dostoevsky State University, Omsk, October 20–22, 2009)	112
Our congratulations on the 80 th anniversary of N.N. Pokrovsky	115
<i>Summary</i>	119

SUMMARY

Isupov, V.A. Human Resources of Western Siberia during the World War II.

The article sums up the long-term study of manpower in Western Siberia during the World War II; describes the government's activities in the sphere of the military and civilian manpower mobilization; reveals the consequences of the large-scale drafts; defines the main principles of labour mobilization. The author pays considerable attention to the losses in manpower, which the population of Western Siberia had in 1939–1945.

Keywords: population, war, losses in manpower, human resources, human potential, labour force.

Scherbin, N.M. The Air Forces of the Red Army on the Eve of the Great Patriotic War (1939–1941).

The article analyzes the activities of the Soviet government aimed at strengthening the Air forces of the Red Army in 1939–1941. Based on a study of the flight crews training, the work the aircraft industry and the deployment of air force formations, changes in the organizational structure of the Air Force the author concludes that the training of air force units for combat operations was conducted poorly and late. These negative factors have adversely affected the military operations in the first days of the war.

Keywords: training of flight crews, organizational and staff structure of the aircraft, the fleet of the Air Force.

Romanov, R.E. The Labour Activity of the Young Workers in Defense Industry of Western Siberia during the War Years (1941–1945)

The article deals with the problem of industrial activity of young workers up to the age of 25 on munitions factories in the West Siberian back areas. On the basis of documents of the Novosibirsk, Tomsk and Kuzbas enterprises the author shows the mass participation of young male and female workers in the Stakhanov movement and komsomol-youth brigades. The author comes to conclusion that the effective use of the young workers potential in defense industry was possible due to their mass adaptation to traditional and new forms of socialist competition.

Keywords: the Great Patriotic War, Western Siberia, a defense complex, young workers, labour activity.

Bukin, S.S. The Industrial Complex of Ammunition Production at the Zavodskaya Station.

The paper describes the process of creation of the two major defense plants, their role in ammunition production during the Great Patriotic War. The author analyzes the system of recruitment, labor activity of workers, traces the history of a new industrial community which appeared in an undeveloped area.

Keywords: war, Siberian back areas, ammunition, labour collective.

Shalak, A.V. Specific Features of Labor Motivation in the Industrial Sector of Eastern Siberia (1941–1945).

The author focuses on the specific features and methods of labor motivation used in the industrial sector of Eastern Siberia. The main methods of labor motivation were wage differentiation, bonuses, lump-sum bonuses, commodity flow distribution in accordance with the government's strategic objectives. In order to distribute the commodities the government arranged the food distribution and cabinet trading at the enterprises. Food rationing system was also one of the tools. The author concludes that material incentives played a significant role during the Great Patriotic War.

Keywords: labor motivation, wage differentiation, bonus system, food distribution, cabinet trading, purchasing power.

Ivanov, S.N. Logistical Support of the Military Colleges of the People's Commissariat of Defense of the USSR in Siberian Military District during the Great Patriotic War.

The article deals with the system of logistical support of the military colleges and schools of the People's Commissariat of Defense in Siberian Military District; shows how this support influenced the results of military training. Taking into consideration the lack of military equipment and weapons, provisions and clothing, especially in 1941–1942, one can appreciate the true value of the work performed by the instructional staff of the military colleges, the cadets' strength of mind, which allowed them overcome all difficulties of the military service.

Keywords: educational material resources, military colleges and schools, nutrition, quartering, materiel.

Snegiryova, L.I. Evacuation of Children to Western Siberia (1941–1945).

The article analyzes the interrelation between the war, mass evacuation of population and the rapid growth of the number of homeless children. The author studies the reasons, describes major trends in the state policy and social activities directed towards decrease and liquidation of this social anomaly.

Keywords: the Great Patriotic War, evacuation, child homelessness, child neglect.

Kamenetsky I.P., Rezun D.Ya. Lake Yamysh as an Area of Peoples' Political and Economic Interactions in the XVII century.

The article reveals the origins and forms of Russian interactions with the Turks and Mongols in the region of Upper Priirtyshie in the XVII century, as well as defines the economic, political and cultural impact of the Yamysh fair.

Keywords: Lake Yamysh, frontier area, collection of sea deposited salt, ethnic, economic and politic interaction.

Lysenko, Yu.A. The Orthodox and Muslim Missions in the Kazakh Steppe: A Comparative Analysis of Organization and Methods of Missionary Activities (late XIX – early XX century).

The article attempts at conducting a comparative analysis of the Orthodox and Muslim missionaries' activities in the Kazakh steppe in the late XIX – early XX centuries. Documents show that Islamic propaganda was successful which is explained by the author through identifying the specific features of its organization and methods, which turned out to be optimal, with respect to the Kazakh nomadic community.

Keywords: Islam, Orthodox Christianity, missionary work, church, empire, Kazakhs, Kyrgyz mission.

Tynkina, I.V. C.V. Vernadsky's Unrealized Projects On the Russian History of the XVIII century (1915–1917).

The article is devoted to the undelivered G.V. Vernadsky's projects (1915–1917) on the history of Russia of the 18th c.: the catalog of the names of all Russian freemasons from the 18th to the beginning of the 19th cc.; index of names of all bureaucracy of the Russian Empire from «*Mesyatseslovny*» published in the time of the Empress Catherine the Great (1765–1796), and his plans to publish a book «The academician G.F. Mueller' instruction to J. E. Fischer for the collection of historical and geographical information on Siberia, given in 1740». The last two works were to be published by the Academy of Sciences, but after the October revolution they still remained unpublished. The Russian archives (State Archive of the Russian Federation, St.-Petersburg Branch of the Archive of the Russian Academy of Sciences) keep only the documents revealing how these works were being prepared for publication. Perhaps, some of these materials are kept in the Bakmeteff Archive of Russian and East European Culture in New York (George Vernadsky Papers).

Keywords: G.V. Vernadsky's projects, Russian masons of XVIII-first quarter of the XIX century, Russian officials of the XVIII century, G.F. Møller's ethnographical program.

Petin, D.I. Monetary Circulation and Financial Policy of the Soviet Power in Siberia in 1919–1920.

The article describes Siberia's transition to the Soviet monetary system considering the specific traits of the Soviet monetary circulation and financial policy in Siberia in 1919–1920. The author considers such aspects as annulment of White Guard's banknotes and providing the newly acquired territories of Siberia with the Soviet money; explains why the regional Soviet authorities issued monetary substitutes used for money circulation on the local level.

Keywords: Civil war in Siberia, history of the monetary circulation in Russia, bonistics, banknotes, money surrogates.

Timoshenko, A.I. Soviet Initiatives in the Arctic in the 1920s (on a Question of Strategic Continuity).

The article considers problems of continuity in the Russian state's policy towards the Arctic region and the Northern Sea Route. The author traces the main strategic goals and interests of the government in the northern territories in the beginning of the XX century.

Keywords: Russia, Arctic, strategy, state interests.

Ilyinikh, V.A. L.M.Kaganovich's visit to Siberia in April, 1930: Sanation of «Vertigo».

The article describes visit of L.M. Kaganovich, the Secretary of the Central Committee of C.P.S.U.B, in April, 1930, which was previously unknown to the researchers. Kaganovich was given a task to accomplish the goals stated in Stalin's article "The Vertigo of Success", breaking the local elite's opposition to the short-term policy of reducing the number of collective farms. The main attention is given to changing political goals of the party Secretary: from his initial de-

mand to take severe measures against the officials who had gone "too far" to his final decision to stop the campaign of "penitence" and persecutions of the Party and Soviet officials, concentrating instead on preparations to the sowing season.

Keywords: agrarian policy, collectivization, kolkhozes, Siberia, agriculture.

Yesikov, S.A. The Peasant Movement in the Central Chernozem Region during the Period of Mass Collectivization.

The article written on the new archival documents considers dynamics, scale and forms of the Peasant movement in the Central Chernozem Region in 1930–1931, as well as methods used by the authorities to suppress the rural population opposition to the forced collectivization and dispossession of the kulaks. The author proves that lower intensity of the peasant movement in 1931 was due to the series of preventive measures taken by the OGPU and aimed at withdrawing those peasants who posed a potential threat to authorities and could lead the protest actions of their fellow-villagers.

Keywords: peasantry, collectivization, «dekulakization», peasant movement, repressions, special operations of the OGPU.

Kondrashin, V.V. The Russian Archival Documents on the Famine in the USSR in 1932–1933.

The article analyzes the reasons, the scale and demographic consequences of the famine in the USSR in 1932–1933. The author believes that famine was a logical result of mistakes made by the Stalin's leadership in the sphere of agriculture. He proves that the forced top-heavy state grain procurements were directly connected with grain export conducted for the sake of industrialization. A sharp decrease in crop capacity was also caused by destruction of cattle breeding during collectivization, the collapse of the sovkhos system, the bureaucratic shortcomings in management of the new agrarian economy. The Stalin regime's response to the tragedy was tardy, inadequate and – at initial stage – it was culpable.

Keywords: famine, collectivization, peasantry, agriculture, State grain procurements, grain export.

Kornilov, G.E. Famine in 1932–1933 in the Ural Region: Factors and Scale.

The article written on the Ural materials analyzes the causes, factors and scale of famine in 1932–1933; considers its demographic consequences. The author believes that the collectivization led to a food crisis which in turn resulted in a major catastrophe in many regions of the country, including the Ural. Despite the food reserves that had been accumulated since the second half of the 1920s, the authorities could not use them effectively in order to save the starving population. The state provided inadequate aid assuming the actual scale of this disaster.

Keywords: agrarian sphere, peasantry, collectivization, food supply security, famine, Ural.

Hiroaki Kuromiya. Stalin and the Soviet People («Nrod»).

The author opposes the term «narod», which is a complex concept to render into English, to the bosses («nachal'niki»), and uses it as a synonym of the working people («trudiashchiesia»), excluding all kinds of the 'marginal people' – unemployed, dependents and the people of unfree labour. Taken together, the «narod» as used in this essay, accounted for the majority of the Soviet adult population. The paper demonstrates how the Soviet «narod» regarded the political regime represented by I. V. Stalin, and how Stalin, in turn, regarded the "narod" in whose name he ruled the country. Most of the time, Stalin and his associates tolerated the existence of 'enemies' to one degree or another, but when they deemed it necessary to remove them, they did so ruthlessly using the information collected by the police.

Keywords: Stalin's political regime, «narod», historical sources.

Dolgolyuk, A.A., Tsikunov, G.A. The Territorial Production Complexes: Past and Present.

The article summarizes historical experience of development in Siberia the new industrial areas in the form of territory production complexes (TPC). The author analyzes the current state of the TPCs, the socio-economic and demographic situations in the regions where they were located; gives a comparative analysis of theoretical grounds of TPCs and clusters, typical for the market economy; mentions that government and business circles seek for the new forms of partnership in order to solve the regional problems.

Keywords: territorial production complex, clusters, industry, construction, privatization, partnership between government and business.

Kazakova-Apkarimova, E.Yu. The Noble Meetings of Perm and Ekaterinburg in the XIX – early XX century.

The purpose of the article is to define the role of the Noble meetings in the social-cultural life of the Urals cities in the XIX – the beginning of the XX century. The author analyzes the genesis and evolution of the Noble meetings of Perm and Ekaterinburg and studies their activities, social structure, and shows their relations with the state administration.

Keywords: Blagorodnye sobraniya (Noble meetings), city, club, urban elite, balls, masquerades, concertoes, plays, lectures.

Yerokhin, V.V. The Establishment of the Orthodox Church in Maritime Territory (Primorye) in the second half of the XIX century.

The article characterizes the specific features of the initial stages of Christianization conducted by the Orthodox Church in the southern areas of the Russian Far East. The author compares the settlement process organized by the government with the goals of missionary activities of the Russian Orthodox Church; shows the preconditions which led to establishment of piscopate in the Maritime Territory.

Keywords: Orthodoxy, Far East, resettlement, Bishop Innocent Veniaminov, Koreans in Russia.

Shevtsov, V.V. «Tomsk Provincial Sheets» in the Case of the «Siberian Separatists» (1863–1865).

The article is devoted to G.N. Potanin and N.M. Yadrintsev activities in «Tomsk Provincial Sheets». The Siberian Oblastniki (Regionalists) could use one of the newspaper's sections (where the unofficial materials were published) as a press organ of their movement owing to the fact that D.L. Kuznetsov as an editor had already developed the proper direction for this edition. This period is defined as «pre-regionalist». The idea of original and autonomous development of Siberia was discussed on newspaper's pages within the framework of progress's idea popular in the times of Alexander II. The articles of G.N. Potanin and N.M. Yadrintsev were not written in opposition to the central and local administration and were intended, mainly, for the special audience, serving for purposes of its consolidation both within and outside Siberia.

Keywords: Siberian «Regionalists» [Oblastniki], «Tomsk Provincial Sheets», social movement in Siberia, Siberian Periodicals.

Vivdich, M.A. Foreign Capital Expansion in the Railway Construction in the Russian Far East (1902–1907).

The article throws light upon history of a failed attempt to organize concession for Trans-Alaska-Siberian Railway construction.

It shows the reasons for which the idea of concession was rejected; among the main reasons were the possibility of loosing the vast territories in the North-East of Siberia, the «great-power» mentality of the Russian political elite as well as very doubtful results of the project's feasibility study.

Keywords: colonization, Trans-Siberian railway, railway construction, foreign capital, concessions, Far East.

Liksokova, V.Ts. From the History of Archives in the Baikal Region (1918–1922).

The article is devoted to the archives' status during the Civil War in the Baikal region in 1918–1922; it describes the circumstances which made for the full or partial loss of institutions' archives, private collections, family archives. Thanks to the East Siberian Central Archive's employees activities, local historians and different kinds of enthusiasts a lot of documentary materials of the region were saved from destruction. All of them are concentrated in state repositories in the form of separate archive funds.

Keywords: archiving, documental materials, Siberia, Civil War, Soviet Power.

Esikova, M.M. Kolkhoz Life in the Central Chernozem Region in the Beginning of the 1930s.

The article considers the problems of organization of production and payment for labor in the kolkhozes of the Central Chernozem Region in the 1930s. The author shows that a very low level of incomes of collective farmers adversely affected the production figures of the kolkhozes. The introduction of «neo-NEP» didn't lead to any radical changes. Under these circumstances repressions were used as one of major «incentives».

Keywords: peasantry, collectivization, kolkhozes, repressions, agriculture, labour organization, «NEP».

Orlov, D.S. Specialization and Inter-farm Cooperation in Cattle Breeding of the Altai Region in the middle of the 1960s – 1st half of the 1980s.

The article analyzes the processes of specialization and inter-farm cooperation between Soviet agricultural enterprises conducted by the Soviet government in the middle of 1960s- the first half of the 1980s. The problems connected with this policy are shown by the example of cattle breeding sector in the Altai region. The author comes to conclusion that the policy of specialization and creation of inter-farm enterprises had controversial effects in the regional animal production and in general didn't obtain the planned results.

Keywords: specialization, inter-farm cooperation, cattle breeding, Altai region, agriculture.

Adamova, O.A., Chernov, D.V. Studies of youth in Russia in the XX century.

The article deals with history of youth studies in Russia, characterizes the main trends in scientific research conducted in this field of study. The author presents the main results of theoretical and empirical studies undertaken by the leading scientific schools which appeared in the 1960s-1980s; analyzes the present state and future trends in studying the youth problems.

Keywords: youth, social research, Komsomol, youth policy.

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ **(Требования к статьям и сообщениям)**

1. Представляемые в журнал статьи должны излагать новые, еще не опубликованные результаты гуманитарных исследований по направлениям:

- отечественная история;
- археология;
- этнография, этнология и антропология;
- историография, источниковедение и методы исторического исследования;
- история науки и техники;
- история международных отношений и внешней политики.

Принимаются статьи, документальные публикации, материалы обзорного и информационного характера, рецензии.

2. Автор представляет:

- заверенную рецензию доктора или кандидата наук по специальности;
- статью в файле в формате Microsoft Word (кроме Word-2007) (файлы с расширением doc или rtf);
- идентичный текст в печатном виде;
- краткую аннотацию (700–850 знаков с пробелами) на русском и английском языках, которая должна включать: фамилию автора, название, цель статьи, характеристику проблемного поля, перечень основных проблем, затронутых в статье, основные научные результаты, ключевые слова (не более 10);

Титул статьи должен содержать фамилию, имя, отчество, должность, ученую степень, место работы, служебный адрес, электронную почту, индекс УДК. Объем статьи не должен превышать 0,5 п.л. (20 тыс. знаков) с учетом пробелов, примечаний и объема аннотации, а также таблиц и рисунков; объем информационных заметок и рецензий – 0,2 п.л.

3. Статья оформляется со следующими параметрами:

- стандартный набор шрифтов Windows, кегль 14;
- если автор использует дополнительные шрифты, не входящие в основной набор Windows, эти шрифты должны быть записаны в электронном виде и переданы со статьей;
- межстрочный интервал – 1,5;
- не использовать макросы и стилевые оформления Microsoft Word;

Список литературы оформляется в конце статьи:

- названия работ приводятся в порядке упоминания;
- ссылки в тексте на упомянутые труды оформляются в квадратных скобках [1], при необходимости с указанием страницы [1, с. 21].
- сноски пояснительного характера, а также ссылки на архивы, рукописные собрания даются постранично с использованием последовательной нумерации (1...10 и т.д.), причем в тексте статьи номер сноски печатается в верхнем регистре;
- в публикациях документов могут быть использованы буквенные постраничные ссылки.

Графики и диаграммы представляются отдельными файлами, выполненными в Microsoft Excel 6.0/ 7.0/97/ 2000; иллюстрации в формате JPG.

4. От автора к публикации принимается не более одного материала в год. Рукописи, не удовлетворяющие указанным выше правилам, а также не принятые к публикации, авторам не возвращаются. Плата с аспирантов за публикацию не взимается. Статьи, поступившие в редакцию, проходят экспертизу членов редколлегии и при необходимости направляются на внешнее рецензирование. Мотивированный отказ в публикации отправляется автору по электронной почте после заседания редколлегии по очередному номеру. Корректурa не высылается. Гонорар за публикуемые материалы не выплачивается.

Полная текстовая версия выставляется <http://e-library.ru>

Web-страница журнала: www.sibran.ru/gumnw.htm; www.history.nsc.ru/hum.htm.

Рукописи направлять по адресу:

*630090, Новосибирск, ул. Николаева, 8,
Институт истории СО РАН, к. 301.
Редакция журнала «Гуманитарные науки в Сибири».
E-mail: gumnauki@gmail.com*

Уважаемые читатели!

Сообщаем вам, что с 2010 г. по решению Объединенного ученого совета по гуманитарным наукам СО РАН профиль журнала изменен, а именно, включаются публикации для следующих специальностей: «отечественная история», «археология», «этнография, этнология и антропология», «историография, источниковедение и методы исторического исследования».